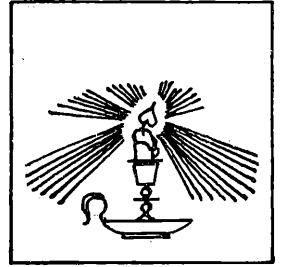

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА 1830

ЛИТЕРАТУРНАЯ
ГАЗЕТА
1830

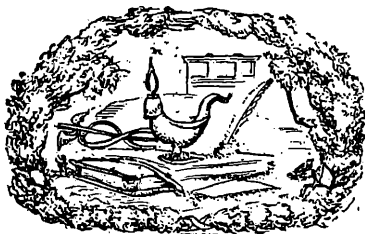

ЛИТЕРАТУРНАЯ
Г А З Е Т А

ИЗДАВАЕМАЯ

БАРОНОМЪ ДЕЛЬВИГОМЪ

ТОМ I

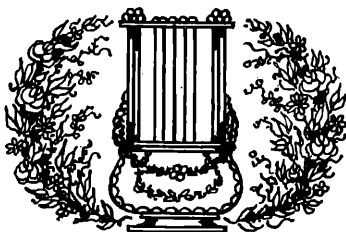
САНКТ ПЕТЕРБУРГЪ

ВЪ ТИПОГРАФИИ КАРЛА КРАЙД

1 8 3 0.

**ЛИТЕРАТУРНАЯ
Г А З Е Т А
А.С. ПУШКИНА И А.А. ДЕЛЬВИГА**

1830 ГОД №1-13

МОСКВА
«СОВЕТСКАЯ РОССИЯ»
1988

Послесловие и общая редакция
доктора филологических наук **В. Н. Касаткиной**

Подготовка текста и комментарии
кандидата филологических наук **Т. К. Батуровой**

Художник
Э. Насибулин

**«Литературная газета» А. С. Пушкина и
Л64 А. А. Дельвига 1830 года (№ 1—13)/Послел.
и общая ред. В. Н. Касаткиной. Подгот. текста и
коммент. Т. К. Батуровой.— М.: Сов. Россия,
1988.— 256 с., ил.**

«Литературная газета», издававшаяся А. А. Дельвигом в 1830 году, сыграла выдающуюся роль в истории русской литературы и общественной мысли. На ее страницах печатались произведения лучших писателей и поэтов того времени: А. С. Пушкина, П. А. Вяземского, Е. А. Баратынского, Ф. Н. Глинки и др.

В подготовке и редактировании первых тринадцати номеров «Литературной газеты», составивших настоящую книгу, непосредственное участие принимал А. С. Пушкин.

Переиздание осуществляется впервые.

Л 4702010100—232 96—87
М-105(03)—88

Р1

ISBN 5—268—00334—8

© Издательство «Советская Россия», 1988 г.

Цель сей газеты — знакомить образованную публику с новейшими произведениями литературы европейской, и в особенности российской¹.

Статьи, входящие в «Литературную газету», суть следующие:

1) *Проза*. В это отделение будут входить статьи исторические, повести оригинальные и переводные, отрывки из романов и т. п.

2) *Стихотворения*. Здесь будут помещаться произведения полные и отрывки из больших поэтических сочинений.

3) *Библиография русская и иностранная*. К известиям о книгах будут присовокупляться замечания, более или менее обширные, смотря по важности предмета и по достоинству сочинения; местами же и любопытные выписки, особливо из книг иностранных.

4) *Ученые известия*. Об открытиях, изобретениях по части наук и искусств, о новых теориях, о замечательнейших учебных курсах; о важнейших путешествиях, изысканиях древностей и т. п.

5) *Смесь*. В этом отделении будут помещаться разные известия, не относящиеся до учености и политики; новейшие анекдоты², объявления, статьи о театре, короткие замечания и проч.

NB. При всех сих отделениях, по принадлежности, будут иногда прилагаться чертежи, картинки, географические карты и ноты³.

Издатель⁴ признает за необходимое объявить, что в газете его не будет места критической перебранке⁵. Критики, имеющие в виду не личные привязки, а пользу какой-либо науки или искусства, будут с благодарностью принимаемы в «Литературную газету».

Разнообразие и занимательность будут главнейшим предметом трудов и попечений издателя. Литературные произведения в прозе и стихах, библиография и смесь будут постоянно входить в состав каждого №.

Писатели, помещавшие в продолжение шести лет свои произведения в «Северных цветах», будут постоянно участвовать и в «Литературной газете». (Разумеется, что г.г. издатели журналов, будучи заняты собственными повременными изданиями, не входят в число сотрудников сей газеты.)⁶ Всякая статья, сообразная с целью газеты, будет с благодарностию принята.

«Литературная газета» будет выходить чрез каждые пять дней, нумерами в один печатный лист большого размера. В течение года сих

№ будет издано 72. Первый № выйдет в свет 1-го января 1830 года. Цена годовому изданию 35 руб., с пересылкою в другие города и разносной по домам 40 руб. Подписка принимается: в книжных магазинах И. В. Слёнина⁷, на Невском проспекте, в доме Имзена, у Казанского моста, № 23 и А. Ф. Смирдина⁸, на Невском же проспекте, в доме лютеранской церкви и у Синего моста, в доме г-жи Гавриловой; у книгопродавца И. И. Заикина⁹, против зеркальной линии Гостиного двора, в доме Г. М. Балабина, в книжных лавках под № 18 и 28-м. В Москве: у комиссионера императорского Московского университета, А. С. Ширяева¹⁰ и в конторе московского телеграфа. Г.г. иногородные благоволят относиться в газетную экспедицию С.-петербургского почтамта.

СРЕДА.

ТОМ. I. № I.

ЯНВАРЯ 1го.

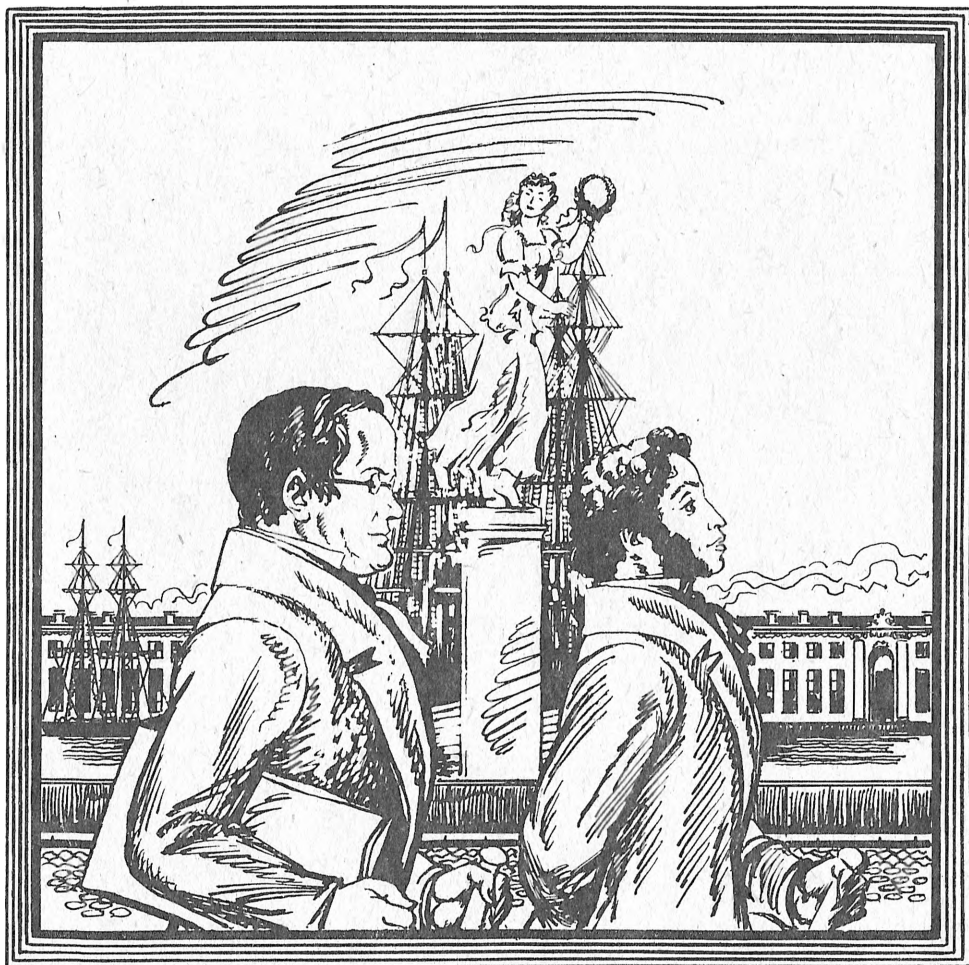
ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА.

Выходит
через
каждые пять дней.

1830 ГОДЪ.

Цена годовому изданію,
состоящему изъ 72 къ
№. нъ С. П. Б. 35 руб.
съ пересылкою и разно-
ской 40 рублей.

Во Январь Газета сія выходит въ следующие дни: 1-го числа (въ Среду), — 6-го (въ Понедѣльникъ) — 11-го (въ Субботу), — 16-го (въ Четвертокъ), — 21-го (въ Вторникъ), — 26-го (въ Воскресенье) и 31-го (въ Пятницу).

МАГНЕТИЗЕР

(отрывок из нового романа,
соч. Антония Погорельского)¹

ГЛАВА I

Пермской губернии, в городе Екатеринбурге, в одном доме — которого местоположение по известным мне причинам я означить не намерен, — ввечеру часу в восьмом, на большом четвероугольном столе, покрытом ярославскою алою с белыми узорами скатертью, дымился огромный самовар из красной меди. На самоваре стоял большой серебряный чайник старинной чеканной работы, с выгнутым круглым носиком. Подле самовара, на большом овальном жестяном подносе, на котором довольно искусно изображено было красками изгнание из рая Адама и Евы, установлено было несколько чашек белого фарфора, с нарисованными на них тюльпанами, незабудками и розами. Тут же, подле фарфорового молочника с густыми желтыми сливками, лежало ситечко из плоской серебряной проволоки. Немного подалее блестящий хрустальный графин, с лучшим ямайским ромом, стоял подле серебряного стакана, в котором вправлены были русские медали, выбитые в память различных знаменитых происшествий. Большая серебряная корзина резной работы наполнена была сухарями.

Все сии предметы освещены были двумя сальными свечами в серебряных шандалах², а самый стол, на котором все это было расставлено, стоял перед диваном красного дерева, обтянутым черным сафьяном, в иных местах немного потертым, и обитым гвоздичками с круглыми медными головками.

На диване против самовара сидела женщина средних лет, довольно дородная. Брови у нее были черною дугою, глаза большие голубые, обыкновенно потупленные в землю, что придавало ей вид скромности. Голова ее была повязана голубым шелковым платком с бахромчатою каймою, уши украшены длинными серьгами из мелкого жемчуга. На плеча накинута была черная атласная шаль с воротником, обшитым широкими кружевами. Подле нее, против серебряного стакана, сидел мужчина лет пятидесяти, в кафтане из тонкого синего сукна: на груди его, из-под широко расчесанной темно-русой бороды, светлелась золотая медаль на алой ленте⁴; красный носовой платок с синими полосками и тульская серебряная табакерка с чернью лежали подле него на диване. В руках держал он тоненькую книжку в цветной обертке и, казалось, читал с большим вниманием.

Против них на стуле сидела молодая прекрасная девушка лет девятнадцати. Она одета была просто — впрочем, по новейшей моде; но в ушах ее блистали бриллианты высокой цены, лилейная шея украшалась несколькими рядами крупно-

го, ровного жемчугу, а длинные каштановые волосы сдерживаемы были на голове гребнем, драгоценными камнями украшенным. Все приемы и вообще наружность ее показывали тонкую образованность, приобретаемую в обществах Петербурга и Москвы. Увидев ее в настоящем положении, иной подумал бы, что она в глухой Сибирский край и в этот дом перенесена из столицы какую-нибудь волшебною силою. Она погружена была в задумчивость и не замечала нежных взглядов, бросаемых на нее от времени до времени дородною женщиною, которая, казалось, любовалась ее красотою. Внимательный наблюдатель тотчас узнал бы в этих двух особах мать и дочь.

— Полно тебе читать, Анисим Аникеевич,— сказала дородная женщина.— Уж мне, право, эти петербургские журналы!.. Как придет почта, так дня два к нему и приступу нет. Смотри, уж самовар скоро выкипит; чай настоялся, как пиво доброе, а ты и не принимался еще пить!

— Тотчас, Гавриловна! — вымолвил Анисим Аникеевич, не сводя глаз с книжки и подавая ей серебряный стакан.— Пашенька,— продолжал он,— сочкни-ка со свечки.

Молодая девушка поспешила исполнить его приказание. «Верно что-нибудь интересное, батюшка!» — сказала она.

— Да такое интересное,— отвечал с жаром Анисим Аникеевич, положив на диван раскрытую книгу, а на нее серебряную табакерку с чернью,— такое интересное, что я отроду не слышал, да и во сне мне не грезились!

— Ах, мои матушки! — вскричала Степанида Гавриловна,— уж не опять ли было наводнение в Питере?

— Не наводнение, матушка, а наваждение, если это, прости господи, не враки! Дело идет о каком-то магнетизме⁵.

Слыхала ли ты про него, когда была в Петербурге, Пашенька?

Пашенька вздрогнула, как будто вспомнила о чем-то страшном и отвратительном. «Слыхала, батюшка!» — сказала она вполголоса.

— Рассказывай, что такое? — вскричал Анисим Аникеевич и опять поставил на стол серебряный стакан, поднесенный уже к губам.

— Года четыре тому назад,— начала рассказывать Пашенька,— когда только что взяли меня из пансиона, я часто бывала в доме графини N***. У них была горничная девушка, которая вдруг впала в странную и необыкновенную болезнь. Звали ее Катериной. Катерина, сначала редко, потом чаще, наконец раза два или три в день получала припадки, во время которых она плакала, смеялась, говорила, бог знает что, чего после сама никак не помнила! Припадки эти оканчивались обыкновенно конвульсиями...

— А что это такое, конвульсии? — спросила Степанида Гавриловна.

— Конвульсии,— отвечал Анисим Аникеевич с приметным нетерпением,— не что иное, как кривлянья,— вот как ты кривляешься, когда страдаешь животом...

— Конвульсии не то, что кривлянье,— подхватила Паша, вступая за мать,— это род судорог...

— Знаю, мой друг, знаю,— прервал ее отец, качая головою.— Продолжай, Пашенька.

— Припадки Катерины обыкновенно оканчивались конвульсиями, на которые страшно было смотреть! Мне несколько раз случилось видеть эти конвульсии, и от одного воспоминания у меня на голове волосы шевелятся! Вообразите себе, батюшка, что в продолжение этих конвульсий двое мужчин не в состоянии были ее удержать; она так изгибалась, что никто не мог смотреть на нее без

ужаса! Иногда голова ее заворачивалась назад, так, что сходилась почти с ногами...

— Упаси господи! — вскричала Гавриловна. — Пашенька! да она верно была беснующаяся?

— И в Петербурге многие так⁶ полагали, — сказала Паша.

— Вот видишь, Анисим! — опять вскричала Гавриловна, — стало быть, я еще не совсем пошлая дура! И в Петербурге верят беснующимся...

— Ах, матушка! кто говорит, что ты дура? — сказал с досадою Аникеевич. — Я знаю, что ты умна, чересчур умна! (Надоела, как горькая редька, — проворчал он себе под нос). Продолжай, Пашенька!

(Окончание в следующем №).

Другие дни, другие сны;
Смирились вы, моей весны
Высокопарные мечтанья,
И в поэтический бокал
Воды я много подмешал.

Отрывок из VIII главы Евгения Онегина⁷.

Прекрасны вы, брега Тавриды⁸,
Когда вас видишь с корабля
При свете утренней Киприды,
Как вас впервой увидел я;
Вы мне предстали в блеске брачном:
На небе синем и прозрачном
Сияли груди ваших гор,
Долин, деревьев, сел узор
Разостлан был передо мною.
А там, меж хижинок татар...
Какой во мне проснулся жар!
Какой волшебною тоскою
Стеснялась пламенная грудь! —
Но, муза! прошлое забудь:

Какие б чувства ни таились
Тогда во мне — теперь их нет:
Они прошли иль изменились...
Мир вам, тревоги прошлых лет!
В ту пору мне казались нужны
Пустыни, воли края жемчужны,
И моря шум, и груди скал,
И гордой девы идеал,
И безыменные страданья...

Иные нужны мне картины:
Люблю песчаный косогор,
Перед избушкой две рябины,
Калитку, сломанный забор,
На небе серенькие тучи,
Перед гумном соломы кучи
Да пруд под сенью ив густых,
Раздолье уток молодых;
Теперь мила мне балаалайка
Да пьяный топот трепака
Перед порогом кабака.
Мой идеал: жена хозяйка,
Мои желанья: покой,
Да шей горшок, да сам большой.

Порой дождливою наемни
Я, завернув на скотный двор...
Тьфу! прозаические бредни,
Фламандской школы пестрый сор!
Таков ли был я, расцветая?
Скажи, фонтан Бахчисарая!
Такие ль мысли мне на ум
Навел твой бесконечный шум,
Когда безмолвно пред тобою
Зарему я воображал...

А. Пушкин.

О ЦВЕТКЕ

(Глава из особого
сочинения о природе)⁹

Цветок в начале своем, пока он еще не раскрылся, представляется в виде *распукольки* (bouton).

Каждый из них всегда утверждён на особом стебельке или *ножке* (pedicelle), вершина коей, где помещаются несколькими кругами части цветка, называются *ложем* (receptacle).

В то время, когда цветок бывает еще распуколькою, его части сжаты, стеснены и закутаны в особых сомкнутых листиках зеленого цвета. Собрание сих листиков называется *чашечкою* (calice). Это первая, самая наружная часть цветка. Раскрытием оной начинается расцветание. Тогда распускаются другие листики, более нежные по своему составу, разнообразнее и красивее по своим формам и уже не зеленые, но покрашенные и испещренные, иногда весьма блестящими красками. Листики сии, называемые *лепестками* (pétale), составляют собою вторую, самую нарядную часть цветка — *венчик* (corolle). Они, подобно листикам чашечки, бывают иногда отделены друг от друга, напр. у розы, гвоздики, левкоя; иногда сливаются своими краями в один сплошной круг, как у синели¹⁰, ясмينا¹¹. Таким образом чашечка и венчик занимают окружность ложа и составляют в цветке *двойной полог* (régione double). У некоторых однако же цветков они как бы сливаются в один *простой полог* (régione simple), то блестящий красками венчика — у лилии, тюльпана, нарцисса и других лилейных растений; то зеленый и некрасивый — у крапивы, лебеды; иногда же снаружи зеленый, как чашечка, а на внутренней

стороне цветной, подобно венчику, напр. у альбуки¹², орнитогиала¹³.

Теперь посмотрим внутрь цветка. Там находим двоякого рода части, кои наши ботаники издавна называют не весьма звучными, но, к сожалению, вкоренившимися именами *пестиков* (pistil) и *тычинок* (étamine). Первые из них занимают самую средину цветка; основание их, названное *завязью* (ovaire), наполненное семенными пузырьками и обыкновенно округлое, вытягивается в *столбик* (style) и оканчивается *устьем* (stigmaté). Вокруг их расположены тычинки, из коих каждая представляет *нить* (filet) или нежный, однородный с венчиком стебелек, поддерживающий собою *пыльник* (anthere) или головку, наполненную *цветочною пылью* (pollen) — обыкновенно золотистого цвета.

Сии части устроены весьма разнообразно и красиво; но они не столь заметны с первого взгляда и не останавливают на себе простого внимания, которое весь цветок видит только в цветном венчике. Между тем они составляют главное в цветке — его сущность; а венчик и чашечка суть только покровы их и наружное убранство. Природа дала им сей скромный вид, как бы с намерением отвлечь от них зазорное внимание простолюдинов великолепием венчика и сим блестящим покровом закрыть от него тайну цветка, открытую для воображения чистого.

Тайна сия есть любовь. Период цветения для растения есть та пора жизни, когда оно готово жертвовать бытием своим для других ему подобных существ, когда оно устремляет к сей цели все силы свои, собирающиеся в цветке. И никогда жизнь растения не бывает так деятельна, пламенна и роскошна, как здесь, где достигает она высшей степени своего развития, образования и совершенства. Цветение есть брачное торжество жизни растения; а цветок есть тот чертог,

где торжествуется любовь его так прекрасно и открыто, пред лицом солнца. Очень многие цветки смыкают на ночь свой полог, как бы укрываясь подозрительного мрака. Мало таких, кои Флора, скрывая от светозарного Феба, поверяла бы звездной богине. В пример сих растений *днеспящих* здесь можем привести *ночную красавицу*, *Caetus grandiflorus* и две, три *силены*.

Благовонные вещества, кои до тех пор растения как бы про себя таили в своих сокровенных клеточках, во время цветения испаряются и наполняют воздух эфиром упоительных благоуханий (1). Цветение некоторых растений сопровождается приметною теплотою (2). Большая часть цветков источают из сока своего сладкий *нектар*, для коего у многих есть особые сосудцы, или *нектарники*, у других же сам венчик становится пиршественным фиалом¹⁴. На праздник цветения прилетают разноцветные мотыльки любоваться своим подобием, слетаются и другие крылатые гости,—

«...мошки, жучки — молодую поздравить;
Пляшут, толкутся кругом, припевают ей:
многие летат!»

Домовитые пчелы возвращаются с сего пира в свои ульи с сладким запасом для душистых сотов.

Наконец, когда цветок достигнет полной зрелости, то цветочная пыль, как будто от избытка жизни, исторгается из пыльников, отделяется от всего растения и золотистым облачком упадает на пестик, который приемлет живительную влагу ее своим устьем и проводит оную чрез столбик в свое основание. В находящихся там семенных пузырьках, от влияния сей пыли, зачинаются зародыши новых растений, с чем вместе и сам пестик начинает превращаться в плод. Так солнце, изливая живительный свет на планеты свои, возбуждает их к новым действиям и образованиям.

Нельзя надивиться благодатной природе; глядя, с каким заботливым предвидением печется она о цветке, особенно в сие время, как располагает она устройством его и движениями, позволяет даже насладиться на миг чувствием и произволом — сею *животною*, но для растения высочайшею жизнью, коей оно непричастно в другое время; ибо растениям принадлежит только *самобытность*, тогда как животные имеют еще *самодвижимость*, а человек над всеми возвышается своим *самопознанием*.

Для сей-то цели природа у большей части растений соединяет тычинки с пестиками в одном цветке, производя их в нарочитом множестве. У немногих растений, названных *однодольными* (*мопоіques*), сии части разлучены особыми цветками, сидящими впрочем на том же стебле.— Еще менее растений *двудольных* (*диоіques*), у коих тычинки и пестики (3) сидят порознь, не только в особых цветках, но на особых экземплярах. Кажалось бы, что *опыление* и судьба будущего поколения таких растений совершенно преданы случаю; но у них всегда есть свои прислужники — насекомые. Сначала прилетают они к тем цветкам, где тычинки (4), и, доставая из них нектар, захватывают пыль, с которою потом, как бы подкупленные, летят к тем цветкам, где пестики и где ждет их новая награда за услугу. Иногда разрозненные цветки поверяют любовь свою летучему ветру и с ним пересылают залог ее. И не это ли непорочная любовь Зефира и Флоры, о которой говорит нам цветущая мифология древних?

Взглянем теперь на цветок, в сравнении его с остальным растением. Если корень, стебель и листья вместе составляют *стан* растения (5), то цветок и последующий из него плод можно назвать главою и лицом его. Голова у животных,

как местопребывание высших чувств, более или менее совершенным образованием своим, показывает степени их совершенства: низшие животные без головы; глава человека отличается наиболее выдавшимся челом и самым прямым *углом лица*. То же сказать можно о цветке и растениях. Низшие растения (каковы грибы, поросты, мхи и папоротники) либо совсем не имеют цветков, либо только сомнительные, без микроскопа не видимые начатки оных, и называются потому *тайноцветными* (*cryptogames*). Растение с цветками или *ясноцветными* (*phanérogames*) составляют высшую область растительного царства; и чем полнее образован цветок, чем сложнее и отдельнее одна от другой части его, тем к высшему относится он разряду в сей области.

Как лицо человека есть зеркало души его, — краснея и бледнея, выражает состояния и движения душевные, так свет — душа растений — отражается в *радужном сиянии* цветков, в их движениях, за течением солнца следующих. В цветках найти можно, кажется, все возможное разнообразие и пестроту красок, все переливы и оттенки их, — и только черный цвет, как цвет мрака, несвойствен сим живым подобиям солнца на земле, которое представляют они и лучисто-круговую или звездчатую форму. Весьма любопытно наблюдать эту пленительную игру красок, кои меняются иногда в одном и том же цветке в течение суток. Так у *Gladiolus versicolor* цветки, поутру бурые, в продолжение дня становятся светло-голубыми, ночью опять по-прежнему, и это изменение продолжается около недели. У *Hibiscus mutabilis* венчики, утром белые, в полдень имеют телесный цвет, а к вечеру покрываются румянцем розы. Синие цветки некоторых ипомей¹⁵ в течение дня переходят в красный либо фиолетовый цвет. У иных растений замечено явление друго-

го рода: быв *насвещены* ярким сиянием солнечным, они издавали из себя сияние ночью, подобно алмазу, светящемуся в потемках после сильного освещения. Линнеева¹⁶ дочь видела первая это на цветках красоли (*sarucine*)¹⁷; после замечено было это у ноготков (в старину называвшихся *сестрою солнца*): вообще на цветках яркого желтого, как бы огненного цвета. — Все показывает сочувствие цветка со светом! Планета и солнце равно отразились в растениях, и цветки можно назвать первым разговором земли с небом.

Таково значение цветков, коими украшена земля, как небо звездами!..

М. Максимович.

Примечания.

- (1) У ясенца (*Dictamnus fraxinella*) в таком количестве испаряется эфирное масло, что вокруг них загоралось оно от приближения пламени.
- (2) Сие замечено было на *початке* (*spadix*) некоторых аронников (*Arum italicum, cordifolium*); также у пандана.
- (3) Цветки с одними тычинками называются *мужескими*, а с одними пестиками — *женскими*.
- (4) Тычинки у весьма многих растений созревают раньше пестиков, что у ботаников называется *Dichogamia*.
- (5) См. главу «О жизни растений», помещенную в «Московском вестнике» 1828 года.

БИБЛИОГРАФИЯ

Русские книги

Собрание сочинений и переводов Дениса Ивановича Фон-Визина. — 2 ч. в 12-ю долю листа. М., в универ. типогр. 1829¹⁸.

Появление сей книги вызвало одного из родственников покойного Дениса Ивановича Ф. Визина¹⁹ напечатать в «Московских ведомостях» (см. № 85-й, от 28 октября 1829 года) следующее объявление: «С одной стороны, уважение к памяти родного дяди моего, Дениса Ивановича Фон-Визина, а с другой, обманутое общество налагают на меня непрременную обязанность объявить, что я, нижеподписавшийся, как ближайший родственник покойного, имел честь представить на благоусмотрение Московского Ценсурного комитета, что книга, под названием «Сочинения и переводы Дениса Ивановича Фон-Визина», печатанная в университетской типографии, в 2-х частях, в 12-ю долю листа, и продающаяся здесь, в Москве, у книгопродавца и комиссионера Императорского Московского университета, Александра Сергеевича Ширяева, издана с повреждением текста, долженствовавшего оставаться неприкосновенным, с выпусками, с переменами оглавлений, с статьями без начала и конца, с бесчисленным множеством всякого рода ошибок и заключает в себе обезображенные сочинения бессмертного творца «Недоросля». Почему из вышеписанного справедливо заключить можно, что помянутая книга, нанося бесславию памяти сочинителя, под именем которого

она выдана, ни в каком отношении не может удовлетворить ожиданию просвещенных любителей отечественной словесности. Отставной полковник и кавалер Иван Александров сын Фон-Визин».

В первой части «Собрания сочинений и переводов Д. И. Фон-Визина» (содержащей в себе XVI — 246 стр.) помещены: биография Ф. Визина, весьма неполная, написанная вяло и сбивчиво, и некоторые из его произведений, добавленные ненужными примечаниями из разных книг, где они прежде были помещены, и искаженные множеством всякого рода опечаток. Из переводов в этом собрании напечатан только один: «Похвальное слово Марку Аврелию», соч. Томаса. Во второй части (120 и 156 страниц) напечатаны комедии «Бригадир» и «Недоросль».

В утешение любителей отечественной словесности и почитателей памяти Д. И. Фон-Визина скажем, что в Москве готовится к изданию новое, полное, исправное и благовидное собрание сочинений его, в котором будут, кроме известных уже, помещены следующие произведения, никем еще не напечатанные: 1) Три письма из Монпелье к графу Панину; 2) Письмо к нему же, из Рима; 3) Двадцать писем к сестре, писанных во время путешествия; 4) Окончание второй и третья глава «Исповеди»; 5) «Разговор у княгини Халдиной»; 6) «Выбор гувернера», комедия в 3-х действиях; 7) «Наставление дяди своему племяннику»; 8) Окончание письма Вязькина; 9) Письма к г. Булгакову; 10) Письмо сочинителя «Недоросля» к Стародуму; 11) Прибавления к комедии «Недоросль». К сему новому собранию сочинений²⁰ будет приложена биография Фон-Визина, написанная князем П. А. Вяземским²¹. — Отрывок из сей весьма замечательной статьи и одно из не изданных доселе сочи-

нений Ф. Визина («Разговор у княгини Халдиной») будут помещены в следующих № «Литературной газеты».

С а н ь-ц ы-ц ы-ц ы н и л и Т р о е-
с л о в и е, с литографирован-
ным китайским текстом. Пе-
реведено с китайского мона-
хом Иакинфом.— С.П.б., в ти-
погр. Х. Гинца, 1829. (83 стран.
в боль. 4-ю долю л.)²².

Ученый наш ориенталист, отец Иакинф Бичурин²³, нашел лучший способ отвечать заграничным своим критикам: он напечатал свое предположение «Китайской энциклопедии для детей», вместе с китайским текстом сей книги. Таким образом все истинные и мнимые знатоки языка китайского могут слышать перевод с подлинником и говорить уже не наобум, не по догадкам, но основываясь на самой сущности дела и на явных, неоспоримых доказательствах, т. е. с обоими текстами в руках.

«Сань-цзы-цзин», в собственном смысле, значит: «Священная книга из трех иероглифов», ибо каждый стих ее состоит из трех иероглифов или слов. Она сочинена в XIII столетии. Вот что сказано о ней в предисловии китайском: «Сань-цзы-цзин» есть краткая детская энциклопедия, сочиненная ученым Ван-бо-хэу, жившим в конце династии Сун. Начав изъяснением пяти стихий и четырех годовых времен в обращении неба, он далее говорит

о трех связях и пяти добродетелях в поступках человеческих и наконец со всею полнотою излагает порядок династий, одна за другою следовавших, происхождение священных книг и истории, способы к воспитанию юношества, постепенность к высшим успехам, изящные правила, достойные последования, похвальные примеры, достойные подражания. Слог в ней краток, но смысл полон; выражения просты, но мысли глубоки. Сия книжка поистине заслуживает, чтоб изучало оную юношество».— Книгу сию о. Иакинф перевел и издал с тою целью, чтоб она могла служить для русских руководством к чтению переводов с китайского языка; ибо в ней изложены все философические умствования китайцев, с изъяснением понятий и выражений, не знакомых европейцам и могущих затруднить их при чтении других китайских книг. Текст подлинника разделен на семь перпендикулярных строк, из коих в каждой помещается четверостишие, заключающее в себе афоризм, а часто какое-либо применение или пример исторический. В конце сей стихотворной энциклопедии в русском издании напечатано *изъяснение текстов*, находящееся в подлиннике пекинском под самими текстами; но переводчик, нашед невозможным удержать сей порядок, решился изъяснения сии напечатать отдельно.

Читателям русским, конечно, любопытно будет познакомиться с понятиями и правилами, какие преподаются юношеству *Серединного* или *Небесного царства*. Книга сия вполне удовлетворит их любопытство. Выписываем из нее три первые четверостишия, коими начинается «Троесловие».

«Люди рождаются на свет
Собственно с доброю природою:
По природе взаимно близки,
По навыкам взаимно удаляются.

Если не научать,
То природа изменяется;
Способ же научения
Требует всей тщательности.

В древности мать (философа) Мын-цзы
Избирала жилище по соседям.
Сын перестал учиться,
Мать перерезала основу».

В *изъяснениях* сего текста сказано: «Мать его (философа Мын-цзы) жила по близости скотобойни. Мын-цзы, в детстве часто резвясь близ оной, приучался от мясников скотобойным ухваткам. Мать сказала: «Здесь нельзя сыну моему жить»,— и, переехав за город, поселилась близ кладбищ. Мын-цзы, резвясь, подражал действиям погребавших и плачущих. Мать опять сказала: «И здесь нельзя моему сыну жить»,— и переселилась на житье подле училища. Мын-цзы рано и поздно учился правилам вежливости и уступчивости. Мать сказала: «Здесь можно мне обучать сына»,— и осталась тут жить. И посему-то есть пословица: «Для обращения выбирай друга, для житья выбирай соседа». Далее: «Мать философа Мын-цзы занималась пряденьем и тканьем. Мын-цзы, подросши, перешел жить к учителю; но вдруг заленившись, возвратился домой.

Мать, взявши нож, отрезала основу. Мын-цзы, испугавшись, с коленоприклонением спросил о причине. Мать сказала в ответ: «Ученье твое подобно моему тканью. С умножением ниток составляется дюйм, с умножением дюймов фут. Дюйм к дюйму, фут к футу, и выходит целая холстина. Ты начал учиться, чтоб сделаться мудрым, но соскучив и заленившись, оставил ученье: так как и я теперь, не кончив холстины, перерезала основу». Мын-цзы, тронутый сим наставлением, опять пошел учиться у Цзы-сы».— Таковых *изъяснений* по крайней мере по одному есть на каждое четверостишие, а на многие из них и по несколько. О. Иакинф местами присовокуплял к ним и свои собственные примечания, кои не менее любопытны, ибо знакомят нас с подлинным значением всего того, чего китайцу не нужно было пояснять своим единоземцам.

А Л Ь М А Н А Х И

на 1830 год²⁴

Северные Цветы на 1830 год.
С.П.б., в типогр. департ. народ.
просвещ. 1829. (407 стр. в 16-ю
дол.)²⁵.

Отделение прозы сего альманаха содержит следующие статьи: 1) «Обозрение русской словесности за первую половину 1829 года», соч. Сомова; 2) «Киргизский набег», соч. А. П. Крюкова²⁶; 3) «Вступление большой действующей армии на позицию при с. Тарутине» (отрывок из истории

1812 года), соч. Ф. Н. Глинки²⁷; 4) «Кикимора, рассказ русского крестьянина на большой дороге», соч. Сомова; 5) «Отрывки из путевых записок», соч. княгини З. А. Волконской²⁸; 6) «Отрывок из литературных летописей», соч. А. С. Пушкина²⁹ и 7) «Вор, арабская повесть», перев. О. И. Сенковского³⁰. — В отделении поэзии помещено 52 стихотворения. Выписываем здесь оглавление оных, с именами сочинителей. *Арз. «Эпиграмма»*³¹. *Баратынского*³²: «Эпиграмма», сцена из поэмы «Вера и неверие», «Муза». *Кн. Вяземского*: «Слеза». *Ф. Н. Глинки*: «Не наша сторона», «Псалом LXXVII», «Дева и видение», «Царь и мудрец». *Деларю*³³: «Поэт», «К Неве», «Ангелу хранителю», «Слеза любви». *Барона Дельвига*: «Четыре возраста фантазии», «Отставной солдат», русская идиллия, «Грусть», «Слезы любви», «Русская песня», «Малороссийская мелодия», «Удел поэта», «Изобретение ваяния», идиллия. *А. Е. Измайлова*³⁴: басни «Скотское правосудие», «Обманчивая наружность». *Катенина*³⁵: «Элегия». *И. И. Козлова*³⁶: «К тени ее», «Из Байронова «Дон-Жуана». *И. П. Котляревского*³⁷: «Малороссийская песня». *Ободовского*³⁸: «Эрминия», сельская элегия. *Подолинского*³⁹: «Противоположности», «Гурия». *А. С. Пушкина*: «Отрывок из 7-й главы «Е. Онегина», «Зимний вечер», «Эпиграмма», «Олегов щит», «2-го ноября», «К**», «26 мая 1828», «Я вас любил», «К N.». *Барона Розена*⁴⁰: «Путь любви», «Венчальный обряд», «Могильная роза». *Ротчева*⁴¹: «В альбом К. Н. У-ой». *Теплякова*⁴²: «Странники». *В. И. Туманского*⁴³: «Спаси меня», «Pensée». *Ф. А. Туманского*⁴⁴: «Родина». *Хомякова*⁴⁵: «Прощание с Адрианополем». *Шемиота*⁴⁶: «Друзьям». *Шишкова 2-го*⁴⁷: «Эльфа». Без подписей сочинителей: «Сцена из трагедии Шекспира «Ромео и Юлия», «Элегия». К «Северным цветам» 1830 года прило-

жена заглавная виньетка, рисованная г. Лангером⁴⁸ и гравированная г. Ческим⁴⁹, и тисненый листок для надписания*.

Альманах Анекдотов. — С.П.б., 1830, в типографии путей сообщения (XX — 708 стр. в 16-ю д. л.)⁵⁰.

Анекдоты, помещенные в сей книжке, по большей части стары. Слог перевода тоже не нов: он напоминает «Спутников и собеседников» и «Товарищей разумных и замысловатых» прошлого века⁵¹.

УЧЕНЫЕ ИЗВЕСТИЯ⁵²

Письмена вавилонские. Английский ориенталист г. Прайс (Price), во время своего путешествия в Персии⁵³, приобрел рукопись, которой буквы соответствуют буквам копьсообразного почерка. После такого открытия г. Прайс продолжал свои исследования; и 2-е издание путешествия его заключает в себе новые пояснения по сему предмету. Он разобрал несколько надписей персепольских; и если мы примем в соображение, каким быстрым изменениям подверглись языки европейские в течение нескольких веков, то не можем

* Цена сему альманahu в Петербурге 12 руб., с пересылкою в другие города 13 руб. Продается у г. г. Сленина, Смирдина и прочих книгопродавцев. — Все постраничные примечания принадлежат «Литературной газете». — *Ред.*

без удивления видеть сходства между некоторыми словами древнего языка персепольского и подобнозначимыми словами нового персидского языка. Что касается до глиняных цилиндров, покрытых персепольскими письменами и бывших для антиквариев предметом многих исследований, то г. Прайс почитает их тогдашним способом печатания, служившим к размножению списков какого-либо текста. Вот первый текст сего рода, переведенный на европейский язык: «Счастливец человек, который под домашним кровом своим может являть сердце чистое и не оскверненное пороком: ибо грехи, им творимые, будут сочтены в обители небесной. Истина и чистосердечие суть наши опоры. О Боже! в день разрушения нашего бытия удали от нас гнев твой! Молитвы тиранов будут им не в пользу при смерти: не должны ли они будут дать ответ за свои преступления?»

Ботаника. Исчислено, что на острове Шпицбергене, лежащем около 20-го градуса северной широты, находится только 30 видов разных растений. В Лапландии, лежащей под 60 градусом, видов сих 534; на Исландии (под 65°) оных 553; в Швеции, на протяжении от южных оконечностей Лапландии до 55°, видов растений 1300; в Бранденбурге, между 52 и 54°, — 2000; в Пьемонте, между 43 и 46°, — 2800; на Ямайке, между 17 и 19°, — 4000, а на Мадагаскаре, лежащем между 13 и 14°, под тропиком Козерога, оных более 5000.

Обман зрения в Персии. Недавняя война России с Персией и восстановившие ныне тесные дружественные сношения сих двух держав⁵⁴ дают нашим соотечественникам возможность лично делать проверки всего того, что иностранные путешественники рассказывают о древней отчизне Зороастра⁵⁵. Между прочим желательно, чтобы кто-либо из г.г. инженерных офицеров Отдель-

ного Кавказского корпуса доставил в нашу газету подтверждение или опровержение того, что английские путешественники рассказывают о чудном действии оптического обмана в стране сей. Занимавшись военною съемкой в минувшую кампанию, помянутые г. г. офицеры собственным опытом могли лучше всякого другого убедиться в истинности тех показаний, кои мы переводим из одного английского журнала.

«Действие оптического обмана не менее удивительно в стране сей, как и в Египте, и еще разнообразнее. В продолжение дня, воздух непрерывно находится в волнистом движении на пространых и голых равнинах Персии. Вид отдаленных предметов от сего изменяется: они как бы зыблются, переменяют образ свой и скрываются по произволу стихии, проникнутой лучами света. В промежуток одной минуты, какая-нибудь гора является в виде великолепного пика; видишь, что она еще подымается, доходит до чудной высоты, расширяется на вершине, кажется огромным грибом, коего стебель с каждым мигом становится тонее; вершина расстилается, и в одно мгновение видишь перед собою подобие стола. Если б инженер вздумал поставить вежи или другие знаки на вершинах гор, для съемки местностей, то крайне бы обманулся: направления, расстояния, высоты — все было бы изменено. Слой глины, по которому проведены борозды дождевыми потоками, представит собою, в некоторых обстоятельствах, вид пышного города, с круглыми крышами, обелисками и минаретами⁵⁶: с приближением человека все исчезнет; и даже, к большому его стыду, он увидит, что сей огромный предмет, который желал он рассмотреть поближе, был только небольшой бугорок земли, шагов на десять в длину. Здесь беспрепятственно принимаешь издали детей за великанов, ослов за слонов, коз за верблюдов

и кустарники за высокие деревья. Часто зрелище сие бывает приятно; иногда, однако ж, оно досадным образом разочаровывает путника. Расстояние в 12 миль английских* так уменьшается сим оптическим обманом, что кажется не более двух миль. Предметы, коих нельзя было видеть, когда бы воздух был спокоен, так поднимаются вверх и приближаются от преломления лучей, что, кажется, мигом их достигнешь, хотя они отдалены еще на 25 миль; и это весьма огорчает путешественника в таком краю, как Персия, где ничто не манит взоров, ничто не занимает по утомительной и скучной дороге».

⁶⁰Князь Вяземский перевел и скоро напечатает славный роман Бенж. Констан⁶¹. «Адольф» принадлежит к числу двух или трех романов,

СМЕСЬ

⁵⁷В конце истекшего года вышла в свет «Некрология генерала от кавалерии Н. Н. Раевского», умершего 16 сент. 1829⁵⁸. Сие сжатое обозрение, писанное, как нам кажется, человеком, сведущим в военном деле, отличается благородною теплотою слога и чувств. Желательно, чтобы то же перо описало пространнее подвиги и приватную жизнь героя и добродетельного человека. С удивлением заметили мы непонятное упущение со стороны неизвестного некролога: он не упомянул о двух отроках, приведенных отцом на поля сражений в кровавом 1812-м году!.. Отечество того не забыло⁵⁹.

* Английская (не морская) миля составляет около версты с третью нашей меры.

В которых отразился век
И современный человек
Изображен довольно верно
С его безнравственной душой,
Себялюбивой и сухой,
Мечтаньям преданной безмерно,
С его озлобленным умом,
Кипящим в действии пустом*.

Бенж. Констан первый вывел на сцену сей характер, впоследствии обнародованный гением лорда Байрона⁶². С нетерпением ожидаем появления сей книги. Любопытно видеть, каким образом опытное и живое перо кн. Вяземского победило трудность метафизического языка, всегда стройного, светского, часто вдохновенного. В сем отношении перевод будет истинным созданием и важным событием в истории нашей литературы.

* Евг. Онегин, гл. VII.

ПОНЕДЕЛЬНИКЪ.

ТОМ. I. №. 2.

ЯНВАРЯ 6го.

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА.

Выходитъ
черезъ
Каждые пять дней

1830 ГОДЪ.

Цена годовому изданію,
состоящему изъ 72-хъ
№. въ С. П. Б. 35 руб.
съ пересылкою и разно-
ской 40 рублей.

Въ Январь Газета сія выходитъ въ слѣдующіе дни: 1-го числа (въ Среду), — 6-го (въ Понедѣльникъ), — 11-го (въ Субботу) — 16-го (въ Четвертокъ), — 21-го (въ Вторникъ), — 26-го (въ Воскресеніе) и 31-го (въ Пятницу)

МАГНЕТИЗЕР

(отрывок из нового романа,
соч. Антония Погорельского)

(Окончание)

«Лучшие петербургские доктора съезжались в дом графини N*** и уверяли, что это не что иное, как нервические припадки, истерика; но никто между тем не в силах был помочь Катерине. День ото дня припадки становились чаще и сильнее, несмотря на капли, порошки и ванны. Графиня наконец согласилась призвать одну известную ворожею, которая тогда жила в Коломне¹ у Харламова моста. Она приехала, много говорила, выпила несколько чашек кофею и обещалась непременно вылечить больную. Во время припадка она над нею шептала, на нее плевала, чем-то ее опрыскивала; а бедной Катерине все-таки не делалось лучше! Наконец прогнали ворожею и опять принялись за докторские капли, которые, впрочем, по-прежнему нимало не помогали. В то время приехал в Петербург из Неаполя один итальянец, маркиз, и принят был в лучшие общества. Он посещал и дом графини. Однажды случайно упомянули о болезни Катерины... Маркиз слушал рассказ о ней с необычайным вниманием.

— Нельзя ли видеть вашу больную? — сказал он наконец.

— Для чего? — спросила графиня.

— Может быть, я в силах ей помочь, — отвечал маркиз.

Графиня сначала не знала, на что решиться; но не находя никакого препятствия в исполнении желания маркиза, согласилась на оное и сама повела его к Катерине. Они вошли к ней в самую ту минуту, как больная изнемогала от мучений одного из ужасней-

ших ее припадков. Случайно я была тогда у нее. Маркиз, при входе в комнату, устремил пронизательный взор свой прямо на больную, подошел к кровати, схватил руку — и больная задрожала, потом успокоилась; все члены ее пришли опять в естественное свое положение; она несколько раз тяжело вздохнула, после того открыла глаза... Конвульсии совершенно прекратились, и в тот день она была здорова, хотя очень слаба. Вид этого итальянца, с первого на него взгляда, сделал неприятное на меня впечатление; но когда увидела я, что он одним наложением руки своей прекратил страдания бедной Катерины, то я не могла удержаться от невольного восклицания. Маркиз вдруг поверотил голову ко мне... из черных, пламенных глаз своих он бросил на меня взор... мне показалось, что взор этот осуществился и в виде огненной стрелы вонзился в мое сердце. Я почувствовала невольный страх; я почувствовала, что ноги мои подгибаются, и чрез силу могла выйти из комнаты».

Пашенька замолчала, робко оглянулась на все стороны и, казалось, как будто чего-то страшилась... — «Что ж, вылечил ли он Катерину?» — спросила Степанида Гавриловна, не замечая смущения дочери.

Паша вздрогнула и отвечала тихо: «Говорят, что он ее совсем вылечил; но зато я страдала долгое время после того...»

— Как? чем? Мы об этом ничего не знали! — вскричали в один голос отец и мать.

— Болезнь эта не препятствовала мне писать к вам с каждою почтою, — продолжала Пашенька, — и я не хотела вас беспокоить. Впрочем, тогдашнее положение мое не совсем можно назвать болезнию, хотя страдания мои были чрезмерны. Я не могла без содрогания думать о маркизе; но в иное время мне, напротив

того, казалось, что он один может избавить меня от этой несносной тоски, от этого неизъяснимого уныния, которые иногда совсем неожиданно и непонятным для меня образом пробуждались в душе моей и терзали ее. Я не могу описать тогдашних ощущений моих, но уверяю вас, что и теперь еще, при одном воспоминании, на меня находит ужас.

— Плюнь на дьявола! — вскричала Степанида Гавриловна и при сих словах сама плюнула в сторону.

— Перекрестись, Пашенька! — сказал Анисим Аникеевич и сам перекрестился.

Паша тоже перекрестилась с сердечным умилением; потом, смиренно сложив руки и устремив взор прямо пред собою, продолжала начатый рассказ: «Припадки эти делались со мною реже, когда в следующую после того весну мы поехали в Ревель. Прелестные местоположения, благорастворенный воздух, веселое общество, может быть и купанье в море, меня рассеяли; и я возвратилась в Петербург, совершенно выздоровев. Вскоре после того я отправилась в Екатеринбург, к вам, любезные родители, и здесь до нынешнего вечера

не чувствовала никаких признаков прежней болезни. Теперь только, кажется, как будто чувствую что-то похожее на тогдашнее мое положение. Но надеюсь, что это пройдет к завтраму. Меня клонит сон; позвольте мне пожелать вам покойной ночи».

Паша встала со стула, поцеловала руку у батюшки и у матушки, которые благословили ее, и отправилась в свою комнату в сопровождении встревоженной матери.

Анисим Аникеевич в глубоком раздумье остался на диване. Несколько времени спустя после того вошла опять Гавриловна.

— Проклятые журналы! — сказала она, входя в комнату. — Если б ты не говорил об этом магатизе, или как его зовут, то и Пашенька бы не занемогла...

— Полно браниться, Гавриловна! — отвечал ей муж, — у меня не то на уме! Какова Пашенька?

— Пашенька, слава богу, заснула, только что легла в постель; однако дай же мне договорить.

— Так и нам спать пора, — прервал ее Анисим Аникеевич. — Помолиська богу да ложись!

Они пошли в спальню. Степанида Гавриловна давно уже храпела, когда Анисим Аникеевич все еще стоял перед кивотом и клал поклоны Николаю Чудотворцу.

ГЛАВА 2.

Анисим Аникеевич Фесюрин родился в Москве. Отец его — хозяин мелочной лавочки в Немецкой слободе² — по мере возможности старался дать ему хорошее воспитание и на восьмом еще году начал посылать его в народное училище. Анисим был мальчик смысленый и прилежный и потому в течение двух или трех лет научился всему, чему

в то время можно было научиться в народных училищах; он читал и писал хорошо и знал арифметику до тройного правила. Притом он был добронравен, проворен и деятелен и потому сделался весьма полезным отцу своему, который вверил ему всю счетную часть по небольшой своей торговле. Заметили даже, что с тех пор, как пригожий, краснощекий Аниска (у которого шелковые кудри, в кружок остриженные, всегда были порядочно вычесаны, лицо и руки умыты, а синий кафтан не замаран ни пухом, ни салом) сделался главным действующим лицом в этой лавочке, число покупателей значительно умножилось. Все кухарки из соседства брали соленые огурцы и квас охотнее у него, чем у других, а горничные девушки сахар и кофе, у него покупаемый, предпочитали всякому другому. Аниска, так сказать, вошел в моду; а когда впоследствии мягкий пушок пробился на верхней губе его и глаза ярче начали светиться, то число покупателей от того не уменьшилось: напротив того, многие из соседственных барынь гораздо чаще стали бранить своих девушек за беспрестанное беганье в лавочку. Барыни не подозревали, что причиною всех сих домашних беспорядков был наш Аниска, которого тогда некоторые начинали уже честить Анисимом Аникеевичем.

По улице, где была лавочка Анисима, часто проходил один разносчик, торговавший старыми книгами, и всякий раз заходил в эту лавочку. Анисим всегда был ему рад, потому что разносчик позволял ему перелистывать книги, между тем как сам, расположившись на скамье, лакомился кусочком паисной икры или балыком. Таким образом в Анисиме возбудилась охота к чтению, и он часто с сожалением помышлял о том, как бы для него приятно было, если б отец его, вместо мелочной лавки,

имел книжную. От прозорливых глаз букиниста не скрылась сия охота Анисима, и он разговорами своими еще более воспламенял воображение молодого лавочника, стараясь переманить его к себе в товарищи. Отец Анисима имел довольно хорошее состояние, и букинисту весьма выгодным казалось найти в Анисиме не только деятельного товарища, но и средства к распространению небольшой своей торговли...

СТАНЦЫ³

Брожу ли я вдоль улиц шумных,
Вхожу ль во многолюдный храм,
Сижу ль меж юношей безумных,
Я предаюсь моим мечтам.

Я говорю: промчались годы,
И сколько здесь не видно нас,
Мы все сойдем под вечны своды —
И чей-нибудь уж близок час.

Гляжу ль на дуб уединенный,
Я мыслю: патриарх лесов
Переживет мой век забвенный,
Как пережил он век отцов.

Младенца ль милого ласкаю,
Уже я думаю: прости!
Тебе я место уступаю:
Мне время тлеть, тебе цвести.

День каждый, каждую годину
Привык я думой провождать,
Грядущей смерти годовщину
Меж их стараясь угадать.

И где мне смерть пошлет судьбина?
В бою ли, в странствии, в волнах?
Или соседняя долина
Мой примет охладелый прах?

И хоть бесчувственному телу
Равно повсюду истлевать,
Но ближе к милому пределу
Мне все б хотелось почивать.

И пусть у гробового входа
Младая будет жизнь играть,
И равнодушная природа
Красою вечною сиять.

А. Пушкин.

ЭПИГРАММА ⁴

(Из Ж. Б. Руссо)

Сбираясь в путь, глупец под позолотой
(Не знаю где, а на Руси их нет)
Кричал, что он сто тысяч даст с охотой
С тем, чтоб узнать вблизи людей и свет.
«А из любви и из народной чести,—
Тут подхватил насмешливый нахал,—
Могли бы мы придать к ним тысяч двести
С тем, чтобы свет вас вовсе не узнал».

Кн. Вяземский.

ВВЕДЕНИЕ

к жизнеописанию Фон-Визина ⁵

История литературы народа должна быть вместе историею и его общежития. Только в соединении с нею может она иметь для нас нравственное достоинство и поучительную занимательность. Если на литературе, рассматриваемой вами, не отражаются движения, страсти, мнения, самые предрассудки современного общества, если общество, предстоящее наблюдению вашему, чуждо владычеству и влиянию литературы, то можете заключить безошибочно, что в эпохе, изучаемой вами, нет литературы истинной, живой, которая не без причины названа выражением общества. Литературы бывают двойкие: одна для народа то, что дар слова для человека, высшая способность его после способности чувствовать и мыслить; впрочем, разделять сии способности не должно, ибо первая служит допол-

нением и событием другой⁶. Вторую литературу можно причислить к искусствам изящным, к ваянию, к живописи, к музыке. Она в разряде вспомогательных, уже изобретенных способностей, коими ум человеческий выражает мысль свою, коими народ образующийся знаменует успехи свои на поприще просвещения и умственного усовершенствования. Посреди безмолвия, оцепенения, царствующего при отсутствии первой из сих литератур, возвысится иногда голос автора, который сильно подействует на внимание общества, его окружающего: общество отвечает ему с силою и быстротою потрясенного сочувствия; но сие действие случайно, скоропостижно и преходчиво: не имев предыдущего, оно едва объемлет стесненные пределы настоящего и теряется вместе с минутным впечатлением. Так искусный Ромберг⁷ всемогуществом игры своей поработает понятия и ощущения общества, которое слушает его, погруженное в безмолвие и внимание. Он будит в душе и в уме слушателей своих впечатления, ему покорные. В раздражении сокровеннейших ощущений своих слушатели сии сочувствуют, соответствуют сладкозвучным излипаниям повелительного чародея; но сие сочувствие, сия обоюдность в ощущениях, в сотрясениях сокровенных были только мнимые или по крайней мере не естественные, а искусственные. Пора баснословных чудес Орфея миновалась: ни горы не тронутся с места, ни львы, ни люди не преобразуются. Звуки утихли, раздраженные нервы уравнились, и между Ромбергом и слушателями его уже нет никакого нравственного соответствия. Между творением замечательным и народом, коего общество еще не готово для литературы или литература еще не готова для общества, нет также обоюдности глубокой и постоянной. Концерт отошел, книга

прочтена; и тот и другая возбудили несколько изящных ощущений, может быть, несколько благородных соревнований, но тем все и кончилось. Некоторые явления литературные: великолепные оды Ломоносова⁸, воспламененные философические и сатирические гимны Державина⁹, утонченности взыскательного общежития, *европеизмы*, введенные в прозу и стихи наши Карамзиным¹⁰ и Дмитриевым¹¹, опыты Озерова¹², который умел иногда сочетать блеск трагических форм Вольтера¹³ с благозвучием поэзии Расина¹⁴, лукавое простосердечие и черты русской насмешливости и замысловатости, ярко оттенившие произведения Крылова¹⁵, оригинальность заимствований Жуковского¹⁶, положившего свою печать на подражания, завоеванные талантом и которые в свое время были смелые новизны; в Пушкине тот же дух, те же приемы поэтической притяжательности, еще более приноровленные к характеру времени и характеру русского ума и гораздо более разнообразные в своих действиях,— все сии явления, более или менее, продолжительнее или кратковременнее, наносили резкие впечатления на внимание общества нашего и возбуждали повсеместное сочувствие. Со всем тем, кажется, не страшась нареkania в неблагодарности и несправедливости к литературе отечественной, можно применить ее ко второму разряду, описанному выше¹⁷.

В русском обществе и в литературе русской не было и нет поныне сего обратного содействия, сего перелива оттенков с одного на другую, сей жизни, так сказать, общей в двух телах, сей общности, от коей литературы других народов являются нам столь исполненными движения, страстей и жизненности. Нет сомнения, русское общество не выразилось литературою¹⁸. Вы должны искать следов его в истории двора, в ис-

тории походов, в истории успехов гражданственности: блестящие страницы могут здесь удовлетворять требования честолюбия народного и явить, что сие общество, хотя еще мало говорливое, имеет во многих чертах свою физиономию, свою нравственную самобытность. Но не ищите узнавать его по истории литературы: книжное знакомство с ним увлекло бы вас к заключению, что нет общества, а есть одно собрание людей. Русское общество не воспитано на чтении отечественных книг: вы не можете найти людей, которые чувствовали бы по Державину, мыслили бы по Княжнину¹⁹, коих мнения развились бы и созрели под влиянием таких-то или других русских авторов. Это неоспоримо. Какое может быть на народ влияние литературы, не имеющей эпопеи, театра, романов, философов, публицистов, моралистов, историков: ибо один историк, и то историк отечества своего, как ни сильно выразил ум свой в творении своем, но действие его все должно же быть односторонно и ограничено самыми пределами поприща его²⁰. Если захотеть найти непременно господствующую черту нашей литературы, то должно оста-

новиться на поэзии лирической. И сие соображение приведет нас к заключению, что и у нас литература, или то, что из литературы имеем, есть выражение общества. Общество наше, гражданственность наша образовались победами. Не медленными, не постепенными успехами на поприще образованности, не долговременными, постоянными, трудными заслугами в деле человечества и просвещения; нет! быстро и вооруженною рукою заняли мы почетное место в числе европейских держав. На полях сражений купили мы свою грамоту дворянства. При громах Полтавской победы совершилось наше, уже не оспариваемое водворение в семействе европейское. Сии громаы, сии торжественные победные молебствия отозвались в поэзии нашей и дали ей направление. Следующие эпохи, более или менее ознаменованные завоеваниями, войнами блестящими, питали в ней сей дух воинственный, сию торжественность, которая, может быть, в последствии времени была уже поддельная или подражательная и неудовлетворительная, но на первую пору была она точно истинная, живая и выражала совершенно главный характер нашего политического быта. Воинственная слава была лучшим достоянием русского народа: упоенные, ослепленные ею, радели мы мало о других славах. Военное достоинство было почти единою целью, единым упованием и средством для высшего звания народа, которое должно было первоначально сосредоточивать в себе исключительно лучи просвещения, медленно разливавшегося по нижним ступеням общества. Военная деятельность удовлетворяла честолюбию народному и потребностям возникающего гражданства. Торжественные оды были плодами сего воинственного вдохновения²¹. Напряжение лирического восторга сделалось общим характером нашей поэзии.

Поэзии философической, прозе умеренной, которая более размышляет, чем чувствует, более способна хладнокровно судить, чем пламенно пристраститься, тут не было места. Ломоносов, Петров²², Державин были бардами народа, почти всегда стоявшего под ружьем, или праздновавшего победы, или готовившегося к новым. Они поэты присяжные, поэты laureat победы еще более, чем двора. Сию поэзию, так сказать официальную, должно приписывать не столько характеру их, сколько характеру эпох, в которые они жили. Пример сих великих поэтов, предназначенных быть образцами, подействовал и на склонности поэтов второстепенных, которые были, может статься, не столько внимательны к вдохновениям первобытным и непосредственным, не столько в сочувствии с господствующим духом народа, сколько покорны движению, данному предшественниками, сколько увлечены духом подражания. В этом отношении сатира «Чужой толк»²³ не только литературное, но и нравственное свидетельство, обличительная ссылка для современных наблюдений. На души и на умы великих людей действуют события, действует сила нравственная, скрывающаяся в начале сих событий; на умы людей, стоящих под ними, действует уже пример сих передовых стражей на поприще человеческих успехов. Говоря языком техническим: им нужны проводники. Удар силы электрической уже по сообщению отзывается в телах, отдаленных от средоточия действия ее: ему нужно пройти до них через тело, ближайшее к нему, непосредственно предстоящее внезапному потрясению.

Лирическое, торжественное, хвалебное направление, данное поэзии нашей, не изменилось совершенно и в новейшие времена, когда другие потребности, другие усилия власти и гражданственности означались в явлениях

более миролюбивых, но не менее сильных для честолюбия народа могущественного и повелительного. Торжественность, на которую была настроена лира Ломоносова, отзывается иногда и в лире Жуковского, который из мира созерцания и мечтательности вызываем бывал шумом победы и кликами празднующего народа на торжество действительности; отзывается и в лире самого Пушкина, коего гений своенравный, кажется, должен быть столь независим от господства, удручающего других. В эпилоге «Кавказского пленника» вы найдете краски, приемы поэзии, ему исключительно свойственной, но в духе восторга, оживляющего сию воинственную поэзию, вы поддадитесь какому-то обратному влечению, вознесшему столь далеко в свое время поэзию Ломоносова и Державина. Предупреждая всякие превратные истолкования мнения, здесь изложено, спешу заявить, что замечание мое вовсе не есть критическое, или порицательное: я просто хотел привести свидетельство и должен был для подкрепления себе предпочесть хотя и изысканное, но яркое другим свидетельствам, более общим, но и менее уважительным.

Царствование Екатерины Великой, или Великого, по счастливому выражению принца де-Линь²⁴, должно было, явным образом, служить побуждением к направлению поэзии нашей, замеченному выше. Сие царствование, громкое, великолепное, восторженное, имело в себе много лирического. Его можно назвать высоким, торжественным гимном в истории отечественной. Все в нем способствовало к возвышению и славолюбию духа народного. Первенствующие лица, явившиеся на сцене его, были размера исполинского, героического: они рисуются пред глазами нашими, озаренные лучами какой-то чудесности, баснословности, напоминающие нам действующие

лица гомеровские. Это живые отрывки из «Илиады». Предоставляя истории оценивать каждого по достоинству, нельзя не сознаться, что Орловы²⁵, Потемкины²⁶, Румянцевы²⁷, Суворовы²⁸ имели в себе также что-то поэтическое и лирическое в особенности. Стройные имена их придавали какое-то благозвучие русскому стиху. Нет сомнения, есть поэзия и в собственных именах. Державин это знал и оставил свидетельство тому в одной из строф «Водопада». Поэт вызывает к умершему Потемкину:

Потух лавровый твой венок,
Гранена булава упала,
Меч в полножны войти чуть мог,
Екатерина возрыдала!
Полсвета потряслось за ней
Внезапной смертью твоей.

В стихе, составленном из собственно имени и глагола, есть не одно верно-подданническое, но и высокое поэтическое чувство. Этот стих, без сомнения, исключительно русский стих, но вместе с тем он и русская картина. Счастлив поэт, умевший пользоваться средствами: угадывать впечатления и высекать пламень поэзии из сочетания двух слов; но счастливее государь, который умел облечь имя свое красками и очарованием поэзии и, одарив им признательную историю, завещал его еще, как сокровище, и поэтам, которые дорожат истиною только тогда, когда она всемогуща и над воображением. Но властолюбие и слава побед не были единими страстями, можно сказать, единими добродетелями Екатерины. В мужественной душе своей она ценила высоко храбрость и воинственный героизм. Однажды, в приближенном обществе своем, задала она Сегюру, принцу де-Линь и другим запрос: «Если б родилась я мужчиною и на общей чреде, как думаете, до какой степени достигла бы я на военном поприще?»

Легко отгадать ответ: фельдмаршальский чин, достоинство отличного полководца были единые меты, которые поставляли честолюбию могущественной монархини. — «Ошибаетесь, — прервала она, — в чине подпоручика встретила бы я смерть в первом сражении». — Такой ответ обнаруживает душу; но душа, но ум Екатерины были доступны и к другим побуждениям. Душа ее вмещала все отрасли человеческого славолубия, ум ее был отверзт ко всем возвышенным впечатлениям и способен на все усилия. В числе предметов, занимавших деятельность его, успехи образованности и просвещения были целью ее особенной заботливости. Она не только уважала ум, но любила, не только не чуждалась его, но снисходила к нему, но, так сказать, баловала и щадила неизбежные уклонения его. Самая современная эпоха благоприятствовала сему августейшему пристрастию. Франция, униженная в политическом достоинстве своем, сошедшая с повелительной чреды, на которую возвела ее рука, некогда всемогущая, Людовика XIV²⁹, старалась развитием умственных способностей вновь захватить на другом поприще утраченное владычество свое. Усилия ее увенчаны были совершенным успехом. Версальский кабинет³⁰ не имел в себе другого Ришельё³¹, другого Мазарина³², и политика Европы не получала направления своего из Франции, но Фернейский кабинет³³ имел своего Ришельё, который с иными средствами едва ли был не могущественнее первого. Вольтер, представитель, орган, душа и глава сего нового рода присвоения, коего алкала властолюбивая Франция, распространял во имя свое и собрав или учеников владычество гения своего и новых мнений на умы Европы, все еще покорной господству Франции. Екатерина с самых молодых лет полюбила французский язык и французскую ли-

тературу, которая тогда уже исторгалась из ограниченного круга изящных письмен и мерного великолепия, прославившего ее во дни Людовика XIV. При дворе Елисаветы посвящала она лучшие уединенные часы свои на чтение авторов, раскрывших ум ее, рано созревший для глубокомысленных соображений философии и политики. Вступив на престол, воцарила она с собою правила, которые почерпнула в учении. Гласным покровительством, всеми льстивыми, оболстительными свидетельствами благоволения, свойственными власти монарха и утонченности женщины, содействовала она торжеству Вольтера и соучастников его во всемирном правлении умов и мнений. По справедливости должно, однако же, заметить, что и до Екатерины правительство и двор признавали у нас власть просвещения европейского и не пренебрегали союзом с умственными знаменитостями современными. Вольтер уже в царствование Елисаветы был, так сказать, союзником на жалованье у двора нашего; и если «История Петра Великого»³⁴, подвиг, совершенный им в силу заключенных дипломатико-литературных сделок, не отвечает достоинству ни героя, ни писателя, то должно видеть в нем новое доказательство, что наемный союзник бывает обыкновенно мало надежен для пользы назначенного предприятия. Шувалов³⁵, не тот, который в царствование Екатерины писал французские стихи, принимаемые в самом Париже за произведение французской почвы, но Шувалов, писавший и сам русские стихи, а более известный и достойный известности, потому что он едва ли не первый почувствовал красоту стихов Ломоносова, покровительствовал ему и умел от него выслушивать резкие истины и благородные упреки, Шувалов, вельможа двора Елисаветы и любимец ее, был уже посредником между литературою европейскою

и нами. Он имел в Женеве агента, Бориса Михайловича Салтыкова, кажется, им уполномоченного для сношений с Вольтером по предмету истории, им сочиняемой. Письма его к Шувалову — настоящие депеши о том, что делается в *Делисах*³⁶, тогдашнем местопребывании Вольтера. Вообще из переписок того времени, которые удалось нам прочесть, видно, какое деятельное участие принимали вельможи наши в движениях современной литературной деятельности. Новые понятия, смело провозглашаемые во Франции, имели тогда отголоски в Петербурге. Мы нашли в записках, оставленных княгиней Дашковой³⁷, что до 15-летнего возраста прочла она в доме дяди своего, графа Воронцова, сочинения Беля³⁸, Вольтера, Монтескье³⁹, Гельвеция⁴⁰; правда, она прибавляет, что, кроме Екатерины, тогда еще великой княгини и также в летах весьма молодых, и ее, никто из женщин в Петербурге не занимался подобными чтениями. Оно и постижимо, и едва ли можно жалеть о том. Подобное чтение, нельзя не сознаться, было несколько преждевременно, и просвещение, за ним следовавшее, должно было походить на то, в котором вообще обвиняют нас некоторые иностранцы: насильственно-прививное, скороспелое и потому не надежное. Но между тем сие свидетельствует, в числе прочих, доказывает, что отражение лучей, бросаемых Франциею, было не чуждо и вершинам общества нашего.

(Окончание в следующем №.)

БИБЛИОГРАФИЯ

Русские книги

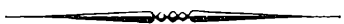
«Илиада» Гомерова, переведенная Н. Гнедичем, членом императорской Российской академии и пр.— 2 ч. С.П.б., в типогр. императорской Российской академии, 1829 (в 1-й ч. XV — 354, во 2-й — 362 стр. в бол. 4-ю д. л.)⁴¹

Наконец вышел в свет так давно и так нетерпеливо ожидаемый перевод

«Илиады»! Когда писатели, избалованные минутными успехами, большею частью устремились на блестящие безделки; когда талант чуждается труда, а мода пренебрегает образцами величавой древности, когда поэзия не есть благоговейное служение, но токмо легкомысленное занятие, с чувством глубоким уважения и благодарности взираем на поэта, посвятившего гордо лучшие годы

жизни исключительно труду, бескорыстным вдохновениям и совершению единого, высокого подвига. Русская «Илиада» перед нами. Приступаем к ее изучению, дабы со временем отдать отчет нашим читателям о книге, долженствующей иметь столь важное влияние на отечественную словесность.

А Л Ь М А Н А Х И на 1830 год

«Радуга», литературный и музыкальный альманах на 1830 год. Изд. П. Араповым и Д. Новиковым.— М., в тип. Селивановского (327,35 и 16 стран. в 16-ю дол.)⁴²

Что такое альманахи в нынешней Европе? Игрушки взрослых детей, подарки на новый год, книжки, которых главное достоинство состоит в картинках и богатом издании. Хорошая статья прозаическая, стихотворение, носящее отпечаток таланта, не необходимость в подобном издании, а даже неожиданный подарок. Мы, русские, давно уже известны охотою подражать всему иноземному. И альманахи не ушли от замечательности нашей: мы ввели их в употребление, но, кажется, ранее, чем бы следовало. Впрочем, в этом случае наша поспешность не повредила, а принесла пользу. Пример редкий! Объяснимся. Альманахи наши не блещут картинками по причине очевидной: мы⁴³ не имеем еще художников, которые посвятили бы

свои таланты на подобную работу, и продажа альманахов, по незначительности своей, не позволяет даже и подумать о роскоши изданий. Нам должно хлопотать не о блеске, а об опрятности, но и сия добродетель нелегко нам достается. Как же наши альманахи могут быть праздничными подарками? Поневоле они избрали себе удел лучший: быть годовыми выставками литературных произведений. Большая часть наших писателей постоянно наделяет их образцами своих годовых занятий, а у иных и все труды трехсот шестидесяти пяти дней занимают две-три странички.

Альманах «Радуга» не многим порадует любителей чтения. Исключив ученое рассуждение «О народных русских пословицах» И. М. Снегирева⁴⁴ и статью, живо написанную «Фомин понедельник», проза похвалиться ничем не может⁴⁵. «Краковский же замо́к» Н. А. Полевого⁴⁶ заставляет нас сожалеть, что сочинитель столь слабо постиг и столь карикатурно изобразил Суворова. Почти все стихотворения «Радуги» не выходят из благоразумных пределов посредственности⁴⁷. В отделении музыки (замечательном по чистоте и красивости нотного шрифта) меломаны наши с удовольствием найдут новые произведения княгини З. А. Волконской, В. Г. Шольца⁴⁸, В. В. Всеволодского⁴⁹, князя В. С. Голицына⁵⁰, А. Н. Верстовского⁵¹ и О. О. Геништы⁵² и пожалуют, что мертвые ноты цыганских песен не могут выразить оригинальности очаровательного пения московских вакханок⁵³.

Московский альманах для юных русских граждан, или Ручная энциклопедия с картинками.— М., в униферс.

типогр. 1830 (163—186 стр. в 16-ю д.)*⁵⁴

Здесь помещены: Франклиноса «Наука доброго Ричарда»⁵⁵; «О воспитании бедных», соч. Дежерандо⁵⁶; «Кофейный дом в Сурате», соч. Бернарден-де Сен-Пьера⁵⁷ и еще несколько небольших статей. Большая часть оных, в этой же книжке, напечатана также и на французском языке.

СМЕСЬ

⁵⁸Некоторые изречения, кажущиеся с первого взгляда *парадоксами*, становятся почти афоризмами, когда мы прилежнее их обдумываем. Таково известное изречение Стерна⁵⁹, что французы — *самая степенная в мире нация*. Хотите ли увериться в истине сих слов, принятых за шутку? Посмотрите, как систематически французы поступают в своих наслаждениях... Я не говорю уже о наслаждениях *вещественных* или *гастрономических*: учреждение французского стола, порядок блюд и питья вин и пр. и пр. суть плоды глубоких соображений и приняты большею частию образованных народов за *ненарушимый закон Комуса*⁶⁰; я хочу сказать о наслаждениях *умственных* или *нравственных* — выбирайте любое из сих прилагательных. Французы любят наслаждаться произведениями искусства чинно, вполне и нисколько не меняя своих ощущений. Если в театр они созваны плакать или трепетать, то никак не хотят, чтобы другое какое-

* Продается по 10 р.

либо чувство развлекало их жалость или ужас. Случается, правда, что забавная ошибка актера или незнание роли взманивает на смех парижскую публику, но этот смех бывает *hors d'oeuvre*, или лучше сказать *à parté*⁶¹, и отнюдь не в связи с представлением: *нахохочутся* и снова примутся слушать с прежнею важностию, как ни в чем не бывали*. Но у французов есть свое время и место посмеяться тому, над чем они плакали: *бульварные театры и пародии*. Некоторые из сих последних в самом деле очень забавны. Такова, напр., пародия на трагедию Казимира Делавиня⁶⁴ «*Les Vèpres siciliennes*». В сей пародии («*Cadet-Roussel Procida*») местами весьма успешно переиначены звучные стихи К. Делавиня. Других пародий все достоинство состоит в игре слов, в каламбуре заглавия подлинной пьесы. Таким образом, когда появилась долгожданная опера «Олимпия» («*Olympie*», mus. de Spontini), то на одном из бульварных театров на другой же день представлена была пародия⁶⁵ «*Oh l'impie! ou enfin la voilà*». Не одни драматические сочинения накликают на

* Сочинителю этой статьи случилось быть очевидцем и участником такого смеха. В одно представление Вольтерова «Эдипа» в Париже актер Демуссо вышел в роли Филоктета на сцену и на вопрос:

Philoctète, est-ce vous?⁶² замаялся, стоял и молчал выпуча глаза. Партер захохотал, за ним весь театр, и это продолжалось около четверти часа. После того все замолчали, и молчаливый Филоктет так же безмолвно сошел со сцены. Явились Тальма и Дюшенуа — и смех и Филоктет — все было забыто, как будто бы никакое постороннее ощущение не волновало пред тем толпу зрителей. Замечу, что в это же представление г-жа Дюшенуа, тогда уже почти *беззубая*, сказала в одном стихе: «*Il l'ont léché sanglant*» вместо «*laissé...*»⁶³. Эта обмолвка мне, как иностранцу, показалась смешною; но из парижан никто не обратил на нее внимания, и все восхищались прекрасною (хотя слишком измученною) декламациею актрисы.

себя пародии: романы и другие замечательные произведения французской словесности подвергаются той же участи. После появления романа «Ipsiboë» напечатана была пародия онога «Ineptie bon-bes». Новое сочинение Виктора Гюго⁶⁶ «Последний день осужденного на смерть» удостоилось двух пародий: «Le lendemain du dernier jour d'un condamné» («День после казни осужденного на смерть») и «Le dernier jour d'un employé» («Последний день чиновника перед отставкой»). Последняя хороша тем, что недлинна.

⁶⁷ В одном весьма занимательном сочинении знаменитого Гёте⁶⁸ сказано, что в Риме художники, делающие мозаические картины, употребляют 13 000 различных красок, из коих каждая имеет 50 оттенков, от самого темного до самого светлого, что составляет 750000 разных теней, весьма легко отличаемых художниками. Казалось бы, что, имея в своем распоряжении 750000 красок, можно передавать во всей точности всякую живописную картину; но художники, при таком удивительном избытке,

жалуются еще на недостаток некоторых необходимых теней.

⁶⁹ Английский альманах «The Keepsake» на 1830-й год уже получен здесь, в Петербурге. Издатель г. Рейнольден, как видно, не щадил издержек, чтоб издать сию книжку в самом лучшем виде. В ней помещены сочинения: с. Валтера Скотта⁷⁰ («The house of Aspen», трагедия в 5-ти дей.), л. Байрона (письма к разным его приятелям), Кольриджа⁷¹ («Сон» и еще одно стихотворение), авторов Хаджи-Бабы, Гренба, Анастасия и пр. Прозаических статей в этой книжке 18, стихотворений 24. Наружное достоинство сего альманаха соответствует внутреннему: он украшен 18-ю гравюрами, прекрасными по рисунку и выполнению. Три из них рисованы художником, коего имя (Стефанов) показывает, где было его истинное отечество. Нельзя налюбоваться этими милыми картинками: чистота отделки их достойна всякой похвалы и эффект соблюден превосходно, а эффект (заметим мимоходом) есть необходимое условие небольших гравюр, прилагаемых к альманахам.

СУББОТА.

ТОМ. I. № 3.

ЯНВАРЯ 11го.

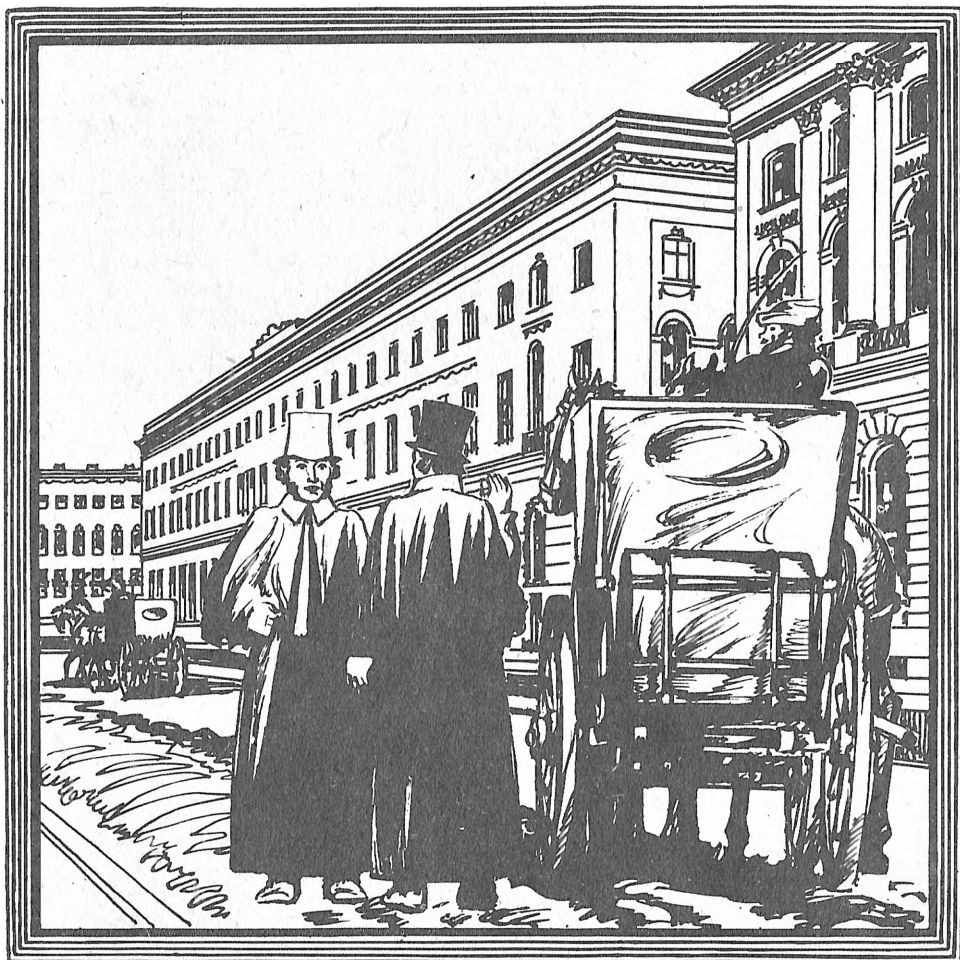
ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА.

Выходитъ
черезъ
каждые пять дней

1830 ГОДЪ.

Цена годовому изданію,
состоящему изъ 72-хъ
№., въ С. П. Б. 35 руб.
съ пересылкой и разно-
ской 40 рублей.

Въ Январѣ Газета сія выходитъ въ слѣдующіе дни: 1-го числа (въ Среду), — 6-го (въ Понедѣльникъ), — 11-го (въ Субботу) — 16-го (въ Четвертокъ), — 21-го (въ Вторникъ), — 26-го (въ Воскресенье) и 31-го (въ Пятницу).

РАЗГОВОР У КНЯГИНИ ХАЛДИНОЙ*¹

Письмо от Стародума.

Москва, февраля, 1788.

Сегодня был у меня один из моих приятелей, который сказывал мне, что вчера зван был обедать к княгине Халдиной, но приехал к ней так рано, что она еще одевалась и его принять не могла, почему введен был в комнату подле уборной ее, так, что мог слышать все ее разговоры. Она много шумела с своею девушкою о нарядах; потом взглянула в окошко и, увидев, что подъехали к крыльцу санки: «Это санки Сорванцова, — сказала княгиня с веселым видом, — пусти его сюда», — говорила она девушке своей. Через минуту приятель мой увидел вошедшего к княгине мужчину в наместническом² мундире. Княгиня, в веселом духе пристав: «А! Сорванцов, голубчик, здравствуй! — сказала ему, — садись возле меня. Откуда?»

Сорванцов. Из присутствия³, княгиня. Ты знаешь, что я судья. Я там так заспался, что насилу очнуться могу. Часа четыре читали дело; всю эту пропасть мололи при мне; а как законом не запрещено судье спать, когда и где захочет, то я, сидя за судейским столом, предпочел лучше во сне видеть бред, нежели наяву слышать вздор.

Княгиня. Не понимаю, как ты мог с твоим любезным характером сделаться судьей! Знаешь ли что: пока я за туалетом, расскажи мне свою историю. Девка! румяны!

* Из третьей части *Полного собрания сочинений Фон-Визина*, издаваемого в Москве книгопродавцем Салаевым.

Сорванцов. Она коротехонька. Я нарисую вам всю картину моей жизни, прежде чем вы полщеки разрисовать успеете. Мне уже за тридцать лет. Первые осмнадцать, сидя дома, служил я отечеству в гвардии унтер-офицером⁴. Покойник батюшка и покойница матушка выхаживали мне ежегодно паспорт для продолжения наук, которых я, слава богу, никогда не начинал. Как теперь помню, что просительное письмо в Петербург о паспорте посылали они обыкновенно по ямской почте, потому что при письме следовала посылочка с куском штофа⁵, адресованная на имя не знаю какой-то тетке полкового секретаря. Как бы то ни было, я не знал, не ведал, как вдруг очутился в отставке капитаном. С тех пор жил я в Москве благополучно, потому что батюшка и матушка скончались и я остался один господином трех тысяч душ. Недели две спустя после их кончины жестокое несчастье лишило меня вдруг тысячи душ.

Княгиня. Боже мой! Какое же это несчастье?

Сорванцов. Несчастье, которому, я думаю, в свете примера не бывало и не

будет. Полтораста карт убили у меня в один вечер, из которых девяносто семь загнуты были сетелева⁶.

Княгиня. Ах! это слышать страшно!

Сорванцов. После этого несчастья хватился я за разум: перестал ставить большие куши, и маленькими в полгода проставил⁷ я еще пятьсот душ в Кашире.

Княгиня. Как! Ты проиграл и Каширскую, где лежат твои родители?

Сорванцов. Я им тут лежать не помещал! Сверх того, не из подлой корысти продал я деревню, где погребены мои родители. За то, что тела их тут опчивают, мне ни полушки⁸ не прибавили.

Княгиня. Так и подлинно ты перед ними чист в своей совести!

Сорванцов. Итак, с полутора тысячью душами принялся я за экономию; вошел в коммерцию: стал продавать людей на службу отечеству; стал заводить в подмосковной псовую охоту; стал покупать бегунов, чтоб сделать себе в Москве некоторую репутацию. Ямской дуг⁹ был у меня по Москве из первых; как вдруг поражен я был лютейшим ударом, какой только в жизни мог приключиться моему честолюбию.

Княгиня. Ах, боже мой! Какое ж это новое несчастье?

Сорванцов. Я не знал, не ведал, как вдруг из моего дуга выпрягли четверню и велели ездить на паре. Этот удар так меня сразил, что я тотчас ускакал в деревню и жил там долго, как человек отчаянный. Наконец очнулся. «Я дворянин,— сказал я сам себе,— и не создан терпеть унижения». Я решил или умереть, или по-прежнему ездить шестеркой¹⁰.

Княгиня. Молодые люди! молодые люди! Вот как вам всем думать надобно!

Сорванцов. Я кинулся в Петербург, где через шесть недель преобразили меня в надворные советники¹¹. Я странный человек! Чтоб найти, чего ищю, ничего не пожалю. Следствие этого образа

мыслей было то, что меньше, нежели чрез год, из надворных советников перебросили меня в коллежские¹². Теперь я накануне быть статским¹³, а назавтра этого челобитную в отставку — да и в Москву, в которой, первые визиты сделав шестернею, докажу публике, что я умел удовлетворить честолюбию.

Княгиня. О! если бы все дворяне мыслили так благородно, и лошадям было бы гораздо легче! Ты сделал полезное дело и себе и ближним. Твой поступок, мой милый Сорванцов, содержит в себе чистое нравоучение.

Сорванцов. Я столько счастлив, что нашел себе подражателей. Я моим примером открыл ту истину, что чин заслуженный ничем не лучше чина купленного.

Княгиня. Не прогневайся, голубчик! Сия истина не весьма новая, ибо не ты первый купил себе право впрягать шесть лошадей. Я сама имела жениха обер-офицера, но не позволила ему о браке нашем и думать, пока не будет он иметь права возить меня четвернею. Покойный мой князь принужден был согласиться на мое требование.

Сорванцов. Я удивляюсь, княгиня, как могла ты ограничить свое честолюбие только четвернею. Ты б могла предписать жениху снискание права на шесть лошадей.

Княгиня. Но, Сорванцов, голубчик! Твое честолюбие выходило из меры. Ты хотел из капитанов быть вдруг бригадирского чина. Я недавно читала римскую историю и нахожу, что твое честолюбие есть катилининское¹⁴. Берегись, Сорванцов, чтоб и тебя не постиг какой-нибудь бедственный конец.

Сорванцов. Я откроюсь тебе, княгиня, что каждую почту из Петербурга с трепетом писем ожидаю. Судьи, мои товарищи, решили одно дело, или лучше сказать, смошенничали. Обижен-

ный нашел в Петербурге покровительство, и сказывают, что всем нам беда будет.

Княгиня. Да ты неужели был заодно с бессовестными судьями?

Сорванцов. Нет, княгиня. Я согласился с ними для того, что не понимал дела, и мне пристойнее казалось им не противоречить, нежели признаться, что я не понимаю.

Княгиня. Ты имеешь разум, Сорванцов. Я не постигаю, какого бы дела ты понять не мог.

Сорванцов. Оно писано было таким темным слогом, что без проникновения чрезъестественного понять его никак невозможно.

Княгиня. А прогос!¹⁵ (К своей девишке.) Ты мне анонсировала¹⁶ г. Здравомысла; где же он?

Девка (указывая на другую комнату). Вот здесь дожидается.

Княгиня. Проси его сюда.

(Здравомысл входит.)

Княгиня. Извините меня, сударь, что глупость людей моих заставила вас сидеть в скуке. (К девке.) Разве ты не знаешь, что я при мужчинах люблю одеваться?

Девка. Да ведь стыдно, ваше сиятельство.

Княгиня. Глупа, радость. Я столько свет знаю, что мне стыдно чего-нибудь стыдиться.

Здравомысл. Я, вошед сюда, помешал вашему разговору, который, сколько я приметил, был довольно серьезен.

Княгиня. Если позволите, мы разговор наш продолжать станем и просим вас не скрывать от нас ваших мыслей. (Сорванцову.) Продолжай!

Сорванцов. Поверьте мне, княгиня, что многие дела незаконно решатся сколько от бессовестности судей, столько и от бестолковости, с которою предложено дело.

Здравомысл. Не всегда судьи не

понимают дела оттого, что оно предложено неясно; весьма часто не понимают для того, что не сделали привычки к делам и не приобрели способности к вниманию. Сия способность приобретается учением и чтением, но сколько у нас людей, которые порядочно учились и имели бы навык понимать читаемое? Я не требую судей ученых; но мне кажется, судья должен быть неотменно просвещен и уметь грамоте, то есть: знать по крайней мере правописание, чему — сам видал — немногие у нас умеют; хотя и то правда, что запятая, не в своем месте поставленная, иногда переменяет существо самого дела, следовательно, и заставляет судей решить неправильно.

Сорванцов. Но разве всему этому пособить не можно? Разве нельзя завести добрых судей, которые бы имели и знание, и дарование понять дело?

Здравомысл. Мы видим, что у нас об этом и помышляют. Когда в российских городах заводятся университеты, то, стало, намерение есть готовить к службе людей просвещенных. Я хотел бы только, чтобы в университетах

наших преподавалась особенно *политическая наука**.

Сорванцов. Что вы чрез сию науку разумеете?

Здравомысл. Разумею науку, научающую нас правилам благочиния, науку коммерческую и науку о государственных доходах. Я хотел бы, чтоб у нас по сим знаниям сочинены были на каждую часть особенные книжки, по коим бы преподавалась в университетах политическая наука. Сим способом будет иметь Россия во всех частях гражданской службы людей годных и просвещенных. Я о сем размышлял довольно, но боюсь здесь распространиться, дабы сим не наскучить вам и тем, кои разговор наш читать будут.

Сорванцов. Я хотя и могу показаться вам головорезом, однако верьте мне, что я хотел бы сию минуту войти учеником в тот университет, где мог бы сделаться годным к службе и откуда вышел знал бы я, что получу место не то, где есть только вакансия, но то, для которого я учился и к которому способен.

Здравомысл. Если бы я знал, что моя идея о заведении в университетах класса политической науки найдена была полезна и угодною, я охотно бы составил мое мнение, как к сему приступить удобнее. Находясь в чужих краях, я видел сам таковой класс; имею книжки, по коим политическая наука преподается, и говорил с теми людьми, кои преподают сию науку; но признаюсь вам, что без особенного побуждения боюсь, вместо удовольствия, нажить каких-нибудь неприятностей от тех людей, кои, сами пресмыкаясь в невежестве, думают, что для дел ничему учиться не надобно.

* Под названием *политической науки*, кажется, автор разумел *политическую экономию*, которая в его время едва ли кем предложена была систематически.— *Примеч. изд.*

Сорванцов. Я слышал пословицу: не учась, в попы не ставят.

Здравомысл. С тех пор, как стали следовать сей пословице, попы наши очевидно стали лучше и просвещеннее, и сия часть граждан отправляет свою должность гораздо порядочнее. Я совершенно уверен, что если б взято было за правило: не учась, в судьи не определять, то бы между судьями невежество было гораздо реже.

Сорванцов. Я по себе чувствую, что без просвещения человек есть сожаления достойная тварь.

Здравомысл. Но разве нельзя унять грабителей и завести добрых адвокатов?

Сорванцов. Это не невозможно, но трудно и требует большого времени.

Здравомысл. По крайней мере, неужели нет средства пресечь взятки?

Сорванцов. Мудрено, сударь; ибо сверх того, что, кажется, сама природа одарила всякого судью взятколюбивою душою, многие из них с чистыми правилами принуждены брать взятки. Вообразите судью честного человека. Он дворянин и имеет родню и знакомство, то есть: живет в обществе, имеет детей, требующих воспитания; но нет у него, кроме жалованья, других доходов; а жалованья получает только 450 руб. Скажите мне ради бога, как он может содержать жену, детей и дом такую малую суммою и в такое время, когда нужнейшие для жизни вещи взошли до цены невероятной? Хотя бы и не хотел, неволею должен сделаться взяткобратель. Ведь не все судьи таковы, как наш г-н *Бескорыст*. Он взятки никогда ни с кого не берет, но зато, можно сказать, умирает с голоду. Я скажу о себе: я имею достаток и, если смошенничаю, то заслужу без всякой пощады виселицу, равно как и все те ее, всеконечно, заслужили, кои, награбя богатства, не отстают от своего промысла и продают публично правосудие.

Княгиня. Но ты, любезный Сорван-

цов, имеешь природный ум; ты ужась как в обществе ловок!

Сорванцов. К несчастью, мне не дано было воспитания. Родители мои имели о сем слове неправильное понятие. Они внутренно были уверены, что давали мне хорошее воспитание, когда кормили меня белым хлебом, никогда не давая черного! Словом, чрез *воспитание* разумели они одно *питание*. Учить меня ничему не помышляли, и природный мой ум не получал никакого просвещения. По-французски выучился я случайно. *Г-жа Лицезера*, моя внучатная тетушка, вздумала детей учить по-французски. Тогда в Москву приехал из Петербурга француз, живший до того в Америке. Сей француз назывался, как теперь помню, *шевалье*¹⁷ *Какаду*. Тетушка моя получила к нему симпатию и приняла его в свой дом в наставники своим детям. Она взяла от родителей моих и меня учиться вместе с детьми своими. Я думаю, что не лишнее сделаю, если опишу вам характер моей тетушки и ее фаворита, а нашего наставника.

Тетушка моя выдавала себя в свете за чадолюбивую мать и верную супругу, за добрую хозяйку и за набожную женщину. Посмотрим, такова ли она была в самом деле.

В учреждении комнат первое внимание обращает она всегда на то, чтоб детская была гораздо далее от ее спальни: ибо крик малолетних детей ей нестерпим, хотя она нимало не скучает лаем трех болонских собачонок и болтаньем сороки, коих держит непрестанно подле себя. Вот доказательство ее чадолубия!¹⁸

На стол тратит очень много, а есть нечего. Дети ходят оборванные и почти босые. Добрая хозяйка!

В церкви никогда никто ее не видит; но ни одного клуба, ни спектакля не пропускает. Набожная женщина!

Шевалье Какаду, француз пусто-

головый, из побродяг самая негодница, учил нас по-французски, то есть: дал нам выучить наизусть несколько вокабулов и начал с нами болтать по-французски. Грамматике нас не учил, считая, что она педанство.

Княгиня. С этой стороны он не вовсе ошибается. Я сама никакой грамматике не училась, а изъясняюсь по-французски изряднехонько. Скажи мне: какие правила и чувства вселял в вас шевалье?

Сорванцов. Он вселял в сердца наши ненависть к отечеству, презрение ко всему русскому и любовь к французскому. Сей образ наставления есть обыкновенная система большей части чужестранных учителей. Шевалье наш был надменен, хвастлив и неблагодарен. Надменность его состояла в том, что он хозяев и слуг за людей не считал. По его словам, он знал все науки, которые и нам показать обещал. Особливо в телесных экзерцициях¹⁹ выдавал себя за мастера. Сии телесные экзерциции, которым и нас он обучал, состояли в том, что заставлял он нас распустать золото²⁰.

Княгиня. А в чтении упражнялись ли вы когда?

Сорванцов. Никогда; да я думаю, что наш шевалье и сам не умел грамоте: ибо я его ни за книгой, ни с пером в руках никогда не видывал. Позволь, княгиня, докончить характер бывшего моего учителя. Он приехал в Москву в самой нищенской бедности. Тетка моя купила ему белья и взяла в свой дом, обеспечила его во всем нужном. В благодарность за то, когда у нас бывали гости, не пропускал он случая дерзким своим поведением показывать всем, в какой связи находится он с хозяйкою. Вот, княгиня, как провел я первую мою молодость. Вошед в свет, имел я несчастье попасть на весьма худое общество, где меня дурачили и обыгрывали. Но случайно познакомился я в Москве с одним молодым человеком, который имел

просвещение и хорошее поведение. Он приучил меня к чтению книг и открыл мне, в каком невежестве я пресмыкаюсь. Рассудок, который природа мне даровала, родил во мне охоту выкарабкаться из кучи тех презрительных невежд, кои ни богу, ни людям не годятся. Я не скажу, чтоб сие мое старание имело успех совершенный: недостатки воспитания моего часто наружу выказываются; по крайней мере, не ставлю я моего невежества, подобно многим, себе в достоинство, и за перемену моих мыслей почитаю себя вечно обязанным тому молодому почтенному человеку, который наставил меня на стезю правую.

Княгиня. И мое воспитание было одно питание. Лучшую мою молодость провела я в Москве и такая была пречудная, что многие матери запрещали дочерям своим иметь со мною знакомство. Обожателей было у меня ужасное множество, и чем поведение мое было нескромнее, тем была я славнее. Я не имела никого, кто бы меня остеречь мог и чьи советы умерили бы пылкость моего характера и чувствительность сердца моего. И то и другое сохраняю я и до сего дня.

Здравомысл. То есть с вашим сиятельством сбудется пословица: каков человек в колыбельку, таков и в могилку.

Вот вам весь разговор так, как я имею его от приятеля моего Здравомысла. Вы можете поместить его в ваше периодическое творение. Характеры княгини и Сорванцова, кажется, списаны с натуры, и идея Здравомысла о заведении класса политической науки достойна того, чтоб не оставить ее без внимания. Я есмь и проч.

Колокольчик однозвучный,
Крик протяжный ямщика,
Зимней степи сумрак скучный,
Саван неба, облака!
И простертый саван снежный
На холодный труп земли!
Вы в какой-то мир безбрежный
Ум и сердце занесли.

И в бесчувственности праздной,
Между бдения и сна
В глубь тоски однообразной
Мысль моя погружена.
Мне не скучно, мне не грустно,
Будто роздых бытия!
Но не выразить изустно,
Чем так смутно полон я.

Кн. Вяземский.

ОТВЕТ ²²

Я вас узнал, о мой оракул!²³
Не по узорной пестроте
Сих неподписанных каракуль,
Но по веселой остроте,
Но по приветствиям лукавым,
Но по насмешливости злой
И по упрекам... столь неправым
И этой прелести живой.
С тоской невольной, с восхищеньем
Я перечитываю вас
И восклицаю с нетерпеньем:
Пора! в Москву! в Москву сей час!
Здесь город чопорный, унылый,
Здесь речи — лед, сердца — гранит;
Здесь нет ни ветренности милой,
Ни муз, ни Пр — , ни харит!²⁴

Крс.²⁵

ВВЕДЕНИЕ

К ЖИЗНЕОПИСАНИЮ
Фон-Визина

(Окончание)

Замечательно, что сношения, завязавшиеся между Россией и представителями европейского просвещения, не были зачаты и продолжаемы с обеих сторон равными договаривающимися лицами: с одной видим литераторов, с другой двор и вельмож. Представители нашей литературы не были участниками в деле, которое, казалось, должно было быть ближе к ним, чем к тем, которые были на виду²⁶. Литература и литераторы наши оставались в стороне. Даже и в то время, когда один из полномочных французской философии, Дидерот²⁷, приезжал в Россию, то и тут не последовало никакого сближения между им и нашими авторами. По крайней мере не отыскиваем ни одного следа тому ни в сочинениях Дидерота, ни в сочинениях соотечественных. Кажется, то же можно заметить и относительно к пребываниям Альфиери²⁸, Бернарден де Сен-Пьера и других известных писателей, посещавших Россию в прежние года. Все это подтверждает доказательство, что между литературою нашею и нашим обществом не было ничего взаимного; что на нее не действовали обыкновенные приливы и отливы общезнания; что как наше Русское²⁹ или Азовское море чуждо сего движения, общего другим морям, так и литература русская, не подверженная повсеместному закону, пребывает до времени в тишине бездействия, стихиею отдельною и неподвижною; что если могли мы заметить, как указали выше, некоторое действие,

сотрясение, некоторое преходчивое впечатление, произведенное обществом или почти исключительно двором в явлениях литературы нашей, или вернее сказать, поэзии, то в самом обществе не найдем мы признаков, что литература отечественная входит в состав гражданского быта нашего, в число богатств нашего нравственного достояния. Изыскать и означить причины явления сего — вовлечет в исследование слишком глубокое и многостороннее. Довольно указать на иные, которые более других на виду и едва ли не богаче в последствиях. Недостаток в основательном учении, недостаток в звании, которое по месту своему в чиновном гражданском могло бы исключительно посвящать себя трудам ума и видело в них единую цель, доступную честолюбию, свойственному всем званиям; обязанность дворянства, более или менее, но вообще грамотного, служить и алчная нетерпеливость быть офицерского чина в лета, когда еще не стыдно быть слушателем университетских лекций, — вот, без сомнения, одни из главных причин застоя нашего в движениях мысли и творческой деятельности. От сих причин, несмотря на исполинское движение, данное России Петром, поощренное Екатериною и осененное покровительством преемников их, нет у нас еще донныне литературы истинной, полной, коренной, литературы, которая была бы живою отраслью государственного благоденствия и непосредственным существованием людей, служащих отечеству трудами ума своего, как воин служит ему на поле брани, судия в храмине закона, торговец на стезе промышленности.

Сии соображения, сии применения наблюдений общих к положению частному, в котором находимся, родились в уме моем при мысли обозреть жизнь и труды Фон-Визина. Готовясь к сему

начертанию, мне хотелось вникнуть в свой предмет, обойти его со всех сторон и коснуться до пределов, ему соприкосновенных. Я не боюсь протяжения и плодovitости, может быть, оттого, что не умею быть кратким. Любя видеть в литературе не одну науку слов, но и науку жизни; не науку, действующую в обведенном очерке и одиноко служащую себе средством и целью, но науку всеобъемлющую и вездесущую; помня, что если, по выражению Бюффона³⁰, в слогe весь человек (*le style c'est l'homme*), то в литературе весь народ, я должен был решительно приступить к исследованию подлежащего запроса, не стесняясь схоластическими формами и этикетом академического благочиния.

Вот, так сказать, оглавление соображений, которые должны были служить мне руководствами в моих изысканиях и в согласовании оных.

Фон-Визин — один из малого числа писателей наших, которые выразили себя в сочинениях своих: сочинений его немного, это правда, но он умел быть оригинален посреди подражателей. Главные творения его имели много успеха в свое время; они носят штемпель ума и эпохи его, не утратили и ныне ходячей цены и сохранились в народном обращении.

Фон-Визин жил в царствование Екатерины. Екатерина любила ум не только за границею, но и у себя дома; покровительствуя ему в чужих землях, благодетельствовала она ему и в отечестве. Примеры покровительства, оказываемого царями дарованиям и отличиям природным, нередки: во власти есть обыкновенно тайное начало великодушия, возвышенное сочувствие, которые понимают возвышенность и готовы сблизиться с нею; но двор Екатерины представляет нам исключение, ему свойственное³¹. Вельможи, любимцы власти,

разделяли с Екатериною благоволение ее к людям, кои соперничествовали им на поприще вовсе отдельном, противопоставляя аристократии породы и чинов отступную, непокорную аристократию ума и дарований. За границею ездили они на поклон к фернейскому отшельнику³², отшельнику нового рода, который имел свой двор и своих ласкателей; задирали учтивостями и ласками всех чужестранных баловней литературной молвы и в своем отечестве не чуждались общества, а напротив, искали приятности умом и несколькими остроумными страницами или счастливыми стихами.

Фон-Визин был современником эпохи благоприятной, был действующим лицом на сцене петербургской, в сей сфере деятельности русской, в сем средоточии русской гражданственности; он был преимущественно писатель драматический и сатирический, следовательно, живописец и поучитель нравов.

Обозревая сии объемы, я говорил себе, что из биографического портрета Фон-Визина может выйти историческая картина общества. Но после многих исследований и применений не нашел и связи и полноты в предмете своем, растворенном на все стороны. В обществе не дознался я отголоска Фон-Визина и в самом Фон-Визине отыскал я мало отпечатков общества. Например: комедии его не картина нравов, господствовавших в обществе: некоторые из списанных им, соглашаюсь, и верны и подсмотрены с природы; но истины сии суть почти отвлеченные, отдаленные, без живого применения к лицам, для коих они писаны были, пред коими были представлены. Комедии Фон-Визина были читаны и играны в столицах: театров по губернским городам, домашних театров тогда если и было, то весьма не-

много, следовательно, настоящие Простаковы в глуши губерний и деревень, вероятно, и не знали, что двор смеется, глядя на их изображения. Вероятно, были недоросли и бригадиры и в числе зрителей комических картин Фон-Визина, но комик колол не их глаза. Смех их был оттого добродушнее, но менее было и пользы. Следовательно, и здесь автор и публика его не были в непосредственном соприкосновении. Но довольно: к комедиям Фон-Визина возвратимся в свое время.

После продолжительного введения пора приступить к самому предмету, подлежащему рассмотрению нашему: жизни и литературным трудам Фон-Визина. И здесь придется нам сетовать о скудости способов: применять жизнь действительную к явлениям жизни умственной. Биографические материалы у нас так недостаточны, что при неимении принадлежностей и красок для написания исторической картины едва можем ли написать и портрет во весь рост. Наша народная память незаботлива и неблагодарна. Поглощенная суетами и сплетнями нынешнего дня, она не имеет места в себе для преданий вчерашнего.

К. Вяземский.

БИБЛИОГРАФИЯ

Русские книги

Краткая всеобщая география Константина Арсеньева. Пятое издание, исправленное и дополнен-

ное. С.П.б., в типогр. Х. Гинца, 1829 (310 стран. в 8-ю д.)*³³

Г. Арсеньев³⁴, долгое время занимавшийся преподаванием географии и статистики и давно уже известный российской публике сочинениями своими по сим предметам, напечатал в конце минувшего года новое издание «Краткой географии», сочиненной им. Сие, пятое уже издание, служит лучшим свидетельством того, что ученые труды г. Арсеньева оценены по достоинству. В нынешнем издании г. Арсеньев многое исправил и дополнил. Политическое разделение земли и государств, ее составляющих, изображены в нынешнем их состоянии. Таким образом, напр., пределы России показаны в том положении, в каком они находились в конце минувшего 1829 года, т. е. по заключении Адрианопольского трактата³⁵. Все приобретения России по сему трактату, равно как и по Туркменчайскому мирному договору с Персией, заключенному в 1828 году, означены верно. В конце сей географии приложен азбучный список областей, городов, морей, островов, гор и пр., упоминаемых в сей книге, с показанием страниц, на коих должно в ней отыскивать сии предметы. Искренне желаем сему пятому изданию такого ж успеха, какой имели четыре прежние.

Всеобщий атлас, или собрание карт всего земного шара, изданный для пользы юношества, по руководству

* Продается в книж. лавках И. Заикина, № 18 и 28. Цена сей книги 8 р., а с атласом (о коем упомянуто будет ниже) 23 р.

г-на Арсеньева и других.— С.П.б., 1829. С одобрения Военно-топографического депо. (32 карты, из коих 2 в лист, а остальные в боль. 4-ю д. л.)*³⁶.

Сей атлас составлен по новейшим и лучшим иностранным географическим картам и сверен с всеобщей географией г. Арсеньева. За точность и географическую правильность одного может ручаться то, что он пересмотрен и проверен был Главного штаба его императорского величества штаб-капитаном Ф. И. Позняковым³⁷, коего труды известны нашей публике по изданной им прекрасной «Карте Европейской Турции, или театра последней войны россиян с турками». Тридцать две карты, составляющие «Всеобщий атлас», выгравированы весьма чисто г. Савинковым и раскрашены тщательно, с точным означением границ каждого государства.

лежит теперь английскому библиофилу г. Бенксу (Bankes)³⁹. Вот что нашли мы в одном английском журнале о сей замечательной рукописи.

«Мы рассматривали эту рукопись и признали, сличив оную с печатными изданиями Гомера, что сии последние сходны во всем с древнейшими списками поэм его. Рукопись, о которой здесь говорится, написана на папирусе обыкновенного желтоватого цвета, заглавными буквами хорошего почерка, подобными по начертанию своему тем, какие употреблялись в Египте в конце династии Птолемеев⁴⁰. И здесь замечается то же, что и в других, самых древних рукописях: слова не отделены друг от друга никакою расстановкой; но стихи писаны в столбцах и строками, довольно отставленными одна от другой. Каждый столбец заключает в себе от 42 до 44 стихов, занимающих всю широту свитка, кроме малого пробела как сверху, так и снизу. Сия рукопись (без сомнения, последний из 24-х свитков или отдельных частей), по-видимому, заключала в себе только 24-ю песнь «Илиады». Наружные перевивы папируса истреблены трением и време-

УЧЕННЫЕ ИЗВЕСТИЯ³⁸

Рукопись на папирусе Гомеровою «Илиады», найденная в Египте. Ныне, когда русская словесность обогатилась поэтическим преложением сей поэмы, пережившей около тридцати столетий и утвердившей за собою права на бессмертие, читателям нашим, без сомнения, любопытно будет узнать об одном из древнейших списков оной, находящихся в Европе. Список сей отыскан года за четыре пред сим в Египте и принад-

* Продается у книгопрод. И. Заикина по 15 р.

нем, и оттого в песни сей недостает первых 126 стихов. Следы пальцев, которыми развивали сей свиток, заметны на всех других перебивках или страницах, отчего на них стерлось несколько слов. Остальное полно до самого конца песни. Сей папирус заставляет надеяться, что в Египте можно будет отыскать и другие рукописи, содержащие в себе произведение греческой словесности, более уцелевшие и четкие, нежели открытые в Геркулануме⁴¹. Легко может статься, напр., что там отыщутся со временем летописи, оставленные Манефоном⁴², кои могли бы пролить весьма ясный свет на первобытную историю мира вообще и на историю Египта в особенности».

Изобретение стекла. Искусство делать стекло не относится к самой глубокой древности, хотя оно, по-видимому, известно было финикиянам⁴³ за несколько веков до Р. Х.⁴⁴ Сказание Плиниево⁴⁵ об изобретении стекла весьма вероятно. Пловцы одного купеческого корабля, вошедшего в какую-то реку в Сирии, сошли на землю, развели огонь на песке и начали готовить себе пищу. Посуда, в которой варилась сия пища, стояла прежде на груде селитры, составлявшей часть корабельного груза: действие огня постепенно растопило селитру, а смешение оной с песком породило какое-то прозрачное и жидкое вещество, которое именно и было стекло.

Скважность человеческого тела. Кожа человека представляет собою любопытное зрелище, когда рассматриваешь ее в микроскоп. Отрезав небольшую часть оной перочинным ножом или бритвой, мы видим множество малых скважин, не заметных для простого глаза и составляющих орудие, сквозь которое испаряемая материя беспрестанно отделяется. Сии скважины, или *поры*, еще яснее видятся на второй коже: их считают по тысяче на длине одного дюйма и,

следовательно, по миллиону на дюйме квадратном. Следуя сему исчислению, можно определить количество *пóров*, кои должны находиться на поверхности каждого тела, по следующим посылкам: наружное пространство человеческого тела, средней величины полагается в 14 квадратных футов, а каждый квадратный фут заключает в себе 144 дюйма; посему итог всех *пóров* человеческого тела равняется $1000000 \times 144 \times 14 = 2016000000$, двум тысячам шестидесяти миллионам.

СМЕСЬ ⁴⁶

В одном из наших журналов дают заметить, что «Литературная газета» у нас не может существовать по весьма простой причине: *у нас нет литературы*. Если б это было справедливо, то мы не нуждались бы и в критике; однако ж произведения нашей литературы, как ни редки, но являются, живут и умирают, не оцененные по достоинству. Критика в наших журналах или ограничивается сухими библиографическими известиями, сатирическими замечаниями, более или менее остроумными, общими дружескими похвалами, или просто превращается в домашнюю переписку издателя с сотрудниками, с корректором и проч. «Очистите место для новой статьи моей», — пишет сотрудник. «С удовольствием», — отвечает издатель⁴⁷. И это все напечатано. Недавно в одном журнале было упомянуто о *порохе*⁴⁸. «Вот уже вам будет порох!» — сказано в замечании наборщика, а сам издатель возражает на сие:

«Могущему пороку — брань,
Бессильному — презренье»⁴⁹.

Эти семейственные шутки должны иметь свой ключ и, вероятно, очень забавны; но для нас они покамест не имеют никакого смысла.

Скажут, что критика должна единственно заниматься произведениями, имеющими видимое достоинство; не думаю. Иное сочинение само по себе ничтожно, но замечательно по своему успеху или влиянию; и в сем отношении нравственные наблюдения важнее наблюдений литературных. В прошлом году напечатано несколько книг (между прочими «Иван Выжигин»⁵⁰), о коих критика могла бы сказать много поучи-

тельного и любопытного. Но где же они были разобраны, пояснены? Не говоря уже о живых писателях, Ломоносов, Державин, Фон-Визин ожидают еще египетского суда. Высокопарные прозвища, безусловные похвалы, пошлые восклицания уже не могут удовлетворить людей здравомыслящих. Впрочем, «Литературная газета» была у нас необходима не столько для публики, сколько для некоторого числа писателей, не могших по разным отношениям являться под своим именем ни в одном из петербургских или московских журналов.

ЧЕТВЕРТОКЪ.

ТОМ. I. №. 4.

ЯНВАРЯ 16го.

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА.

Выходитъ
черезъ
недѣлю пять дней

1830 ГОДЪ.

Цена годовому изданію,
состоящему изъ 72 къ
№., изъ С. П. Б. 35 руб.
съ пересылкой и разно-
ской 40 рублей.

Въ Января Газета сія выходитъ въ слѣдующіе дни: 1-го числа (въ Среда), — 6-го (въ Понедѣльник), — 11-го (въ Субботу), — 16-го (въ Четверток), — 21-го (въ Вторник), — 26-го (въ Воскресенье) и 31-го (въ Пятницу).

МЕЛЕК ЭЛЬ-МОДЫ*

ПОВЕСТЬ

(Соч. Абея Гюго)¹

— Спеши сюда, плодovitая Саидлаже, на дворе ждет тебя гонец; он прибыл от Гассана, старшего твоего сына, который один уцелел после кровавой битвы при пирамидах².

Старая египтянка встала поспешно, сколько ей позволяли ее преклонные лета, оперлась на плечо юной своей невольницы и спросила: «Кто таков этот гонец?»

— Госпожа, на нем одежда бедуина³, ноги у него босые, все в пыли; в руках посох странника.

— Пусть войдет,— молвила Саидлаже, взяв свою фату, чтоб покрыть лицо свое; и тогда как невольница отворяла двери и подавала бедуину знак войти, она села на диван, покрытый дорогами коврами.

Гонец вошел, не становясь с почтением на колени; он был закутан в широкую арабскую епанчу⁴, с синими и белыми полосами. Он остановился перед диваном и, не говоря ни слова, устремил пронизательный взор свой на глаза, светившиеся сквозь зеленую фату вдовы Эмира Гаджи.

Но она, откинув назад фату, вскочила и бросилась обнимать его.

— Гассан, милый сын! — вскричала она в радостном восторге.

* Мелек на арабском языке значит ангел. О существовании необыкновенного человека, который под именем Эль-Моды приводил в опасность французов, находившихся в Нижнем Египте, можно справиться в книге: «Victoires et Conquêtes des Français etc», т. 10, стр. 297 и след., также в «Relation de l'expédition d'Égypte», соч. Бертье, стр. 98 и след.

— Мать! ты узнала меня?

— Какая чуждая одежда помешала бы глазам моим узнать тебя, мой сын, тебя, которого я носила у своего сердца, кормила своим молоком?

Гассан улыбнулся, почтительно поцеловал руку своей матери и сказал ей:

— Да хранит тебя Могаммед, мать моя! десница пророка да заменит тебе мою руку, которая не будет более служить тебе опорой.

Добрая мать не слышала ничего. В нежной заботливости она послала невольницу принести свежей воды, щербету⁵, благовонного табаку и длинную трубку своего сына.

Когда все было принесено и поставлено на низкий стол, тогда мать посадила сына своего на то место, где сама прежде сидела на диване. «Пей, Гассан,— говорила она,— ты устал; отдохни. Бог и пророк его хранили твой дом в те дни, когда тебя здесь не было. Стада наши не достались в добычу франкам; невольники наши угнали их и спрятали по ту сторону степи, в лесу сивахском. В гареме твоём болезни не терзали жен твоих; все они нетерпеливо хотят тебя видеть».

Отдавая сыну своему отчет в употреблении власти, которую он представил ей в доме своем, Саидлаже набила перламутровую трубку его благовонным табаком, смешанным с сабуром⁵ и шалфеем, раскурила ее, подала сыну и начала продолжать разговор.

— Расскажи мне теперь, сын мой, для каких намерений оделся ты в это грубое платье и какие страны объехал ты в месяц твоей отлучки?

— Мать! это платье надето мною для того, чтобы оно скрыло твоего сына от подозрительного любопытства франков — завоевателей и коптов⁷ египетских, их малодушных поборников.

Я был в Акре⁸, видел там Джебзарпашу⁹; в Алепе¹⁰, откуда голуби Факима понесли тебе мои письма; в Мекке¹¹, где поклонился я гробу пророка.

Я переплыл море Аравийское; вышел на берег в Косреире¹², я обошел верхний Египет, и там в Эль-Вахе встреченный мною Мурад-бей обещал мне помощь.

В челноке переплыл я из Сиута¹³ в Каир; друзья наши там многочисленны и отважны; один из них доставил мне средства пройти снова в Рашид*, не возбуждая подозрений в наших врагах.

Радость и торжество! мать моя, порадуйся. Египет освободится, закон Могаммедов восторжествует.

Отец и братья мои будут отмщены, и победенные наши завоеватели покинут берега Нила прежде, чем река сия вступит в свои берега.

Один из начальников французского войска, Десе, идет на Саид¹⁵; там он встретит храбрых мамелюков¹⁶ с их беем. Главный полководец, Бонапарте, в Сирии, где Джебзар ставит непреодолимую препопу его покушениям. Великий визирь султана, Юсуф-паша, снаряжает в Кандии¹⁷ войско и корабли; англичане

соединяются с атаманами и помогают нам своею морскою силой.

Торжество наше несомненно: завтра весь Бахирех¹⁸ восстанет. Сын твой Гассан, мститель за братьев и доньны еще не ведомый миру, явится страшен посреди верных, как ангел-истребитель, столько раз обещанный, столько раз возвещенный. Все начнется завтра: и гибель франков, и освобождение Египта, и месть за братьев моих.

— Как, сын мой! ты таил в душе своей желание — исполнить это опасное дело? Так и ты хочешь погибнуть?

— Да, если это нужно, мать моя. Где идет дело о Боге, Могаммеде и братьях моих, там смерть — ничто для меня; но если она ничто для меня, это потому, что я все приготовил для твоей безопасности. Нынешним вечером джерме¹⁹, управляемая искусными пловцами, остановится на Ниле, в конце сада. Она перевезет тебя с твоими невольницами на корабль, плавающий перед пристанью, а сей корабль унесет тебя в Кандию, где, по повелению Юсуф-паши, готов для тебя дом. Прощай, мать моя! оставляю тебя. Не должно, чтобы человек, жертвующий собою для своей родины, умирая, уносил с собою за гроб беспокойство о судьбе своей матери. Если мне суждено пасть, то пускай паду я один. Прощай.

Он обнял мать свою и ушел. Добрая, престарелая женщина осталась одна и плакала об этом сыне, которого вскормила она в тяжких заботах, о котором она неусыпно пеклась для того, чтобы так скоро его лишиться.

Оставя мать свою, Гассан зашел в свой гарем. Он остановился на несколько минут у дверей той комнаты, где находились милые его невольницы: ибо юный мусульман не имел еще ни одной из четырех законных жен, позволенных Могаммедом всякому правоверному.

Между тем как внуч, страж гарема, ожидал его повеления, чтоб отпереть

* Розетту¹⁴.

таинственное сие убежище, Гассан смотрел в комнату сквозь частую решетку двери.

Четыре его невольницы собрались около порфировой²⁰ купальни, наполненной чистою, свежою водою. Курильницы с драгоценными благовониями дымились по углам комнаты.

Белые невольницы сидели на подушках, разложенных вокруг купальни. Альмина и Мезрум, черкешенки, рожденные в стране красоты, заплетали свои длинные, черные волосы и перевивали их нитками белого жемчугу ормузского²¹. Зиска, столь же прекрасная, белокурая дочь полей Молдавии, томно водила пальцами по струнам своей лютни и вполголоса пела славянскую песню. Черная Алфена, лежа в шелковой сетке, привешенной наподобие койки к перекладине потолка, тихо качалась над купальнею. Опустя одну ногу в купальню, она плескала ею и струила поверхность воды, а другою упираясь по временам в порфиновый край купальни, придавала медленное, однообразное движение висячей своей колыбели.

Алфене было четырнадцать лет. Родясь на берегах Нигера, ещё в детстве была она привезена в Египет продавцом невольниц и продана матери Гассановой. Она была невелика ростом, но очень стройна. Соразмерность и правильность в чертах прелестного ее лица, прямой нос, большие, выразительные глаза, зубы белые, как слоновая кость, придававшие еще более тени черному цвету ее кожи, еще более краски малиновым ее устам,— всё это заставляло Гассана любить ее столько же, как и других, белых его невольниц.

— Повелитель,— сказал евнух, отворяя дверь,— в таких забавах провели они все дни твоего отсутствия. Женщины,— прибавил он громко,— вот наш повелитель.

Тотчас все встали; Алфена выскочила

из своей колыбели; они упали к ногам Гассана, который поднял их и переделывал одну за другою.

— Жены,— сказал он,— вы удовольствие жизни; но человек, идущий путем долга, не всегда берет себе спутником удовольствие; мне должно вас оставить. Я возвращаю вам свободу: все, что дал я вам, будет вашим, вы можете увезти все сии дары в вашу отчизну. К этому я прибавлю каждой из вас по десяти тысяч мединов, на путевые ваши расходы.

При сих словах Альмина, Мезрум и Зиска благодарили его, поцеловали край его одежды и вышли, чтобы готовиться к отъезду и собрать свои драгоценности и наряды.

Алфена осталась одна с Гассаном и, стоя перед ним, смотрела на него с видом умоляющим.

— А я? — спросила она.

Он отвечал: «Ты свободна и можешь возвратиться в отчизну твою».

— Свобода, отчизна! — прервала она,— о повелитель мой! эти слова ничто для Алфены. Отчизна моя! я знаю только сей дом, в котором я выросла, где заключены все мои желания и надежды. Удержи меня при себе.

— Не могу, Алфена; я пускаюсь на долгое странничество, где ждут меня великие труды и опасности, а может быть, и смерть.

— Смерть! и ты хочешь, чтоб я тебя покинула!

— Женщина была бы мне помехой в моих намерениях.

— Позволь мне идти за собою: я надену платье, носимое мужчинами. Если ты сделаешься болен, а я не буду при тебе, кто же станет ходить за тобой? Кто поднесет к томимым жаждой устам твоим благотворное питье? Если тебе должно будет уснуть под тенью пальмовых деревьев, кто станет усмирять жужжание насекомых? кто станет отго-

нять от тебя докучливых мух? Позволь мне идти за собою!

Гассан призадумался на минуту, потом сказал юной негрityнке: «Ты желаешь того — и пойдешь со мною; но знай, что для тебя наступит жизнь бедствий и страданий».

— Что до того! лишь бы мне быть с тобою, — отвечала она.

В тот же вечер три белые жены Гассановы его оставили. Мать обняла его и отправилась на *джерме*.

С рассветом следующего дня они вышли из Рашида дамангурскими воротами. На Алфене была богатая одежда, подобная одежде *ичогланов*²² Мурадбеевых. Она ловко правила хорошо выезженным и рьяным арабским конем.

Гассан был уже не прежний Гассан. Он скинул с себя одежду бедуина, но не надел обыкновенного своего платья. Черная борода его была гладко обрита; зеленая чалма с белым пером покрывала его голову; платье, кафтан и епанча были на нем белые. Он ехал на белом коне, который хотя и родился в окрестностях Медины²³, но ростом был выше тех коней французских, кои вскармливаются на равнинах Нормандии. Ружье, дротик, сабля и два пистолета — таково было оружие Гассана.

Когда они выезжали из Рашида, тогда иман²⁴, стоя на минарете мечети, возвещал народу новую победу, одержанную французами над Джезаром, и взятие Яффы²⁵.

Гассан, мимоездом, сказал стекшейся толпе: «Последняя победа! первое поражение!» На него посмотрели с удивлением; но он продолжал свой путь по дороге Дамангурской.

Он молчал во весь остаток дня; казалось, он занят был великим намерением. Вечером конь его остановился у ворот одного дома, неподалеку от Дамангура²⁶. *Феллах* (поселянин), сидевший под тенью финикового дере-

ва, взял коня под уздцы и ввел его во двор. Гассан соскочил с коня и подал знак Алфене идти за ним; для них приготовлена была комната, и здесь они провели ночь. На другой день поутру они поехали далее.

Обычай призывал на рынок, собиравшийся в одной близлежащей долине, всех *феллахов* бахирехских. Гассан отправился туда.

Там, подле мечети, которой высокие минареты издаലെка видны по равнине, были расставлены рядами шатры разной величины и разного цвета. Они составляли собою улицы, как на базаре большого города. Широкая площадь была оставлена пред лицевою стороною мечети; толпа народа медленно там волновалась.

Араб великой степи, пришедший с палящих песков продавать своих коней славной и чистой породы, разговаривал тут с купцом из Дарфура²⁷, завлеченным в Египет желанием обменять слоновий зуб, золотой песок и черных невольниц на шелковые ткани. Здесь бедуин сивахский набивался богатому *феллаху* с своими верблюдами, дромадерами²⁸ и лошаками²⁹; далее *феллахи* бахирехские сидели на земле подле своих мешков с сарацинским пшеном и финиками, между грудями своих арбузов. Смешанный говор раздавался в воздухе; порою только слышен был крик негра, водившего по рыночным улицам осла, который таскал на себе два большие меха с свежеею водою.

Гассан остановился у мечети; неподалеку от него несколько арабов, окруженные множеством зрителей, забавлялись игрою в *джерид*³⁰. Легкие кони их, на всем скаку, пересекали дорогу один другому; дротики, метко брошенные, сшибались на воздухе; когда ж упали на землю, то смелые наездники их подхватывали, не приостанавливая бега скакунов своих.

Игра кончена. Победитель удержал

за собою поле. То был юный родо-
вич бедуинов сивахских. Он гордо
подошел к старцам, кои, сидя под тенью
входа в мечеть, смотрели на сии воин-
ские потехи. Уже хотел он взять
награду, когда Гассан, вышед из толпы,
приблизился к нему. «Прежде, чем
начнешь пировать победу, хочешь ли
еще сразиться?» — сказал он юноше. Бе-
дуин взглянул на него, не отвечал ни сло-
ва, вскочил на коня, схватил дротик из
зыбкой трости бана и пустился на незна-
комца, который вызывал его.

Но Гассан победил того, кто был
победителем над другими. Он явил столь-
ко искусства и силы, что изумленные
зрители воскликнули: «Это не человек:
это какой-то дух, вмешавшийся в наши
игры. Конь его не управляется пово-
дом, а дротик никогда не падает на
землю».

Гассан улыбнулся и принял награду
из рук старцев: то была чалма из дра-
гоценной ткани кашемирской³¹, с белым
пером колибды³². Он обернулся к юно-
ше, который со стыдом и досадою шел
скрыться в толпе народной. Гассан
кликнул его, подал ему чалму и сказал
громким голосом:

— Прими награду победителя. Силь-
на длань, укреплявшая мою руку, и ни-
когда рука смертного не победит ее. На-
града должна быть твоею, ибо сражаться
можно с силами равными.

Толпа слушала и теснилась вокруг
него еще с большим удивлением и недоу-
мением. В сию минуту послышался рез-
кий голос имана, возвещавшего час мо-
литвы; глаза всех обратились к минарету.
Служитель аллы прибавил: «Правовер-
ные! объявляем вам, что генерал Бона-
парте взял город Яффу. Восхвалим Бога
и Могаммеда, его пророка!»

Тогда вместо *лелии*, криков: *аллах!*
Иллах! Аллах!, кои мусульмане возносят
к богу в знак своего благодарения, послы-
шался в онемевшей от печали толпе

один только крик, дикий *текбир**, тот
грозный клич войны, который некогда
предводил в битвах воинов пророка,
победителя и законодателя. Никто не
знал, чей голос произнес его, но многие
феллахи говорили потом, что звук сего
голоса был свыше человеческого. То
достоверно, что сей клич, долгое время не
употреблявшийся, вдруг был повторен
всю толпою.

Тогда победитель, уступивший по-
бежденному награду за *джерид*, поднял-
ся на стременах и вскричал:

— Правоверные! я ангел Эль-Моды.
Бог посылает меня к вам для прогнания
франков и освобождения Египта.

Тот, кто возымеет теплую веру в Бога
и смело пойдет за мною в битву, увидит,
что пули будут летать вокруг и его не
ранят. Но горе, седмерицею горе тому,
кто усомнится во всемогуществе аллы и
в обещаниях Эль-Моды!

И мусульмане, слушая сии слова,
поверглись на прах лицами.

— Встаньте! — воскликнул Эль-Мо-
ды, — должно сражаться.

— У нас нет оружия, — сказал один
феллах.

— Кто сомневается, — подхватил
Мелек грозным голосом, — что Бог не
пошлет его нам? Войдите в мечеть:
там найдете вы оружие, которое принес
в дар Богу халиф³³ Мохазем, когда
возвратился в Египет победителем
над неверными неграми Феца³⁴. Возьми-
те его и ступайте за мною к победе.

Феллахи вооружились и, предводи-
мые Мелеком Эль-Моды, пошли на
Дамангур, воспевая хвалы пророку
и повторяя грозный *текбир*.

(Окончание в следующем №.)

* *Аллах, Акбар!* (Велик Бог!)

ОТРЫВОК ИЗ ДРАМАТИЧЕСКОЙ ХРОНИКИ

Смоляне в 1611 году
(Соч. кн. А. А. Шаховского)³⁵

Действие IV. Явление 7.

Мезецкий (смолянам).

Святитель Филарет³⁶, честный отец Авраамий³⁷,
Келарий Троицкий, и весь посольский клир³⁸

Монми грешными устами

Благословение и мир

Дают вам всем и теплые молитвы

Возносят к Вышнему: да сохранит Господь

Не столько в час правдивой битвы

От язв и смерти нашу плоть,

Как души ваши от сомненья

В предвечной благодати небесного Отца

И ваши верные сердца

От демонского искушенья.

Посольства нашего священная глава

Чрез Авраамия, которому с послами

Свиданья не претят, велел мне, — да пред вами

Я повторю его отцовские слова:

Смоленск! любимый град, за верность Мономахам

Ты целованный крест отечеству всему:

Работай Господу со страхом

И радуйся со трепетом ему.

Не зри на смерть, но бойся данной клятвы;

Неколебимо стой за русский весь народ.

И в день Господней жатвы

За глад земной вкусить небесный плод

Надейся несомненно.

Ты' долго мучился, твой труд велик и много;

Когда же в крайний час обрящешь³⁹ брани бог

Твое пождание несовершенно,

Терпение не до конца,

Твой будет труд без мзды, мученье без венца.

И если омертвят твой дух врагов угрозы,

То в казнь тебе святых московских слезы,

Владычии гнев и радость злых людей.

Кто знает, сколько жить ему осталось дней?

Не к смерти ль весь наш век всечасная дорога?

Так буде нынче вы спасетесь стыдом,

То все умрете же потом

Без пользы для своих, не ради славы Бога!

Надежда на слова губителя — тщета:
Уже враги куют для ваших рук железа,

Кровопрлитная готова вам трапеза,

И чаша смертная до края налита.

Так, близок Божий час! и христианин каждый

Будь твердым духом бодр и чистым сердцем рад!

Престанешь скоро ты томиться жаждой

Живой воды, и твой душевный глад

Насытишь скоро ты неземнородным хлебом.

Мужайтесь, братия, и радуйтесь: уже

Стоите вы на вечном рубеже

Меж тленною землей и бесконечным небом...

Оно отверзто вам!..

Пятой ноги отриньте землю

И на крылах души неситесь к небесам.

Вот что изрек Авраамий Палицын.*

РАЗМЫШЛЕНИЯ И РАЗБОРЫ

(Соч. П. А. Катенина)⁴⁰

СТАТЬЯ I.

I. Об изящных искусствах.

Сколько написано теорий об изящном! Как все они произвольны, сбивчивы и темны! Какую пользу принесли или принести могут? Физика стала наукою дельною с той только поры, когда откинули все умствования, системы и догадки, чтобы заняться единственно наблюдением и испытанием природы: не пора ли взяться за то же в эстетике?

Что разумеют под словом: искусство изящное? В чем полагают его различие с другим искусством? Если в выборе

* Мысли и некоторые выражения сей речи почерпнуты из сказаний самого Авраамия Палицына.

высокого предмета и цели, то немногие из так называемых изящных искусств имеют право на сие название. Рассмотрев поближе, увидим один только предмет высокий: это человек⁴¹.

Два рода искусств изображают человека: один действует на душу посредством глаз, другой посредством уха. Статуя, барельеф, картина, эстамп, рисунок суть только подразделения одного и того же искусства; все они равно поражают зрение, и все равно не существуют для слепого. Так же слова, в прозе или стихах, с напевом или декламацией, или простым говором, колеблют душу чрез слух и непонятны глухому.

Справедливо ли, наравне с сими искусствами, называют изящными архитектуру и музыку? что есть изящного в каком-нибудь строении? почему восхищаться более фасадом дома, удобством лестницы, разрезом двери либо окна, нежели отделкою кареты, фасонном кресел или шегольством наряда? Что может быть высокого в музыке отдельно от слов? Ряд стройных звуков доставляет удовольствие физическое: приятно греться у огня, качаться на качелях, кружиться в пляске, скакать на лошади, слушать соловья в лесу или

Фильда⁴² в концерте; но благороднейшим чувством человека до всего этого дела нет.

Музыка и поэзия, обе непосредственно действуют на слух; первая услаждает его гораздо более, вторая идет далее: звуки речей для нее только знаки высоких мыслей и чувств. Богатая иллюминация или блестящий фейерверк приятнее для глаз полуразрушенной от времени греческой статуи, закоптелой и потертой итальянской картины; но какая разница в действии их на душу и ум!

В поэзии и живописи (оно здесь заодно с ваянием) можно верно и точно определить степень достоинства; они изображают естество: стало, чем ближе и сильнее, тем лучше. В зодчестве и музыке дело другое; первое — искусство механическое, в нем много значат польза и удобство, меняющиеся по времени и месту: греки любили здания четверугольные, а римляне круглые; в египетской архитектуре почитается достоинством огромность и тяжесть, в готической легкость и смелость: что лучше и почему? Музыка еще более оставлена на произвол; нежный слух итальянцев предпочитает всему мелодию, немецкое ухо требует шумной и многосложной гармонии: кто прав? Оба по-своему. Французы же и по сие время не ненавидят род крика: они также правы, если без того звуки слабо потрясают их слух. Мне скажут: большинство голосов должно решить; но кто же сбирал голоса? и в какое время их собирать? Слава и хвала музыкальных сочинителей скоро рождается и умирает; нравятся всегда новые, стало, пока не состарились.

Искусства рисовальные и поэзия имеют взаимные преимущества и недостатки. Объем последней несравненно обширнее: кистью и резцом многого нельзя выразить, между тем как слова все выражают, но зато выражение их слабо перед сильным впечатлением

живописи и еще более скульптуры. Там рассказ, а здесь сама вещь; там целое образуется медленно из частей, здесь же оно внезапно во всей полноте и силе появляется и поражает.

В живописи и ваянии гораздо менее споров, расколов и противоречий о достоинстве художественных произведений, чем в поэзии: отчего? Не оттого ли, что все вообще полагают себя достаточными знатоками и судьями последней, ибо она по свойству своему теснее связана с умом и рассудком? Многие охотно признаются в недостатке сведений рисовальных и отказываются от резких приговоров над картинами или статуями; но всякий хочет судить о том, что он может прочесть. В живописи и скульптуре спорят только знающие и потому вскоре на чем-нибудь согласятся; в поэзии всех громче решают незнающие; и нет прениям конца. Молодой человек, рисующий цветы в альбомах, боится сказать дурное слово об академическом слепке Лаокоона или о Дрезденской Богородице, которую знает по эстампу Мюллера⁴³; но тот же молодой человек пишет стихи в альбомах и смело судит Гомера и Данте⁴⁴, Эсхила⁴⁵ и Шекспира⁴⁶, Софокла⁴⁷ и Расина, хотя не знает ни слова по-гречески, ни по-итальянски, плохо по-французски и как Фигаро по-английски⁴⁸.

Сверх того, оригинальные произведения ваяния и живописи дороги и редки; они хранятся в великолепных залах, где их видят в год раз, и предубеждение к ним увеличено непомерною ценою, за них заплаченной; но книги дешевы, и всякий может их иметь у себя. Современные художники также не в одинаковом виде представляются публике: живописцы и ваятели составляют особый класс людей, не всяк смеет сказать: *son pittore anch'io*⁴⁹, но стихотворец мне знакомый, мы вместе служили, и тогда моя воля судить надвое: коли мы

сошлись, его слава падает и на меня, он гений выше бывших и будущих; коли нет, я ни за что не соглашусь признать в нем дарования и тем поставить его как бы выше себя.

Предоставляю судить об архитектуре каждому народу и лицу по своему удобству, о музыке по своему безотчетному наслаждению; полезное и приятное не для всех одно и то же, но прекрасное неизменно. В живописи и ваянии общее мнение остепенилось; оно должно равномерно утвердиться и в поэзии, коль скоро самолюбие, пристрастие и невежество частных лиц будут удержаны достоинством, знанием и правосудием общества.

II. О поэзии вообще.

С некоторого времени в обычай вошло делить поэзию надвое, на классическую и романтическую: разделение совершенно вздорное, ни на каком ясном различии не основанное. Спорят, не понимая ни себя, ни друг друга; со стороны приметно только, что на языке некоторых, *классик* — педант без дарования, на языке других, *романтик* — шалун без смысла и познаний.

Начальная, первобытная, самородная поэзия у каждого народа имеет необходимо особое свойство и краску. Люди в некоторых отношениях везде и всегда одинаковы, в других несходны между собою; поэзия, изображая их, будет непременно в общих свойствах одна повсюду, в частных и местных разнообразна.

Поэзия искусственная в народе просвещенном и знающем не только себя, но и других, может вмещать в себе все различные свойства разнонародных поэзий, не смешивая их уродливо. Чем ближе поэт новый, наш, обрабатывая предмет древ-

ний или чуждый, подойдет к свойству, быту и краске избранного им места, времени, народа и лица, тем превосходнее будет его произведение; чем менее сумеет он туда перенести себя и читателя, тем опыт его будет хуже и неудачнее.

Предписывать поэту выбор предметов несправедливо и вредно; кто может по чужим внушениям действовать так свободно, горячо и успешно, как по собственным? Было время во Франции, когда не почитали достойными трагедии никого, кроме греков и римлян Корнель⁵⁰ не смел назвать «Сиды» иначе, как трагикомедиею, а Расин принужден просить извинения за турок в предисловии «Баязета». Теперь лист перевернулся, греков и римлян гонят с белого света: и то и другое предрассудок, недостаток истинного вкуса и поэтического чувства. Для знатока прекрасное во всех видах и всегда прекрасно; судить о произведениях высоких искусств по прихотям моды — явный признак слабоумия.

Одно исключение из сего правила извинительно и даже похвально: предпочтение поэзии своей, отечественной, народной; оно подкрепляется мыслию, что хорошее сочинение в этом роде может достигнуть большего совершенства, нежели всякое другое; свое ближе чужого: поэт с ним познакомится короче, выразит вернее и сильнее.

Другие народы также не все равно нам известны. Религия сблизила нас с евреями, воспитание с греками и римлянами, соседство и беспрестанные сношения с Европою. Азия и Африка существуют для нас почти в одной географии. При первом взгляде кажется, более труда и достоинства в поэтическом изображении последних; но где же поверка? Многие в состоянии заметить погрешности и отступления неискusstvenного автора, когда он пишет о предметах, вообще знако-

мых, малейший недостаток виден; о чуждом и темном пишет, что хочет; все хорошо; лишь бы ново. Опять спрошу, что с ним будет, когда сошлется?

Кроме разделения поэзии по векам и народам, есть еще другое: по родам и формам; но первое существенно, а второе произвольно. В каждом веке и народе появлялись, сами собою или в подражание, новые формы стихотворений, некоторые остались, другие исчезли, многие еще могут возродиться. Они важны не собственно по себе, а по связи своей с содержанием; с изменением его должен измениться и наружный вид.

(Продолжение в следующ. №.)

БИБЛИОГРАФИЯ

Русские книги

История русского народа, сочинение Николая Полевого. Том I. — М., в типогр. Августа Семена, 1829 (LXXXII — 368 стран. в 8-ю д. л. В конце книги приложена таблица, содержащая в себе генеалогическую роспись русских князей с 862 по 1055 год.)^{*51}

* Раздается в книжном магазине А. Смирдина. Подписная цена за все 12 томов 40 руб., с пересылкой 45 рублей.

СТАТЬЯ I.

Мы не охотники разбирать заглавия и предисловия книг, о коих обязываемся отдавать отчет публике; но перед нами первый том «Истории русского народа», соч. г. Полевым, и поневоле должны мы остановиться на первой строке посвящения: *Г-ну Нибуру, первому историку нашего века*⁵². Спрашивается: кем и каким образом г. Полевой уполномочен назначать места писателям, заслужившим всемирную известность? должен ли г. Нибур быть благодарен г. Полевому за милостивое производство в первые историки нашего века, не в пример другим? Нет ли тут со стороны г. Полевого излишней самонадеянности? Зачем с первой страницы вооружать уже на себя читателя, всегда недоверчивого к выходкам авторского самолюбия и предубежденного против нескромности? Самое посвящение, вероятно, не помирит его с г. Полевым. В нем господствует единая мысль, единое слово: *Я*, еще более неловкое, чем ненавистное *Я*. Послушаем г. Полевого: «В то время, когда образованность и просвещение соединяют все народы союзом дружбы,

основанной на высшем созерцании жребия человечества, когда высокие помышления, плоды философских наблюдений, и великие истины прошедшего и настоящего составляют общее наследие различных народов и быстро разделяются между обитателями отдаленных одна от другой стран...» тогда — что б вы думали? «я осмеливаюсь поднести вам мою *Историю русского народа*».

Belle conclusion et digne de l'exorde!⁵³

Далее: «Я не поколебался писать историю России после Карамзина; утвердительно скажу, что я верно изобразил историю России; я знал подробности событий, я чувствовал их, как русский; я был беспристрастен, как гражданин мира»... Воля ваша: хвалить себя немножко можно; зачем терять хоть единый голос в собственную пользу? Но есть мера всему. Далее: «Она (картина г-на Полевого) достойна вашего взора (Нибурова). Пусть⁵⁴ приношение мое покажет вам, что в России столько же умеют ценить и почитать вас, как и в других просвещенных странах мира». Опять! как можно самому себя выдавать за представителя всей России? За посвящением следует предисловие. Вступление в оное писано темным, изысканным слогом и своими противоречиями и многословием напоминает философическую статью об русской истории, напечатанную в «Московском телеграфе» и разобранную с такой оригинальной веселостью в «Славянине»⁵⁵.

Приемлем смелость заметить г-ну Полевому, что он поступил по крайней мере неискусно, напав на «Историю государства Российского» в то самое время, как начинал печатать «Историю русского народа». Чем полнее, чем искреннее отдал бы он справедливость Карамзину, чем смиреннее отозвался бы он о самом себе, тем охотнее были бы все

готовы приветствовать его появление на поприще, ознаменованном бессмертным трудом его предшественника. Он отдалил бы от себя нареkania, правдоподобные, если не совсем справедливые. Уважение к именам, освященным славою, не есть подлость (как осмелился кто-то напечатать), но первый признак ума просвещенного. Позорить их дозволяется токмо ветреному невежеству, как некогда, по указу эфоров⁵⁶, одним хиосским⁵⁷ жителям дозволено было пакостить всенародно.

Карамзин есть первый наш историк и последний летописец. Своею критикой он принадлежит истории, простодушием и апофогмами⁵⁸ хронике. Критика его состоит в ученом сличении преданий, в остроумном изыскании истины, в ясном и верном изображении событий. Нет ни единой эпохи, ни единого важного происшествия, которые не были бы удовлетворительно развиты Карамзиным. Где рассказ его неудовлетворителен, там недоставало ему источников: он их не заменял своевольными догадками. Нравственные его размышления, свою иноческую простотою, дают его повествованию всю неизъяснимую прелесть древней летописи. Он их употреблял, как краски, но не полагал в них никакой существенной важности. «Заметим, что сии апофогмы;— говорит он в предисловии, столь много критикованном и столь мало понятном,— бывают для основательных умов или полуистинами, или весьма обыкновенными истинами, которые не имеют большой цены в истории, где ищем действия и характеров». Не должно видеть в отдельных размышлениях насильственного направления повествования к какой-нибудь известной цели. Историк, добросовестно рассказав происшествие, выводит одно заключение, вы другое, г-н По-

левой никакого: *вольному, воля*, как говорили наши предки.

Г-н Полевой замечает, что 5-я глава XII тома была еще недописана Карамзиным, а начало ее, вместе с первыми четырьмя главами, было уже переписано и готово к печати, и делает вопрос: «Когда же думал историк?»

На сие отвечаем:

Когда первые труды Карамзина были с жадностию принимаемы публикою, им образуемою, когда лестный успех следовал за каждым новым произведением его гармонического пера, тогда уже думал он об истории России и мысленно обнимал свое будущее создание. Вероятно, что XII том не был им еще начат, а уже историк думал о той странице, на которой смерть застала последнюю его мысль... Г-н Полевой, немного подумав, конечно, сам удивился своему легкомысленному вопросу.

р. 59

(Продолжение обещано.)

Вот замечательные литературные новости, о коих мы поставляем долгом известить любителей чтения. В конце прошлого года напечатан в Москве первый русский исторический роман «Юрий Милославский», соч. г. Загоскина⁶¹. В Москве же вышел в свет альманах «Денница»⁶², изданный г. Максимовичем (издателем малороссийских песен). В сем альманахе помещены прозаические статьи г. З. В-ой⁶³, кн. Вяземского, Ф. Н. Глинки, П. Байского⁶⁴, г. Киреевского⁶⁵ (весьма замечательная статья «Обозрение русской словесности 1829 года»), Среднего-Камашева⁶⁶, Полевого и пр.⁶⁷; стихотворения А. С. и В. Л. Пушкиных⁶⁸, Баратынского,

кн. Вяземского, б. Дельвига, Ф. Н. Глинки, Мерзлякова и многих других поэтов; в том числе видели мы имена нескольких дам⁶⁹.— Здесь поступил в продажу альманах «Царское Село»⁷⁰, изд. Н. Коншиным и бароном Розеном. В этой книжке прозаические статьи: самих издателей, Ф. Н. Глинки, Сомова и пр.⁷¹; стихотворения А. Пушкина, Баратынского, б. Дельвига, Ф. Н. Глинки, Щастного, Деларю, самих издателей и пр. К альманаху «Царское Село» приложен портрет б. Дельвига и заглавная виньетка, с видом острова на Садовом озере в Ц. Селе. Вышла также 1-я часть «Театра Н. И. Хмельницкого»⁷², с портретом сочинителя. О всех сих, приятных явлениях в русской словесности, «Литературная газета» не замедлит дать отчет своим читателям.

ВТОРНИКЪ.

ТОМ. I. №. 5.

ЯНВАРЯ 21^ю.

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА.

Выходитъ
черезъ
каждае пашь двей

1830 ГОДЪ.

Цѣна годовому изданію,
состоящему изъ 72-хъ
№., въ С. П. Е. 35 руб.
съ пересылкою и равно-
свой 40 рублей.

Въ Январь Газета сія выходитъ въ слѣдующіе дни: 1-го числа (въ Среду), — 6-го (въ Понедѣльникъ), — 11-го (въ Субботу), — 16-го (въ Четвертокъ), — 21-го (въ Вторникъ), — 26-го (въ Воскресеніе) и 31-го (въ Пятницу).

(Окончание)

Дамангур¹, главный город Бахиреха, окружен, как поясом, рошею пальм и сикоморов², над коими возносятся куполы и минареты мечетей. Шестьдесят французов оставлено было защищать город. Воины сии, воспитанные для морских побоец, по истреблении французского флота доказали на равнинах Гизе³ и в стенах Дамангура, что ратники их отечества умеют сражаться с одинакою храбростию везде, где только неприятель им встретится.

Начальник их, убедясь в невозможности противиться вооруженной толпе, шедшей против них, послал гонца в Рашид, другого в Александрию⁴, чтоб известить своих генералов об опасности, грозившей городу. Потом заперся с своими шестьюдесятью солдатами в укрепленном доме, где все было приготовлено к сильному отпору.

Между тем феллахи Мелека Эль-Моды заняли Дамангур. Зеленое знамя и полумесяц выставлены были на всех домах, кроме того, где заперлись французы.

Эль-Моды послал вестника к начальнику французов с обещанием ему пощады жизни, если он сдастся военнопленным. Вестник возвратился.

— Ангел божий!— говорил он, приклонясь до земли и ударясь об нее трижды своею чалмою,— един Бог есть бог, Могаммед его пророк, Эль-Моды его посланник! Вот ответ франка: «Пойди, скажи дерзкому обманщику, который тебя посылает»... (прости мне, ангел божий, что я повторяю слова его).

— Продолжай,— отвечал Эль-Моды. Араб продолжал:

— Скажи ему, что француз умирает,

а не сдается*. Лейтенант Мартень командует в Дамангуре: он умрет со всеми своими людьми, прежде чем впустит неприятеля в этот дом...

— Довольно,— перервал Эль-Моды,— пусть же умирают!

Тогда *текбир*, повторенный на улицах города, собрал воинов на площадь.

— Правоверные!— вскричал грозный ангел,— к оружию: нападите на франков в последнем их убежище! Помните, идущи в бой, что вера в бога сотворит вас невредимыми.

Громкие вопли были ответом на слова сии. Арабы и *феллахи* приступили к самым окопам французов. Дом был окружен со всех сторон, и со всех сторон сыпался из него град пуль. Земля была усеяна трупами. Арабы отступили и спрашивали друг друга: «Где же невредимые?»

Вдруг Эль-Моды стал перед ними. Он был весь обнажен. Сабля была у него в левой руке, а в правой держал он топор. «Благословим аллу,— сказал он лишившимся бодрости своим воинам,— сам он отделил добрых от худых. Неверующий в Бога да удалится, если не хочет умереть, как те, которые лежат здесь на песке. Славен Бог! вперед!»

Он пошел первый, и все за ним, одушевленные новым жаром; напрасно пули поражают многих из них: остающиеся еще более уверены, что их нельзя ранить. Они приступили к самым стенам. Эль-Моды рубит дверь своим топором, дверь падает — и арабы бросаются в дом, где начинается новая сеча. В сию минуту Эль-Моды слышит отдаленный звук труб и барабанов. Алфена, презирая все опасности, бежит возвестить ему, что на равнине виднеется ополчение пеших и конных людей, идущее к городу.

Эль-Моды собирает арабов, которые

* Черта историческая.

не ворвались в дом, занятый французами, вскакивает на своего коня, подведенного Алфеной, и готовится идти в бой с неведомым неприятелем. Когда он выезжал из города с своими сподвижниками, — вдруг раздался страшный треск. Мелек обернулся: ужасный взрыв истребил победителей и побежденных (ибо французский офицер сдержал свое слово: он умер), и пламя пожирало остатки дома.

— Славен Бог! — вскричал Эль-Моды испуганным своим воинам. — Славен Бог! Дамангур освобожден от франков.

— А братья наши погибли, несмотря на твое обещание, — проговорил грубым голосом один старый араб, не столь ослепленный, как его товарищи.

— Старик безверный! разве я обещал жизнь маловерам? — надменно отвечал ему Эль-Моды.

— Ангел божий! — подхватил упорный старик, — что для нас истребление шестидесяти франков, когда рать гораздо сильнее идет на нас?

Зрение Эль-Моды было зорче, нежели ослабшие глаза старика: он узнал тех, которые шли по равнине.

— Кто сказал тебе, что это франки?.. А если это наши друзья, тогда что ты скажешь?

Старик, изумленный сею уверенностью, пробормотал какие-то слова, которых Эль-Моды вовсе не слушал.

Вдруг ангел возвысил свой голос. «Правoverные, — сказал он, — прославьте Бога! Вот и братья идут сражаться за вас».

И действительно пришли: Осман-Эль-Бардис с пятьюстами мамелюков, старый шейх⁵ джеуабисов с тремястами конных ратников своего колена, юный бей арабов баркских с осмьюстами всадников и тысячью пеших воинов и три шейха, уалдалисов, анадисов и фoadисов, из коих каждый привел двести человек конных и сто дромадеров. Все сии воена-

чальники, встреченные радостными кликами *феллахов* бахирехских, стали вокруг Мелека Эль-Моды и вошли в город вместе с ним.

Между тем весть о взятии Дамангура промчалась по Египту вместе с вестью о появлении грозного Эль-Моды. Мусульмане, согбенные игом завоевания, подняли голову вверх: скоро вострепещут завоеватели! Эль-Моды с своим воинством скоро покинет Дамангур и пойдет на Дельту⁶.

Генерал Дюгюа в Каире, генерал Мармон*⁷ в Александрии, генерал-адъютант Жюльен в Рашиде, генерал Ланюсс⁸ в Шаркиехе и генерал Фюжьер в Гарбиехе узнали в одно время о победе и появлении Эль-Моды.

А он? он быстро несется вперед с правoverными. Вотще французы на него нападают: что могут сделать несколько человек против целого войска? храбрость одна не дает победы. Лефевр⁹ отступил в Раманиех¹⁰; Редон возвратился к своему полководцу в Александрию.

Эль-Моды шел победоносцем по Бахиреху; он протек сию область как повелитель. Войско его усилилось, как большая река, поглощающая в своем течении воды всех рек окрестных.

Наконец он прибыл в плодородную долину Сангурскую, в тот час, когда восходящее солнце рассевало туман росы. Долина была покрыта пожелтевшею жатвой. Пальмы, отягченные плодами, укрывали под своею зеленью белые дома города, коего только высокие минареты возносились над зеленою рощей. Эль-Моды увидел развевавшееся знамя; он понял, что скоро должно было завязаться сражение. Войско его приостановилось. Молитва совершена была посреди поля, и как не было воды, то арабы употребляли песок на первое из пяти омовений,

* Нынешний дук Рагузский, маршал и пэр Франции.

заповеданных законом Могаммедовым¹¹. За сим, по знаку небесного своего вожатая, войско двинулось вперед.

Скоро увидело оно отряд французов, предводимый храбрым Лефевром*: отряд сей построен был в каре, четыре пушки, поставленные на небольшом холме, защищали его движения.

Правоверные готовились окружить сей слабый отряд; и тогда началась ужасная битва, еще более ужасная стройною храбростию одних, числом и буйною отвагою других. Семь часов сряду гром пушек не умолкал на мирных полях сангурских. Девять раз бесстрашные мамелюки бросались на каре французов, чтобы его разорвать; и девять раз их усилия оставались тщетными. Шейхи, окружавшие Мелека, почти все были изранены. Абдаллах-Баши и Ибрагим Чорбаджи, шейхи дамангурские, и Мурад-Абдаллах, шейх анадисов, были убиты.

Эль-Моды печально смотрел на сию обширную равнину, где пажити, зыблемые ветром, являли образ волнующегося моря, и на сей отряд французов, который, подобно твердой скале, сопротивлялся всем натискам. Еще минута — и плоды всех подвигов, и надежда мщенья погибли бы для Мелека. Уже шейхи роптали, и взоры старика, говорившего с ним у ворот дамангурских, были снова на него устремлены и как бы вопрошали его. Вдруг несколько слов, сказанных тихо, отозвались в его слухе: «Гассан, хочешь ли победить?» Он взглянул на говорившего сии слова; то была Алфена: «Собери воинов твоих вокруг себя, и я доставлю тебе победу». — «Но как?» — «Увидишь».

Арабы стеклись на призыв своих вождей и стали вокруг Эль-Моды. Уныние поселилось в них: они не победили. Эль-

Моды проскакал по рядам воинов, говорил с старцами. Его уверенность, удерживая их негодование в пределах, не возвратила им, однако ж, доверия к нему: они сговорились уйти. Эль-Моды вскрикнул: «МалOVERы! вы сомневаетесь в могуществе аллы? Я обещал вам победу: вы ее получите».

В сие мгновение столп огненный поднялся на равнине; он обхватил пажити, он быстро развился и, гонимый ветром, побежал в вихре клубистого дыма. Он скрыл французов от глаз арабов. Эль-Моды торжествовал: «Кто еще усомнится в словах моих?» И воины его, изумленные чудом, поверглись к ногам Мелека. Один стоял он посреди пятнадцати тысяч ратников, распростершихся на прахе, и между тем пламя покрывало долину. Алфена подле него. «Гассан,— сказала она,— женщина не бесполезна тебе». Гассан отблагодарил ее взором и улыбкой.

Когда войско, все без исключения преклонившееся пред Эль-Моды, встало по его велению, тогда увидело оно вдали французов, бежавших от пламени, которое гналось за ними. Пушки уже не гремели по долине, и знамя, развевавшееся поутру на мечети Сангура, было сброшено с нее жителями.

Сия победа над воинами, кои дотоле были непобедимы, прославила имя Эль-Моды по всему Египту. Какой малOVERный мусульман мог сомневаться в небесном посольстве того, кто был предначен к освобождению отчизны, когда в долине Сангурской пятнадцать тысяч свидетелей видели пламя, ниспавшее с неба по его гласу к уничтожению рати врагов?

Лефевр снова заперся в Раманиехе. Эль-Моды возвратился в Дамангур, дабы приготовить там освобождение Египта и ожидать помощи от Мурада-бея. В сем-то городе явилось в полном блеске вышнее назначение Мелека.

* Lefebvre, впоследствии умерший дюком Данцигским и маршалом Франции.

Феллах и доныне рассказывает, что никакою пищею не подкреплялось невестственное тело его. Вместо всякой яствы, он только обмакивал пальцы свои в сосуд молока и слегка потирал ими уста свои. У него были несчетные сокровища: золото, лившееся свыше, всегда готово было для щедрот его; и, благодаря ему, самый бедный араб мог узнать вид и вес цеккина.

Между тем французские генералы с беспокойством слышали о его победах. По приказанию генерала Мармона, часть гарнизона рашидского пошла в Раманиех для присоединения к отряду храброго Лефевра. Генералы Ланюсс и Фюжьер, посланные генералом Дюгюа, комендантом Каира, также пошли туда, один из Дельты, другой из Гарбиеха. Генерал Ланюсс принял начальство над соединенными войсками французов и повел их к Дамангуру.

Эль-Моды вышел за несколько дней пред тем из Дамангура навстречу арабам сивахским¹², которые шли присоединиться к его войску. Он узнал, что французы взяли направление на сей город, который он назначил местом соединения для дружин своих: он возвратился туда, но пришел уже только для того, чтоб видеть пожар, истребивший несчастный сей город.

Отчаянное сопротивление небольшого числа арабов не воспрепятствовало французам ворваться в Дамангур. Когда они увидели на площади почерневшие от порохового взрыва развалины дома, в котором погиб лейтенант Мартень с храбрыми своими сподвижниками, то почувствовали неутолимую жажду мщения. Не внемля голосу своих генералов и офицеров, они перерезали всех сообщников Эль-Моды, взятых ими в плен. Жители Дамангура, встретившие радостными восклицаниями посланника небес, также не были пощажены. Они первые подали всей области Бахирехской пример к вос-

станию против своих завоевателей: мужчины, женщины и дети — все были преданы мечу, и сожженный город являл только страшную грудку камней, пепла и трупов.

При виде сего позорища опустошения, сего столпа пламени, подымавшегося вверх наподобие пирамиды и красноватым своим заревом придававшего небесной лазури мрачный цвет крови, слеза выкатилась из очей ангела-освободителя. Одно, только одно слово вырвалось из уст его, и это слово: *мщение!* повторенное всем его войском, смешалось с грозным *текбиром*.

Никогда Эль-Моды не явился столь великим, как в этот день, долженствовавший решить судьбу Египта. Он построил своих арабов в боевой порядок, знакомый только европейским полководцам. На белом коне своем и в сопровождении верного своего *ичоглана* разъезжал он по рядам и ободрял своих воинов. Голос его отдавался звуком сверхъестественным. Он возвещал войску о великом чуде, долженствовавшем совершиться в тот день, — и полные огня глаза его, одушевленные местью и любовью к отечеству, казалось, обещали его сподвижникам верную победу.

Знак подаи, и в час, когда пламенное солнце, достигнув самой высоты небес, бросает отвесно лучи свои, загорелось сражение. Оно было ужасно; Эль-Моды повсюду являлся в первых рядах. Повсюду, где больше было опасности, громовый голос его пробуждал отвагу в воинах и обещал им победу или награду мучеников. И хотя посланник аллы и юный спутник его были всегда под самым сильным огнем неприятельским, но пули, как бы щадя их, пролетали мимо.

Солнце, совершая путь свой, покинуло небосклон египетский; при бледном зареве дотлевавшего Дамангура оба войска все еще сражались с таким ожесто-

чением, что первые лучи сего светила, возродившегося на другой день из недр Аравийского моря, конечно бы снова осветили непрерывившийся еще бой, когда бы в ночи ужасный ураган не притек и не принудил сражавшихся разойтись.

Французы провели ночь на поле битвы, удержав занятые ими позиции. Арабы оставили долину Дамангурскую и ушли в степь. Эль-Моды уже не было с ними. Французы утверждали, что пуля, посланная из их рядов, убила Мелека; но тела его не нашли между трупами, и арабы уверяли, будто бы во время бури, насланной им, дабы способствовать их отступлению, он вознесся снова на небеса.

Один французский офицер, смертельно раненный и вынесенный потом с поля сражения, сказывал, что в ночи исполнского роста араб, пораженный пулею, пал мертв подле самого того места, где офицер сей боролся с смертию; что у араба был белый конь, который, видя всадника своего упавшего, остановился подле трупа его и жалобно заржал. Офицер, почти умиравший, смотрел без дальнего внимания, однако ж ему показалось, будто бы какой-то юноша, подъехав к трупу, зарыдал, поцеловал его, приподняла от земли и привязала к белому коню; потом все они исчезли.

Юной Алфены никто уже не видал в Египте после того, как Мелек Эль-Моды скрылся.

Когда лета и горести свели в могилу мать Гассанова, тогда вскрыли гробницу, в которой покоился муж и одиннадцать сынов ее, и тело ее положили в порожний гроб, для нее назначенный; после того дверь гробницы была закладена навеки.

Старый невольник дома Гассанова вспомнил, что в могиле должны были оставаться два пустые гроба, а ему показалось, что нашли только один, но уважение, питаемое к усопшим, не дозволило

ему удостовериться в истине своих сомнений.

Когда странник-феллах приходит на поклонение в мечеть Мохазема, близ коей сооружен надгробный памятник рода Гассанова, то спрашивает у Сантона, стража гробниц: для чего тринадцать каменных чалм иссечено на гробнице, в которой смерть собрала только двенадцать мужчин? и Сантон молчит; ибо он не знает, какая неведомая рука в одну летнюю ночь поставила сию тринадцатую чалму.

С фр.— Сомов.

К Н И М¹³

За что служу я целью мести вашей,
Чем возбудить могу завистливую злость?
За трапезой мирской непрязнуемый гость,
Не обойден ли я пирующею чашей?
Всмотритесь, истиной прочистите глаза:
Она утешит вас моею наготою,
Быть может, язвами, которыми гроза
Меня прожгла незримою стрелою.

И что же в дар судьбы мне принесли?
В раскладке жребиев участок был мне нужен.
Что? две-три мысли, два-три чувства, не из дюжин,
Которые в ходу на торжищах земли.
И только! но сей дар вам не был бы по нраву,
Он заколдован искони;
На сладость тайную, на тайную отраву
Ему подвластные он обрекает дни.

Сей дар для избранных бывает мздой и казнью,
Его ношу в груди, болящей от забот:
Как мать преступная с любовью и боязнью
Во чреве носит тайный плод.
Еще до бытия приял, враждой закона,
Он отвержения печать,
Он гордо ближними от их отринут лона,
Как бытия крамольный тать¹⁴.

И я за кровный дар перед толпой краснею,
И только в тишине и скрытно от людей
Я время милое лелею

И промысл за него молю у алтарей.
Счастливы! вы и я, мы служим двум фортунам.
Я к вашей не прошу: моя мне зарекла
Противопоставлять волнению и перунам¹⁵
Мир чистой совести и хладный мир чела.

К. Вяземский.

РАЗМЫШЛЕНИЯ И РАЗБОРЫ

СТАТЬЯ I

(Окончание)

III. О ПОЭЗИИ ЕВРЕЙСКОЙ¹⁶

Поэзия еврейская, или лучше сказать библейская¹⁷, отличается от всех ей современных строгим и важным понятием о Божестве. Все события, общие и частные, совершаются по благодати или гневу везде присущего господу, все равно клонятся к его славе и хвале, нигде его ве-

личие и сила не были выражены так достойно, ни в какой поэзии нет столько единства, высоты и святости. Неизбежным последствием сих преимуществ есть некоторый недостаток разнообразия; страсти человеческие не могут развиваться свободно под всегдашним покровительством либо гонением Бога всевластного, нет борьбы там, где нет равенства в борющихся. В Библии только два рода лиц: любимцы Саваофа и враги его, белые и черные: все прочие краски сливаются и исчезают.

Книга *Бытия*¹⁸, по мнению моему, прекраснейшая из всего Священного писания¹⁹. Изображение²⁰ первых веков мира и кочующих пастырей-патриархов восхитительно; оно с детства пленяет чувство и воображение. Смерть Авеля²¹, жертвоприношение Исаака²², Агарь²³ в пустыне, Иаков²⁴ с сыновьями, паче всего чудесная судьба благодушного Иосифа²⁵, никогда не изгладятся из памяти, хотя бы случилось в первый раз узнать их из ничтожной карманной книжки с картинками. Нет поэта или живописца, который бы не мог найти в них богатый источник красот простых, чувств, услаждающих сердце, и удивления достойно, что, кроме Рафаэля²⁶ в его *Ложях*²⁷, никто не извлек из сего источника ничего отменного; даже у Мильтона²⁸ Адам и Ева не удовлетворяют вполне, слишком сладки, роскошны, почти жеманны, словом: не то.

Книга *Руфь*²⁹ сельскою своею краскою и пленительным простодушием ближе всех к книге *Бытия*: я не знаю идиллии совершеннее.

В *Псалтыри*³⁰ хранятся сокровища красот лирических и описательных; много из нее черпали, и еще много осталось. Смелость выражений, резкость оборотов могут часто привести в отчаяние перелagателя.

Из *Пророков*³¹ в отношении поэтическом отличаются: Исайя, Езекииль и

Русские книги

Иеремий³². Первый высокостью часто равен Давиду³³, второй поражает смелостью картин, последний волнует душу слезным напевом. Их перелажали по частям почти столько же, как и псалмы.

Книги: *Царств*³⁴, *Иудифь*³⁵, *Есфирь*³⁶, *Макавейские* более исторические; однако Расин нашел в них содержания двух трагедий³⁷, увенчавших его бессмертною славой, и если его пример не произвел более, виною тому недостаток дарования в последователях.

Книга *Судей*³⁸ богата лицами и событиями; в ней особенное внимание заслуживают два, ожидающие только искусного трагика: Исфай с дочерью и Левит Ефраимов, обещанный и отпущенный.

Книги: *Иов*³⁹, *Еклезиаст*⁴⁰, *Притчи Соломоновы*⁴¹, также *Иисуса, сына Сирахова*⁴² философические; в них поэзия только местами: все русские знают, конечно, выбранное Ломоносовым из *Иова*⁴³.

В *Товите*⁴⁴ много простоты и заманчивости; в «Песни песней»⁴⁵ сладости и блеска. Романтическая школа превозносит похвалами индейскую Саконталу: в чем ей уступит еврейская Суламита?

Не знающему еврейского языка кажется, нет приличнее библейским понятиям, чувствам и картинам нашего церковного. Лучшие стихотворцы едва, и то не везде, достигают его высоты и силы, краткости и смелости, мягкости и роскоши. Должно ли, можно ли у нас отставать от него в переводах или подражаниях Священному писанию? Язык общества, сказочек и романов, песенок и посланий достоин ли высоких предметов библейских? Обезображенные им, они теряют и наружную важность и внутреннее достоинство: это пастырь холмов ливанских во фраке.

Юрий Милославский, или Русские в 1612 году. Соч. М. Н. Загоскина.— М., в типогр. Н. Степанова, 1829.— 3 части, с виньетками на заглавных листах (В I-й части 255, во II-й 166, в III-й 263 стр. в 12 д. л.)⁴⁶

В наше время под словом *роман* разумею историческую эпоху, развитую в вымышленном повествовании. Валтер Скотт увлек за собою целую толпу подражателей. Но как они все далеки от шотландского чародея! подобно ученику Агриппы⁴⁷, они, вызвав демона старины, не умели им управлять и сделались жертвами своей дерзости. В век, в который хотят они перенести читателя, перебираются они сами с тяжелым запасом домашних привычек, предрассудков и дневных впечатлений. Под беретом, осененным перьями, узнаете вы голову, причесанную вашим парикмахером; сквозь кружевную фрезу⁴⁸ à la Henri IV проглядывает накрахмаленный галстух нынешнего dandy. Готические героини воспитаны у Madame Campan⁴⁹, а государственные люди XVI-го столетия читают Times и Journal des débats⁵⁰. Сколько несообразностей, ненужных мелочей, важных упущений! сколько изысканности! а сверх всего, как мало жизни! Однако ж сии бледные произведения читаются в Европе. Потому ли, что люди, как утверждала Madame de Stael⁵¹, знают только историю своего времени и, следственно, не в со-

стоянии заметить нелепости романтических анахронизмов? потому ли, что изображение старины, даже слабое и неверное, имеет неизъяснимую прелесть для воображения, притупленного однообразной пестротой настоящего, ежедневного?

Спешим заметить, что упреки сии вовсе не касаются «Юрия Милославского». Г. Загоскин точно переносит нас в 1612 год. Добрый наш народ, бояре, козаки, монахи, буйные шиши⁵² — все это угадано, все это действует, чувствует, как должно было действовать, чувствовать в смутные времена Минина и Авраамия Палицына. Как живы, как занимательны сцены старинной русской жизни! сколько истины и добродушной веселости в изображении характеров Кириши, Алексея Бурнаша, Федьки Хомяка, пана Копычинского, батьки Еремея! Романическое происшествие без насилия входит в раму обширнейшую происшествия исторического. Автор не спешит своим рассказом, останавливается на подробностях, заглядывает в сторону, но никогда не утомляет внимания читателя. Разговор (живой, драматический везде, где он простонароден) обличает мастера

своего дела. Но неоспоримое дарование г. Загоскина заметно изменяет ему, когда он приближается к лицам историческим. Речь Минина на нижегородской площади слаба: в ней нет порывов народного красноречия. Боярская дума изображена холодно. Можно заметить два-три легких анахронизма и некоторые погрешности противу языка и костюма. Напр., новейшее выражение: *столбовой дворянин* употреблено в смысле человека знатного рода (*мужа честна*, как говорят летописцы); *охотиться* вместо: *ездить на охоту*; *пользоваться* вместо *лечить*. Эти два последние выражения не простонародные, как, видно, полагает автор, но просто принадлежат языку дурного общества. *Быть в ответе* значило в старину: *быть в посольстве*. Некоторые пословицы употреблены автором не в их первобытном смысле: *из сказки слова не выкинешь* вместо *из песни*. В песне слова составляют стих, и *слова не выкинешь*, не испортив *склада*; сказка — дело другое. Но сии мелкие погрешности и другие, замеченные в 1-м № «Московского вестника» нынешнего года^{*53}, не могут повредить блистательному, вполне заслуженному успеху «Юрия Милославского».

* «Московский вестник» будет издаваться в нынешнем году в том виде, в каком издавался он в 1827 и 1828. Сей журнал почти постоянно отличается статьями любопытными, дельными критиками и благонамеренностию. Прежние сотрудники продолжают участвовать в сем издании.

Роезуе Александра
Chodźki (Стихотворения
Александра Ходзьки). —
С.П.б., в типогр. К. Крайя,
1829 (VIII — 281 стр. в 8-ю
д. л. с картинкою.)⁵⁴

О нынешней поэзии вообще можно сказать с Лафонтеном: Il me faut du nouveaui, ñ en fût-il plus au monde!⁵⁵

Это потребность времени, и, угрождая оной, стихотворцы всех народов наперерыв стараются удивить нас новостью сравнений, независимостью мыслей и смелостию форм. Восточная поэзия, изобилуя гигантскими и роскошными изображениями, служила всегда обильным к тому источником. Писатели, ознакомившиеся с нею, т. е. напитавшиеся ее духом, отличаются какою-то необыкновенною прелестью (le gracieux). «Lalla-Roukh» Томаса Мура⁵⁶, блистая всеми красотами Востока и «The Love of Engels», нося на себе отпечаток благородства иранской музыки, служат тому доказательством. Адам Мицкевич⁵⁷, переведя «Шанфария» (арабскую кассиду⁵⁸), сам написал «Фариса», в котором сила мыслей, живость изображений и жар поэзии поработают воображение и заставляют его удивляться гению поэта. Он показал, как должно пользоваться сокровищами Востока. Постигнув потребность века пресыщенного, он также угодил ему новостью своей поэзии, но без пожертвований на счет доброго вкуса. Разделяя вполне дух нашего времени, мы не можем не сказать, однако же, что все смелые идеи, удивляющие нас своею новостью, должны находить поверку свою в непреложных законах изящного: тогда только

они сохраняют свою цену и будут усвоены просвещенным миром.

Изданные ныне «Стихотворения г. Ходзьки» содержат в себе 36 новогреческих песен, разные мелкие пьесы и «Дерара», кассиду в двух частях.

Кассида сия заключает в себе множество высоких и прекрасных изображений, в коих резко отражается дух восточной поэзии. Но автор, желая вернее передать нам характер певцов Востока, иногда удаляется от верного вкуса и употребляет сравнения преувеличенные: таково в *песни внуха* (стр. 149) сравнение вулкана с трубкою, гряды облаков — с чубуком и солнца — с янтарем. Сетования Зарифа и четверостишие (с турецкого) имели бы свое достоинство в каком-нибудь особенном сочинении о духе восточной поэзии, а не в поэтическом подражании *кассидам*, которое, без сомнения, не должно изменять изящному. Нельзя не пожалеть, что автор, обладая талантом и знанием Востока, не подарил нас очищенными красотами персидской и арабской поэзии, без примеси той уродливости воображения, коею отличается «Джами» (стр. 188 пр. 12).

Мелкие стихотворения Ходзьки, как оригинальные, так и переводные, носят на себе отпечаток таланта и могут доставить удовольствие просвещенным любителям поэзии. Сожалеем, что пределы статьи сей не позволяют нам распространиться более о их достоинствах и тем лишают нас удовольствия указать на множество истинных красот, заключающихся в сем *собрании*.

Г д т.

СМЕСЬ

⁵⁹ Французские журналы извещают нас о скором появлении «Записок Самсона, парижского палача». Этого должно было ожидать. Вот до чего довела нас жажда новизны и сильных впечатлений.

После соблазнительных «Исповедей» философии XVIII века⁶⁰ явились политические, не менее соблазнительные откровения. Мы не довольствовались видеть людей известных в колпаке и в шафроке⁶¹, мы захотели последовать за ними в их спальню и далее. Когда нам и это надоело, явилась толпа людей темных с позорными своими сказаниями. Но мы не остановились на бесстыдных записках Генриетты Вильсон⁶², Казановы⁶³ и Современницы⁶⁴. Мы кинулись на плутовские признания полицейского шпиона и на пояснения оных клейменого каторжника. Журналы наполнились выписками из Видока⁶⁵. Поэт Гюго не постыдился в нем искать вдохновений для романа, исполненного огня и грязи⁶⁶. Недоставало палача в числе новейших литераторов. Наконец и он явился, и к стыду нашему скажем, что успех его «Записок» кажется несомнительным.

Не завидуем людям, которые, основав свои расчеты на безнравственности нашего любопытства, посвятили свое перо повторению сказаний, вероятно, безграмотного Самсона. Но признаемся же и мы, живущие в веке признаний: с нетерпеливостью, хотя и с отвращением, ожидаем мы «Записок парижского палача». Посмотрим, что есть общего между им и людьми живыми? На каком зверином реве объяснит он свои мысли? Что скажет нам сие творение, внушившее графу Мейстру⁶⁷ столь поэтическую, столь страшную страницу? Что скажет нам сей человек, в течение сорока лет кровавой жизни своей присутствовавший при последних содроганиях стольких

жертв, и славных, и неизвестных, и священных, и ненавистных? Всё, все они — его минутные знакомцы — чредою пройдут перед нами по гильотине, на которой он, свирепый фигляр⁶⁸, играет свою однообразную роль. Мученики, злодеи, герои — и царственный страдалец, и убийца его, и Шарлотта Корде⁶⁹, и прелестница Дю-Барри⁷⁰, и безумец Лувель⁷¹, и мятежник Бертон⁷², и лекарь Кастен⁷³, отравлявший своих ближних, и Папавуань⁷⁴, резавший детей: мы их увидим опять в последнюю, страшную минуту. Головы, одна за другою, западают перед нами, произнося каждая свое последнее слово... И, насытив жестоко наше любопытство, книга палача займет свое место в библиотеках в ожидании ученых справок будущего историка.

⁷⁵ Недавно отпечатаны в литографии г. Гельбаха, одной из лучших, существующих в Петербурге, три рисунка, сделанные с картин Кипренского⁷⁶, под смотрением г. Сандомури, давно известного публике по прекрасным произведениям своим на камне, его учениками: Житневым и Безлюдным.

Два из сих рисунков, изображающие *цыганку и бедную девочку*, охотники до изящного необходимо должны, кажется, купить вместе, для того, чтобы, сравнивая их между собою, с большим удовольствием чувствовать прелесть кисти Кипренского и удобнее понять, с каким искусством и гением умел сей художник выразить два, совершенно противоположные характера.

Кто не скажет, взглянув на эту голову с густыми, черными и небрежно рассыпанными локонами, со смуглым лицом, с пламенными и лукавыми глазами, с полуоткрытым ртом, выражающим необузданный смех, что это живое изображение чувственности и грубых наслажде-

ний? Разберите порознь все черты лица этой женщины: они правильны, очерк их настоящий греческий, но она далека от того, чтобы назваться прелестною; ей недостает привлекательности. Это дикое дитя природы, которое никогда не чувствовало надобности обуздывать страсти свои, и все они ясно вырезались на лице ее. В руке у нее ветка миртового дерева, посвященного некогда богине Пафоса⁷⁷: самый приличный символ подобной женщине...

Посмотрите теперь на эту бедную девочку. Какое милое дитя! какая нежность и привлекательность в очертаниях лица, несмотря на всю неправильность оных. Опыт и страсти еще не успели положить на оном печати своей и дабы прочитать на нем выражение добродушия, скромности и невинности, не нужно быть Лафатером⁷⁸... Но этот красивый цветочек, который у нее в руке, она, верно, сорвала не для того, чтобы наслаждаться приятным запахом: он его не имеет... Итак, неужели для того, чтобы украсить им простой наряд свой? неужели суетность успела уже закрасться и в это юное, невинное сердце?.. О нет! Она сорвала его так, безо всякого намерения... и бросит, как негодную игрушку, когда он завянет... Какой живописец Кипренский!

Третий рисунок также не менее занимателен по предмету своему. Это портрет поэта нашего Александра Сергеевича Пушкина, сделанный с весьма похожего оригинала, принадлежавшего барону Дельвигу. Как сей, так и другие два рисунка нарисованы прекрасно и делают честь мастерской г. Сандомури.

Желающие купить их могут адресоваться к самому издателю, живущему на углу Гороховой улицы, близ Семеновского моста, в доме Яковлева.

В: А — р.

⁷⁹ Когда Макферсон⁸⁰ издал «Стихотворения Оссиана» (перевод, подражание или собственное сочинение — этот вопрос, кажется, доселе еще не решен), тогда все с восхищением читали их и перечитывали. «Никто еще не был опечален мыслию (говорит Вильмен⁸¹), что, удивляясь сим поэтическим песням, он удивлялся современнику. Все чувствовали *удовольствие без примеси*, то есть читали превосходные поэмы и не обязаны были за них благодарностью никому из живых людей». Потом начали догадываться, допытываться и дознались (вправду или нет), что поэмы Оссиановы были поддельные, новейшие произведения, словом: что их создал сам Макферсон. Известный критик доктор Джонсон⁸², человек отменно грубый, сильно напал на Макферсона и называл его обманщиком и злоумышленным делателем подлогов. Закипела жаркая война на перьях. И вот образчик тогдашней полемики: ответ д. Джонсона на письмо Макферсона, который гордо изъяснял свою досаду на обидное неверие английского критика.

«Г. Джемс Макферсон!

Я получил ваше глупое и бесстыдное письмо. Я всеми мерами буду стараться отражать всякое насильственное против меня покушение; а чего не могу сделать сам, то сделают за меня законы. Надеюсь, что угрозы какого-нибудь негодяя никогда не отклонят меня от стремления изобличать обман.

Какого себе оправдания требуете вы от меня? Я считал вашу книгу подложною и теперь ее считаю таковою ж. В подтверждение сего мнения я представил публике причины, которые вызываю вас опровергнуть. Я презираю ваше бешенство. Ваши дарования, по издании в свет вашего Гомера, кажется, не слишком опасны; а слышанное мною о вашем характере заставляет меня обра-

щать внимание не на то, что вы скажете, а на то, что вы докажете. Это письмо вы можете напечатать, если хотите».

В пояснение некоторых слов сего письма должно сказать, что Макферсон, обольщенный успехом своего Оссиана,

перевел Гомеру «Илиаду» оссиановским слогом и весьма неудачно.

Предлагаем это письмо как поучительный пример для наших журнальных критиков. И почему нашим *Аддисонам*⁸³ не быть и нашими *Джонсонами*?

ВОСКРЕСЕНЬЕ.

ТОМ. I. №. 6.

ЯНВАРЯ 26го.

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА.

Выходитъ
черезъ
 каждыя пять дней

1830 ГОДЪ.

Цена годовому изданію,
состоящему изъ 72-хъ
№., въ С. П. Б. 55 руб.
съ пересылкою и разно-
ской 40 рублей.

Въ Января Газета сія выходитъ въ слѣдующіе дни: 1-го числа (въ Среду), — 6-го (въ Понедѣльник), — 11-го (въ Субботу), — 16-го (въ Четверток), — 21-го (во Вторник), — 26-го (въ Воскресеніе) и 31-го (въ Пятницу).

ПИСЬМО

русского
путешественника
из Варны*¹

Варна, 29 марта 1829 г.

Вам уже известно, что начальству Новороссийского края угодно было поручить мне обозрение некоторых мест, занятых нашими войсками на правой стороне Дуная, и что цель сего поручения есть разыскания о разных памятниках древности, скрывающихся

* Сочинитель сего письма, В. Г. Тепляков, сам говорит в нем о цели своего путешествия. Отчет его о разных памятниках, открытых и приобретенных им в Болгарии и Румелии², напечатан был особым прибавлением к № 102 «Одесского вестника» прошлого года. Из сего отчета видим, что г. Тепляков открыл следующие памятники древности: 1) великолепные гебеджинские развалины; 2) большой анхиальский саркофаг; 3) 36 кусков мрамора с надписями и барельефами; 4) 89 медалей золотых, серебряных и бронзовых, из коих более 50-ти древние греческие; 5) две вазы, найденные в Сизополе³; 6) две небольшие статуи (бронзовый Амур и мраморный женский бюст), купленные в Анхиаде⁴.— Сверх сего начерчена карта Фаросского залива и срисованы виды некоторых мест, кои г. Тепляков посещал в своем путешествии. Почти все исчисленные здесь остатки древностей (разумеется, кроме тех, коих нельзя было перевезти) приобретены г. Тепляковым для одесского музея; с других сняты им чертежи.

В письмах своих (адресованных к брату его А. Г.) г. Тепляков намерен подробнее рассказывать о своем путешествии и присовокупить к известиям об археологических своих поисках не менее любопытное описание обстоятельств, сопровождавших оные. Откровенный рассказ, живой слог, поэтический взгляд на предметы и веселое равнодушие в тех случаях, где судьба была неприветлива к сочинителю,— вот отличительный характер его писем, которые, без сомнения, понравятся читателям «Л. газеты». Со временем мы надеемся приложить к №№ нашей газеты некоторые из чертежей и рисунков г. Теплякова.

между развалинами Мизии и классической Фракии⁵. Вы, без сомнения, удивитесь тому, что будучи столь безусловно чужд точных и основательных сведений о странах, в коих почти каждый шаг освящен каким-нибудь славным историческим событием, я принял на себя обязанность столь трудную, поручение столь мало сообразное с родом исключительных моих занятий;— но кому не известно, что жизнь наша может иногда находиться под влиянием обстоятельств столь странных, что человек рад часто сделаться не только антикварием, но, для избежания худшего, готов даже участвовать в трудах знаменитой академии Лагадоской.

С другой стороны, скажите, кто бы на моем месте не был рад поотогреть остывшее сердце у лучей золотого фракийского солнца? Кто бы не был рад, говорю я, погрузиться в поэтическое величие минувшего и в беседе с колоссальными его призраками забыть хотя на малое время прозу и мучительные мелочи настоящего? Так думал я— и вот странник ваш уже в столице древней греческой Ганзы.

Конечно, мне надлежало бы хотя ми-

моходом посоветоваться с оракулами антиквариев: полистать предварительно Стравона⁶, и словом, схватить из древних летописей и географии хотя поверхностные черты, которые бы могли служить мне по крайней мере кратким *итинерером* в моем путешествии; но для сего потребны были книги и время. Первыми я не мог обогатиться в Одессе, а последнего имел в своем распоряжении только для необходимых дорожных приготовлений. Короче сказать, я пустился в археологическое странствие подобно какому-нибудь кавалерийскому офицеру, отправляющемуся за покупкой ремонта, следовательно, послания мои будут, к сожалению, напоминать вам гораздо чаще обо мне самом, нежели о странах, коих чудеса требуют наблюдателя более просвещенного.

Я выехал из Одессы 20-го сего месяца и в тот же день сел на венецианский бриг «La Perseveranza», ожидавший только попутного ветра для отплытия в Барну; но погода была против нас как будто в заговоре: в продолжение целых двух суток постоянный штиль не позволял нам и думать о путешествии. Я чрезвычайно досадовал на это упорное безветрие; каждое утро выходил на палубу и, видя пред собою все еще роскошную Одессу⁷, мучил капитана беспрестанными расспросами о состоянии атмосферы: «Bonazza, non c'è vento» или «vento contrario»⁸ были единственные его ответы.

Наконец 23-го свежий северный ветер подул с берега, и мы снялись с якоря. Знаете ли, что первое чувство в минуту разлуки с отечеством есть, без всяких романтических затей, странное, неизъяснимое чувство. Сначала какая-то непонятная радость овладела моим сердцем: казалось, что оно ощутило внезапное наслаждение каким-то внутренним богатством в тот миг, когда натянутые паруса округлились и заколебавшийся

корабль тронулся с места. Я расхаживал скорыми шагами по шканцам и громко декламировал: «Шуми, шуми, послушное ветрило!»⁹ и проч.

Но эта болтливая радость исчезла вместе с берегами моей отчизны. Подобно Ирвингу-Вашингтону¹⁰, мне казалось, что в это время я закрыл первый том моей жизни, со всем тем, что он заключал в себе.

Минувшее душе моей,
Как сон мудреный представлялось:
То красным солнцем ей являлось,
То моря бурного темней...

На другой день однообразный горизонт воды скрывал уже от меня Одессу, как непроницаемый туман, скрывающий от человека его будущность... Резкий северо-восточный ветер нес корабль с невероятною скоростью, и около следующего полудня песчаный берег Костенджи (древних Том)¹¹ мелькнул уже вдалеке передо мною.

Шекспир говорит, что покушение избразить лилию есть истинное дурачество: не безрассудно ли бы и с моей стороны было искать слов для выражения тех чувств, которые волновали мою душу при виде сей дикой полосы земли, которая орошена слезами Овидия¹², освящена прахом бессмертного изгнанника? Клянусь (но вы и без клятвы поверите), что эти чувства были не вытверженные, не поддельные!

Вскоре Томы утонули предо мною в волнах Эвксинского Понта¹³, и к вечеру желтоватые берега Мангалии (древней Каллатии) были уже в глазах моих. Вам, может быть, известно, что Томы, основанные милезиянами в 634 году до Р. Х., и соседственная им Каллатия считаются некоторыми из ученых в числе федеральных городов древнего греческого пятисоюзия (ΠΕΝΤΑΠΟΛΕΤΩΣ), существовавшего на западном берегу Черного моря.

Но вот погода нахмурилась: усилив-

шийся ветер начал вскоре дышать совершенною бурей. Не страшитесь между тем описания оной: убаюканный клокочущею стихиею, я не мог приподнять головы с своей койки и видел только летающего из угла в угол капитана, слышал только плеск волн, перескакивающей через палубу. Темнота наступившей ночи принудила нас бросить якорь милях в 15-ти от Коварны, но в следующее утро густой туман, скрывавший от меня берега Болгарии, начинал уже рассеиваться. Я нетерпеливо желал видеть сию чуждую землю и любопытно смотрел, как вдалеке то букет зелени выказывался вдруг из-за матового облака, то каменный утес медленно сбрасывал с себя это зыбучее покрывало и драпировался его серебряною дымкой. Проглянуло солнце. Это солнце старинной Мизии! как теплы, как благодатны лучи его! как жива, как прозрачна лазурь сего поэтического неба!

«Это горы, теперь столь голые,— сказал мне капитан,— были до нынешней войны покрыты густыми фруктовыми садами; а эти огромные груды камней, которые мелькают вдалеке перед нами,— кто поверит, что они составляли цветущие

селения, которые были столь еще недавно одушевлены их обитателями. Видите ли вы этот полукруглый, вдавшийся в море утес?— продолжал капитан,— он называется Капо-Калакрию. На вершине оного находятся развалины старой крепости с многочисленными памятниками венецианского владычества».

Название *Capo Calacria* (мыс Калакрия)¹⁴ отзывается действительно Венециею: а потому, если верить, что место сие в самом деле принадлежало сей могущественной республике, то должно полагать, что она основала на оном свое владычество по разделении областей Восточной империи между венецианцами и французами в 1204 году, после взятия Константинополя крестоносцами, бегства Алексея Дуки (проименованного Мурзуфлем)¹⁵ и возведения на престол Восточной империи Балдуина, графа Фландрского¹⁶. Лебо¹⁷ и другие историки говорят, что вследствие сего раздела венецианцы взяли между прочим на свою часть почти все приморские места империи от восточных берегов Адриатического моря до берегов Эвксинского Понта; но если Калакрия находилась в числе сих приобретений, то из сего ясно видно, что Лев Св. Марка¹⁸ проник с этой стороны еще глубже в недра Восточной империи. Для ученых Калакрия несравненно любопытнее сего по остаткам древности, сохранившимся на вершине оной. Г. адмирал Грейг¹⁹ говорил мне, что он нашел там два куса мрамора с древними греческими надписями. Ни один из древних историков и географов не упоминает, сколько мне известно, о существовании какого-либо поселения на сем месте: следовательно, находка г. адмирала должна быть тем драгоценнее для ученого света.

«От Калакрии до Коварны,— продолжал капитан,— не более 9-ти миль; за нею Балчик, и потом Варна».— «Скорее

же, скорее в Варну!» — возразил я; но уснувший ветер едва двигал нас с места.

7-го мы уже слышали гул варнской заревой пушки и должны были снова бросить якорь милях в 8-ми от сей крепости. На другой день то же безветрие. Варна была уже в глазах наших и как будто смеялась над нашим бессилием приблизиться к ее пристани. Терпение мое наконец истощилось. Капитан нарекнул мне о своем баркасе, и я, обрадованный сим предложением, просил в ту же минуту спустить оный. Через четверть часа восемь весел уже рассекало подо мною послушные волны.

После довольно долгого плаванья мы вошли наконец в залив Варнский. Я с восхищением смотрел на берега, которые в этом месте необыкновенно прелестны. Дикие утесы и цветущая зелень, бегущие с гор фонтаны и это голубое, необозримое море составляют здесь очаровательную смесь природы романтической с нежною буколическою природою. Я выехал из ледяного царства зимы и через семь дней очутился в стране, обогащенной всеми дарами весны благодатной.

Часа через два амфитеатр белых, издали довольно красивых домиков, с красными черепичными кровлями и горизонтом зеленеющих позади гор, представился как прекрасная панорама глазам моим. Два или три минарета возвышались над массою строений. Издали мне все казалось так ново, пестро и разнообразно, что я почти не заметил, как, проплыв между рядами стоящих в гавани купеческих судов, мы пристали наконец около 12-ти часов пополудни к северным воротам Варны. Наш двуглавый орел развевался уже предо мною над стенами покоренной крепости; русская пушка глядела уже на меня из своей амбразуры; русский часовой расхаживал по высокому парапету²⁰. Вступив в город,

я с первого взгляда подумал, что перенесен в сказочный мир Шехеразады, в этот вечно занимательный Багдад, столицу могущественного халифата²¹. Правду сказать — ни один правоверный не встретился со мною, но чалмонские болгары, армяне и греки, мелькавшие в темных и чрезвычайно тесных улицах, но пестреющие в открытых лавках азиатские товары, но эти смуглые лица, этот чуждый язык и одежда не разрушали очарования до встречи с первым русским солдатом. Я спросил его о квартире г-на генерала Г., и услужливый гренадер взялся быть проводником моим. После довольно долгого путешествия по тысяче перепутанных улиц и переулков он вошел наконец на тесный двор и, остановясь перед чистеньким деревянным домиком, сказал: «Вот квартира г. военначальствующего». Генерал принял меня в небольшой, но довольно опрятной комнатке. Веселый вид и убранство оной могут в военное время и особенно в Турции назваться наслаждением истинно аристократическим. Узнав цель моего прибытия в Варну, генерал показал мне между прочим несколько медалей, собранных им в сей крепости. Большая часть оных принадлежит Риму и Восточной империи; медалей древней Греции я заметил весьма немного. Между сими последними серебряные монеты Истроса²² попадались мне в наибольшем количестве. На мое замечание, что мы находимся в стране классической, генерал отвечал: «Правда; но война не наперсница археологии: вам, конечно, покажется странным, что эти драгоценные мраморы, которые могли существовать в турецкой Варне, употреблены уже, вероятно, вместе с другими камнями, на поправление нашей крепости. Что же касается до сокровищ нумисматических, то Варна была сначала довольно богата ими; но должно полагать, что все сии драгоцен-

ности приобретены в то же время разными частными лицами. Вы к нам несколько поздно приехали».

За всем тем трудно описать, с каким радушием почтеннейший генерал Г. принял меня. До приискания себе квартиры я остановился у г.г. его адъютантов, откуда и пишу сии строки. Но довольно. Чувствую, что

Le secret d'ennuyer est celui de fout dire²³, и не взирая на сие, намерен, несколько поосмотревшись, сообщить вам о Варне все, что почту достойным вашего внимания. Прощайте.

В. Тепляков.

ОТРЫВОК

из драматической
поэмы: Ангелика *²⁴

(Действие I, явление 2)

Ангелика, Соня, потом Герман
и Вильгельм.

* Автор сего сочинения, Иосиф Корженёвский, учился в Вольинском лицее, основанном знаменитым Чацким, где ныне занимается преподаванием польской словесности. Упражнявшись с успехом в разных родах поэзии, предался он преимущественно поэзии драматической и первой из поляков в трагедиях отвергнул рифму, делающую разговор неестественным и, следственно, уничтожающую очарование. Глубокость чувств и мыслей, сила и отчетливость выражений, благородство и ясность слога, наконец гармония стихов суть неотъемлемые достоинства произведений г. Корженёвского, едва ли не лучшего из драматических писателей Польши.

Переводчик.

Ангелика
(одевая Соню, которая начинает
терять терпение).

Ты женщина и не должна скучать
Уборами.

Соня.

Довольно, Ангелика.

Ангелика.

Постой. Еще дай мне надеть венки.
Ты знаешь ли, когда венчают миртом
Нам голову?

Соня.

Не знаю.

Ангелика.

Как же мало,
О бедное дитя, тебе известно.
То радостный, то лучший в жизни день!
(Задумывается.)

Однако же, как часто эта зелень
Печальное чело приосеняет,
И хладная страдания слеза
В ее листах пророчественных блещет,
Как бы роса на ветви кипариса,
Растущего на холме гробовом.

(Герман и Вильгельм входят.
Ангелика показывает отцу сестру, одетую как бы
к венцу.)

Герман.

А это что?

Ангелика.

Родитель, ты узнаешь.

Герман.

Всегда в мечтах! что доброго в них есть?

Ангелика.

О! не лишай меня сих снов золотых!
Они живей сущности хладной.

Герман.

(Отворачивается с неудовольствием, к Вильгельму.)

Итак, ты нас с рассветом покидаешь?

Вильгельм.

О если бы мне спутницей была
Надежда! Так, нередко возвышает
Отсутствие отсутствующим цену;
И все, к чему мы слишком пригляделись,
Разлукою становится милей.

(Глядя на Ангелику.)

О если бы подобно я нашел
Желанную так тщетно перемену!

Герман.

Во мне ее ты верно не найдешь.
То самое тебя здесь встретит сердце,
Которое прощается с тобой.
Желания мои, меня ты знаешь.

Вильгельм.

Уверен в них. О как же сладко сердцу
Почтить тебя, любить твое семейство!
Зачем же вам я должен быть чужим?
Когда душа моя под этой кровлей
Всегда живет, зачем же голова
Моя под ней не может приютиться?
Я сирота безродный, бесплеменный!
Занятия, кормящие меня,
Способные легко доставить жизнь
Безужную еще кому-нибудь,
Час от часу грустней, однообразней.
С каким бы я восторгом предавал
Плоды трудов распоряженьям умным,
Надзору ангела! им ободрен,
Как мне легко, как весел был бы труд!
Все помыслы мои туда б стремились,
Под мирный кров, где сладостный союз
Мне возвратил природой отнятое
И подарил названием меня
Завиднейшим, чем имя брата, сына!
Но рок велит мне быть для вас чужим...
Живите же, не зная бед, печалей,
И в памяти храните имя друга.

(Сжимает руку Германа и смотрит некоторое время
на Ангелику.)

Ангелика.

(Выслушав его со вниманием, подходит и берет его
за руку.)

Перед тобой — сестра. Не требуй боле.
(Вильгельм целует у нее руку и уходит.)

В. Щастный.

Критические замечания на I-й том книги под названием: Древние и нынешние болгаре в отношении к россиянам²⁵

Имеv честь получить от г. Венелина книгу, изданную им под заглавием: «Древние и нынешние болгаре в отношении к россиянам»²⁶, с удовольствием прочитал оную и в благодарность за сей подарок не решился оставить без замечания того, что не могло быть совершенно известно почтенному сочинителю. Сюда особенно отношу его суждения о гуннах и некоторых других предметах, занимающих несколько страниц помянутой книги (156—164).

1-е. Слово *хунну* некогда было видовым именем одного древнейшего монгольского поколения, но потом за 200 с небольшим лет до Р. Х. сделалось общим названием целого народа, именуемого ныне монголами. Сие слово есть природное монгольское, тонически переложенное китайцами на свой язык двумя иероглифами: *хун-ну*, которые, по внутреннему своему значению, имели смысл *злого раба*. Впоследствии китайский престолохищник Ван-Ман²⁷, занятый усмирением внутренних своих врагов, хотел обеспечить северные пределы Китая от хуннов и сделал хану их льстивое предложение — сопровождаемое богатыми дарами — заменить иероглиф *хун* иероглифом *гун* (почтительный). Впрочем, чрез сие изменилось только китайское тоническое произношение народного имени гуннов, а не самое имя. Но что значило слово *гунну* на монгольском языке, по китайской истории не видно. Сомнительно даже и то, чтобы китайское тоническое произношение было совершенно созвучно с подлинным монгольским выговором сего слова; потому

что китайцы, как видно, хотели удержать здесь смысл в словах, а сие часто заставляет их искажать тонический выговор иностранных собственных имен.

2-е. У монголов, так как и в Китае, от древних времен существует обычай называть каждое свое владение именем владетельного дома, потому что владение у них почитается личною собственностью владетеля. Вследствие сего и народное имя монголов изменялось при каждой перемене господствовавшего над ними дома. Когда дом гуннов покорил Монголию, то жители сей страны назвались *гуннами*. Когда же поколение *сяньбийское* уничтожило дом гуннов, то монголы приняли название *сяньбийцев*. Сим образом они последовательно назывались *тулгасцами*, *хойхорцами* (уйгурами), *киданями* и *татаньцами*. Ныне тому почти 600 лет, как они называются монголами по имени поколения, из которого произошел Чингис-Хан, и будут известны под сим народным названием до тех пор, пока одно которое-либо из их поколений, усилившись, вновь не покорит всей Монголии под свою власть. Сколь ни странен для нас обычай изменять народное имя при перемене владетельного дома; но сей обычай существует, и при разборе исторических событий юго-восточной Азии необходимо должно сообразоваться с оным.

3-е. В Китае, со времени изобретения письма, учреждено при дворе историческое общество, которое обязано со всею верностию и точностию записывать все важные происшествия, как внутренние, так и заграничные, имеющие связь со внутренними. Как скоро царствующая династия прекращается, то по воцарении нового дома обыкновенно поручается от правительства ученой комиссии сочинять историю бывшей династии на основании записок исторического общества. При таком внимании правительства к исторической истине

невозможно, чтобы в китайской истории допущены были какие-либо *нелепости* и *вздор*. Если что может показаться затруднительным, или, лучше сказать, странным для европейца в сей истории, то это дипломатический тон ее, который самым общим словом дает исключительное значение в отношении к историческим лицам. Напр., о новом своем государе пишут: *вступил на престол*; о иностранном владетеле, зависимом от Китая: *возведен на престол*; а о независимом: *сел на диван* и т. п.

4-е. Монгольское письмо изобретено или, правильнее сказать, принято монголами от юго-западных народов еще в 920 году: итак, нельзя сказать, чтобы они *недавно начали учиться писать*.

5-е. Почтенный сочинитель старается в своем сочинении доказать, что гунны, появившиеся в Европе в конце IV века, были не монголы, а славяне, и доказывает это сходством некоторых обыкновений гуннских с славянскими. Но сия новая мысль основана на одной вероятности, которой можно противоположить другую вероятность, не менее правдоподобную. История Азии доказывает, что кочевые народы, как скоро смешивались с оседлыми народами многочисленнейшими, часто заимствовали не токмо обычаи, но даже нравы и язык последних. В подтверждение сей истины не нужно указывать на примеры отдаленной древности. Маньчжуры обладают Китаем с 1044 года, но ныне едва ли одного маньчжура из живущих в Пекине и других городах можно отличить от китайца по образу жизни. Даже, несмотря на совершенное запрещение брачных связей с китайцами, маньчжуры давно потеряли свой язык, и ныне приготавливающиеся к государственной службе учатся оному как иностранному. Для чего же не допустить подобной перемены с гуннами между славянскими племенами?

6-е. Что касается до перехода гуннов

из Азии в Европу, сие очень возможно было по тогдашним обстоятельствам. Хотя дом гуннов, господствовавший в Монголии, пал в исходе первого столетия по Р. Х.; но некоторые поколения из сего дома еще обладали землями нынешней Чжунгарии и южными пределами губерний Томской и Енисейской. Даже в исходе IV века они еще не зависели от дома сяньбийского. Сверх сего может служить сему доказательством и довольно известный древний обряд войны у кочевых народов. Сильное племя на пути побед уподоблялось горному потоку, непрестанно возрастающему с течения от принятия в себя других потоков. Итак, нельзя почитать невероятным, чтобы монголы около Бухтармы и Омска, называвшиеся еще гуннами, не могли проникнуть чрез Кавказ или Урал в Европу. А что современные китайцы ничего не писали о походе гуннов на Запад, это потому, что китайское правительство вносит в свою историю те только заграничные происшествия, которых ход совершенно зависел от его влияния или которые имели по крайней мере отношение к его распоряжениям за границу. Итак, молчанием китайской истории менее всего можно опровергать возможность нашествия гуннов на Европу.

7-е. Г. Венелин целые три страницы (43—45) посвятил исследованию слова *хаган* или *хан* и, не отыскав истинного его происхождения, принял за произвольное, зависевшее от одних писателей. *Хаган* есть монгольское слово; оно значит: государь. Северные монголы выговаривают сие слово: хан и хаган, а южные — хан. Пишется хаган. Крымские татары прежде называли хаганами своих владетелей. Ныне казачьи и киргизские племена в Средней Азии называют своих владетелей также ханами.

8-е. Как г. Венелин предположил издать еще три или четыре тома по сему

же предмету, то при всех сих пояснениях почитаю нужным указать и на неосторожное употребление слов. Напр., на странице 93 сказано: «какие-то хунны в Монголии и Китае у берегов Восточного океана и пр.». Хуннами назывались нынешние монголы, коих земли от востока к западу искони постоянно лежат в тех же самых пределах, какие ныне определены им на карте. Земли же, лежащие далее на восток к берегам Восточного океана, всегда принадлежали тунгузским племенам, из коих маньчжурское ныне обладает Китаем. Подобная невнимательность может поселить в читателе недоверчивость к самым гениальным мнениям в историческом критике. Далее, на стран. 136 говорит: «из этого видно, что женский пол у гуннов был очень на свободе: можно ли подумать, чтобы гунны были татары?» То правда, что женский пол у татар лишен удовольствия быть в собраниях с посторонними мужчинами; но каждый, кто только проезжал Монголию, знает, что женщины у монголов пользуются полною свободою в обращении не токмо с единоземцами, но и с иностранцами. Почтенный сочинитель, признавая гуннов за *монголов*, здесь называет их *татарами* и чрез то, по-видимому, смешивает сии два названия в одно. *Монголами* называем жителей Монголии, которой пределы известны по картам географическим. Название же *татар* россияне усвоили одним турецким племенам, обитающим в разных губерниях России; далее сих пределов не должно распространять сего названия. Напротив, европейцы, по праву ума будто бы в них превысшего, внесли в область истории и географии много неосновательного и донныне несправедливо разумеют под названием татар племена турецкие, монгольские и тунгузские, обитающие на протяжении от Каспийского моря на восток до берегов океана. Исторические

критики настоящего времени при самых глубоких и основательных розысках еще не могли открыть, какой народ древние греки разумели под названием скифов. Может быть, что по прошествии еще 20-ти столетий наши потомки, читая разные истории нашего времени и находя противоречия в названиях государств и народов, с не меньшим недоумением будут спрашивать друг друга: какой народ французы называли татарами, а русские киргиз-кайсаками?

Я не в состоянии был сделать разбора на всю книгу г. Венелина, потому что история болгар есть предмет, мало для меня известный. Но поелику критика историческая, взятая как наука, должна быть по существу своему одинакова в отношении к истории каждого народа, то и на сочинение сие в целом можно сделать следующее замечание: *производный, натянутый разбор слов по созвучию, кольми паче с языков, не известных сочинителю, есть самое зыблемое основание для исторических предположений.* Так точно думал и г. Венелин; но со всем тем нередко поступал вопреки своему мнению и увлекался словопроизводством по созвучию. Кошка по-маньчжурски называется Кёшкё. Следует ли отсюда заключить, что или россияне пришли в Европу с устья Амура, или тунгусы удалились туда с берегов Вислы? И то и другое несправедливо. Это есть только случайное сходство в наименовании одного животного на двух различных языках.

Впрочем, никто не может оспоривать у г. Венелина чести открытия некоторых новых положений относительно происхождения народов. Библейская история доказывает (да и в порядке вещей так надлежит быть сему), что первоначально общества образовались из семейств, богатых и землею и невольниками; из соединения обществ, соплеменных по единству языка, составились народы.

Отсюда само собою явствует, что каждое общество какого-либо народа существовало задолго до своего соединения с соплеменными и имело свое видовое или частное название; общество, усилившееся между соплеменными по перевесу могущества, делалось известным у смежных народов по торговым и политическим связям с ними; сии общества, взаимно ниспровергая друг друга, попеременно владычествовали над соплеменниками; а смежные народы более знали имена тех сильных обществ, с которыми имели сношения. Но могло быть, что современные историки под видовым названием сильных обществ иногда разумели целый народ; но как они не оставили точных сведений по сему предмету, то очень вероятно, что мы, не имея ключа к раскрытию темных мест в древней истории, иногда под видовыми именами соплеменных обществ разумеем различные народы. Надлежало бы и с сей точки обратить некоторое внимание на исследование древности русского народа.

I.

БИБЛИОГРАФИЯ

Русские книги

Театр Николая Хмельницкого. Часть I.— С.П.б., в типогр. вдовы Плюшар, 1829 (310 стр. в больш. 8-ю д. л., с портретом сочинителя и гравирован. заглавным листком.)^{*28}

* Продается у г. г. Слёнина, Смирдина, Заикина и других книгопродавцев. Цена обем частям на велен. бумаге 20 р.; за пересылку прилагается 2 р.

Г. Хмельницкий по большей части переводил или переделывал на наши нравы некоторые из второстепенных комедий французского театра. Отличительное свойство его сочинений и переводов: свободное, легкое стихосложение, живой, разговорный язык и умение счастливо передавать *затверженный стих* писателя иностранного. В сем первом томе его «Театра» заключаются следующие комедии: «Говорун»; «Воздушные замки»; «Шалости влюбленных»; «Нерешительный»; «Светский случай» и «Взаимные испытания». Издание отлично хорошо.

О с н о в н ы е п р а в и л а т у р е ц к о г о р а з г о в о р н о г о я з ы к а. — С.П.б., в типогр. департ. народн. просвещ. 1829 (76 стр. в 8-ю д. л.)*²⁹

Эта книжка составляет собою вторую часть «Карманной книги для русских воинов в турецких походах», составленной известным ориенталистом О. И. Сенковским³⁰. Первая часть, изданная в половине прошлого года, заключала в себе разговоры российско-турецкие и словарь употребительнейших слов, в коих турецкие слова написаны русскими буквами, с означением ударения голоса в тех случаях, кои отступают от общего правила. В отпечатанной ныне второй части предлагаются правила произношения и вообще грамматические понятия о турецком языке. Для людей военных, не обучавшихся прежде языку сему, книга г. Сенковского может быть достаточным

* Продается в книжном магазине Слёнина, в д. Имзена, у Казанского моста. Цена 3 р., а вместе с первой частью 8 р.

пособием во время разъездов, фуражировки и тому подобных случаев, и для них-то в особенности она приноровлена. Книга сия напечатана по высочайшему повелению.

А Л Ь М А Н А Х И 1830 г о д а

Ц а р с к о е С е л о. А л ь м а н а х н а 1830 г о д. Издан Н. Коншиным и бароном Розеном. — С.П.б., в типогр. Плюшара (312 стр. в 16 д. л., с портретом б. Дельвига, заглавную вильеткой и листком нот.)*³¹

Нынешний год, кажется, обещает любителям детского чтения обильную жатву альманахов. О четырех из них мы уже отдали отчет в «Литературной газете»; вот и пятый; в следующем № представим читателям нашим рассмотрение шестого («Денницы»); ожидаем еще седьмого («Невского альманаха») и думаем, что он будет не последним, в буквальном смысле, подарком на 1830-й год. Кто знает, сколько русских альманахов таится еще в станках типографских? Иные из них, может быть, явятся по примеру прошлогодних — подарками на вторую половину года.

Проза альманаха «Царское Село» состоит из следующих статей: «Остров на садовом озере», предание (соч. г. Кон-

* Продается у г.г. Слёнина и Смирдина, в Москве у г. Ширяева. Цена сей книжки с пересылкою и без оной 10 руб.

шина). В сей повести довольно хорошо изображен двор Екатерины II-й и еще лучше описаны роскошные пиры богатейшего из вельмож старой Польши, полудержавного Радзивила³², как весьма удачно выразился о нем сочинитель. «Сказка о медведе-костоломе и об Иване, купецком сыне», соч. О. Сомова: попытка рассказа в духе народных русских сказок. «Розалия», соч. Б. Р-а. Прекрасная, богатая чувством и, как видно, от души написанная картина! «Поход к Малому Ярославцу и обстоятельства, сопровождавшие бой при сем городе» (отрывки из истории войны 1812 года) Ф. Глинки. Сочинитель описывает события сей войны не столько в стратегическом, сколько в нравственном и анекдотическом отношении. Некоторые частные обстоятельства, им подмеченные, никем еще не были описаны. Желаем поскорее видеть вполне сию «Историю 1812 года». — «Село Ивановское». Происшествие, послужившее основой небольшой сей повести, хотя и не ново, но весьма хорошо рассказано молодым литератором, подписавшим имя свое: А. Влидге³³. — «Все из ничего». Сцена ежедневной светской болтовни, описанная О. Сомовым. — Стихотворений 42. Поименуем некоторые из них: А. Пушкина: «Зимнее утро» — «Загадка» — «Из Гафиза». Баратынского: «Эпиграмма» — «В альбом отъезжающей» — «Фея» — «Невесте». Б. Дельвига: «Песня» — «Застольная песня». Глинки (Ф.): «Бедное дитя» — «Будущность» — «Летний северный вечер» — «Олонецкая песня» и проч. Б. Розена: «Весталка» — «Прелестной москвитянке» — «Аделина» — «Спальня» — «Рынды и псковитянин», два отрывка из поэмы «Рождение Иоанна Грозного» и пр. Щастного: Отрывок из драматич. поэмы Т. Корженёвского: «Ангелика». Деларю: «Два сонета» — «Падший Серафим» и пр. и пр. Из сих стихотворений выписываем «Эпиграмму»

Баратынского, замечательную по добродушному совету, который в ней дается.

Что пользы нам ст шумных ваших прений?
 Кипит война... но что же? никому
 Победы нет! Сказать ли, почему?
 Ни у кого ни мысли нет, ни мнений!
 Хотите ли, чтобы народный глас
 Мог увенчать кого-нибудь из вас?
 Чем холостой словесной перестрелкой
 Морочить свет и множить пустяки,
 Порадуйте нас дельною разделкой:
 Благословясь, схватитесь за виски.

С М Е С Ъ

Литературные новости³⁴. Января 15 вышел здесь I-й № польской газеты «Tugodnik Petersburski» («С. Петербургский еженедельник»). Содержание: известия внутренние, заграничные и коммерческие, литература и смесь. В сей последней замечательны извлечения из писем А. Мицкевича, писанных им из Рима в конце прошлого года (помещаем здесь перевод сей статьи, богатой мыслями), также исчисление польских и русских периодических изданий на нынеш-

ний год. К концу сего месяца отпечатается «Карелия, или Заточение Марфы Иоанновны Романовой», описательное стихотворение Ф. Н. Глинки, в четырех частях или песнях. В раме исторического события поэт изобразил предания и поверья лесной Карелы. Четыре сказки о витязе Заонеге, помещенные в 3-й части, носят на себе общую печать русских народных сказок: чудесное в подвигах и богатырских встречах. Но более всего читателям понравится в «Карелии» местность тамошнего края, изображенная во всей дикой красоте ее. Примечания о нравах, обычаях и поверьях карелов и проч. и проч. также весьма любопытны.

*Извлечения из писем Адама Мицкевича, писанных из Рима в исходе ноября и половине декабря 1829 г.*³⁵ Из Венеции отправились мы чрез Феррару и Болонию во Флоренцию, где пробыли три недели... Рим оглушил меня, и купол церкви Св. Петра покрыл собою все памятники Италии... По музеуму я еще только прошелся скорым шагом; у меня разбежались глаза, и я едва успевал останавливать их на Аполлоне³⁶, Лаокооне³⁷ и Гладиаторе³⁸. Прогулка моя продолжалась два часа. Если бы ты собрал вместе статуи и гипсы дрезденские, венецианские и даже флорентинские, то легко бы мог упрятать их все в уголке Ватикана. Здешний музеум есть настоящий город статуй, заваленный саркофа-

гами и выштукатуренный надписями. После Рима отпадет навсегда охота осматривать собрания статуй и картин, и то, что некогда было рассматриваемо с восторгом, вспоминается с некоторым стыдом. Римские ученые едва по слуху знают немцев и англичан и смеются над Байроном. Зато у них есть свои великие люди, известные до самого Тибра. В Ломбардии более жизни: новая литература, двинувшись оттуда грозно, уже стоит над рубиконом. Ливий³⁹ имеет особенную прелесть здесь на месте, ибо вечером можно пойти осмотреть сцену событий, прочитанных поутру. Об Риме трудно писать. Байрон, подобно Горацию Коклесу⁴⁰, гигантским шагом занял мост на Тибре⁴¹. *Ingenti gradu occupavit pontem*⁴².

ПЯТНИЦА.

ТОМ. I. №. 7.

ЯНВАРЯ 31го.

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА.

Выходитъ
черезъ
каждые пять дней

1830 ГОДЪ.

Цена годовому изданію,
состоящему изъ 72-хъ
№., въ С. П. Б. 35 руб.
съ пересылкою и разно-
слонъ 40 рублей.

Во Февраль Газета сія выходитъ въ слѣдующіе дни: 5-го числа (въ Среду), — 10-го (въ Понедѣльникъ), —
15-го (въ Субботу), — 20-го (въ Четвертокъ), и 25-го (во Вторникъ).

КИРГИЗЦЫ

(Отрывок из повести
«Якуб-Батырь»,
соч. А. П. Крюкова)¹

Повесть, из которой здесь предлагается отрывок, написана назад тому несколько лет. Автор желал изобразить в ней нравы, обычаи, суеверия и обряды достопримечательного народа, который, живучи с нами в весьма тесной связи, менее, может быть, нам известен, нежели дикие обитатели Африки и Нового Света. Герой повести — Яков или *Якуб-Батырь*, как называли его киргизцы, есть русский, с малолетства захваченный в плен ордынцами и совершенно присвоивший себе их веру, язык и привычки; но он сохранил и твердость духа, и крепость телесную, и приятную наружность, сродную потомкам древних славян.

К.

Внутренность киргизской кибитки походит на внутренность полушара. Основание ее составляют тонкие деревянные решетки, выкрашенные красною краскою. Бока кибитки обведены внутри *чиями*, родом соломенных рогож, переплетенных разноцветной шерстью. Сверху и с боков она укутана войлоками, так что открывается одна только дверь и, при надобности, самый верх для выхода дыма.

Против самого входа в кибитку на коврах и подушках сидел, поджавши ноги, султан Нуралий, старик с белою как снег бородою и полным, румяным лицом. Несколько других *аксакалов* (т. е. бело-

бородых) сидели по сторонам Нуралия и, занимаясь важными суждениями о народных делах, не забывали осушать чаш с *кумысом*, которые подносила им старая баба. В это время вошел Яков. Он сделал приветствие султану и старикам, положив, по киргизскому обычаю, обе руки на грудь, склоняясь всем телом и сказав: *ассалау-маликым* (т. е. желаю здравия). Все старики отвечали ему тихо и протяжно: *маликым-ссалым*. Потом молодой человек пожал у всех руки обеими своими руками с видом глубочайшего почтения и занял приличное место. «Что, Якуб,— спросил его Нуралий,— осматривал ли ты наши стада?» — «Осматривал, степенный султан! все, слава богу, благополучно. Твоя любимая кобыла принесла *черного* жеребенка. С верблюдов и овец сняли множество шерсти. Только волк повадился резать наших баранов. Прошедшею ночью опять удалось ему одного утащить. Но я с ним разделаюсь. Мы согласились уже с Баймахмутом ехать под вечер на охоту и отыскать нашего вора. Шкуру его привезем тебе, степенный султан, на теплый *малахай*». — «Хорошо; только не сули шкуры, не затравив зверя. Справедливость этой пословицы испытал я на себе. В холодную зиму, когда убили хана Абурхаира, ночевал наш аул на берегу Аральского моря, в больших камышах. Все было хорошо; лишь один огромный кабан не давал покою нашим стадам. Вот я и сказал блаженной памяти моему родителю султану Досгалию: я убью проклятого кабана и привезу тебе его голову. На другой день, взявши собак, поехал я с несколькими товарищами в камыши, где жил кабан. Нашли мы его и подняли с места. Удаляясь от нас, кабан ужасными своими клыками резал толстый камыш, попадавший ему на пути. Мне первому удалось настичь зверя и вонзить стрелу в его спину. При сем случае, по неопытности

моей, я не догадался удалиться с пути, по которому бежал зверь, а известно, что он, будучи ранен, обращается назад по прежним следам и ищет того, кто его ранил. Кабан мой, оборотясь, кинулся на меня с такою яростию, что я напрасно хотел ему противиться. В одно мгновение распорол он брюхо у моей лошади и, если бы товарищи криком и ударами его не прогнали, то не бывать бы, друзья, мне теперь с вами! Вот каково обещать шкуру, не убивши зверя!» Все собрание с великим вниманием слушало рассказ Нуралия и благодарило небо за его спасение. Между тем новые старики беспрестанно входили в кибитку и после обычных приветствий чинно садились по местам, так что наконец около кипящего котла составилась круг *аксакалов*. Начали разбирать разные народные тяжбы и судить обидчиков и нарушителей общественных прав. Законы их, основанные на предании, не были начертаны ни на мраморных скрижалях, ни на медных досках, но зато неизменная память сохранила их со всею простотою древних патриархальных времен. Султан изрекал приговоры, старики утверждали их, и всякий подсудимый с трепетом повиновался решению стариков. Послушаем их суждений: «Доскара убил Телюгбая; родственники сего последнего могут два года преследовать убийцу и погубить его; но если он в течение сего времени избегнет их наказания, то должен дать родственникам убитого сто лошадей, одного невольника и двух верблюдов», — так произнес султан Нуралий. «Соглашаемся», — сказали старики, поглаживая бороды. «Бурюк украл у Темир-ира двух баранов. Да отдаст за сие Темир-иру 18 баранов, по обычаю прошлых времен». — «Соглашаемся». — «Розумбай дерзнул обесчестить Мухаметя, схватив его за бороду; за сие должно высечь Розумбая нагайками, так чтоб он долго помнил сие наказание». — «Соглашаемся, соглаша-

емся», — повторяли *аксакалы* за каждым решением султана. Сим окончились суждения. Баранина в котле уже приготовилась. Все присутствующие вымыли руки и прочли короткую молитву; после чего невольник (или *язурень*) из казанских татар приступил к исполнению должности повара и *метр-д-отеля*. Он вынимал из бульона куски баранины, крошил их в больших деревянных чашках на мелкие кусочки и в таком виде подавал чаши Нуралию, который передавал их почетнейшим из гостей. Кушанье сие, называемое *бишбармак* (т. е. пять пальцев), ели они с величайшею жадностию и, сообразно с его названием, пятью пальцами. Кому султан хотел оказать особенное свое благорасположение, тому клал он в рот большую горсть мяса собственно своею рукою — и гость, отличенный сею милостию, поглядывал на других с улыбкою самодовольствия, даже старался надувать щеки, чтоб увеличить в глазах собеседников количество положенной ему в рот пищи и важность благоволения, ему оказанного. Станный предрассудок, но и в просвещенных народах не случается ли, что пустое слово вельможи, на ухо сказанное, *пучит*, так сказать, наружность бедного честолюбца и рождает ему многих завистников. Обратимся к киргизцам. Самые беднейшие из гостей довольствовались костями, которые они обглаживали весьма чисто. Впрочем, *аксакалы*, наполняя желудки свои *бишбармаком*, не забыли главной причины собрания. Она состояла в следующем: Джаламан, старшина джигилтинского рода, величайший степной разбойник, в начале прошедшего лета напал на аул Нуралия и отогнал несколько лошадей и верблюдов. Народная польза требовала отмщения. Узнали, что Джаламан кочует недалеко и что лучшие его *батыри* отправились разбойничать на русскую границу. Вот удобное время сделать *баранту* или нападение на

Джаламанов аул и возвратить похищенный скот. По решению *аксакалов* должно было немедленно приготовиться к *баранте*. *Якуб-Батырю*, или просто *Якову*, как храбрейшему из всех ордынцев *Нуралиевых*, поручено предводительство над *киргизцами*. «Много раз, сын мой,— говорил ему *Нуралий*,— отличался ты в ратных подвигах, и во всей орде нет витязя, тебя могущественнее; а потому я надеюсь, что в настоящем народном деле ты оправдаешь ту отеческую любовь, которую я к тебе чувствую. Возьми лучшего из моих коней, возьми мой панцирь, мою персидскую саблю и булатное копье мое и завтра поутру отправляйся к *аулу* буйного *Джаламана*. *Баймахмут*, мой племянник, поедет с тобою. Не покидайте друг друга в опасностях — и да сохранит вас Бог и *Моггамет*, пророк его!» *Яков* отвечал на сию речь изъявлением преданности и пошел приготовиться к молодецкому подвигу; а за ним разбрелось и все седобородое собрание, исчерпав наперед весь кумыс из огромной *сабы*.

Хлопотливое суеверие не участвовало на сей раз в приготовлениях к *баранте*, ибо характер *Якова* был выше слепых предрассудков, господствующих между ордынцами. Он не верил нелепым предсказаниям *фалшей*, звездочетов *киргизских*; не хотел, чтоб *бакзы* употребили в его пользу нечистых духов, с которыми они дружны; не заставлял *ярунчей* предсказывать ему темное будущее по таинственным трещинам на брошенной в огонь бараньей лопатке или по звукам сотрясаемой тетивы, но, надеясь более всего на крепкий булат и могучую руку, старался острее наточить свою персидскую саблю.

Вот уже воинственная толпа, перевалиясь чрез горный хребет *Буканбайтау*, явилась среди необозримой равнины, лежащей между песками и *хивинскими* караванными дорогами. Положено было

переночевать у колодца *Сур-Кудука* и на утренней заре отправиться к озерам *Челар* и *Юрман*, близ которых, по верным известиям, находилось кочевье *Джаламана*. Ордынцы ехали широким шагом, перемежающимся иногда в легкую рысь. У каждого из них была заводная лошадь, а в тороках висел *турсук* с кумысом и мешок с съестными припасами. Лучшие из батырей были одеты с головы до колен в крепкие стальные кольчуги, и все вообще имели за плечами огромные ружья или луки и колчаны, на поясе сабли, а в руках длинные зыбкие пики, которыми ордынцы делают чудеса в гибельных своих сшибках. Одни из наездников тихо разговаривали между собою; другие напевали заунывные песни, содержанием коих по большей части было настоящее положение полудиких певцов. Каждый *киргизец* — импровизатор. Довольно самого обыкновенного случая жизни, самого обыкновенного явления в природе, чтобы воспламенить восторг в пылком ордынце и заставить его без приготовления выражать нестройными звуками нестройные чувства души свободной и горделивой. Итак, одни говорили, другие пели; но всех достопримечательнее были те, которые не пели и не говорили. Это были ордынцы, закореневшие в разбоях, выдавшие тысячу раз кровавые ужасы *баранты*. Они ехали с молчаливою важностию и зорким оком посматривали направо и налево, вперед и назад, как волк, вышедший на добычу, или как беркут, плавающий по воздуху над необозримым пространством степей.

Батырь-Якуб и воинственный *Баймахмут* ехали рядом и заранее сговаривались о средствах нападения на *Джаламанов аул*. Истинное удовольствие сияло в глазах *Якова*. Двадцатидвухлетнему его самолюбию льстила рабская покорность ордынцев, и в пылкую душу вкрадывалась жажда почестей и желание гибельной славы. Во глубине сердца

творил он обет удивить своим мужеством знаменитейших батырей — и святая Русь была забыта в сию торжественную минуту.

День склонялся к вечеру, и вожак, старый киргизец, говорил, что до места ночлега оставалось не более киргизского переезда. Утомленные батыри начали поторапливать своих коней... Как вдруг, в правой стороне, на краю горизонта показалась большая толпа, над которою видось облако пыли.

При сем явлении батыри наши остановились; между ними начались толки, обыкновенные в подобных случаях. «Что это за люди?» — спрашивали одни из них. — «Русские», — отвечали другие. — «Нет; это ордынцы», — говорили третьи. — «Точно ордынцы! — сказал один старый батырь, — это, без сомнения, Джаламановы люди, возвращающиеся с баранты». — «Да, да, Джаламановы люди», — зашептали все и с тайным страхом поправлялись на седлах и осматривали свое оружие. «Надобно от них удалиться», — говорили робкие наездники. — «Надобно засесть в овраг и напасть на них нечаянно», — ворчали старые, закоренелые в боях батыри. — «Надобно ждать их на месте и узнать, кто они: друзья наши или враги», — сказал Яков спокойно — и все повиновались его решительной воле.

Между тем незнакомая толпа подвигалась ближе и ближе. Уже можно было различать коней от всадников, сталь оружия от цвета одежд. Казалось, заметив наших батырей, она на минуту остановилась, как бы в нерешительности, что ей делать, и потом поехала скорою рысью прямо на них.

Это были точно ордынцы. Табун лошадей, отчасти навьюченных разною поклажею, которых гнали они перед собою, заставлял думать, что шайка их совершила удачный набег на Линию или счастливо ограбала смирных букеевцев²

в их песчаных степях. Надеясь на свое множество, сии наездники смело ехали на наших батырей; но решительность сих последних заставила наконец незнакомцев остановиться.

ВОРОЖБА

Ночь светла; луна сквозь тучи
Озаряет небосклон;
На дворе мороз трескучий,
Над деревней мирный сон.
С треском легким и печальным
В комельке огонь горит;
Перед ним в шущине спальном
Няня старая сидит.

Дух волнуется тоскою...
Няня! завтра новый год:
Что-то доброго с собою
Гость желанный принесет?
Знаешь, милая: нельзя ли
Воску ярого принесть
Да про новые печали
Года нового развесть?

С приговорками, с мольбою
Загадай-ка обо мне:
Что? останусь ли с тобою
Я в родимой стороне
Иль, по божию веленью,
В чужь далекую умчусь,
Или новой мирной тенью
К старым теням полетусь?

Или нет! зачем далёко
О судьбе своей гадать?
Что назначено жестокой,
Тому быть, не миновать...
Загадай-ка лучше, няня,
Не пройдет ли поутру
Завтра маленькая Таня
Здесь по снежному ковру.

Не блеснут ли мимо окон
Розы милого лица?
Не мелькнет ли русский локон
У тесового крыльца?
И в восторге, в упоенье
Буду ль я в ночной тиши

Целовать в самозабвеньи
Очи девицы-души?

Что же дряхлой головою
Ты насмешливо трясешь?
Полно, старая! с тобою
Разве не было того ж?
В дни, когда была моложе,
Знала, верно, ты, мой свет,
Что восторга миг дороже,
Чем десяток скучных лет!

М. Деларю

МЫСЛИ О МАКБЕТЕ, трагедии Шекспира³

Для того, кто неохотник до так называемых общих мест, довольно трудно после Лессинга⁴, Гёте, Шлегеля⁵ и других великих критиков рассуждать о творениях, каковы «Гамлет», «Ромео и Юлия», «Лир», «Ричард III» и наконец «Макбет». Прибавим, что о «Макбете» почти еще труднее сказать что-нибудь новое, нежели о прочих, помянутых нами великих созданиях Шекспирова гения. Возьмем для примера «Гамлета», который по прекрасному переводу г. В-ка⁶, без сомнения, теперь уже известен всякому русскому читателю: философия в сей трагедии так глубока, характер героя и все его поступки, или, лучше сказать, все, что с ним сбывается (ибо отличительная черта в Гамлете именно его бездейственность), начертаны с таким необыкновенным знанием сердца человеческого, с таким вдохновенным знанием путей Провидения, что оценить вполне сие творение даже умный читатель может не вдруг; а критик всегда найдет в нем

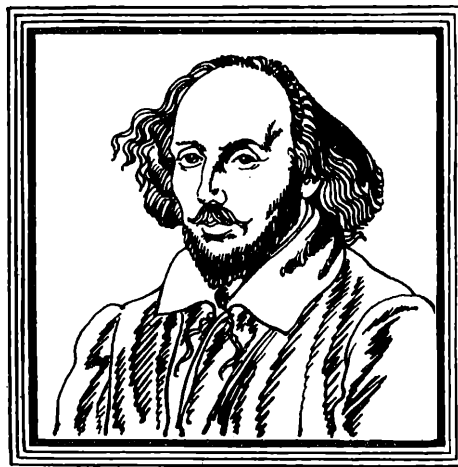
повод к пояснениям, исследованиям, изложениям красот, неудовлетворительно еще рассмотренных его предшественниками. В некоторых академиях Италии в старину находился особенный профессор, которому поручалось толковать Дантеву «Divina Commedia»; таким толкованиям можно бы подвергнуть не без успеха и «Гамлета», хотя пределы оного и направление менее дидактическое, конечно, представляли бы изысканиям поле не столь обширное. «Макбет» же, напротив, поразит с самого начала всякого: красоты его большею частью таковы, что и простолудим и ученый, и прозаик и поэт, и свободный романтик, и даже подобострастный поклонник прежней французской школы должны их признать, сколь бы тому ни противились их предрассудки, должны их почувствовать, хотя, конечно, и не в равной степени, с живостью не одинакою. Естественно, что подобная поэма легче может быть понята, нежели «Гамлет», писанный, можно сказать, только для известного круга читателей; естественно, что над оною скорее истощится критика. Сим немало не думаем унижить достоинство «Макбета», высокое, неколебимое. Если

в «Гамлете» — в чем нет сомнения — более глубокомыслия, в «Макбете» не в пример более силы, движения, возвышенности. В «Гамлете» Шекспир является преимущественно философом, в «Макбете» он первый, величайший (может быть) поэт романтический.

Но окончим сие сравнение: сравнения, параллели завлекают в общие места, а их-то избегать мы были намерены. Не станем также говорить о чертах в последней трагедии, подобных которым довольно было бы и одной, дабы обессмертить имя другого писателя; таковы, напр., первая встреча Макбета и Банко с ведьми сестрами, монолог Макбета перед первым своим злодеянием, разговор его с женою после оного, явление Банковой тени, Макдуф, узнающий о гибели своего дома, леди Макбет в припадке лунатизма — все сии черты известны, можно сказать, целому свету и так превосходны, высокое их достоинство так очевидно, что всякая похвала, всякое пояснение тут были бы совершенно излишними. Нам остается только обратить внимание на немногие места, которые, при первом чтении, произвели в нас ощущение неприятное, но красоту, необходимость которых признать мы нашлись принужденными по размышлении зрелейшем.

Мест сих не более трех: во-первых, монолог и неблагоприятные шутки привратника тотчас по убийнии короля; потом чопорный разговор лордов, не знающих еще о смерти Дункана; наконец, в IV-м действии неуместный, ни с чем, по-видимому, не связанный приход английского врача, прерывающий беседу Макдуфа с Малькольмом.

«К чему, — так думали мы, — после предшествовавших ужасов сии шутки грубого, пьяного привратника, шутки ничуть не остроумные? не охладят ли они читателя?» — Читателя? но драматическое творение создается более для зрителей, нежели для читателей. Вообразим,

что мы в театре: Макбет и жена его поспешно вышли, послышав стук; последние слова Макбета были:

«Проснись от стука, Дункан, о! проснись!»

Сцена не переменяется: она та же, свидетельница величайших ужасов, мелькнувших перед очами нашими; стук, пробудитель страха в душе убийцы и злодейки жены его, продолжается. Между тем является привратник, ничего не знающий, ничего не подозревающий, вполнину еще одержимый сном и виновными парами; он хладнокровно острится, шутит, говорит нелепости. Зритель невольно вздрагивает: шутки привратника рассмешат разве того, кто не видал, не слышал ничего из всего, что мы видели, что мы слышали, при чем мы присутствовали. Нас, напротив, они приведут в больший еще трепет: тленность, ничтожество всего, и величайшего земного, стеснит сердца наши. Привратник предстанет нам представителем вообще черни, не знающей, не постигающей хода таинственного рока, слепой и готовой упиться низкими наслаждениями, даже под ударами судеб, которые грозят всему миру превращением.

Следующий за сим разговор придворных представляет подобную картину. Все в этом разговоре гладко, вежливо, пошло и ежедневно, между тем стена, одна стена отделяет их от неслыханного, чудовищного!

Наконец помянутый приход врача и все, что говорит он о чудесных даяниях неба королю Эдуарду, истинно шекспировски возвещает Малькольму помощь Божию, помощь сверхъестественную, ибо сей-то святой король, сей угодник Господа ополчится за него.

БИБЛИОГРАФИЯ

Русские книги

Сен-Марс, или Заговор при Людовике XIII. Соч. графа Альфреда де Виньи. Пер. А. Очкин. 4 ч.—С.П.б., в типогр. вдовы Плюшар, 1829—1830 (в 1-й части 187, во 2-й 259, в 3-й 267, в 4-й 255 стр. в 12-ю д. лис.)*⁷

После англичанина Горация Смита⁸ и американца Купера⁹ из подражателей или последователей Валтера Скотта особенное внимание заслуживают итальянец Манцони¹⁰ и француз де-Виньи¹¹ как сочинители романов исторических. Роман первого из них: «Обрученные» (*I promessi sposi*)¹², при всем велеречии авто-

ра, при всем отменно длинном рассказе собственно романического происшествия, едва достаточного на один том, заключает в себе черты отличного достоинства: в нем видишь Италию описываемой эпохи, видишь страсти народные в борьбе с чужевластием, становишься как бы очевидцем ужасов чумы и голода, порывов мятежной черни и пр. и пр. Все это живо, все ощутительно, верно; народные сцены изображены превосходно: кажется, чувствуешь близ себя шум и волнение толпы. Прибавим, что сочинитель с большим искусством привязал внимание и участие читателей к судьбе обрученных, которых взял он из звания мирных поселян и бросил в самый вихрь мятежей и событий исторических, покрыв совершенно неизвестностию будущую судьбу своих героев и, можно сказать, затеряв их на время, чтобы после обрадовать читателя нечаянною с ними встречей.—В романе графа де-Виньи «Сен-Марс»¹³ менее видно искусство романиста: здесь с самого начала можно предузнать развязку; видишь, к чему сочинитель ведет своего героя путями явными. Можно почти сказать, что автор сам взялся быть судьбою исторического лица, им избранного. Уличные сцены, в которые автор его увлекает, пророческий сон его, высокомерные мечты любви и виды честолюбия — все это направлено к одной цели — к гибели его. Но, при всем недостатке высших соображений в целом, роман сей, в частности, заключает в себе много истинных красот. Таковы пытка и мученическая смерть священника Грандье, таков портрет кардинала Ришелье, богато обставленный в кабинете сего прелата-министра; таковы многие характеристические черты в лицах Людовика XIII, Сен-Марса, молодого де-Ту и пр. Картина казни Сен-Марса хотя и отзывается подражанием, но жива и естественна. Вообще роман сей по праву должен нравиться

* Продается у А. Ф. Смирдина, И. И. Глазунова и других книгопродавцев. Цена 12 р.

людям, которых воображение не иначе любит видеть историю, как сквозь радужную призму вымысла. О труде переводчика скажем, что он заслуживает похвалу.

С М Е С Ъ

*Колонии бедных в Нидерландах*¹⁴. Колонии бедных учреждены за десять лет пред сим в Нидерландах и тогда же обратили на себя внимание как одно из важнейших благотворительных учреждений. Весьма бы хорошо было, если бы подобные заведения устроены были и в других странах Европы. Тогда бедные, особливо здоровые, праздношатающиеся попрошай, перестали бы жить на мирской счет и сделались бы полезными членами общего европейского семейства. Всякий согласится, что прибавка нескольких миллионов здоровых рук принесла бы неисчислимые пользы земледелию и промышленности.

Четыре из сих колоний описаны одним ученым варшавским экономистом. Помещаем здесь краткую перечень его замечаний. «Фридриксорд и Вортель называются *вольными* колониями, т. е. земледельческими заведениями для нескольких сот бедных семейств, водворенных в домах и на землях, которые им отведены. Оммертанс и Марклас-Рейкворсель суть колонии *вынужденные*, т. е. смиренные и исправительные заведения, в которые отсылают здоровых нищих и праздношатающихся, дабы приучить их к труду и соделать полезными обществу. В колониях обоих сих родов неимущие подчинены особому управлению, которое принуждает их к работе, печется о их продовольствии и старается содержать между их произведениями и потреблени-

ем такой порядок, чтобы всегда оставалась запасная сумма для каждого. Но цель обоих учреждений разнится тем, что в колониях *вынужденных* предполагается только истребить бродяжничество и нищенство, а в колониях *вольных* желают соделать из семейств бедных семейства достаточные. Итак, если бы требовалось распространить сии заведения, то какому роду колоний должно б было дать преимущество? и лучше ли всего учредить оные обоих родов везде, где хотят истребить нищенство и бродяжничество? Невозможность распродажи изделий какой-либо промышленности, простирающаяся от каких бы то ни было причин, уменьшив выработку сих изделий, может повергнуть в оскудение весьма многие ремесленные семейства, жившие от сей работы. Посему должно им доставить средства пропитания, коих они лишены были сим невзгодьем. Употребляя же земледельческие колонии на сей конец, правительство принуждено будет превратить в землепашцев таких людей, кои с детства были готовлены для мануфактур; должно переменить их образ жизни, привычки, звание и сделать бесполезным все то, чему они научились: посему должно преодолеть множество затруднений. С другой стороны, учреждение колонии требует значительных издержек на покупку земель, скота, земледельческих орудий, на построение домов, на обзаведение и снабжение всем нужным бедняков, принятых в колонию, до тех пор, пока работа их может оплачивать все, что они потребляют; а это не скоро может исполняться, по причине их неумения и непривычки к полевым работам. Посему должно будет ежегодно определять значительные суммы денег на содержание колонии, тем более, что она, будучи поселена на дурных или запущенных землях, часто не может собирать достаточной жатвы. Это подтверждается опытом.

Свободное поселение бедных, по причине чрезмерных издержек, на него требующихся, может быть только средством, употребляемым в крайности. Не лучше ли было бы, по возможности, поддерживать обедневшие семейства ремесленников в той отрасли досужества, которою они прежде занимались, и теми суммами, кои назначены были на учреждение колоний¹⁵ или доставить им способы перейти в чужие края, дабы в оных заниматься тем ремеслом, которым не могут они пропитаться в своей отчизне?

Все сии замечания о так называемых свободных колониях бедняков нисколько не относятся к колониям *вынужденным*. Сии последние суть лучший, удобнейший способ прекратить нищенство и бродяжничество и могут быть заводимы во всех странах, где только есть дикопорожные земли. Рабочие дома и богадельни имеют двоякий недостаток: во-первых, содержание их очень дорого; а во-вторых, они своими изделиями нередко вводят весьма вредное совместничество с цеховыми ремесленниками, живущими своею работою. Вынужденные колонии Оммершанс и Маркплас заключают в себе все желаемые от таких заведений условия. Поселенцы обоего пола обрабатывают пространные поля, доставляющие им пропитание и первобытное вещество для их одежды; работы их весьма достаточно для их продовольствия; но сия работа не может производить никакого вредного влияния на торговлю. Издержки на устроение и содержание употребляются на вспоможение бедным, на истребление нищенства, без всякого предположения прибытка или возврата капиталов.

Поселенцы непрерывно заняты, не только по принуждению, но и потому, что работа есть для них единственное средство к получению свободы и приобретению капитала, который бы привел их в состояние работать собственно для себя. Каждый поселенец получает зара-

ботанные им деньги по установленной одинажды навсегда таксе; то, что он выработывает сверх сего, присовокупляется к трети обыкновенной его дневной заработной платы и составляет для него запасный капитал. Когда сей капитал возвысится до 25 голландских гульденов, тогда поселенец может просить об освобождении своем; вследствие сего ему необходимо должно быть трудолюбивым. Помянутая сумма может быть заработана не менее как в два года, а этого довольно для довершения его воспитания нравственного и земледельческого.»

(Из одного французского журнала.)

¹⁵ Недавно в одном из наших журналов изъявили сомнение: точно ли «Разговор у княгини Халдиной», напечатанный в 3-м № «Литер. газеты», есть сочинение Фон-Визина. Во-первых, родной племянник покойного автора ручается в достоверности оною; во-вторых, не так легко, как думают, подделаться под руку творца «Недоросля» и «Бригадира»: кто хотя немного изучал дух и слог Фон-Визина, тот узнает тотчас их несомненные признаки и в «Разговоре». Статья сия замечательна не только как литературная редкость, но и как любопытное изображение нравов и мнений, господствовавших у нас лет сорок тому назад. Княгиня Халдина говорит Сорванцову ты, он ей также. Она бранит служанку, зачем не пустила она гостя в уборную: «Разве ты не знаешь, что я при мужчинах люблю одеваться?» — «Да ведь стыдно, в. с.», — отвечает служанка. — «Глупа, радость», — возражает княгиня. Все это, вероятно, было списано с натуры. Мы и тут узнаем подражание нравам парижским. Изображение Сорванцова достойно кисти, нарисовавшей семью Простаковых. Он записался в

службу, чтоб ездить цугом. Он проводит ночи за картами и спит в присутственном месте, во время чтения запутанного дела. Он чувствует нелепость деловой бумаги и соглашается с мнением прочих из лени и беспечности. Он продает крестьян в рекруты и умно рассуждает о просвещении. Он взяток не берет из тщеславия и хладнокровно извиняет бедных взяточбрателей. Словом, он истинно русский барич прошлого века, каковым образовали его природа и полупросвещение. Здравомысл напоминает Правдина и Стародума, хотя в нем и менее педантизма. Прочитав «Разговор у княгини Халдиной», пожалеешь неволью, что не Фон-Визину досталось изображать новейшие наши нравы¹⁶.

«Москва и Париж в 1812 и 1814 годах»¹⁷. — Воспоминание в разностопных стихах, кн. А. А. Шаховского, разделенное на две части, с предисловием, посвящением в стихах же лейб-гвардии Преображенскому полку, любопытными примечаниями и объяснениями важных происшествий во время пожара Москвы, входа, пребывания и выхода из нее Наполеона и благотворного вступления Александра I в Париж. Написано автором со слов очевидцев и соучастников взятия столиц обоих великих государств. Стихотворение сие уже поступило в печать и скоро появится в свет.

¹⁸ Поступила в печать и выйдет в свет в начале марта 1830 года новая, в виде альманаха, книжка под названием «Подарок детям на святую пасху 1830 года. Разговоры в пользу воспитания». С литографированною картинкой. В сей

книжке все статьи одного сочинителя, удостоившегося внимания христианской публики изданием книг: а) Училище благочестия, или примеры христианских добродетелей, выбранные из жития святых. б) Обязанности домашнего общества, по разуму исполнителей слова Божия, древних христиан. в) Краткое изъяснение на литургию. г) Поучение, как стоять в церкви, во время божественной литургии и д) Краткие христианские поучения для воинов. — Содержание «Подарка детям» будет следующее: 1) Христос воскрес! 2) И мы воскреснем. 3) Истинная молитва. 4) День моего рождения. 5) Промысл Божий. 6) О детских добродетелях, заслуживших благословение Иисуса Христа. 7) Истинная любовь к самому себе. 8) Сегодня праздник. 9) Священные притчи. 10) Светильники с елеем и без елея. 11) Преображение Господа. 12) В чем состоит преобразование человека. 13) О сухих ветвях. 14) Успение Божией матери. 15) О двух возрастах. 16) Достоинство и пышность. 17) Богоявление Господне. 18) Красота священных обрядов. 19) О двух крилах чистой голубицы. 20) Петел. 21) Порядок и опрятность. 22) Сретение Господа. 23) Завещание Христово. 24) Неделя Ваий. 25) Ангел хранитель. — Родители, родственники и друзья, желающие, вместе с красным яичком, подарить сию книжку детям, благоволят относиться заблаговременно в книжные магазины: в С. Петербурге А. Ф. Смирдина и И. В. Сленина, а в Москве А. С. Ширяева. Цена в бумажке 7 руб., за пересылку в другие города прилагается 1 р.

Письмо к издателю Литературной газеты и его сотрудникам¹⁹. — Просветите мои сомнения и решите для меня сле-

дующую загадку: кто таков критик Порфирий Душегрейкин²⁰, напавший на моего земляка, соседа и кума, Порфирия Богдановича Байского (см. 12 № «Север. пчелы» на сей год)? Прежде критики на него писал один из издателей «Северной пчелы», Ф. В. Булгарин, и подписывал оные рукою властною; ныне же, хотя слог и приемы критика остались одни и те же, но имя выставлено другое. Реченный критик (т. е. Порфирий Душегрейкин) должен быть очень своенравен: заговорят об Иллирии, а он заметит: этого-де нет в Венгрии. Он не знает, что гайдуки²¹ в Далмации и Боснии то же, что клефты²² в горах нынешней Греции; он не знает, что пандуры²³ в той же Далмации исправляют должность итальянских сборов, т. е. сыщиков разбойничьих шаек; он смешивает *перевязку с пластырем*; он не знает, что значит русское, употребительное выражение *чем попада* (не знает и ударения в последнем слове), и принимает его за *попадью*. Вот этнографические и даже грамматические сведения нашего критика, который не читал ни сочинения аббата Фортиса²⁴ о морлаках, ни даже той книги, о которой сам упоминает в своей критике (*La Guzla, ou choix de poésies illyriques, recueillies dans la Dalmatie, la Bosnie, la Croatie & l'Herzegowine*)²⁵; иначе он не опровергал бы того, о чем собиратель морлацких песен, природный иллириец, говорит в своих примечаниях; не сказал бы, что все помянутые песни сочинены Яцинтом Магляновичем, тогда как из них едва пятая доля песен сего морлацкого импровизатора. Что всего вышепомянутого рецензент Душегрейкин не знал или не читал, это бы еще не беда; но зачем же он берется говорить о том, что ему неизвестно?

Впрочем, «Северная пчела» не раз уже заключала подобные выходки против соседа и притаманного друга моего Пор-

фирия Богдановича. Так, например, рецензенту (на сей раз Ф. В. Булгарину) казалось непонятным, как мог Гаркуша²⁶ отдать шкатулку с червонцами и дорогами вещами молодому офицеру. «Кажется,— говорит рецензент,— и порядочный человек не даст столько денег первому встречному». На сие имею честь отвечать, что Гаркуша не принадлежал к числу *порядочных людей*, ибо был разбойник. Образ мыслей и поступки его были совсем не те, коих мы требуем от людей, называемых порядочными. Где *порядочный человек* пожалел бы рубля, там *беспорядочный* Гаркуша мог бросать тысячи. Характер и дела сего странного человека, сохранившиеся и доныне в живой памяти жителей Малороссии, служат тому доказательством. Гайдамак сей обирал богатых и наделял бедных. Вся жизнь его была, так сказать, переменными пароксизмами презрения и сострадания, ненависти и любви к человечеству. По сему-то Байский и выбрал его предпочтительно другим, многочисленным атаманам гайдамаков, когда-то опустошавших Малороссию.

Если позволите, м.м. г.г., то я сообщу вам и еще несколько замечаний на замечания нашего критика. Сам Порфирий Богданович, за отдаленностию места своего жительства и по врожденному миролюбию, верно, не решится отвечать своим критикам; но я, живучи здесь по тяжebному делу и, следовательно, имея много досуга, а сверх того, помня хлеб-соль и приязнь любезного кума, П. Б., вменяю себе в долг подать за него свой голос. Есмь и пр.

Калиник Максимов сын
Чупрынский,
В...ский обыватель.

²⁷ В бывшее 3-го числа сего января заседание Королевско-варшавского общества любителей наук наименованы членами-корреспондентами оногo: Стефан Зенович²⁸, Иосиф Корженёвский, Константин Ойкоманидес, Иосиф-Мария Дежерандо²⁹, барон

Ферюсак³⁰, Томас Кампбель, Торвальдсен³¹, Фишер де Вальдгейм³², Карл Роттек³³ и несколько других. Почетными же членами провозглашены: Гёте, Блюменбах³⁴ и Шатобриан³⁵.— (Из «Tugodnik Petersburgski»).

СРЕДА.

ТОМ. I. № 8.

ФЕВРАЛЯ 5го.

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА.

Выходитъ
чрезъ
каждые пять дней

1830 ГОДЪ.

Цена годовому изданію,
состоящему изъ 72 кн.
№., въ С. П. Б. 55 руб.
съ пересылкою и разны-
скою 40 рублей.

Въ Февралѣ Газета сія выходитъ въ слѣдующіе дни: 5-го числа (въ Среду), — 10-го (въ Понедѣльникъ), —
15-го (въ Субботу), — 20-го (въ Четвертокъ), и 25-го (въ Вторникъ).

ВОЕННАЯ ГРУЗИНСКАЯ ДОРОГА

(Извлечено из путевых записок
А. Пушкина)¹

С Екатеринограда начинается военная Грузинская дорога; почтовый тракт прекращается. Нанимают лошадей до Владикавказа. Дается конвой казачий и пехотный и одна пушка. Почта отправляется два раза в неделю, и проезжие к ней присоединяются: это называется *оказией*. Мы ждали недолго. Почта пришла на другой день, и на третье утро в 9 часов мы были готовы отправиться в путь. На сборном месте соединился весь караван, состоявший из 500 человек или около. Пробила в барабан. Мы тронулись. Вперед поехала пушка, окруженная пехотными солдатами. За нею потянулись коляски, брички, кибитки солдаток, переезжающих из одной крепости в другую; за нами заскрипел обоз двуколесных ароб. По сторонам бежали конские табуны и стада волов. Около них скакали нагайские проводники в бурках и с арканами. Все это сначала мне очень нравилось, но скоро надоело. Пушка ехала шагом, фитиль курился, и солдаты раскуривали им свои трубки. Медленность нашего похода (в первый день мы прошли только 15 верст), несносная жара, недостаток припасов, беспокойные ночлеги, наконец непрерывный скрип нагайских ароб выводили меня из терпения. Татары тщеславятся этим скрипом, говоря, что они разъезжают как честные люди, не имеющие нужды укрываться. На сей раз приятнее было бы мне путешествовать с плутами. Дорога довольно однообразная: равнина, по сторонам холмы. На краю неба вершины

Кавказа, каждый день являющиеся выше и выше. Крепости, достаточные для здешнего края, со рвом, который каждый из нас перепрыгнул бы в старину не разбегаясь, с пушками, не стрелявшими со времен графа Гудовича², с валом, по которому бродит гарнизон куриц и гусей. В крепостях несколько лачужек, где с трудом можно достать десяток яиц и кислого молока.

Первое замечательное место есть крепость Минарет. Приближаясь к ней, наш караван ехал по прелестной долине, между курганами, обросшими липой и чинаром. Это могилы нескольких тысяч умерших чумою. Пестрелись цветы, порожденные зараженным пеплом. Справа сиял снежный Кавказ; впереди возвышалась огромная, лесистая гора; за нею находилась крепость. Кругом ее видны следы разоренного аула, называвшегося Тартубом³ и бывшего некогда главным в большой Кабарде. Легкий, одинокий минарет свидетельствует о бытии исчезнувшего селения. Он стройно возвышается между горами камней, на берегу иссохшего потока. Внутренняя лестница еще не обрушилась. Я взобрался по ней на площадку, с которой уже не раздается

голос муллы. Там нашел я несколько неизвестных имен, нацарапанных на кирпичках славлюбовыми путешественниками.

Дорога наша сделалась живописна. Горы тянулись над нами. На их вершинах ползали чуть видные стада и казались насекомыми. Мы различили и пастуха, быть может, русского, некогда взятого в плен и состарившегося в неволе. Мы встретили еще курганы, еще развалины. Два, три надгробных памятника стояло на краю дороги. Там, по обычаю черкесов, похоронены их наездники. Татарская надпись, изображение шашки, танга, иссеченная на камне, оставлены хищным внукам в память хищного предка.

Черкесы нас ненавидят. Мы вытеснили их из привольных пастбищ; аулы их разорены, целые племена уничтожены. Они час от часу далее углубляются в горы и оттуда направляют свои набеги. Дружба мирных черкесов ненадежна: они всегда готовы помочь буйным своим единоплеменникам. Дух дикого их рыцарства заметно упал. Они редко нападают в равном числе на казаков, никогда на пехоту и бегут, завидя пушку. Зато никогда не пропустят случая напасть на слабый отряд или на беззащитного. Здешняя сторона полна молвой о их злодействах. Почти нет никакого способа их усмирить, пока их не обезоружат, как обезоружили крымских татар, что чрезвычайно трудно исполнить по причине господствующих между ними наследственных распрей и мщения крови. Кинжал и шашка суть члены их тела, и младенец начинает владеть ими прежде, нежели языком. У них убийство — простое телодвижение. Пленников они сохраняют в надежде на выкуп, но обходятся с ними с ужасным бесчеловечием, заставляют работать сверх сил, кормят сырым тестом, бьют, когда вздумается, и приставляют к ним для стражи своих

мальчишек, которые за одно слово вправе их изрубить своими детскими шашками. Недавно поймали мирного черкеса, выстрелившего в солдата. Он оправдывался тем, что ружье его слишком долго было заряжено. Что делать с таковым народом? Должно, однако ж, надеяться, что приобретение восточного края Черного моря, отрезав черкесов от торговли с Турцией, принудит их с нами сблизиться. Влияние роскоши может благоприятствовать их укрощению: самовар был бы важным нововведением. Есть средство более сильное, более нравственное, более сообразное с просвещением нашего века: проповедание Евангелия. Черкесы очень недавно приняли магометанскую веру. Они были увлечены деятельным фанатизмом апостолов *Корана*, между коими отличался Мансур, человек необыкновенный, долго возмущавший Кавказ противу русского владычества, наконец схваченный нами и умерший в Соловецком монастыре⁴. Кавказ ожидает христианских миссионеров. Но пример лучшего и слово живое будет действительнее, чем выливать мертвые буквы и посылать немые книги людям, не знающим грамоты.

Мы достигли Владикавказа, прежнего Кап-кая, преддверия гор. Он окружен осетинскими аулами. Я посетил один из них и попал на похороны. Около сакли толпился народ. На дворе стояла арба, запряженная двумя волами. Родственники и друзья умершего съезжались со всех сторон и с громким плачем шли в саклю, ударяя себя кулаками в лоб. Женщины стояли смиренно. Мертвеца вынесли на бурке.

.....like a warrior taking his rest
With his martial cloak arround him⁵;

положили его на арбу. Один из гостей взял ружье покойника, сдул с полки порох и положил его подле тела. Волы

тронулись. Гости поехали следом. Тело должно быть похоронено в горах, верстах в тридцати от аула. К сожалению, никто не мог объяснить мне сих обрядов.

Осетинцы — самое бедное племя из народов, обитающих на Кавказе; женщины их прекрасны и, как слышно, очень благосклонны к путешественникам. У ворот крепости встретил я двух, жену и дочь заключенного осетинца. Они несли ему обед. Обе казались спокойны и смелы, однако ж при моем приближении обе потупили голову и закрылись своими изодранными *чадрами*. В крепости видел я черкесских аманатов⁶, резвых и красивых мальчиков. Они поминутно проказят⁷.

Пушка оставила нас. Мы отправились с пехотой и казаками. Кавказ нас принял в свое святилище. Мы слышали глухой шум и увидели Терек, разливающийся по разным направлениям. Мы поехали по его левому берегу⁸. Чем далее углублялись мы в горы, тем уже становилось ущелие. Стесненный Терек с ревом бросает свои мутные волны чрез утесы, преграждающие ему путь. Ущелие извиляется вдоль его течения. Каменные подошвы гор обточены его волнами. Я шел пешком и поминутно останавливался, пораженный мрачною прелестью природы. Погода была пасмурная; облака тягело тянулись около черных вершин. Граф П. и Ш.⁹, смотря на Терек, вспоминали Иматру и отдавали преимущество *реке, на Севере гремящей*¹⁰. Но я ни с чем не мог сравнить мне предстоявшего зрелища.

Не доходя до Ларса¹¹, я отстал от конвоя, засмотревшись на огромные скалы, между коими хлещет Терек с яростию неизъяснимой. Вдруг бежит ко мне солдат, крича мне издали: «Не останавливайтесь, в. б., убьют!» Это предостережение с непривычки показалось мне чрезвычайно странным. Дело в том, что

осетинские разбойники, безопасные в этом узком месте, стреляют через Терек в путешественников. Накануне нашего перехода они напали таким образом на генерала Бековича, проскакавшего сквозь их выстрелы. На скале видны развалины какого-то замка: они облеплены саклями мирных осетинцев, как будто гнездами ласточек.

В Ларсе остановились мы ночевать. Тут нашли мы путешественника французца, который напугал нас предстоящею дорогой. Он советовал нам бросить экипажи в Коби¹² и ехать верхом. С ним выпили мы в первый раз кахетинского вина из вонючего *бурдюка*, вспоминая пирования Иллады:

«И в козиих мехах вино, отраду нашу!»¹³

Здесь нашел я измаранный список «Кавказского пленника» и, признаюсь, перечел его с большим удовольствием. Все это слабо, молодо, неполно; но многое угадано и выражено верно.

На другой день поутру отправились мы далее. Турецкие пленники разрабатывали дорогу в мрачном Дарияльском ущелии. Они жаловались на пищу, им выдаваемую. Они никак не могли привыкнуть к русскому черному хлебу. Это напомнило мне слова моего приятеля Ш.¹⁴ по возвращении его из Парижа: «Худо, брат, жить в Париже: есть нечего, черного хлеба не допросишься!»

Скоро притупляются впечатления. Едва прошли сутки, и уже рев Терека и его безобразные водопады, уже утесы и пропасти не привлекали моего внимания. Нетерпение доехать до Тифлиса исключительно овладело мною. Я столь же равнодушно ехал мимо Казбека, как некогда плыл мимо Чатырдага¹⁵. Правда и то, что дождливая и туманная погода мешала мне видеть его снеговую гряду, по выражению поэта, *подпирающую небосклон*.

Ждали персидского принца. В некотором расстоянии от Казбека попались нам

навстречу несколько колясок и затруднили узкую дорогу. Покамест экипажи разъезжались, конвойный офицер объявил нам, что он провожает придворного персидского поэта, и, по моему желанию, представил меня Фазил-хану¹⁶. Я, с помощью переводчика, начал было высокопарное восточное приветствие; но как же мне стало совестно, когда Фазил-хан отвечал на мою неуместную затейливость простою, умной учтивостью порядочного человека! Он надеялся увидеть меня в Петербурге; он жалел, что знакомство наше будет непродолжительно и проч. Со стыдом принужден я был оставить важно-шутливый тон и съехать на обыкновенные европейские фразы. Вот урок нашей русской насмешливости. Вперед не стану судить о человеке по его бараньей *папахе** и по крашеным ногтям.

Пост Коби находится у самой подошвы Крестовой горы, чрез которую предстоял нам переход. Мы тут остановились ночевать и стали думать, каким бы образом совершить сей ужасный подвиг: сесть ли, бросив экипажи, на казачьих лошадях или послать за осетинскими волами? На всякий случай я написал от имени всего нашего каравана официальную просьбу к г. Ч***¹⁷, начальствующему в здешней стороне, и мы легли спать в ожидании подвод.

На другой день около 12-ти часов слышали мы шум, крики и увидели зрелище необыкновенное: 18 пар тощих, малорослых волов, понуждаемых толпою полунагих осетинцев, насилу тащили легкую венскую коляску приятеля моего О***. Это зрелище тотчас рассеяло все мои сомнения. Я решился отправить мою тяжелую петербургскую коляску обратно во Владикавказ и ехать верхом до Тифлиса. Граф П. не хотел следовать

* Так называются персидские шапки, бывшие недавно и у нас в таком употреблении.

моему примеру. Он предпочел впрячь целое стадо волов в огромную свою бричку, нагруженную запасами всякого рода, и с торжеством переехать через снеговой хребет. Мы расстались, и я поехал с полковником Ог...¹⁸, осматривающим здешние дороги.

Мы круто подымались выше и выше. Лошади наши вязли в рыхлом снегу, под которым шумели ручьи. Я с удивлением смотрел на дорогу и не понимал возможности езды на колесах. В это время услышал я глухой грохот. «Это обвал», — сказал мне г. Ог... Я оглянулся и увидел в стороне груды снега, которая осыпалась и медленно съезжала с крутизны. Мы достигли самой вершины горы. Здесь поставлен гранитный крест, старый памятник, обновленный Ермоловым. Мы начали спускаться.

Мгновенный переход от грозного Кавказа к миловидной Грузии восхитителен. Воздух юга вдруг начинает навевать на путешественника. С высоты Гут-горы открывается Кашаурская долина с ее обитаемыми скалами, с ее садами, с ее светлой Арагвой, извинаящейся, как серебряная лента, — и все это в уменьшенном виде, на дне трехверстной пропасти, по которой идет опасная дорога.

ДУШЕНЬКА

Бывали ль вы в стране чудес,
Где, жертва грозного вельня,
В глуши земного заточенья
Живет изгнанница небес?

Я был — я видел божество!..
Я пел ей песнь с восторгом новым,
Я осенил венком лавровым
Ее высокое чело.

И очи он возвел к очам,
И произвел в груди волненья
От жарких уст прикосновенья
К ее трепещущим устам.

Д. Д.

О МОСКОВСКИХ ЖУРНАЛАХ²⁰

Наши журналы живущи. Посмотришь на иной: в чем душа держится? Целый год чахнет, чахнет, и только иногда, в пароксизмах какого-то воспаления, обнаруживаются в нем признаки судорожной силы. Думаешь, с концом года угаснет и он. Не тут-то было! К новому году газетное объявление извещает вас: жив — жив *Курилка*. Что ни говори, а явление это утешительно. Следовательно, смертность в созданиях умственной природы у нас еще не слишком несоразмерна с действиями производительной силы. Неужели климат наш благоприятен только для больных и вреден для здоровых? Такое предположение несбыточно и преступно против Провидения. Нет, у нас, видно, еще жить можно. Как бы то ни было, но в списке московских литературных журналов убыли нет против прошлогоднего. Начнем осмотр свой с малонадежнейших по эфирности сложения.

«Дамский журнал»²¹. Кто подумал бы, что ему уже осьмой год? Но метрическая отметка, на нем выставленная, удостоверяет вас в доказательстве долголетия, довольно почтенного в жизни журнальной. Итак, любезнейший редактор будет и на нынешний год записывать

На листочках алой розы
Мадригалы и угрозы,

Я как младенец трепетал
У ног ее в уничиженье
И омрачить богослуженье
Преступной мыслью не дерзал.

Ах! мне ль божественной к стопам
Несть обольщения искусство?...
Я весь был гимн, я весь чувство,
Я весь был чистый фимиам!

И что ей наш земной восторг,
Слова любви? — пустые звуки!
Она чужда сердечной муки,
Чужда томительных тревог.

Из-под ресниц ее густых
Горит и гаснет взор стыдливый...
Но отчего души порывы
И вздохи персей молодых?

Был миг — пролетная мечта
Мелькнула на челе прекрасной,
И вспыхнули ланиты страстно,
И загорелися уста.

Но этот миг — игра одна
Каких-то дум... воспоминанье
О том небесном обитанье,
Откуда изгнана она.

Иль, скучась без нее, с небес
Воздушный гость, незримый мною,
Амур с повинной головою
Предстал, немеющий от слез.

хронику мод, столичных концертов, спектаклей, балов, крестинных обедов, именинных вечеринок и пр. и пр. Между тем в трех № нынешнего года, доселе вышедших, выказываются попытки важнейшие: «Дамский журнал» сходит из уборной в архивы истории, от сплетней дня переходит он к преданиям столетий. Жаль только, что в материалах для истории русских женщин-авторов мало нового, то есть неизвестного; но все желательно видеть продолжение сих статей биографических, особенно полнее разработанных: они приличны «Дамскому журналу». Он уже и так, по части женской литературы, заслуживает внимание читателей. Молодые поклонницы мюз преимущественно в нем печатают свои первые опыты, и мы обязаны издателю за многие приятные знакомства. Можно посоветовать ему уважить сию лестную благосклонность к нему авторов прекрасного пола; он не должен впредь заставлять их раскаиваться в выборе сцены для дебютов, видя произведения свои, напечатанные наряду с неприличными выходками, не извинительными ни в каком литературном журнале, а тем более в «Дамском», коего издатель увенчан миртами, заслуженными в службе граций.

«Галатеи»²² вышло в нынешнем году две книжки. Готовясь говорить об этом журнале, вспомнишь невольно, что издатель его или по крайней мере восприимчив, давший ему имя свое, есть тот же, который перевел «Георгики» и «Освобожденный Иерусалим»²³: вспомнив о том, не решишься говорить о «Галатее». Упомянутые переводы далеки от совершенства, не только идеального, но и возможного, это правда; но все же заслуги подобного рода обязывают благодарностью даже и самых строгих судей. Г-н Раич, вступая на поприще журналиста, принес имя почтенное: он мог предать его на произвол журнальных случайностей,

мог даже ссудить им журнал, в котором нигде не отзываются ни вкус, воспитанный в школе изящных образцов, ни перо, написавшее много хороших стихов²⁴; но мы со стороны должны за него дорожить именем, которое может быть с честью упомянуто после имен Петрова, Кострова²⁵, Мерзлякова, совершивших предприятия, слишком редкие в литературе нашей. Тютчев²⁶, Ознобишин²⁷, от времени до времени появляющиеся в «Галатее», могут почтяться минутными Пигмалионами²⁸, которые покушаются вдохнуть искру жизни в мертвый обломок. Во второй книжке на нынешний год есть начало критики «Крымских сонетов Мицкевича, переведенных Козловым». В ней разбирается пока одно введение. Критик никак постигнуть не может, почему сказано в нем, что Депрео²⁹ поставил сонет *краеугольным камнем*. Не удивительно, что критикам «Галатеи» неизвестны стихи о сонете из «L'Art poétique». Un sonnet sans défaut vaut seul un long poème etc. etc., но грешно им не знать тех же стихов, переведенных в пользу русских литераторов графом Хвостовым³⁰. Вот что в переводе сказано о сонете:

Хороший наряду с поэмою большой.
Хотя писатели вокруг сонета бродят,
Но Феникса сего доселе не находят.
Творцы различных стран писали много их,
Однако в тысяче два разве не дурных.

Мы полагали, что критики «Галатеи» тверже знают своих классиков и не дадут себя изобличить в неблагодарности к учителю, коего труды уже для них не *Коран*, как назван французский подлинник.

«Московский вестник» отличался с появления своего участием в нем нескольких молодых людей, обещающих быть со временем хорошими литераторами и мыслящими писателями. В этом отношении должно было снисходить

к мнениям иногда сбивчивым, учености незрелой, суждениям заносчивым и выражениям слишком резким, коими ознаменованы были многие страницы сего журнала. Разумеется, говоря здесь о *молодых надеждах* наших, не включаю в их число г-на Арцыбашева, который в 1828 году на горизонте «Московского вестника» разразился каким-то феноменом, оставившим по себе треск, дым и смрад³¹. 1-я книжка на нынешний год не без занимательности. Четыре стихотворения Шевырева³², Баратынского, Языкова³³ и Глинки составляют стихотворное отделение. В произведении первого более поэзии в вымысле, чем в исполнении. Стихотворение Баратынского «К подражателям» было бы еще лучше, если бы сжато было в эпиграмматическую раму, то есть в 12-ть или 14-ть стихов. Редко случится жаловаться на излишество стихов Баратынского, и мы подались на этот упрек для странности. «Преступница», повесть г-на Погодина³⁴, принадлежит к роду уголовной литературы, которая в чести у нас и уже обогащена несколькими произведениями того же автора. Имеет ли он довольно энергии в кисти своей для изображения подобных картин и попал ли он точно на род, свойственный дарованию его? Не знаем, но все признаем в рассказе его довольно живости и разнообразия. Странно, что истинное происшествие, служившее содержанием сей повести и сохранившееся у нас в народной памяти, породило в одно время и другую повесть, напечатанную в «Деннице»³⁵. Сочинение Феофана Прокоповича³⁶ «О смерти императора Петра II и о восшествии на престол императрицы Анны» — исторический факт отменного достоинства. Он любопытен как памятник политических мнений автора и многих других сановников той эпохи. Жаль, что из сей статьи выпущено письмо императрицы к Верховному Совету. Можно заметить,

что подобные статьи не входят в принадлежность современного литературного журнала; но что показалось бы неуместным в иностранном журнале, то в нашем и очень еще у места. Главное в журнале русском, чтобы не было пустых мест. Применение правила о *разделении работы* еще преждевременно в политической экономии журналов наших. Критика на роман «Юрий Милославский», сообщенная в эту книжку, очень забавна. Начать с того: критик объявляет, или сознается, что он уже несколько раз прочел его *со вниманием и всегда с наслаждением*: можно подивиться досужности рецензента, сообразив, что роман сей только что вышел в свет. Трудно между тем согласить общее суждение его о сем творении с частными его же суждениями. Вообще он радуется ему, как *общему добру*; но, следуя за ним далее, видишь, что сие добро очень изменяется, хотя радость рецензента остается неизменною. Например, по мнению его: герой романа *слаб умом*, хотя он *предобрый и благородный и храбрый человек*, но *слишком горячо к нему не привязываться*; как *скоро он действует с кем-нибудь вместе*, он уже *играет второклассное лицо* (*видно, он человек и учтивый: уступает первое место другим*); в нем *ничего нет славного, сильного, увлекательного* (хорошее и заманчивое одобрение роману!), *самобытного*. Его *спасают, посылают, освобождают, не слушают, разрешают и венчают*. (Тут придется спросить: зачем же читают?) Другие действующие лица *весьма неблагоприятны, даже просты* (приятно общество такого романа). По другим частным замечаниям и приводимым доказательствам тем же благосклонным рецензентом видишь, что автор романа писал многое наобум, в припадках удивительного рассеяния, без соображений умственных, даже и физических. Стихии, времена года, действия, чувства, выражения приводятся

невыпадет и неудачу. После того вы заключите, что рецензент под конец очень не доволен романом; напротив: по его же словам, *весь роман есть одна из приятнейших и замечательных страниц в летописях нашей словесности*. Хотя рецензент и прочитал уже несколько раз разбираемую им книгу, но, по-видимому, все еще не довольно: нужно ему прочесть ее еще, чтобы согласить свои противоречия. Появление «Юрия Милославского» и суждения о нем приводят к любопытному заключению. Мы очень любим ахать от удивления и способны к чувствам уничижения и смиренномудрия. Появился роман — и тотчас во сто голосов твердят, что это у нас первое явление в своем роде, сей час готовы почесть автора новым Колумбом, открывшим неизвестный мир, и судить его не по исполнению, а безусловно, по одной решимости предприятия. Можно ли оценивать роман по достоинству первородства, если и признать за ним это достоинство, на которое, впрочем, согласиться нельзя? Если он хорош, то будь он хотя первый, хотя десятый, все равно; если он посредствен, то первородство не придаст ему занимательности, верного, живого изображения людей, человека, общества, эпохи, страстей, которого в нем нет. Новое открытие в области ума, новая форма, в которую автор выливает свои творческие мысли,— это дело другое: тут первый опыт обязывает благодарностию и снисхождением. Но форма, разнообразные формы романа давно известны, и в этом отношении русскому автору, наравне с другими, не для чего ломать себе мозг, чтобы вызвать из него Минерву, давно уже взрослою и устаревшую. Хороший роман, а ныне требования взыскательны, есть дело соединения сил и способностей необыкновенных: нет ничего легче и ничего труднее создания романа. Как роман ни будь ничтожен, но все он найдет читателей. В публике много детей:

им нужны сказки. Почему наши лучшие писатели не искушались в подобных предприятиях? потому, что истинное достоинство строго к себе, потому, что истинное дарование не захочет просто тешить праздность читающей черни и служить чтением при ночнике на сон грядущий: участь, ожидающая почти все романы, за исключением двух, трех изоста, из двух сот, если не более. Почему же другие пишут у нас романы? потому же, что у нас несколько эпических, едва не вырвалось из-под пера, эпидемических поэм. Посредственность хочет оправдать эпитет: *золотая*, данный ей поэтом. Что может быть отважнее империаля? он на все идет и всюду лезет.

Другие журналы московские запоздали, не известно по каким причинам. Замедление одного «Телеграфа»³⁷ понятно. Редакция «Московского телеграфа» может забывать об участи подписчиков своих, занимаясь судьбою русского народа, которую она преобразовывает по гипотезам, а другие говорят, и по оставленным фактам покойного Ходаковско-го³⁸. Ей предстоит множество хлопот: она должна переваривать в слоге своем мысли *новых мыслителей*, так, чтобы после химического производства осталась чистая безмыслица, чему и есть уже опыт в предисловии к «Истории русского народа»³⁹. Там занимается она производством историков: кого пожалует в первого историка, кого разжалует со чреды, на которую поставили его заслуги личные, уважение сведущих людей и благодарность народа. Где же ей тратить время на мелкие издержки журнальные? Кстати, говоря об «Истории русского народа», можно заметить, что если *посвящение Нибуру* не пойдет в образец логики и слога, то бесспорно может оно идти в образец беспристрастия. Тут нет и тени лицепрятия. Русский писатель, не знающий немецкого языка, посвящает свою книгу немцу, не знающему по-

русски. Жаль, однако же, что народные попечения отвлекают издателя «Московского телеграфа» от журнальных занятий. Журнал его, несмотря на неправильность языка, которою обезображена большая часть статей его, на неправильность мыслей, обезображивающую большую часть литературных суждений, в нем разглашаемых, на зыбкость мнений, столь же необходимых в книге, как и в человеке, журнал его, в журнальном отношении, все еще лучший у нас. Хотя зеркало и тусклое, нечистое, худо шлифованное, но все он более прочих журналов наших отражает движения европейской умственной деятельности.

БИБЛИОГРАФИЯ

АЛЬМАНАХИ 1830 года.

Денница, альманах на 1830 год, изданный М. Максимовичем. — М., в универс. типогр. 1830 (LXXVIV — 256 стран. в 16-ю д. л., с гравир. заглав. листком)*⁴⁰

В сем альманахе встречаем имена известнейших из наших писателей, также стихотворения нескольких дам: украшение неожиданное, приятная новость в нашей литературе.

Но замечательнейшая статья сего альманаха, статья, заслуживающая более, нежели беглый взгляд рассеянного чи-

тателя, есть «Обозрение русской словесности 1829 года», сочинение г-на Киреевского. Автор принадлежит к молодой школе московских литераторов, школе, которая основалась под влиянием новейшей немецкой философии и которая уже произвела Шевырева, заслужившего одобрительное внимание великого Гете, и Д. Веневитинова, так рано оплаканного друзьями всего прекрасного⁴¹. Несколько критических статей Г. Киреевского были напечатаны в «Московском вестнике» и обратили на себя внимание малого числа истинных ценителей дарования⁴². Вероятно, «Обзор» г. Киреевского сделает большее впечатление не потому, что мысли в нем зреее (что, впрочем, неоспоримо, несмотря на слишком систематическое умонаправление автора), но потому только, что некоторые из его мнений выражены резко и неожиданно. Г-н Киреевский, ставя успехи гражданственности выше славы воинских подвигов, в начале статьи своей признает издание нового Ценсурного устава⁴³ «важнейшим событием для блага России в течение многих лет и важнее наших блистательных побед за Дунаем и Араратом, важнее взятия Арзерума и той

* Продается у А. Ф. Смирдина. Цена 10 р.

славной тени, которую бросили русские знамена на стены царьградские». Он приписывает сему уставу уже заметное движение в текущей словесности прошедшего года. «Наши журналы заимствовали более из журналов иностранных; переводы, хотя по большей части дурные, передавали нам более следов умственной жизни наших соседей, и оттого вся литература наша неприметно приближалась более к жизни общеевропейской. Самые перебранки наших журналов, их неприличные критики, их дикий тон, их странные личности, их вежливости не городские — все это было похоже на нестройные движения распеленатого ребенка: движения, необходимые для развития силы, для будущей красоты и здоровья».

Сначала, рассматривая характер словесности XIX столетия, г. Киреевский говорит о тех писателях, кои, по его мнению, определили дух нашей литературы; но прежде посвящает красноречивую страницу памяти того, «кто подвинул на полвека образованность нашего народа, кто всю жизнь употребил во благо отечества», кому и сам Карамзин обязан, может быть, свою первую образованностию. «Он умер недавно (говорит г. Киреевский), почти всеми забытый, близ той Москвы, которая была свидетельницею и средоточием его блестящей деятельности. Имя его едва известно теперь большей части наших современников, и если бы Карамзин не говорил об нем, то, может быть, многие, читая эту статью, в первый раз услышали бы о делах Новикова⁴⁴ и его товарищей и усомнились бы в достоверности столь близких к нам событий. Память об нем почти исчезла; участники его трудов разошлись, утонули в темных заботах частной деятельности; многих уже нет; но дело, ими совершенное, осталось: оно живет, оно приносит плоды и ждет благодарности потомства».

«Новиков не распространил, а создал у нас любовь к наукам и охоту к чтению. Прежде него, по свидетельству Карамзина, были в Москве две книжные лавки, продававшие ежегодно на 10 тысяч рублей; через несколько лет их было уже 20, и книг продавалось на 200 000. Кроме того, Новиков завел книжные лавки в других и в самых отдаленных городах России; распускал почти даром те сочинения, которые почитал особенно важными; заставлял переводить книги полезные, повсюду распространял участников своей деятельности, и скоро не только вся Европейская Россия, но и Сибирь начала читать. Тогда отечество наше было, хотя ненадолго, свидетелем события, почти единственного в летописях нашего просвещения: рождения *общего мнения*».

Признав филантропическое влияние Карамзина за характер первой эпохи литературы XIX столетия, идеализм Жуковского за средоточие второй и Пушкина, поэта действительности, за представителя третьей, автор приступает к обозрению словесности прошлого года.

«XII том «Истории Российского государства»⁴⁵, последний плод трудов великих, последний подвиг жизни полезной, священной для каждого русского, кажется, еще превзошел силою красноречия, обширностью объема, верностью изображений, ясностью, стройностью картин и этим ровным блеском, этою чистотою, твердостью бриллиантовою карамзинского слога. Вообще достоинство его истории растет вместе с жизнью протекших времен. Чем ближе к настоящему, тем полнее раскрывается перед нами судьба нашего отечества; чем сложнее картина событий, тем она стройнее отражается в зеркале его воображения, в этой чистой совести нашего народа».

В число исторических сочинений г. Киреевский включает и поэму «Полтаву».

«В самом деле,— говорит он,— из двадцати критик, вышедших на эту поэму, более половины рассуждало о том, действительно ли согласны с историей описанные в ней лица и происшествия.— Критики не могли сделать большей похвалы Пушкину». Признавая в сей поэме большую зрелость таланта, он осуждает в ней недостаток единства интереса, «единственного из всех единств, коего несоблюдение не прощается законами либеральной поэтики». Этим изъясняет он малый успех, который имела последняя и едва ли не лучшая из поэм А. Пушкина.

«Жуковский,— продолжает автор,— напечатал в прошедшем году свое «Море», «Песнь победителей» из Шиллера и связанные отрывки из «Илиады». Здесь в первый раз увидели мы в Гомере такое качество, которого не находили в других переводах: что у других напыщенно и низко, то здесь просто и благородно; что у других бездушно и вяло, здесь сильно, мужественно и трогательно; здесь все тепло, все возвышенно, каждое слово от души. Может быть, это-то и ошибка, если прекрасное может быть ошибкою».— Автор имел в виду Кострова; в прошлом году мы не гордились еще «Илиадою» Гнедича.

«Море» Жуковского живо напоминает всю прежнюю его поэзию. Те же звуки, те же чувства, та же особенность, та же прелесть. Кажется, все струны его прежней лиры отозвались здесь в одном душевном звуке. Есть, однако, отличие: что-то больше задумчивое, нежели в прежней его поэзии».

Из молодых поэтов немецкой школы г. Киреевский упоминает о Шевыреве, Хомякове и Тютчеве. Истинный талант двух первых неоспорим. Но Хомяков написал «Ермака», и сия трагедия уже заслуживает особенной критической статьи.

Глубокое чувство умиления внушило

молодому критику несколько трогательных строк. Он говорит о своем друге, о *лучшем из избранных*, о покойном Веневитинове.

«Веневитинов создан был действовать сильно на просвещение своего отечества, быть украшением его поэзии и, может быть, создателем его философии. Кто вдумается с любовью в сочинения Веневитинова (ибо одна любовь дает нам полное разумение); кто в этих разорванных отрывках найдет следы общего им происхождения, единственно одушевлявшего их существа; кто постигнет глубину его мыслей, связанных стройною жизнью души поэтической,— тот узнает философа, проникнутого откровением своего века; тот узнает поэта глубокого, самобытного, которого каждое чувство освещено мыслию, каждая мысль согрета сердцем; которого мечта не украшается искусством, но сама собою рождается прекрасная; которого лучшая песнь есть собственное бытие, свободное развитие его полной, гармонической души. Ибо щедро природа наделила его своими дарами и их разнообразие согласила равновесием. Оттого все прекрасное было ему родное; оттого в познании самого себя находил он разрешение всех тайн искусства и в собственной душе прочел начертание высших законов и созерцал красоту создания. Оттого природа была ему доступною для ума и для сердца, он мог

В ее таинственную грудь,
Как в сердце друга, заглянуть.

Созвучие ума и сердца было отличительным характером его духа, и самая фантазия его была более музыкою мыслей и чувств, нежели игрою воображения. Это доказывает, что он был рожден еще более для философии, нежели для поэзии. Прозаические сочинения его, которые печатаются и скоро выйдут в свет, еще подтвердят все сказанное нами».

Тут критик сильно и остроумно дока-

зывает преимущественную пользу немецких философов на тех из наших писателей, которые, не отличаясь личным дарованием, тем яснее показывают достоинство чужого или приобретенного. «Здесь господствуют два рода литераторов: одни следуют направлению французскому, другие немецкому. Что встречаем мы в сочинениях первых? Мыслей мы не встречаем у них (ибо мысли, собственно французские, уже стары; след., не мысли, а общие места: сами французы заимствуют их у немцев и англичан). Но мы находим у них *игру слов*, редко, весьма редко, и то случайно соединенную с остроумием, и *шутки*, почти всегда лишенные вкуса, часто лишенные всякого смысла. И может ли быть иначе? — Остроумие и вкус воспитываются только в кругу лучшего общества; а многие ли из наших писателей имеют счастье принадлежать к нему?»

Напротив того, в произведениях литераторов, которые напитаны чтением немецких умствователей, почти всегда найдем что-нибудь достойное уважения, хотя тень мысли, хотя стремление к этой тени».

В князе Вяземском г. Киреевский видит доказательство, что истинный талант блестит везде, во всяком направлении, под всяким влиянием. «Однако ж, — говорит автор, — и князь Вяземский, несмотря на все свои дарования, несмотря на то, что мы можем назвать его остроумнейшим из наших писателей, еще выше там, где, как в «Унынии», голос сердца слышнее ума».

Автор не соглашается с мнением людей, утверждающих, что французское направление господствует также и в произведениях Баратынского. Он видит в нем поэта самобытного, *своеобразного*. «Чтобы *дослышать* все оттенки лиры Баратынского, надобно иметь и тоньше слух, и больше внимания, нежели для других поэтов. Чем более читаем его,

тем более открываем в нем нового, не замеченного с первого взгляда, — верный признак поэзии, сомкнутой в собственном бытии, но доступной не для всякого. Даже в художественном отношении, многие ли способны оценить вполне достоинство его стихов, эту точность в выражениях и оборотах, эту мерность изящную, эту благородную *щеголеватость*? — Но если бы идеал лучшего общества явился вдруг в какой-нибудь не известной нам столице, то в его избранном кругу не знали бы другого языка».

Автор справедливо ставит «Эду», одно из самых оригинальных произведений элегической поэзии, выше «Бального вечера», поэмы более блестящей, но менее изящной, менее трогательной, менее вольно и глубоко вдохновенной⁴⁶. Определяя характер поэзии барона Дельвига, критик говорит: «Всякое подражание по системе должно быть холодно и бездушно. Только подражание из любви может быть поэтическим и даже творческим. Но в последнем случае можем ли мы совершенно забыть самих себя? и не оттого ли мы и любим образец наш, что находим в нем черты, соответствующие требованиям нашего духа? — Вот отчего новейшие всегда остаются новейшими во всех удачных подражаниях древним; скажу более: нет ни одного истинно изящного перевода древних классиков, где бы не легли следы такого состояния души, которого не знали наши праотцы по уму. Чувство религиозное, коим мы обязаны христианству; романическая любовь, подарок арабов и варваров; уныние, дитя севера и зависимости; всякого рода фанатизм, необходимый плод борьбы вековых неустойчивостей Европы с порывами к улучшению; наконец перевес мысленности над чувствами, и оттуда стремление к единству и сосредоточению...» и пр.

Рассуждая о некоторых произведениях драматической музыки нашей, автор с та-

кою веселостию изображает состояние сцены, что мы, не разделяя вполне его мнения, не можем, однако ж, не выписать сего оригинального места.

«Вообще наш театр представляет странное противоречие с самим собою: почти весь репертуар наших комедий состоит из подражаний французам, и, несмотря на то, именно те качества, которые отличают комедию французскую ото всех других: вкус, приличие, остроумие, чистота языка и все, что принадлежит к необходимости хорошего общества,— все это совершенно чуждо нашему театру. Наша сцена, вместо того, чтобы быть зеркалом нашей жизни, служит увеличительным зеркалом для одних лакейских наших, далее которых не проникает наша комическая муза. В лакейской она дома, там ее и гостиная, и кабинет, и уборная; там проводит она весь день, когда не ездит на запятках делать визиты музам соседних государств, и чтобы русскую Талию изобразить похоже, надобно представить ее в ливрее и в сапогах.

Таков общий характер наших оригинальных комедий, еще не измененный немногими, редкими исключениями. Причина этого характера заключается отчасти в том, что от Фон-Визина до Грибоедова* мы не имели ни одного истинного комического таланта, а известно, что необыкновенный человек, как необыкновенная мысль, всегда дают одностороннее направление уму; что перевес силы уравновешивается только другою силою; что вред гения исправляется явлением другого, противодействующего.

Между тем можно бы заметить нашим комическим писателям, что они поступают нерасчетливо, избирая такое направление. За простым народом им

не угнаться, и как ни низок язык их, как ни богаты неприличностями их удалые шутки, как ни грубы их фарсы, которым хохочет раек; но они никогда не достигнут до своего настоящего идеала, и все комедии их — любой извозчик убьет одним словом».

Исчисляя переводы, явившиеся в течение 1829 года, автор замечает, что шесть иностранных поэтов разделяют преимущественно любовь наших литераторов: Гете, Шиллер, Шекспир, Байрон, Мур и Мицкевич.

Пропустив некоторые сочинения, более или менее замечательные, но не входящие в область чистой литературы, автор обращается к сочинениям в роде повествовательном. Прошлый год богат был оными, но «Иван Выжигин», бесспорно, более всех достоин был внимания по своему чрезвычайному успеху. Два издания разошлись менее чем в один год; третье готовится. Г. Киреевский произносит ему строгий и резкий приговор*, не изъясняя, однако ж, удовлетворительно неимоверного успеха нравственно-сатирического романа г. Булгарина.

«Замечательно,— говорит г. Киреевский,— что в прошедшем году вышло около 100 000 экземпляров азбуки русской, около 60 000 азбуки славянской, 60 000 экз. катехизиса, около 15 000 азбуки французской, и вообще учебные книги расхаживались в этом году почти целою третью более, нежели в прежнем. Вот что нам нужно, чего недостает нам, чего по справедливости требует публика».

Спешим окончить сие слишком уже пространное изложение. Г. Киреевский, вкратце упомянув о журналах, о духе их полемики, об альманахах, о переводах некоторых известных сочинений,

* Кажется, автор выразился ошибочно. Не хотел ли он сказать: кроме Фон-Визина и Грибоедова?

* См. «Денница», «Обозрение русской словесности», стр. LXXIII.

заключает свою статью следующим печальным размышлением:

«Но если мы будем рассматривать нашу словесность в отношении к словесностям других государств, если просвещенный европеец, развернув перед нами все умственные сокровища своей страны, спросит нас: «Где литература ваша? Какими произведениями можете вы гордиться перед Европою?» — Что будем отвечать ему?» —

Мы укажем ему на «Историю Российского государства»; мы представим ему несколько од Державина, несколько стихотворений Жуковского и Пушкина, несколько басен Крылова, несколько сцен из Фон-Визина и Грибоедова, и — где еще найдем мы произведение достоинства европейского?»

Будем беспристрастны и сознаемся, что у нас еще нет полного отражения умственной жизни народа, у нас еще нет литературы. Но утешимся: у нас есть благо, залог всех других: у нас есть надежда и мысль о великом назначении нашего отечества!» —

Мы улыбнулись, прочитав сей меланхолический эпилог. Но заметим г-ну Киреевскому, что там, где двадцатитрехлетний критик мог написать столь занимательное, столь красноречивое «Обозрение словесности», там есть словесность — и время зрелости оной уже недалеко.

С М Е С Ъ

⁴⁷ Г. де-Сент-Илер⁴⁸ (Ch. de St. Hilaire), которого французская грамматика благосклонно была принята в разных казенных и частных учебных заведениях, предпринимает ныне третье издание оной под тем же заглавием: Grammaire

française en 36 leçons, à l'usage des Russes («Французская грамматика в 36 уроках, для российского юношества»), с разными переменами и дополнениями, в 3-х томах. Кроме сего, г. Сент-Илер в непродолжительном времени издаст следующие учебные книги: 1) Exercices gradués de lecture («Постепенные занятия в чтении», с словарем всех заключающихся в них речений, переведенных на русский, немецкий и английский языки). 2) Système général des conjugaisons françaises («Общая система французских спряжений», с словарем употребительнейших глаголов, тремя синоптическими таблицами и проч.). 3) Rhétorique française («Французская риторика») и 4) Cours de Littérature («Курс словесности, заключающий в себе: понятия о философии древних, о литературе греков, римлян, века медицисов; историю языка и словесности французской до нашего времени»). Все сии книги будут продаваться по самым сходным ценам. Подписка (без взноса денег) на все пять или на какое-либо одно из сих сочинений принимается: в С.Петербурге. у г. Слёнина и Белизара, в Москве, у г. Семена и комп.

⁴⁹ Старый генерал Ш. представлялся однажды Екатерине II. «Я до сих пор не знала вас», — сказала императрица. «Да и я, матушка государыня, не знал Вас до сих пор», — отвечал он просто душно. «Верю, — возразила она с улыбкой. — Где и знать меня, бедную вдову!»

⁵⁰ Шувалов, заспорив однажды с Ломоносовым, сказал ему сердито: «Мы отставим тебя от Академии». — «Нет, — возразил великий человек, — разве Академию отставите от меня?»

ПОНЕДЕЛЬНИКЪ.

ТОМ. I. №. 9.

ФЕВРАЛЯ 10го.

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА.

Выходить
через
неделю однажды

1830 ГОДЪ.

Цена годовому изданію,
состоящему изъ 72-хъ
№., въ С. П. Б. 35 руб.
съ пересылкою и редак-
скою 40 рублей.

Въ Феврале Газета сія выводитъ въ слѣдующіе дни: 5-го числа (въ Среду), — 10-го (въ Понедѣльникъ), —
15-го (въ Субботу), — 20-го (въ Четвертокъ), и 25-го (въ Вторникъ).

СИР ЭДГЕР И ЕГО СОКОЛ

Повесть XVI столетия

(Из соч. автора «London in the
olden time»)¹

«Well flown, brave bird!»
*Shakespeare*²

Из всех забав, коими высокородные бароны средних веков прогоняли скуку, нередко тяготившую их в мирное время, ни одна не была так и долго и страстно ими любима, как *царская соколиная охота* (столь высоко было ее назначение!). К удивлению, охота сия впоследствии совершенно вышла из употребления, между тем как шахматы, шашки и большая часть других приятных занятий, разнообразивших жизнь в старинных замках, служат тихим увеселением и поныне. Гимнастические упражнения, забавлявшие наших праотцев, не потеряли еще всей своей прелести. Опыты в искусстве стрелять из лука, хотя слабые в сравнении с прежними, развлекают также добрых охотников. Каждый год спускаются со свор гончие собаки, и в ясные дни лета роскошные леса оглашаются охотничьими рогами. Словом: не стало только соколиной охоты, в таинства которой посвятить королевского сына поставил бы прежде за честь себе надменнойший из лордов. Об охоте сей Джулиана Бернерс, игуменья Сопевельская, отложив четки и молитвенник, в начале книгопечатания прелестною своею рукою написала книгу под названием «Voke of seynte Alban»; но книга эта почти никому, кроме антиквариев, не известна, и потому мы намерены сообщить хоть некоторое понятие любезным читателям о том препровождении времени, которое более пяти столетий

было самым приятным для наших предков. Если припомним, сколь ограничены были в старину источники удовольствий и какую особенную прелесть доставляли все развлечения на открытом воздухе жителям обнесенных высокими стенами замков, сквозь узкие окна коих едва проницал луч солнечный, то нимало не покажется странным, что затворники сии с восторгом предавались забаве, вызывавшей их в чистое поле, к тихому озеру или на берег светлой речки. Бароны весело снимали клобучки³ с соколов своих, гордым оком озиравших обширные области их владетелей. Рыцарь, сопровождавший прелестную леди, не упускал из вида ее сокола, пускавшего за добычей, чтобы потом, отняв у него сию добычу, снова посадить его на вышитую перчатку своей дамы: таким образом, весьма естественно, что охота, соединявшая удовольствия светской беседы с приманками чистого воздуха и ясного солнца, их восхищала. Лорды средних веков любили дичь как лучшее лакомство и добывали ее только посредством соколиной охоты; воспоминание же, что вкусная пища сия была запрещен-

ною, может быть, придавало ей еще большую цену. Правда, люди, лишенные защиты правосудия (out law)*, несмотря на строгость лесных законов, начертанных кровью, охотились в дубравах и почти пред глазами феодалных лордов разили добычу меткими стрелами из надежных луков. Но у них не было ни денег, чтобы покупать соколов, ни времени их вынашивать. Соколиною охотою исключительно занимались особы высшего сословия. Роды сей птицы распределены были по званиям: кречет принадлежал королю, большой сокол принцу, зябленик герцогу, дербник рыцарю, кобчик⁵ леди, ястреб оруженосцу; короче сказать, сокол, подобно гербу, означал степень благородного происхождения.

Ловки, переимчивы и верны были сии любимые птицы, так, что пословицею: *понятлив, как сокол*, выражалась отличная сметливость. Трубадуры⁶ в песнях к какой-нибудь прелестной особе со всею подробностью описывали ее сокола. Старики, внушая юношам нравственность, толковали им о том подобострастном внимании, с которым соколы повиновались своим владельцам; а красивый вид их, блестящие глаза и ловкий полет составляли для поэтов средних веков (когда они живее хотели изобразить красоту) преобильный запас сравнений: так у наших стихотворцев употребляются розы и лилии. Соколы, как мы уже заметили, были исключительною принадлежностью высшего сословия, и поэтому об них прилагались все возможные попечения. В каждом замке были просторные сокольные, в коих наблюдалась чрезвычайная опрятность. Соколов постоянно мыли, заботились о сбережении нежного лоска их перьев и особенное внимание обращали на их пищу. В изобилии собираемы были

из слов Св. писания разные наговоры, дабы ими предохранить птиц сих от действительной или мнимой опасности. Самые законы их ограждали: похищение сокола или соккрытие оного после шерифского объявления считалось уголовным преступлением; укравший же соколиные яйца подвергался заключению в темницу.

Клубочок на голову сокола обыкновенно плетен был из шелку, часто с превосходными узорами. Золотая цепочка, к которой его привязывали, делалась лучшим мастером; каждую ножку обвивали замшею (*опутинкою*), и к ней прикреплялись два равновесные колокольчика, только один полугоном звонче другого. Все это весьма подробно описала Джулиана Бернерс. Колокольчики для ястребов, говорит она в своем сочинении «*Voke of seynte Alban*», довольно дешевы, а для зяблеников лучшие были миланские серебряные. Сверх того, дабы сберечь сокола на руке, тонкий ремешек (*должик*) был прикрепляем к его ножке, а шелковый снурок (*сгеапсе*) к одной из опутинок, из предосторожности, чтобы сокол, поднявшись на воздух, совсем не скрылся. Кроме того, соколов выносили на охоту под дорогими покрывалами. Из высшего сословия никто не показывался в обществе без сокола как важнейшего своего отличия, и вообще расстаться с ним у наших предков значило сделать пожертвование, на какое только мог благородный человек решиться. Даже *царицу волшебниц* романтические писатели изображали с соколом. В самое большое употребление вошла соколиная охота не прежде конца XII, и сие продолжалось до середины XVI столетия; впрочем, долго и после того соколы оставались любимыми птицами, а сокольные были необходимою принадлежностью каждого хорошего дома. Последнее воспоминание об охоте сей находим в занимательных записках

* Fogelfrei⁴.

г-жи Гучинсон, где она представляет мужа своего забавляющимся с соколами в конце Кромвелева правления⁷. Но об этом довольно.— Обратимся к героям повести: сиру Эдгеру Фицаллертону и славному его соколу Элинору.

Под грозными стенами Аллертонской башни, освещенной лучами осеннего солнца, толпились веселые охотники, в то время, как сир Джейльс Фицаллертон, держа сокола на руке пред алтарем аббатства Ривольского, покаялся богородице, что уступит Аллертонское поместье тому из своих племянников, чей сокол превзойдет других и полетом, и большею привязанностью к своему владельцу. Многие из бывших с Джейльсом содрогнулись от удивления, услышав обет сей, ибо думали, что верно в этом случае над всеми одержит верх ближайший Джейльсов наследник, Антоний, который в целой окрестности славился своими соколами, но, будучи злым скрягою, не отличался добрыми делами.

Отец Христофор, сановитый аббат Ривольский, проговорил сире Джейльсу предлинное поучение насчет безрассудности его обета, отвергая все охотничьи забавы; но увы! слова его остались без успеха: ибо, спустя три дня после того, старый рыцарь встретил самого честного отца аббата, разгуливающего с соколом, на тощем лошаке, по берегу речки и занятого с страстью человека светского тою охотою, против которой он вопиял столь жестоко. Было явно, что убеждения добросовестного настоятеля происходили собственно от желания сберечь прелестное поместье для богатого аббатства, почему сир Джейльс, сделав свое намерение глас-

ным, созвал знакомых из-за нескольких миль на охоту. Между тем задумчивые слуги Джейльса замечали в нем грусть необыкновенную, замечали, что щеки его воспалялись от гнева при одном намеке о соколах Антония. Все показывало, что он будет раскаиваться некогда в необдуманном обете, но никто не осмеливался о том говорить ему как лорду гордому и привыкшему держать слово свое в точности, во что бы то ни стало. Накануне дня, в который должна была решиться участь Аллертонского поместья, юный рыцарь явился пред воротами Джейльсова замка. Престарелый рыцарь был вне себя от радости, узнав в прибывшем юноше любимого своего племянника, обладавшего притом самыми красивыми и отлично выношенными соколами, каких когда-либо видал опытный глаз его. Стены древнего замка огласились радостными кликами, смехом и пением. Сир Джейльс велел приготовить богатый ужин, за которым сидевших на почетных местах угощал мальвазией⁸, а прочих элем⁹, желая новых успехов сире Эдгеру, снискавшему уже доблестями своими во Франции рыцарское достоинство, и славному его соколу Элинору.

Прекрасное зрелище представилось на другой день, когда, при отблеске крупной росы и при утреннем гимне пробудившихся птиц, показались под стенами седых башен богато одетые охотники, каждый с соколом и собаками. Издалека прибывшие рыцари отличались золотыми уздечками коней своих, драгоценными перевязями и развешившимися на шлемах их перьями. Дамы были в украшенных жемчугом шляпах и вообще столь богатым наряде, что блеск одного превышал сияние лучей солнечных, а глаза их, воспетые множеством минстрелей¹⁰, казались прелестнее самого утра. Когда же растворились тяжелые ворота и медленно опустился огромный

подъемный мост, тогда ржание коней, звон соколиных колокольчиков, свист охотников и веселый говор многочисленного собрания слились в один гул, имевший в самой дикости своей нечто приятное.

Аллертонское озеро было избрано для охоты, и туда прибыли шесть племянников старого рыцаря с своими соколами. Цапли, одна за другую, взлетали на воздух; но как ни подымались они, сокол сира Эдгера брал верх над ними и, спускаясь потом стрелою, повергал их, без чувств, на землю. Одна только цапля взвилась так, что казалась на ясном небе точкою. «Спасайся, благородная птица, — весело воскликнул сир Джейльс, — пусть Аллертон достанется тому, чей сокол тебя настигнет». Зрители с изумлением смотрели друг на друга, ибо знали, что длина шелковых снурков не дозволила бы ни одному соколу достигь такой высоты. Тут сир Эдгер оборвал снурок Элинора и с видом спокойным, но торжествующим, не обращая внимания на злобный хохот совместника своего Антония, любовался, как Элино́р его, освобожденный от оков, парил в поднебесье. Уверенность Эдгера в славном его соколе оправдана была на самом опыте: слетев с необъятной высоты и крепко держа в когтях безжизненную цаплю, поверг он ее к ногам своего владетеля и снова сел на его руку.

С радостью сир Джейльс возвратился в замо́к и прежде обеда, приветствуя гостей своих, два раза осушил заздравный кубок до последней капли в честь сира Эдгера лорда Аллертонского и славного его сокола.

(Окончание в след. №.)

ЗАЙЦЕВСКОМУ,

поэту - моряку ¹¹

Счастливы́й Зайцевский¹², поэт и герой!

Позволь хлебопашцу-гусару
Пожать тебе руку родною рукою
И в честь тебе высушить чару!
О сколько ты славы готови́л России,
Дитя своенравной и грозной стихии!

Лавр первый из длани Камены¹³ молодой
Ты взял на парнасских вершинах,
Ты, собственной кровью омытый, другой
Сорвал на разящих твердых;
Последний призывно вдали колыхая,
Тебя к нему манит пучина морская.

Мужайся! — Казарский¹⁴, другой Леонид¹⁵,
Ждет друга на новый пир славы...
О, будьте вы оба Отечества щит,
Перун вековой державы!
Когда ж утомишься от грозного боя,
Пусть снова нам грянет цевница героя!

Давно ль под мечами, в пылу батарей!
И я попирал дол кровавый,
И я в сонме храбрых, у шумных огней
Наш стан оглашал песнью славы?
Давно ль?.. Но забвенье судьбу мою губит,
И лира немее, и сабля не рубит!

Д. Давыдов.

РАЗМЫШЛЕНИЯ И РАЗБОРЫ

(Соч. П. А. Катенина)

СТАТЬЯ II.

IV. О поэзии греческой.

Греки были прекраснейшим из народов; из этого естественно последовало превосходство их скульптуры и поэзии. Древние статуи дошли до нас сквозь ве-

ки разрушения, лучшие и славнейшие вовсе не дошли. Спасшиеся от времени и невежества изломаны, без рук, без ног, без голов, и при всем том все усилия позднейших народов, чтоб сравниться с ними, остались тщетны. Исполин Микель-Анджело¹⁶ мал перед развалинами Парфенона¹⁷; и к чести Кановы¹⁸ я думаю, что он улыбнулся сам, слыша похвалы лорда Байрона, предпочитавшего произведения современника древним¹⁹.

Шлегель весьма умно заметил тесное сродство творений греческого резца и лиры; они говорят душе одно и то же и взаимно служат дополнением друг другу. Но жребий был к первым благосклоннее: глаза потомства те же, стоит увидеть Аполлона Бельведерского, ироня, прозванного ошибкою Гладиатором, Диану с ланью²⁰ или Лаокоона, чтоб почувствовать и понять их достоинство; но язык эллинский²¹ не существует в живых, даже изучившему его с трудом многое останется темным и диким, переводов хороших почти нет; и можно утвердительно сказать, что, когда вопреки всему остатки греческих стихотворений восхищают душу народов поздних, чуждых их веры, языка и обычаев, торжество гения здесь еще приметнее, нежели в бесспорном присутствии их ваятелей.

Существование отца стихов, Гомера,—вопрос неразрешенный; и, не осмеливаясь вмешиваться в споры ученых, скажу только, что держусь мнения отрицательного. Мое почти беспредельное почтение и любовь к «Илиаде» и «Одиссее» более всего утверждают меня в моих мыслях. Я не верю, чтоб один человек мог столько знать, столько изобрести, столько выразить. Антология²² может изяснить это тем, что сам Фив ему внушал песни, а он списывал; но чудесное в критике не допускается. Мне представляются сии песни, или рапсодии, не искусственным, а вдохновенным поро-

ждением целой области, целого поколения, а может, и более. Осада Трои, подвиги и бедства знаменитых победителей²³ могли, должны были у всех быть в памяти и устах; каждый певец воспевал любое из славных событий; легко могло прийти в мысль одному начать там, где другой кончил, или конец своей песни довести до начала уже известной, или связать две дотоле отдельные, и целое само собою образовалось. Сходство слога, не в грамматическом смысле (тут даже находят разности), но в эстетическом, весьма понятно там, где поэзия только рождается, где все видят, чувствуют и говорят на один лад, где еще нет классиков и романтиков. Все трубадуры сходны между собою, все северные баллады в одном духе, а из испанских романсов о Сиде²⁴ Гердер²⁵ собрал род биографии героя. В Италии несчетное множество стихотворцев, пленясь чужими и баснословными преданиями о паладинах Карла Великого²⁶ и небывалой войне с маврами²⁷, воспевали Роланда и Ринальда, Ангелику и Марфизу, Рогера и Брадаманту; Ариосто²⁸ продолжал поэму Боярда²⁹, а Берни³⁰ ее поновил. Прибавьте к ним прочих, писавших о том же, от Пульчи³¹ до Фортингера³²: какое огромное целое составит! Правда, в нем не будет той простоты, ясности и смысла, что в «Илиаде» и «Одиссее», но и в каждом авторе порофий их уже нет. Они писали о вещах, явно несбыточных, над которыми сами смеялись; если б требования общества и собственный вкус задали им другую задачу, проще и серьезнее, они были бы осторожнее, менее противоречили себе и друг другу, и песни их удобнее бы сложились одна с другою. Впрочем, все это одно предположение: не то важно, кто писал «Илиаду» и «Одиссею», а как они написаны. Творец жаждет бессмертия не имени своему, а творению.

Гомер точно бессмертен; слава его

разнеслась повсюду и не может умягчиться никогда. Чтобы превзойти его поэзию, надобно возникнуть новому народу, одаренному от природы большею красотой тела и духа, нежели древние греки; но такое явление вряд ли в числе возможных.

Стыжусь упоминать о Перро³³, Ламотте³⁴ и Фонтенеле³⁵. Конечно, они довольно наказаны собственной виною и достойны сожаления, как слепцы; но то худо, что последний в особенности, пользуясь в свое время незаслуженным именем знатока, поддерживаемый целым отрядом умниц питомцев, успел много распространить ложных понятий во Франции, отколе, подкрепясь еще поверхностным суждением Вольтера, Лагарпа³⁶ и всей их школы, они с другими парижскими модами привезены и к нам. Мне случилось слышать от людей, слывающих поэтами с дарованием, такие отзывы о Гомере и древних вообще, которые совестно вспоминать, не только пересказывать. Трудолобивые и добросовестные немцы не позволяли себе сих юношеских приговоров; самые решительные романтики их сохранили глубокое почтение к греческим классикам; желательно, чтобы наши, перенимая иногда дурное, не позабыли перенять и хорошее.

Приметно, что вообще в наше время предпочитают «Илиаду» «Одиссее»; ясно, что не могут две вещи нравиться совершенно равно; и я бы не упомянул даже об этом, если б предпочтение сие выдавали, как оно есть, за произвольный выбор, а не за основательное заключение. Мудрено поверить, чтобы новые критики лучше древних знали Гомера; те, выучив его наизусть, и не думали возвышать одну поэму перед другой, равно прельщаясь обеими; трагики, ваятели, живописцы находили в каждой одинакое множество сокровищ, Virgilius³⁷ подражал им вкупе, и даже

в его стихах красоты «Одиссеи» не уступают красотам «Илиады». В последней больше огня и движения, действия и лиц; в первой больше простоты и спокойствия, больше сельского и домашнего; она еще более благоухает каким-то божественным елеем³⁸ старины.

Если можно местами назвать Virgilius переводчиком Гомера, то он, конечно, лучший из всех. На многие из европейских языков, по неизменному уже их свойству, нельзя перевести древних поэм, как должно: экзаметр³⁹, коим они написаны, существует только у немцев и, по счастью, у нас, русских; стихи другого размера с формою вместе изменяют и сущность рассказа. Ни у Рошфора⁴⁰, ни у Попе⁴¹, ни у Чезароти⁴², ни у самого Монти⁴³ Гомер не Гомер. Даже двое из них, Чезароти и Попе, следуя ложным правилам своего века, не переводили, а на новый лад наряжали или искажали священный памятник древности. Вольтер советует всем переводчикам поправлять подлинник по понятиям XVIII-го столетия, и для образчика сам делает опыт, не многим удачнее предтечи своего Ламотта, им же осмеянного. Я полагаю: где нет экзаметров, надо поневоле держаться прозы, но и прозой истинно хорошего перевода не знаю. Фосс⁴⁴ в стихах лучше всего доньше существующего, хотя тяжел и несвободен. Костров, вероятно, испуганный лишним осмеянием «Телемахиды»⁴⁵, не смел взяться за экзаметр и в александринах⁴⁶ с рифмами явил много дарования, но хорошего перевода сделать не мог; он же не окончил и девятой песни «Илиады». Г. Гнедич, знавший их только шесть, хотел продолжать труд Кострова и, переложив сряду еще четыре, весьма близко подошел к своему предшественнику; после он переменял мысль и начал новый перевод, как должно, размером подлинника: дай

бог ему скорее кончить с успехом*⁴⁷; но увь! на перевод «Одиссеи» и надежды нет⁴⁸.

Афины славны своими трагиками, столько же, как полководцами и витиями⁴⁹. Театр есть один из изящнейших вымыслов ума человеческого; в сценическом представлении соединяются разнообразные красоты двух главных отраслей искусств: рисовальной и словесной. Вообразим себе событие важное, близкое нашему сердцу: великий художник удвоил его простоту и действие над нами, откинув все постороннее, разрушающее единство и впечатление зрелища, выразив языком божественным чувства и страсти человеческие. Высокие лица, дотоле известные нам из мертвых преданий и повестей, сами оживленные перед нами, в точном их виде, в достопамятнейший день и час их жизни, существуют, движутся и говорят; все окружающее их, напоминая место и время их бытия, удвоит очарование. Соберем мысленно зрителей, одаренных душою пылкою, умом просвещенным, многих и любителей; поставим себя в числе их; предадимся вполне благороднейшему наслаждению; волшебю обмануты, разделим судьбу воскресших великих мужей, вникнем в их несчастья; и когда они в глазах наших совершатся, оставив глубокий след и память неизгладимую, когда занавес опустится и скроет от нас поприще и предметы обворожительного художества, спросим у себя: что другое с ним может сравниться? где удовольствие полнее и изящнее? Внутренний голос ответит: ничто и нигде.

Начало театра в Греции мало известно; говорить о телеге Фесписа⁵⁰ — значит терять слова; но кажется, нет сомнения в вакхическом происхождении трагедии⁵¹. Она некоторым образом входила

в богослужение Вакха; на праздниках его представлялись бессмертные творения Эсхилова и Софоклова; и даже в нескольких, до нас дошедших, приметны следы первоначального назначения сего рода, хотя со временем судьба и деяния смертных, сильно привлекая внимание, заставили почти забыть хвалебные гимны сыну Семелы⁵² и прочим богам.

Устроение греческой сцены вряд ли где с ясностью описано; должно надеяться, однако, что в наш век, когда делают так много изысканий, не забудут ученые заняться и сею любопытною отраслью древних искусств. Верно только то, что наши театры в таких важных частях не сходны с афинским, что нельзя представить греческой драмы на них; ни обратно.

Одно из главнейших различий системы древней и новой есть хор. Все, что нынче так называется (разве отчасти выведенный Расином в «Есфири»), не может дать нам ни малейшего понятия о значении и действии греческого. Сие лицо, ибо, несмотря на меняющееся по произволу число голосов, хор всегда говорит я, есть совершенно условное: хор древний, по пословице, *глас божий — глас народа*, разумеется, и глас творца драмы; изредка делается он действующим лицом, по большей части только свидетель и беспристрастный судия действия и лиц. Без сомнения, можно сказать много дельного против сего отступления от истины и природы; но очевидно и то, что красноречивый представитель общества и потомства придает трагедиям древних нечто священное, важное и глубокое, чего нельзя сыскать в новейших формах, где также много условного в другом роде, но гораздо менее великолепия и поэзии.

Мы не знаем, чем была греческая трагедия до Эсхила, сделавшего в ней существенные и значительные перемены,

* Писано задолго до издания перевода «Илиады». *Примеч. изд. «Л. г.»*.

Иностранные книги

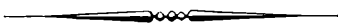
*Thermes de Pompéi; Par Alexandre Brulloff, élève de L'Académie impériale des Beaux-arts de St. Pétersbourg. Термы, или народные бани, открытые в Помпее и снятые с натуры Александром Брюловым, воспитанником императорской С.Петербургской Академии художеств).— Париж, в типогр. Фирменя Дидо, 1829 года. (15 стр. текста и 9 чертежей в лист самого большого размера лучшей велен. бумаги)*⁵⁷.*

Хотя во всех владениях древних римлян народные бани устроены были с большею или меньшею роскошью, но до наших времен не уцелело ни одно из таковых зданий, которое могло бы сообщить полное понятие о назначении каждой из своих частей. Великолепные остатки римских терм нас пленяют, изумляют и дают полный бег воображению, смутно напоминая о чудной и почти баснословной роскоши того времени; но они говорят языком, для нас непонятным: время изменило все языки. Помпея⁵⁸, сохранившаяся в разрушении своем, осталась нам ключом ко многим таин-

без сомнения, к лучшему, ибо в его время Греция вообще и Афины в особенности, после достопамятной их победы над Ксерксом⁵³, вдруг приметно возвысились во всем. Утвердительно можем сказать, вопреки Аристотелю⁵⁴, что после Эсхила трагедия не поднялась. Софокл имеет в сравнении с предшественником и преимуществва и недостатки; Эврипид⁵⁵ отстал от обоих, а после него не было даже трагика, достойного передать имя свое истории и векам.

Из дошедших до нас семи трагедий Эсхила⁵⁶ особенное внимание заслуживают три, составляющие род целого, так называемую трилогию. Уверяют, что в первую эпоху греческого театра венец служил наградою не за одну, а за три трагедии, связанные между собою содержанием и ходом, или по-нашему за одну большую трагедию в трех действиях. Обычай сей изменился мало-помалу, и даже в Эсхиле очевидно, что иная трагедия, например «Персы», не могла принадлежать ни к какой трилогии. Желательно, чтобы новые опыты ознакомили нас с сею древнею формою драмы; произвольное расстояние времени между частями, за коим естественно следует и свобода в выборе места для каждого действия, дают возможность трагику обнять и представить событие или цепь событий обширных и многосложных: строгое же при том соблюдение единства времени и места в каждой части, налагая обязанность не отдаляться от истины, простоты и правдоподобия, могут, совокупив все разнородные выгоды драматических форм, довести искусство до высшей степени совершенства.

(Продол. в след. №)

* Книгу сию можно получить у автора в Академии художеств и в магазине И. В. Слёнина на Невск. проспекте, в д. Имзена.— Цена экземпляру 50 руб.

О СИСТЕМЕ
ЖАКОТО

(З а м е ч а н и я на статью,
помещенную в *Journal des Débats*, 1829, дек. 13-го)⁶⁴.

«Ne rien exclure, tout accepter
tout comprendre, c'est là le pro-
pre du temps».

Cousin⁶⁵.

СТАТЬЯ I.

ствам общественной и частной жизни граждан древнего Рима. Извержение Везувия было для Помпеи медузиной головою: город, едва оставленный жителями и покрытый пеплом, не изменился от разрушительного прикосновения времени. В открытой части города, близ большого *форума*⁵⁹, найдены были в 1824-м году остатки бань, любопытные как по самому предмету, так по сохранности своей и по изящному вкусу архитектуры. Большая часть сводов еще существует и сообщает новейшим прелестные образцы для комнатных украшений.— Находившийся тогда в Неаполе молодой русский художник, А. Брюлов⁶⁰, получил от е. в. короля обеих Сицилий⁶¹ дозволение снять рисунки сих бань и изобразил оные во всей подробности; а потом, в бытность г. Брюлова в Париже, рисунки сии были выгравированы по его поручению, лучшими французскими и английскими граверами (между прочим два эстампа, изображающие части бань, кои назывались *Teridarium* и *Caldarium*⁶², выгравированы отличным английским гравером Сендом (R. Sand). В тексте, написанном по-французски, весьма подробно, с умом и знанием дела описаны древние термины Помпеи и остатки таковых же в Байе⁶³. Чистота рисунков и изящество отделки, без сомнения, обратят внимание нашей публики на сей труд русского художника, и книга его займет по праву одно из почетных мест в библиотеках.

Г. Александр Брюлов совокупляет в себе с превосходными знаниями и изящным вкусом архитектора дарования отличного портретного живописца. Многим из наших соотечественников, конечно, известен прекрасный портрет Валтера Скотта, рисованный г. Брюловым на камне во время его пребывания в Париже.

Между тем как наши сочинители журнальных перебранок оспаривали друг у друга права свои на бессмертие, новое, блистательное явление на горизонте европейской учености привлекало к себе всеобщее внимание. Лет за десять пред сим в королевстве Нидерландском некто Жакото⁶⁶ предпринял привести в исполнение мысль отважную: заменить все донныне существующие различные методы обучения одною общею и, сверх того, такою, при пособии которой уничтожились бы важнейшие препятствия, замедляющие успехи просвещения: с одной стороны, недостаток в знающих учителях, с другой — состояние людей низшего класса, не имеющих по бедности средства образовать детей своих; другими словами: перенести университеты и гимназии в жилище каждого отца семейства, преждее назначение указать способ приобретать познания; педагогики: передавать свои познания учащимся — переменить на следующее: словом, изобрести такую методу, с помощью которой можно было бы

научить другого чему-либо, напр. языку, которого вы сами не знаете!

Сия мысль, столь странная с первого взгляда, но поддержанная необычайными успехами в Нидерландах, где Жакото пользуется особенным покровительством нынешнего короля и других членов царствующей фамилии*, обошла Англию, завела споры в Германии и произвела необыкновенное действие во Франции, где в начале 1829 года заведено уже было пять школ по методу *всеобщего обучения* (как называет ее Жакото**), коих число ежедневно умножается и где мы насчитали по журналам уже до 16 отдельных сочинений, вышедших в прошлом году по сему предмету, кроме периодического издания, составляемого сыновьями изобретателя под названием: «*Journal de l'émancipation intellectuelle*»⁶⁷ и разных журнальных статей pro и contra⁶⁸.

На русском языке готовится особенное сочинение о сей методе, которое, однако же, не может быть издано до тех пор, пока не получатся *toutes les pièces du procès*⁶⁹, как говорят французы.— Зная, с какою осторожностью должно говорить в первый раз о новой методе, введение которой в систему воспитания может иметь или весьма пагубные, или весьма полезные следствия, зная, что всякая новая мысль, выраженная в коротких словах, без подробностей, без объяснений, необходимо должна возбуждать сомнения даже в самом отважном эклектике⁷⁰, мы бы не решились суждения наши о *всеобщем обучении* сжать в тесные пределы журнальной статьи, если бы в одном из лучших французских журналов, наиболее читаемом в России, не появилась статья,

могущая в русских читателях произвести предубеждения против метода, по нашему мнению, заслуживающей уважение или, по крайней мере, внимание ученого мира. Статья сия тем опаснее, что написана легко, заманчиво, остроумно, даже признаемся, с знанием дела, словом, как обыкновенно пишутся в «Журнале прений» и как обыкновенно не пишутся наши журнальные статьи об ученых предметах*.

С М Е С Ъ

*Наполеон и живописец Изабе*⁷².— «Я однажды зашел к знаменитому живописцу Изабе⁷³ полюбоваться его собранием портретов, соделавшимся ныне в высокой степени историческим. Я застал художника в мастерской, отделяющего ту картину, которая должна была передать имя его потомству с многими из знаменитейших современных лиц. (Картина сия ныне вообще всем известна по выгравированному с нее эстампу. Она изображает залу Венского конгресса в ту самую минуту, когда князь Метерних⁷⁴ вводит в оную герцога Веллингтона⁷⁵.) Я вдруг увидел себя посреди знаменитейших мужей и прелестнейших дам, схожих, как живые, и находившихся в то время в Вене. Я узнал немедленно портрет принца де-Линя, который Изабе только что окончил в то время, как я виделся с

* Во время печатания сей статьи мы получили № журнала «*Le Furet*»⁷¹, в коем помещено извлечение из книги какого-то антижакотиста, очень мило и насмешливо написанное; но как оно есть почти повторение того же, что говорится в «*Journal des Débats*», то следующие статьи наши будут служить ответом обоим противникам вместе.

* См. переписку Жакото с королем и с принцем Фридериком во 2-м издании его сочинения: *Mathématiques*, Paris, 1829.

** *Jacotot. Langue étrangère*, Paris, 1829, p. 256.

ним в Шенбрунне; так-то сходство принца де-Линь было одушевлено всею острою выразительностью подлинника; увидел и портрет во весь рост Наполеона, прогуливающегося в садах Мальмезонских⁷⁶. «Так он точно всегда ходил сложа руки?» — спросил я. «Могу вас в том уверить, — возразил Изабе, — и эта привычка вместе с другою, потуплять голову, раз едва не наделала мне великих бед. Во время консульского правления однажды обедал я в Мальмезоне с некоторыми из молодых адъютантов Наполеона. После обеда мы вздумали, вышед на равнину против замка, перепрыгивать друг через друга. Вы знаете, что у нас в училищах это любимая игра. Я перепрыгнул уже через многих из моих товарищей, как вдруг вижу в стороне, в конце аллеи, еще одного, стоявшего передо мной в надлежащем положении. Думая, как бы только хорошенько скануть, я разбегаюсь, что есть силы, но, к несчастью, ошибшись размером, вскакиваю ему на шею, роняю его, и мы вдвоем катимся по земле шагов с десятков. Но каков был мой ужас, когда я увидел, что жертвою моей неловкости был сам

Бонапарте! — В эту эпоху своей жизни ему и в голову не приходило, чтоб можно было упасть; и этот первый урок весьма естественно привел его в величайшее иступление гнева. — Кипя яростью, он выдернул шпагу, и если б я не бежал лучше, нежели прыгал, то смерть моя была бы неминуема. Он преследовал меня до самого рва, через который я перепрыгнул, и, по счастью, не последовал моему примеру. Я пошел в Париж, и мой ужас был так велик, что я не смел оглянуться, покуда не достиг до Тюльерийских ворот⁷⁷. — Я вошел в комнаты госпожи Бонапарте, прислуга которой привыкла впускать меня без доклада. Видя мое смятение, Жозефина подумала, что я принес ей какое-либо неприятное известие; но когда я рассказал ей о случившемся, то происшествие сие, несмотря на мое отчаяние, показалось ей столь смешным, что она не могла удержаться от хохота. Когда же смех ее прошел, она обещала мне, с свойственным ей добродушием, ходатайствовать за меня у консула. Однако же, зная совершенно его сердитый нрав, она сочла за лучшее удалить меня на время с глаз своего мужа, пока не укротит его гнева, что было не трудно, ибо в это время Наполеон любил ее страстно. И действительно, ее ангельские свойства одерживали обыкновенно над ним верх, и нередко она успевала отворачивать действия его заальчивости.

По возвращении домой я нашел на столе моем повеление не являться в Тюльери; в продолжение сего временного удаления я окончил этот портрет, который вы сейчас видели. Госпожа Бонапарте, представляя оный консулу, исходатайствовала мне прощение и позволение снова явиться в Тюльери. Первое мое с Бонапартом свидание после сего происшествия было в Жозефининой половине. Он подошел ко мне ласково и, потрепав по щеке, сказал: «И впрямь,

если вы хотите шутить, то старайтесь быть половче». — «Боже мой! — сказала, смеясь, Жозефина, — если б вы видели, как он был даже страшен, явившись ко мне после этого случая, то согласились бы, что он этим одним довольно наказан за свое желание отличиться ловкостью». Изабе рассказывал этот анекдот с свойственною ему живостью и веселостью и, сопровождая слова свои жестами и положениями, так хорошо умел представить мне происходившее, что я думал, будто вижу в эту минуту всю комедию. Я воображал лежащего на земле Наполеона, которого увели-

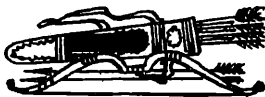
чивавшееся бешенство уподобляло его Юпитеру, устремляющему гром и молнию». (Из «The Court journal».)

В. Б...шев.

⁷⁸ В половине истекшего января изданы в Лондоне Томасом Муром⁷⁹ давно ожидаемые письма и дневные записки лорда Байрона, с подробностями об его жизни. Собрание сие посвящено Валтеру Скотту.

(Из «Tygodnik Petersburski».)

СУББОТА.

ТОМ. I. №. 10.

ФЕВРАЛЯ 1830.

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА.

Выходит
через
каждые пять дней

1830 ГОДЪ.

Цена годовому изданію,
состоящему изъ 72-хъ
№, въ С. П. К. 35 руб.
съ пересылкою и разно-
скою 40 рублей.

Въ Февралѣ Газета сія выходитъ въ слѣдующіе дни: 5-го числа (въ Среду), — 10-го (въ Понедѣльникъ), —
15-го (въ Субботу), — 20-го (въ Четвертокъ), и 25-го (въ Вторникъ).

СИР ЭДГЕР И ЕГО СОКОЛ (Окончание)

Прошло несколько дней, и сир Эдгер по-прежнему оставался дорогим гостем у своего дяди. Однажды, с Элинором и собакою, неприметно отправился он к месту последнего торжества своего. Скоро потерял он из виду следы башни и, сняв клобучок с сокола, когда цапля из тростника полетела к берегу, начал осматривать окрестности. Красивый Элинор, быстро взвившись кверху, верным ударом поразил добычу и снова сел на Эдгерову руку. Между тем туман редел, и по мере того, как открывались прелестные горы, равнины и вдали кристальная поверхность озера, сир Эдгер приходил, так сказать, в самозабвение от представившейся ему беспредельной картины природы. Цапля лежала у ног его. Собака, сидя возле него, зоркими глазами смотрела на птиц, реявших по воздуху, а Элинор, замечая их около себя, поднимал резкий крик, махал пестрыми крылышками и вытягивал лоснящуюся шею. Сир Эдгер, исполненный сладостных мечтаний, не думал об ожидавшей его участи.

К полудню приготовлен был обед в Аллертонском замке, но сир Джейльс один сел за стол под балдахин; ударил колокол к вечерии, — и сир Джейльс один преклонил у алтаря колена. Наконец поздно возвратилась Эдгерова собака. На следующий день сделаны были старательные поиски о сире Эдгере, но тщетно; нашли только прекрасного его сокола, сидевшего на берегу у плаща своего господина; что же случилось с самим Эдгером, было тайною. Напоследок все заключили, что, чрез меру увлеченный охотою, он утонул в озере.

В этой мысли, пораженный печалию сир Джейльс поставил у Аллертонского озера крест, внушавший странникам молитвы о упокоении души Эдгера, а четыре инока в белых ризах и с зажженными свечами в руках торжественно совершали по нем службу в Ривольском аббатстве.

Спустя несколько месяцев, раздался уныло-протяжный звук ривольского колокола, приведший в содрогание робких серн окрестного леса. Земледельцы оставили сельские работы, а старухи побросали веретена, торопясь взглянуть на шествие важных латников, герольдов¹ с парадными щитами и облеченных в белые одежды певчих, которые согласными голосами придавали еще большее величие похоронам скончавшегося сира Джейльса Фицаллертона. Всякий притом хотел отдать должную почесть его наследнику и новому своему владельцу Антонию, гордо выступавшему из замка, которого он столь долго домогался. С почтительною робостью приблизился к нему старый охотник, неся на руке драгоценнейший ему подарок, превосходного сокола; но Элинор, всегда очень смиренный, устремился на Антония с чрезвычайным ожесточением. Никто не постигал тому причины, но тем не менее зрители бросали один на другого значительные взгляды, и после внезапного удаления их повелителя многие трепещущими устами творили молитвы: да падет небесное мщение на главу его.

С того времени Антоний Фицаллертон не входил более в Джейльсов замок; он запретил носить Элинора в своем присутствии, удалился от общества и редко выезжал куда. Между тем запустение более и более с каждым годом водворялось в старинном Аллертонском замке; трава проросла в обширной зале, где столь долго пение

минстрелей сливалось со смехом веселого владетеля и где теперь единственным обитателем был старый охотник. Прислушиваясь порою к унылому свисту бури в разбитые оконницы и раздававшемуся на твердых дикому завыванию филинов, он воображал, что слышит голос прежнего своего господина. Мрачны казались Фицаллертоновы башни, но еще мрачнее был тот, кому они принадлежали по праву: сир Эдгер, которому воздвигли памятник с молитвами об упокоении души его, был жив и влачил дни на чужбине. Пронзенный кинжалом брата-соперника, он долго лежал замертво, пока не был замечен мимо проходившими странниками. Не имея возможности остановиться и ждать его оживления, но и не решась вовсе покинуть несчастного, они взяли его с собою. По медленном выздоровлении, вдали от родины, узнал Эдгер о смерти своего дяди и о том, что именем его завладел Антоний. Сердце его стеснилось от сей вести; он отправился к ближайшей гавани и с богатством своим — смелым духом и надежным мечом — поплыл во Фландрию².

Прошло десять лет. Седой мох заволок надпись на кресте, поставленном у Аллертонского озера, и куст, осенявший бездыханное тело Эдгера, далеко распространял свои ветви. В это время король Генрих, путешествуя на севере, посетил Аллертонские окрестности с великолепною своею свитою. Возвещена была соколиная охота, и солнце снова озарило прекрасное зрелище. Королевские спутники проходили мимо запустелого Аллертонского замка. Тогда старый охотник с Элинором на руке, также состарившимся, вышел к воротам. Сравнивая представляющуюся ему картину с великолепием того утра, в которое пышный Аллертон назначен был в награду победителю, он погрузился в печальные думы, а Элинор, обращая

вокруг себя внимательные взоры, встряхивал крапчатыми крыльями при разносившемся в воздухе резком свисте охотников и не забытом им звоне колокольчиков.

Генрих, всегда любивший охоту (счастливо протек бы век его, если б он предался только одним невинным забавам), поражен был необычайною красотою Элинора и подозвал к себе охотника. Гордясь сим неожиданным вниманием и еще более прелестною птицею, служившею к тому поводом, старик с веселым видом подошел к государю. Между тем знаменитые охотники достигли берегов чистого озера. Цапли были взогнаны; каждый лорд снимал клубочок с своего сокола. Король повелел распутать Элинора, дабы он мог показать всю свою ловкость, и старый охотник, после многих похвал отличной выноске сего сокола, спустил его с руки своей; но цапли гордо и небрежно продолжали кружиться в воздухе, ибо сокол с диким криком радости слетел к стоявшему в числе зрителей порядочно одетому человеку, который начал ласкать его. Все собрание с изумлением смотрело на эту странность. Наконец открылось, что законный владетель аллертонский среди бывших прежде его приближенных никем не был узнан, кроме верного Элинора. Король дал знак, чтобы сир Эдгер к нему приблизился, потом с милостивым вниманием выслушал его приключения, как, после многих неудач, попал он в Англию, где, услышав о намерении монарха путешествовать неподалеку от Аллертона, решился следовать за его свитою, в надежде — не удастся ли объяснить ему при случае свои несчастья.

В старинном замке раздались веселые клики при вступлении давно потерянного сира Эдгера в Аллертонское поместье, и радость соседей была неописанна, когда достались ему обширные владения Ан-

тония, не надолго пережившего изобличение его в злодействе. Скажем кратко, что сир Эдгер сделался богатым рыцарем, достопочтенный аббат Ривольский отправил к нему собственноручное, весьма благосклонное письмо за монастырскою печатью, с увещанием, чтобы он возблагодарил небо принесением достойного дара св. церкви; иноки же, в течение 10-ти лет поминавшие сира Эдгера, предложили ему увековечить это поминовение умножением вклада на монастырь их, и без того богатый. Но сир Эдгер, не вняв сим убеждениям, устроил богатую лечебницу и хорошее учебное заведение, которые свидетельствовали о признательности его к Провидению.

В небольшой церкви Аллертонского владения, обросшей плющом и почти разрушившейся, любителю древностей представляется ветхий памятник, изображающий старца в рыцарском одеянии с Библией в правой руке, а на левой с превосходным соколом, у коего красивые колокольчики и золотая цепочка доказывают, что он был любимой птицею своего владетеля.— Там гробница сира Эдгера Фицаллертона.

(Из «British wreath», 1829.)

Пер. Ш.

БОРОДИНСКОЕ ПОЛЕ

ЭЛЕГИЯ³

Умолкшие холмы, дол, некогда кровавый,
О возвратите мне ваш день, день вечной славы
Пыль, дым, громады войск и сечу, и борьбу!
Мой меч из рук моих упал. Мою судьбу
Попрали наконец счастливы горделивы

И пахарем меня влекут на мирны нивы.
О ринь меня в огонь, ты, опытный в боях,
Ты, взором, голосом рождающий в полках
Погибели врагов предчувственные клики,
Вождь гомерический, Багратион⁴ великий!
Простри мне длань свою, Раевский, мой герой!
Ермолов⁵, я лечу; веди меня, я твой:
Определенный быть побед любимым сыном,
Покрой меня, покрой своих перунов дымом.

Но где вы?.. слушаю... Нет отзыва. С полей
Умчался брани дым, утихнул стук мечей;
И я, питомец их, склоняюсь главой у плуга,
Завидую костям соратника иль друга.

РАЗМЫШЛЕНИЯ И РАЗБОРЫ

(Соч. П. А. Катенина)

СТАТЬЯ II.

(Продолжение)

После несравненных поэм Гомеровых
Эсхилова «Орестия» есть, без сомнения,

важнейший по величине своей памятник греческих муз. Она состоит из трех трагедий: «Агамемнон», «Коэфоры» (дароносицы) и «Эвмениды»; в первой победитель Трои, возвратясь в Микены⁶ с добычею Приама и пленной дочерью его Кассандрою, изменнически убит своей женою и любовником ее Эгистом; во второй сын его Орест, воспитанный вне отцовского дома и под чужим именем в него войдя, по приказу Аполлона, совету друга своего Пилада и жалобам в неволе живущей сестры Электры, отмщает убийцам отца и убивает свою мать; в третьей, преследуемый эвменидами⁷ за пролитую им кровь, по новому приказу Аполлона, ищет суда и прощения в священных Афинах. Сама богиня, покровительница города, председательствует в сонме старцев судей; право и вина подсудимого в точности разобраны; благостью милосердной богини Орест оправдан, а строгие божества подземные, ублаженные дарами и почестями знаменитого народа, с кротостью удаляются, обещая навеки быть благосклонными к жителям Аттики⁸, питомцам мудрой Паллады⁹. Содержание первых двух частей истинно трагическое, равно важное и любопытное для всех веков и земель: вот почему все вообще так часто обрабатывали его и под настоящим именем, и под другими, приносившими к новым понятиям или костюмам¹⁰; третья часть, «Эвмениды», вероятно лестнейшая афинянам, чужда для нас, и надо точно переродиться греком, чтобы вполне чувствовать ее достоинство. Я слышал, будто ученый св. Димитрий Ростовский, в одном из своих драматических творений подражая Эсхилу, вывел кающегося грешника и спор о спасении или гибели его между святыми и ангелами, с одной стороны, и духами тьмы преисподней, с другой; любопытно было бы по всему изданию сей драмы великого учителя

нашей церкви; но где она и когда ее издадут?¹¹

Первая часть, «Агамемнон», разительна силою и резкостью кисти. Явление, где сидящая на путевой колеснице пленная Кассандра на убеждения хора, чтоб она встала и вошла в дом, отвечает сперва болезненным воплем, потом смутным и наконец ясным предсказанием смерти царя и своей собственной и в невольном порыве отчаянья устремляется к ней навстречу, выше похвал.

Вторая часть, «Коэфоры» или «Электра», достопримечательна еще тем, что представляет удобнейший случай к сравнению трех известных греческих трагиков и яснее всех общих толкований доказывает первенство между ними Эсхила. Правда, что у Софокла чувства, страсти и характеры несколько более развернуты, но зато действие растянуто, лишнее лицо Хрисотемии выведено единственно для искусственного противоречия с Электрою, рассказ Орестова пестуна об играх и ристаниях¹² — эпическая вставка, и холодная жестокость детей, убивающих мать, отвратна. Ход пьесы совершенно заимствован у предшественника; сон Клитемнестры, надгробные дары и возливания в честь тени Агамемновой, хитрость Ореста, приносящего известие о своей смерти, узнание брата и сестры, отсутствие Эгиста, возвращающегося в самом конце, — все это одно и то же. У Эсхила Эгист убит прежде, а Клитемнестра после, у Софокла напротив; и это отступление неудачно: важнейшее есть убийство матери, и оно должно быть последним ударом. Эврипидова «Электра» — одна из худших его трагедий, вялая и скучная; две странности ее отличают: мысль выдать Электру замуж за старого мужика, который стыдится и не смеет жить с нею как муж, и неуместная, нелепая насмешка (род

пародии) над Эсхилом. Воля его, но одна сцена, давшая название «Коэфорам», во сто раз дороже всей его трагедии.

«Просительницы» — первая часть трагедии «Данаид»; последние две, в коих, вероятно, представлено было их невольное супружество и мщение над братьями-мужьями — словом, все действие, пропали; в первой одни приготовления и жалобы: несправедливо было бы судить ее как целое. Хоры отменно велики и хороши; иначе быть не могло, ибо здесь хор — главное лицо: он составлен из самих Данаид.

«Семь вождей под Фивами» отличаются воинственным изображением осады, приступов, оружий и богатей. Плач хора и сестер над трупами братьев превосходен, а мужественное намерение Антигоны, вопреки повелению предать земле тело Полиника, кажется как бы зерном, произрастившим «Антигону» Софокла.

Не понимаю, за что Шлегель не любит «Персов»: если за некоторый недостаток драматического действия, то он приметен и в других трагедиях; «Семь под Фивами», «Эвмениды», «Эдип в Колоне» также скудны в сем отношении, но Шлегель справедливо ими восхищается. «Персы» — великолепный трофей, воздвигнутый в честь победителей при Саламине¹³: какая почтенная горечь в царице-матери! какая сила и поэзия в рассказах! какое священное величие в отеческих наставлениях мертвого Дария¹⁴, восставшего из гроба на моления плачущих подданных! какое разительное изображение превратности счастья в возвращении одного бежавшего Ксеркса!¹⁵ Сия трагедия тем любопытнее, что она одна в своем роде, одна, где выведены на позорище современники-иноземцы.

Но самое оригинальное, самое высокое творение Эсхила «Промефей». Оно пре-

восходит все произведения древней Мельпомены¹⁶ изображением великого характера. Промефей борется против силы неодолимой и твердостью терпения, так сказать, одолевает ее. Я не знаю трагической картины проще и величественнее, не знаю трагического языка глубже и разительнее; Лаокоон в кольцах у змей не сравнится с Промефеем на скале, и он безмолвен. Кто хочет иметь полное понятие о всей власти трагедии над душой, должен прочесть «Промефея» и воображением (когда иначе нельзя) поставить его на театр.

Новое сравнение между Эсхилом и Софоклом представляется критику, переходящему от «Промефея» к «Филоклету». Основание сих двух превосходных трагедий одинаково: борьба сильной души с несчастием и враждою гонителей; но чем сходнее задача, тем различнее гений трагиков. Смелый Эсхил перенесся в первобытные времена мира, его главное лицо — один из древних богов, сынов земли; гонитель его — новый бог, и сильнейший¹⁷. Благодетель рода человеческого, жертва ревности Олимпийца противопоставляет власти и мучению волю непреклонную; мало-

душные советы старца Океана, нежные стенания дочерей его, обещания и угрозы Эрмия, скала и цепи, орел ненасытный, гром и землетрясение бессильны; он падает в преисподнюю бездну и уносит в груди своей тайну, коей открытие могло бы спасти его от казни, но вместе — тирана от гибели, судьбою назначенной. Сие торжество упорного страдальца, еще возвышенное резкими чертами природы сверхъестественной, поражает ужасом и удивлением; но сильный Титан-огненосец не может быть предметом жалости; он выше такого слабого чувства и как бы гнушается им. Напротив, его возбуждает беспрестанно Филоклет: он человек, подобный нам, чувство бессмертия не подкрепляет его в страданиях, он, не унижаясь, может изливать их в бес- сильных и горьких слезах; смертное тело его растерзано и расслаблено глетворною раню и десятилетним скитанием на пустом острове, где, оставленный жестокими царями, он томится без крова, без одежды и часто без пищи; первое его желание: увидеть людей, и при неожиданной встрече с Неоптолемом, когда после долгой отвычки он опять слышит звуки языка эллинов, душа его полна сладчайших чувств, он оживает надеждою возвратиться на родину и к отцу; когда же открытием нового обмана, лишась минутной отрады, он впадает в вящее¹⁸ отчаяние, тогда наши слезы невольно смешиваются с его слезами. Божественный друг приносит ему спасение, но вместе велит отречься от ненависти и мщенья; он повинуется воле высшей: смиряет свой гнев и простирает к Одиссею руку, желавшую пронзить его грудь. В исполнении столько же разницы, сколько в первоначальном очерке: там боги и титаны, полуженщина Ио и полуптица орел спекулятор; здесь люди со всеми их слабостями и страстями, простодушный

Пирр¹⁹ и хитрый Улисс²⁰; там чародейством вымысла и поэзии мы переносимся в чуждый мир, в нравственном только отношении с нашим сходный; здесь все нам знакомое и близкое, те же немощи и нужды. «Промефей» полнее выражает идеал греческой трагедии, производит более изумления и страха; «Филоклет» более пленяет сердце, более удовлетворяет человека, рожденного в другом веке и народе, а совершенная отделка частей делает его удобным к представлению везде почти без перемен. Красота подлинника одолела слабость подражателя в «Филоклете» французском²¹.

(Продол. в след. №).

БИБЛИОГРАФИЯ

Русские книги

Карелия, или Заточение Марфы Иоанновны Романовой. Описательное стихотворение в четырех частях Федора Глинки. — С.П.б., в типограф. Х. Гинце, 1830 (VIII — 112 стр. в 8-ю д. л.)^{*22}

Изо всех наших поэтов Ф. Н. Глинка, может быть, самый оригинальный. Он не исповедует ни древнего, ни французского классицизма, он не следует ни готическому, ни новейшему романтизму;

* Продается у издателя, книгопродавца Ив. Вас. Непейцына в д. Г. М. Балабина, под № 26-м. Цена экз. 6 р., с пересылкою 7 р.

слог его не напоминает ни величавой плавности Ломоносова, ни яркой и неровной живописи Державина, ни гармонической точности, отличительной черты школы, основанной Жуковским и Батюшковым. Вы столь же легко угадаете Глинку в элегическом его псалме, как узнаете князя Вяземского в станцах метафизических или Крылова в сатирической притче. Небрежность рифм и слога, обороты то смелые, то прозаические, простота, соединенная с изысканностью, какая-то вялость и в то же время энергическая пылкость, поэтическое добродушие, теплота чувств, однообразие мыслей и свежесть живописи, иногда мелочной,— все дает особенную печать его произведениям. Поэма «Карелия» служит подкреплением сего мнения. В ней, как в зеркале, видны достоинства и недостатки нашего поэта. Мы, верно, угодим нашим читателям, выписав несколько отрывков, вместо всякого критического разбора*.

(Монах рассказывает Марфе Иоанновне о прибытии своем в Карелию.)

«В страну сию пришел я летом,
Тогда был необычайный жар,
И было дымом все одето;
В лесах свирепствовал пожар,
В Кариоландии²³ горело!..
От блеска не было ночей,
И солнце грустно без лучей,
Как раскаленный уголь, тлело!
Огонь пылал, ходил стеной,
По ветвям бегал, развивался,
Как длинный стяг перед войной;
И страшный вид передавался
Озер пустынных зеркалам...
От знойной смерти убегали
И зверь, и вод жильцы, и нам
Тогда казалось, уж настали
Кончина мира, гибель дней,
Давно на Патмосе в виденье

* В № 6-м «Литер. газеты» было вкратце изложено содержание сей поэмы.— Издатель, г. Непейцын, заслуживает всякую похвалу за старательное и отлично красивое издание оной.

Предсказанные²⁴. Все в томленьи
Снедалось жадностью огней,
Порывом вихрей разнесенных;
И глыбы камней раскаленных
Трещали.— Этот блеск, сей жар
И вид дымящегося мира,—
Мне вспомнули песнь Омира²⁵:

В его стихах лесной пожар.
Но осень нам дала и тучи
И ток гасительных дождей;
И нивой пепел стал зыбучий
И жатвой радовал людей!..

Дика Карелия, дика!
Надутый парус челнока
Меня промчал по сим озерам;
Я проходил по сим хребтам,
Зеленым дебрям и пещерам;
Везде пустыня: здесь и там
От Саломейского пролива
К семье Сюйсарских островов,
До речки с жемчугом игрой*,
До дальних северных лесов,
Нигде ни городов, ни башен
Пловец унылый не видал,
Лишь изредка отрывки пашен
Висят на тощих ребрах скал;
И мертво все... пока шелойник²⁶
В Онегу, с свистом, сквозь леса
И нагло к челнам, как разбойник,
И рвет на соймах²⁷ паруса,
Под скрипом набережных сосен.—

* В речке Повенчанке находят жемчуг, иногда довольно окатистый и крупный.

Но живописна ваша осень,
Страны Карелии пустой:
С своей палитры, дивной кистью,
Неизъяснимой пестротой
Она златит, малюет листья:
Янтарь и яхонт, и рубин
Горят на сих древесных купах,
И кудри алые рябин
Висят на мраморных уступах.

И вот, меж каменных громад,
Порой я слышу шорох стад,
Бродящих лесовой тропою,
И под рогатой головою
Привески звонкие брячат...

Край этот мне казался дик:
Малы, рассеяны в нем селы;
Но сладок у лесной Карелы
Ее бесписьменный язык.
Казалось, я переселился
В края Авзонии²⁸ опять:
И мне хотелось повторять
Их речь: в ней слух мой веселился
Игрою звонкой буквы Л.
Еще одним я был обманут:
Вдали, для глаз, повсюду ель
Да сосна, и под ней протянут
Нагих и серых камней ряд.
Тут, думал я, одни морозы,
Гнездо зимы. Иду... Вдруг... розы!
Всё розы весело глядят!
И Север позабыл я снова.
Как девы милые, в семье,
Обсядут старика седого,
Так розы в этой стороне,

Собравшись рощей молодою,
Живут с громадою седою.

Сии места я осмотрел
И поражен был. Тут сбывалось
Великое!.. Но кто б умел,
Кто б мог сказать, когда то стало?..
Везде приметы и следы
И вид премены чрезвычайной
От ниспадения воды —
С каких высот? осталось тайной...
Но Север некогда питал,
За твердью некоей плотины,
Запасы вод; доколь настал
Преображенья час! — И длинный,
Кипучий, грозный, мощный вал
Сразился с древними горами;
Наземный череп растерзал,
И стали щели — озерами.
Их общий всем, продольный вид
Внушал мне это заключение.

Но ток, сорвавшись, все кипит.
Забыв бывшее заточенье,
Бежит и сыплет валуны
И стал. Из страшного набега
Явилась — зеркало страны —
Новорожденная Онега!

Здесь поздно настанет весна;
Глубоких долов, меж горами,
Карела дикая полна:
Там долго снег лежит буграми,
И долго лед над озерами
Упрямо жмется к берегам.
Уж часто видят, по лугам
Цветок синее подснежник,

И мох цветистый оживет
Над трещиной скалы прибрежной;
А серый безобразный лед
(Когда глядим на даль с высот)
Большими пятнами темнеет
И от озер студеным веет...
И жизнь молчит, и по горам
Бедна карельская береза;
И в самом мае, по утрам,
Блестает серебро мороза...
Мертвеет долго все... Но вдруг
Проснулось здесь и там движенье;
Дохнул какой-то теплый дух,
И вмиг свершилось возрожденье:
Помчались лебедей полки,
К приютам ведомым влекомым;
Снуют по соснам пауки;
И тучи, тучи насекомых

В веселом воздухе жужжат.
 Взлетает жавронок высоко,
 И от черемух аромат
 Лиется долго и далеко...
 И в тайне диких сих лесов
 Живут малиновки семьями:
 В тиши бесценных вечеров
 Луга и бор, и дичь бугров
 Полны кругом их голосами.
 Поют... поют... поют оне
 И только с утром замолкают:
 Знать, в песне высказать желают,
 Что в теплой видели стране,
 Где часто провождали зимы;
 Или, предчувствием томимы,
 Что скоро, из лесов густых,
 Дохнет, как смерть, неотвратимый,
 От Беломорских стран пустых,
 Губитель роскоши и цвета,
 Он вмиг, как недуг, все сожмет,
 И часто в самой неге лета
 Природа смолкнет и задрет!

По Суне плыли наши челны,
 Под нами стлались небеса,
 И опрокинулись в волны
 Уединенные леса.

Спокойно все на влаге светлой,
 Была окрестность в тишине,
 И ясно на глубоком дне
 Песок виднелся разноцветный.
 И, за грядюю серых скал,
 Прибрежных нив желтело золото,
 И с сенокосов ароматом
 Я в летней роскоши дышал.
 Но что шумит?.. В пустыне шепот
 Растет, растет, звучит, и вдруг —
 Как будто конной рати топот,
 Дивит и ужасает слух!
 Гул, стук! — Знать, где-то строят

грады;

Свист, визг! — Знать, целый лес пилят!
 Кружатся, блещут звезды громады,
 И вихри влажные летят
 Холодной, стекловидной пыли:
 «Кивач!..²⁹ Кивач!.. Ответствуй, ты ли?»
 И выслал бурю он в ответ!..
 Кипя над четырьмя скалами,
 Он, с незапамятных нам лет,
 Могучий исполин, валами
 Катит жемчуг и серебро;
 Когда ж в хрустальное ребро
 Пронзится горными лучами,
 Чудесной радуги цветы
 Его опутают как ленты;
 Его зубристые хребты

Блестят — пустыни монументы.
 Таков Кивач, таков он днем!
 Но под зарею летней ночи
 Вдвойне любуются им очи:
 Как будто хочет небо в нем
 На тысячи небес дробиться,
 Чтоб после снова целым слиться
 Внизу, на зеркале реки...
 Тут буду я! Тут, жизнь, теки!..
 О, счастье жизни сей волнистой!
 Где ты? — В чертоге ль богача,
 В обетах роскоши нечистой,
 Или в Карелии лесистой,
 Под вечным шумом Кивача?..»

Духи основали свое царство в пустынях лесной Карелы. Вот как поэт наш изображает их.

В тех горах

Живут селениями духи:
 Точь-в-точь, как мы! В больших домах,
 Лишь треугольником их кровли;
 Они охотники до ловли,
 И все у них, как и у нас:
 Есть чернь и титул благородных;
 Суды, Расправы и Приказ.
 Но нет балов, торговков модных,
 Карет, визитов, суеты
 И бесполового круженья;
 Нет мотовства и разоренья,
 Так, стало, нет и нищеты!
 Счет, вес и мера без обмана,
 И у судейского кафтана
 У них не делают карма. —
 Я не могу уверить вас,
 Имеют ли они Парнас,
 Собранья авторов и залы
 Для чтения. — «А есть журналы?»
 Нет-с! — Ну, и ссоры меньше там:
 Литературные нахалы
 Не назовут по именам
 И по отечествам, чтоб гласно,
 Под видом критики, ругать:
 То с здравым смыслом не согласно!
 И где, кто б мог закон сыскать,
 Который бы людей уволил
 От уз приличия? И им,
 Как будто должное, дозволил
 По личным прихотям своим,
 Порою ж и по соре личной,
 Кричать, писать, ругать публично?..
 Зато уж в обществе духов —
 Вон там, на тех скалах огромных —
 Все так приятны! Так скромны!..
 От человеческих грехов
 Подчас им, бедным, очень душно!

И если станет уж и скучно
Смотреть на глупости земных,
На наши шашни и проказы,
То псов с собой четвероглазых
И в лес! И вот лесов чуждых
Принявши образ, часто странный,
То, выше ели, великаны,
То наравне, в траве, с травой!
Проказят, резвятся, хохочут,
Зовут, обходят и морочат...
Иди к ним, с умной головой,
Начитанный теорик,— что же?
Тебе ученость не поможет:
Ты угоришь: всё глушь да мрак;
А духи шепчут: «Ты дурак!
Сюда, мудрец, вот омут грязный!»...
Не так ли иногда приказный,
Раскинув практику свою,
Из справки в справку ходит, ходит
И часто в бестолочь заводит
И толковитого судью?..

СМЕСЬ

³⁰ Некоторые журналы, обвиненные в неприличности их полемики, указали на князя Вяземского как на начинщика брани, господствующей в нашей литературе³¹. Указание неискреннее. Критические статьи к Вяземскому носят на себе отпечаток ума тонкого, наблюдательного, оригинального. Часто не соглашаешься с его мыслями, но они заставляют мыслить. Даже там, где его мнения явно противоречат нами принятым понятиям, он невольно увлекает необыкновенною силою рассуждения (discussion) и ловкостью самого софизма³². Эпиграмматические же разборы его могут казаться обидными самолюбию авторскому, но к Вяземский может смело сказать, что личность его противников никогда не была им оскорблена; они же всегда преступают черту литературных прений и поминутно, думая напасть на писателя, вызывают на себя негодование

члена общества и даже гражданина. Но должно ли на них негодовать? — Не думаем. В них более извинительного незнания приличий, чем предвзятого намерения.— Чувство приличия зависит от воспитания и других обстоятельств. Люди светские имеют свой образ мыслей, свои предрассудки, непонятные для другой касты. Каким образом растолкуете вы мирному алеуту³³ поединок двух французских офицеров? Щекотливость их покажется ему чрезвычайно странною, и он чуть ли не будет прав.

Доказательством, что журналы наши никогда не думали выходить из границ благопристойности, служит их добродушное изумление при таковых обвинениях и их единогласное указание на того, чьи произведения более всего носят на себе печать ума светского и тонкого знания общежития.

Прошу покорнейше редакцию «Литературной газеты» дать в своих листах место следующему отзыву от меня:

«Северная пчела» в 10-м № нынешнего года изъявляет сомнение, точно ли «Разговор у княгини Халдиной», присланный мною в «Литературную газету», писан Фон-Визинным. На сие имею честь объяснить г.г. подписчикам на издаваемое мною «Полное собрание сочинений Фон-Визина» и тем читателям, которые впредь удостоят меня своею доверенностию, что как сей «Разговор», так и все другие сочинения Фон-Визина, которые войдут в состав готовимого мною издания, несомненно писаны Фон-Визинным и доставлены мне от его непосредственных и законных наследников. Сей же самый «Разговор» должен был включен быть в комедию

Фон-Визина под названием «Добрый наставник», которой начало отыскано в бумагах покойного автора. Большая часть сего «Разговора» писана рукою самого автора, и любопытные могут в том удостовериться из черновой тетради, заключающей много собственноручных отрывков его. Тетрадь сия хранится в книжной лавке моей, на Никольской улице.

Впрочем, кажется, и самый предлог сомнения весьма неоснователен. В разговоре упоминается о заведении русских университетов: «Северная пчела» замечает, что при жизни Фон-Визина существовал один Московский университет.— Это правда; но сатирический разговор не статистическая таблица. Впрочем, мы часто принимаем множественное число за единственное и говорим, напр., «когда являются у нас Державины», хотя Державин один, и проч.— Что ж касается до примечания, приписываемого «Северною пчелою» издателям «Литературной газеты», то оно найдено было в списке, полученном от наследников, и по неосмотрительности оставлено и напечатано. Вероятно, оно почитаемо было нужною оговоркою для какого-нибудь прежде готовившегося издания. Сие замечание, как и самые истолкования на оно «Северной пчелы», кажется мне, тем более излишни, что в том же разговоре, вслед за тем же словом, есть от самого автора объяснение *политической науки*: «разумею науку, научающую нас правилам благочиния, науку коммерческую и науку о государственных доходах».—

Иван Салаев,
издатель полного собрания сочинений
Фон-Визина.

Москва, 4 февраля, 1830 года.

³⁴ Острая шутка не есть окончательный приговор. ***сказал, что у нас есть три истории России: одна для *гостиной*, другая для *гостиницы*, третья для *гостиного двора*³⁵.

Происхождение народной поговорки³⁶.— Угодно ли знать происхождение простонародной поговорки, заимствованной русскими от единоплеменников, издревле к ним близких по многим отношениям? Вот что говорит о сем ученый Лелевель³⁷ в изданной им прошлого 1829 года в Варшаве «Сокращенной истории царства Польского», носящей, вместо пышного заглавия, скромную надпись: *Dzieje Polski Joachim Lelewel potocznym sposobem opowiedzial**, но имеющей великое достоинство по принятому в ней плану, строгому выбору пособий, занимательности и образу изложения. «Болезлав Великий³⁸ вникал сколько мог сам в судебные дела и решал оные справедливо. Строгость его к виновным доходила иногда до жестокости. Однако же к менее погрешившему был он снисходителен, в надежде, что замечание и выговор достаточны к его исправлению. Простые обычаи века представляли Болеславу средства действовать лично в сем отношении с успехом. Он сам предостерегал, грозил и своеручно наказывал. Часто виновный вельможа,

* Книга сия, посвященная почтенным Лелевелем малолетним его племянникам, замечательна еще своею дешевизною. 330 стр. в восьмушку, с атласом, состоящим из 12 карт, изображающих Польшу в разные эпохи, хорошо вырезанных и чисто отпечатанных на весьма изрядной бумаге, стоят 6 золотых и 20 грошей польских (4 руб. ассигнациями на наши деньги).

приглашенный королем к столу и в баню, выслушав слово правды, получал там наказание, долженствовавшее его исправить на будущее время. От чего и произошла поговорка: *задать кому-нибудь баню* (sprawić komu łaźnię)».

³⁹ В флорентийском пантеоне окончен знаменитым ваятелем Риччи (Ricci) великолепный памятник Данте; по красоте отделки он предпочитается стоящей с ним рядом гробнице Альфиери, сделанной Кановою.

ЧЕТВЕРТОКЪ.

ТОМ. I. №. 11.

ФЕВРАЛЯ 20го.

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА.

Выходитъ
черезъ
каждую пять дней

1830 ГОДЪ.

Цена годовому изданію,
состоящему изъ 72-хъ
№., въ С. П. Б. 35 руб.
съ пересылкой и размы-
ской 40 рублей.

Въ Февраль Газета сія выходитъ въ слѣдующіе дни: 5-го числа (въ Среду), — 10-го (въ Понедѣльникъ), —
15-го (въ Субботу) — 20-го (въ Четвертокъ), и 25-го (въ Вторникъ).

УБРАНСТВО знатной еврейки*¹

Первые лучи света брезжутся на вершине храма иерусалимского и позлащают покатоности Эврона и Синая. Толпа народа теснится по улицам, и сие утреннее волнение возвещает, что родился день общенародного праздника. Пробуждается от сна в чертогах, скрывающих ее от взоров людских, юная Рахиль, которая покоилась посреди своих прислужниц, на изголовье, украшенном звериными кожами, под одеялом из драгоценных тканей финикийских, дивится, что она проснулась прежде того часа, в который обыкновенно прелестные глаза ее открываются для света дневного. Прислужницы, к ногам коих привешены маленькие, звонкие серебряные колокольчики, окружают постель ее: они одеты в короткие верхние платья, спускающиеся немного пониже колена, и волосы их подобраны под разноцветные шелковые сетки**. Первая подает своей госпоже простые сандалии, сшитые из козьего меха и завязываемые на ноге двумя застежками, из коих одна пропускаяется между боль-

* Один немецкий писатель, терпеливо изучавший большую часть писателей языческих, познакомил нас со всеми затеями щегольства у древних римлян. Ученое сие творение о столь легком предмете издано под заглавием «Сабина, или Знатная римлянка за уборным столиком». Сочинитель помещаемой здесь статьи почерпал свои сведения из источников, более заслуживающих благоговение, и представил картину убранства прекрасной израильянки.

** В Талмуде² можно найти описание сих головных уборов из сетки вместе с запрещением насчет лент, влетаемых в волосы (см. Талмуд, III, 80). Талмуд, как известно всем, есть собрание раввинских преданий. Некоторые ученые израильяне почти так же ему верят, как и закону, заповеданному в Писании, т. е. в Библии.

шим и вторым пальцами ноги, а другая, дважды обвинившись вокруг икры, связывается потом с первой. Рахиль снимает бумажную ткань, которою окутана была ее голова, и берет из рук одной прислужницы сетку из пурпуровой шерсти, блестящую по краям золотом и серебром; металлический полукруг, из-под которого выказываются концы ткани, сдерживает сию сетку на затылке. Поверх короткой льняной сорочки, *синдона** (коего прозрачная тонкость покрывает ее, не укрывая от взоров), сорочки без рукавов и не доходящей до колен, накидывают на нее другую одежду, столь же легкую и прозрачную, но совершенно ее скрывающую в широких своих складках. Поднимается занавес и открывает внутреннее, таинственное убежище, где в тени пальм и финиговых деревьев, навевающих свежесть на воду, которая брызжет в мраморную купель, Рахиль предается удовольствию купанья, той роскоши, из коей нравы азийские и знойный климат Востока соделали для народов тамошних необходимую потребность и даже священный долг.

Не станем проникать взором в сие девственное убежище, которое не всегда было уважено одним из царей Израилевых: подождем той минуты, когда юная израильянка, предшествуемая своими прислужницами, оставляет купальню и входит в отдаленный покой, святилище нарядов. Покой сей отделен от спальни кожами тигров и барсов, обделанными с отличным искусством и служившими вместо стен и перегородок в домах богачей. Запах мирры, амбры, бизама³ и алое разносится там повсюду. Золотые урны, выработанные хитрою рукою, с прорезными крышками, испускают из себя благовонные пары. Вокруг ком-

* Исая.

наты чинно расставлены небольшие сосуды с узкою шейкой, из которых капля по капле вытекают находящиеся в них душистые масла. Видом сии сосуды продолговато-круглые; некоторые иссечены из ливанского мрамора, другие вырезаны из оникса⁴. Более же всего манят взор окатные зеркала, осыпанные жемчугом и драгоценными камнями*, то медные, то серебряные, то выпуклые, то вдавленные; прислужницы беспрестанно вытирают гладкую их поверхность губкою, которая смочена иссопом⁶. В небольших коробочках из золота, алоевого и черного дерева раскладены те многочисленные и дорогие вещицы, которые часто возбуждали гнев пророков: здесь есть и ожерелья, и кольца, и разнородные запястья, и цепочки, и серьги, и те украшения, кои женщины иудейские, верные блюстительницы древних обычаев Азии, привешивают к ноздрям своим. Жрицы сего храма нарядов и красоты женской держат у себя одежды разных цветов, из дорогий тканей, различного покроя, спорящиеся между собою великолепием, и привешивают их на канклин**, большой сосуд из меди, накрытый медною же решеткою, под которою благовония курятся на горящих угольях и проникают своим запахом ткани, положенные таким образом над вылетающими оттуда душистыми парами.

Это еще только приготовления к нарядам Рахили. Сидя по восточному обычаю на коврах, разостланных по полу, она вручает своим прислужницам волнистые кудри прекрасных, черных

волосов своих. Кудри сии навеваются над курильницами, кои сообщают им приятный запах; потом намазываются волосы маслом нарда⁷, мирры и кинамома. Я должен сказать всю правду: Рахиль и женщины ее не знали употребления гребня, необходимого орудия нарядов и чистоты. Прислужницы расчесывали белоснежными своими пальцами природные кудри, которыми видись волосы их госпожи. Осужденный на такое признание, я пересматривал, для просвещения моего неверия, немецкую книгу порядочной толщины и ужасной учености; заглавие оной: «Об употреблении гребня у жен иудейских» подавало мне законную надежду. Сочинитель, долго и долго поговорив о Далиле и подержав за волосы Сампсона⁸, вставив на сорока страницах диссертацию о медалях сирийских и взглянув в уборные комнаты афинянок и римлянок, оканчивает свое творение сими словами, которые показывают в ясном свете пользу написанных им дотоле двухсот тридцати страниц в 4-ю долю листа: «По строгому рассмотрении всего сего, окончательное мое мнение есть таково, что знатные иудейки чесали себе волосы своими пальцами»*.

По окончании сего девы связывают красными повязками волосы Рахили, которым искусство ее прислужниц сообщило доск агата и сладостный запах цветущих рощей Кашемира⁹. Подходит дева, держа в руке маленькую четве-

* Один французский ученый в высокомерии своем дерзает отвергать точность заключений немецкого ученого. Вот его собственные слова: «Время, которое в Египте, кажется, не имеет ни косы, ни крыльев, пощадило египетские гребни и, что еще замечательнее, тамошние парики. Их можно видеть и ныне во многих собраниях древностей. Странно было бы, когда б евреи, несколько веков жившие на берегах Нила, не переняли употребления сего полезного орудия».

* Моисей кн. II, 38,8⁵. Зеркала в его время были медные. Иов, 17, 18, говорит о серебряных зеркалах. Арабы в первые веки после Эгиры имели медные зеркала. Во многих кабинетах любителей древности находятся зеркала сии и поныне.

** Талмуд, 6, 77.

роугольную коробочку из слоновой кости, в которую положено масляное и душистое вещество*, расплавленное над угольями. Она обмакивает в сей аромат, цветом черный и лоснящийся, *макахол***, серебряную кисточку или лопатку, широковатую на конце и сделанную желобком, чтобы в ней могло держаться красильное вещество. Рахиль зажмуривает глаза, и дева проводит кисточкой между двумя рядами ресниц, осеняющих оные. Когда же Рахиль открывает очи, то обрисовывающая их двойная черная черта придает им новый блеск, как бы увеличивает их и сообщает им какую-то величавую томность и задумчивую приятность, коих прелесть легко выразумет тот, кому удалось видеть одну из красавиц Востока, заключенных ныне в гаремы. Таким же образом проводят кисточку по бровям Рахили; легкая их дуга становится оттого ярче, и девы стараются протягивать черту их так, чтоб они сходились и соединились под челом.

Потом юная еврейка встает и подходит к гладкому бронзовому зеркалу, стоящему в конце комнаты и совокупающему в себе лучи солнечные. Она сама осматривает, как прислужницы ее убрали; приказывает им сгладить остроконечный угол, образуемый соприкосновением двух черных дуг, которые они вывели над ее глазами, и соединить сии дуги змейчатою чертою странного вида, совокупающею обе брови легким перевивом. Она скидает утреннее свое платье, исподнюю сорочку и *хетонет****,

* Библия часто упоминает о сем обыкновении.
** Талмуд, б, 43.

*** На изваяниях Персеполиса¹⁰ и в рисунках и отметках разных путешественников можно видеть образчики сей одежды. Иерусалим во времена своего богатства и роскоши принял многие обычаи вавилонян.

коего имя напоминает *хитон* древних греков и римскую *тунику*; приказывает принести себе другую одежду такого ж покроя, но граздо уже, сотканную из тонкого шелковистого *виссона*¹¹*. Сия исподняя одежда снизу не доходит до лодыжки ног, а рукава ее едва касаются локтей, но сверху она очень высока и закрывает всю грудь. Застегиваясь позади очень тесно серебряною пряжкой, она оставляет угадывать, не выказывая нескромным взорам прелестные округлости, коими природа наделила прелестную Рахиль. Верхняя часть этой сорочки, весьма искусно и богато вышитая, являет удивленным глазам изображения цветов и плодов в золотых и серебряных узорах: она обшита фиолетовою бахромою, которая еще более отличает ослепительную белизну ткани и полувоздушную ее прозрачность.

(Окончание в след. №)

ТЕНИ ПРАОТЦЕВ

(Индийское предание)¹²

У райи¹³ занемог старший сын. Не медля нимало, райя, по всеобщему обычаю, учредил роскошное пиршество для умилостивления теней праотцев своих. По древнему сказанию, от праотцев происходит счастье и несчастье семейства, от них зависит болезнь и выздоровление. Звук свирелей и бубнов, клики

* *Виссон*.— Многие думают, что это была негоряемая ткань из амнанта или асбеста.

веселых собеседников пира сливались с глухими стенами страдальца.

Бедный брамин¹⁴, проходя мимо пиршествующей беседы, спросил о причине пира и вошел в храмину райи. Ничего особенно заметного не видно было в брамине; лишь смиренный вид, белая черта на челе и бамбуковая трость отличали его; но гласит предание, что святая мудрость избрала обиталищем голову сего брамина. Он приблизился к страждущему, произнес тихую молитву, поднес к устам его лекарственное питье, и умирающий возвратился к жизни, и горсти пшена бросили бедному брамину. Отец с торжеством возвестил собеседникам о выздоровлении сына; все вместе восхвалили могущество праотцев райи; молва о сем перешла из уст в уста, вера к теням праотцев подкрепилась новым доказательством; о брамине же никто и не вздумал.

Не прошло двух дней, и другой сын райи слег на смертную постелю. Снова учредилось пиршество, загремели бубны, и снова с их звуками сливались стоны страдальца. И снова бедный брамин посетил одр страждущего, произнес

молитву и поднес лекарственное питье. Но уже Брама огненными буквами начертал смерть на главе страдальца: перо, писавшее их, иссохло — и душа оставила страждущее тело.

«Вот убийца моего сына! — вскричал собеседникам раздраженный отец, влача за собою бедного брамина, — он отравил его своим питьем!» И молва о сем перешла из уст в уста; все смотрели на брамина, как на чудовище, затворили от него двери, и горсти пшена никто не бросал брамину за праг своего дома.

Гр.

ДЕНИСУ ВАСИЛЬЕВИЧУ ДАВЫДОВУ¹⁵

Я вызван из толпы народной
Всеzvучным голосом твоим,
Певец-герой! ты благородным
Почтил вниманием своим
На службе юного солдата;
О славе мне заговорил,
Призвал меня призывом брата
И лирой свету огласил!
Твоею дружбою, хвалою
Горжуся! Преданной душою
Тебя я чту, пока я жив!
Ты прав, Давыдов, я счастлив!
Счастлив: мне раненую руку
Пожал увенчанный герой,
И славою я обязан звуку
Ахилла лиры золотой.

Е. Зайцевский.

РАЗМЫШЛЕНИЯ И РАЗБОРЫ

(Соч. П. А. Катенина)

СТАТЬЯ II.

(Окончание)

Аякс, обделенный наградою от неблагодарного войска и неприязненных вождей, сходитствует несколько положением с Промефеем и Филоктетом; но его душа сперва изнемогла совершенно, разум его помрачился от гнева, и в смешном порыве бешенства избил он стадо животных; он оставил нескольких в живых, мечтая видеть в них ненавистных Улисса и Атридов, вооружился бичом для наказания их и в безумии хвалится своею мнимой победой. Сие первое появление героя, может быть, слишком унижительно; жалость к нему смешана с каким-то смехом, и трагедия с высокого котурна¹⁶ спустилась на землю. Неизбежный, как кажется, недостаток обращается вскоре в источник красот. Пришед в себя, устыдясь своих дел, герой решается умереть; он должен оставить нежную жену и сына в младенчестве, оставить их без помощи на произвол судьбы и озлобленных врагов, должен обманывать их для совершения самоубийства, казаться спокойным в отчаянии и утешать пред неутешным ударом. Все сие превосходно; Аякс и Текмесса нарисованы совершенно, и прощальная речь героя перед самоубийством образцовая. К сожалению, конец трагедии вял и растянут; с прибытием Тевкра тотчас по смерти брата начинается новое действие: спор с Атридами о погребении умершего и великодушное за него

ходатайство главного его врага Улисса. Тщетно оправдывать сию перемену участия частными красотоми; они не у места; тщетно ссылаться и на религиозную важность похорон у древних: важность сия и в наших нравах весьма понятна, но дело не в том. Критики-защитники опираются на «Антигону», где все действие основано на предпрятии сей царевны схоронить Полиника вопреки указу Креона и на казни ее за исполнение священного долга; но там участие одно неизменно и беспрестанно возрастает, переходя от погребения мертвого к погребению живой. В «Аяксе» же напротив: главнейшее свершилось, герой наложил на себя руки, и мы желаем одного: чтобы вдова и сирота нашли скорее защитника. Он является в лице Тевкра, сего довольно; занавес должен опуститься и скрыть от нас лишние, непристойные прения ожесточенных гонителей, тем паче, что они наконец уступают и вражда их не производит ничего.

Несмотря на сие, я предпочитаю «Аякса» «Антигоне»; в последней не нахожу я тех высоких достоинств, той чистоты очерка, той природы и простоты, что в первом. Отвратная жестокость Креона, подлость старцев, составляющих хор*, юношеский пыл Гемона, малодушие и потом раскаянье в нем Исмены, мужество Антигоны, развязка, ужасная гибелью целого семейства, все это по мне слишком мрачно, ярко, подвижно, эффектно для сцены древних и более похоже на вкус Эврипида и новейших трагиков, нежели на обычную тишину творца «Аякса», «Филоктета» и двух «Эдипов».

* Хор в «Антигоне» пристрастен, несправедлив, не согласен с чувствами зрителей: единственный пример во всем греческом театре, еще бы вероятный у Эврипида, но совершенно изумляющий в Софокле.

Сие имя первое представляется воображению, когда речь идет о Софокле. И действительно, две трагедии, в коих представил он таинственную, страшную и наконец умиленную судьбу, властную над деяниями, бессильную над волею человека, суть достопамятнейшее творение второго из греческих трагиков. Правда, что важность и глубина предмета сильно содействовали к торжеству художника, но зато они же и требовали гения необычайного для исполнения; теперь, конечно, легко, переводя Софокла сценами, производить отчасти то же действие, но самый успех подражателей там именно, где они сумели не отступить от образа своего, служит ему же похвалой. Постепенное раскрытие страшной тайны отцеубийства и кровосмешения в первом «Эдипе», любопытство царя, на опыте основанное презрение Иокасты к предсказаниям, угрозы оскорбленного за правду Тирезия, простодушие двух пастырей, коих сострадание к младенцу в гибель ему обратилось, составлены так искусно в одно целое, возбуждают участие столь постепенно и непрестанно, что вряд ли на каком театре найдется в отношении хода что-либо подобное. Одна только в нем погрешность: бесполезное обвинение Креона; и здесь не согласен я с пристрастным заступлением некоторых критиков, оправдывающих это гневливый характер Эдипа. Его нравственные свойства маловажны в сравнении с его невольным преступлением и несчастием; все, что развлекает внимание зрителя к ним, вредит впечатлению и смыслу трагедии.

«Эдип в Колоне» в отношении к «Эдипу-Царю» то же, что «Одиссея» к «Илиаде». Содержание чрезвычайно просто: невольный преступник, несчастнейший из смертных, судьбою гонимый, сам казнивший себя слепотою, бесчеловечными сынами и бесчувствен-

ным народом изгнанный из своего дома и отчизны, ищет могилы на чужбине. Нежные дочери, спутницы нищего отца, привели его по неисповедимой воле богов в землю счастливую, изобильную всеми благами жизни и, что более, обитаемую народом благим и гостеприимным, царем мудрым и благочестивым. Преступный Полиник и злой советник Креон приведены туда же, каждый своей нуждою; и тщетно моление того и насильство другого: правый торжествует, и виновники со стыдом удаляются. Сколь строго было испытание богов над Эдипом, сколь страшен пример, поданный в нем слепой гордыне человека, столь же велика награда страдальцу: смерть чудесная, святая, за которую воображение представляет себе вечный и безмятежный покой. Добродетельные дочери остаются под защитою великодушного народа, отныне непобедимого, ибо гроб Эдипа оставлен ему навсегда залогом побед. Есть предание, будто Софокл, под старость укоряемый в безумии детьми, читал судьям в оправдание часть сей трагедии и был громко оправдан всеобщим восторгом народа; по крайней мере так быть могло: кроме достоинств повсеместных, здесь так много лестного для афинян в особенности, что трудно бы им было не восхититься сим бессмертным творением. Советую всем, кто не довольно знаком с греками, прочитать со вниманием отзыв Шлегеля о сей трагедии; сей отличный критик понял ее красоты и умел их выразить с красноречием редким, на которое мне остается только указать. Достойно замечания, что в малом количестве трагедий русских, заслуживающих остаться на сцене, находятся «Эдип-Царь» и «Эдип в Афинах»¹⁷.

«Трахинянок» (смерть Иракла) Шлегель колеблется признать за сочинение

Софоклово: слишком строго. Есть у него трагедии лучше, правда; но одно лицо Деяниры уже показывает великого художника.

Не знаю, кому принадлежит «Рез», но едва ли Эврипиду, под чьим именем он известен: и достоинства и пороки сей трагедии отнюдь не в его роде.

Об Эврипиде судит Шлегель, конечно, весьма неблагоприятно, но по большей части основательно и дельно; и нашего времени романтики, признающие немецкого критика своим учителем и славою, хорошо бы сделали, если б, прочитав со вниманием замечания его, употребили в наставление себе. В самом деле, все пороки, замеченные им в Эврипиде: неуважение к славным предшественникам и иногда насмешки над ними, желание прежде всего понравиться и попасть на вкус современников, угождение чувственным наклонностям и временным прихотям на счет непрменных правил искусства, истины, простоты и приличия, предпочтительный выбор предметов новых, неслыханных, невероятных, любопытных — все эти замашки, общие у всех литературных раскольников, как бы они ни назывались, у всех пишущих на новый лад, потому только, что он нов, на то время в чести и что так писать и легче и прибыльнее. Современник и соперник классика Софокла, Эврипид, был точно афинский романтик; оба имели своих особых почитателей, но числом у Эврипида больше; он в раннем потомстве признан был образцом драматических стихотворцев, и безгрешный Аристотель (Шлегель того времени) провозгласил его торжественно всех более трагиком: позднее потомство едва ли уже не перерешило.

Из поэтов многих, с кем та же беда по тем же причинам случилась, всех разительнее пример Эврипида, ибо сверх ложного блеска, которым он слепил

глаза в свое время, видно в дошедш до нас его творениях (а многие лучших пропали) дарование чрезвычайное, чудное знание сердца и страсти очаровательная прелесть в речах и разговорах. Природа точно создала е первым трагиком всех веков и земель и он сам виноват, коли между своим занимает теперь только третье место. В отношении к новейшим сочинителям конечно, дело другое: один Расин мог бы войти в состязание благодаря последним, зрелым плодам своего гения двум библейским трагедиям, чисть от всех придворных и французски зараз¹⁸; что же до Шекспира, то, предполагая в нем и равный с Эврипидом врожденный дар, легко видеть всяком кто умышленно не зажимает глаз, что он по всем обстоятельствам не имеет ни тех сведений, ни того изящно вкуса, ни даже того терпения и досуги без коих никакой гений не сотворит трагедии, достойной у беспристрастных и знающих судей стать наравне с Мелпоменой афинской.

Опричь сомнительного «Реза», дошло до нас семнадцать Эврипидовых трагедий; но кроме неудачной «Электры

нет ни одного из тех содержаний высоких, важных и, так сказать, крупных, которыми занимались Эсхил и Софокл; вместо их семейственные картины: «Андромаха», «Медея»; философические против суеврия: «Ифигения в Авлиде», «Гекуба»; политические на обстоятельность: «Просительницы», «Ираклкиды»; с великолепным спектаклем: «Троянки», «Вакханки»; с театральными ударами: «Бешеный Иракл», «Орест», «Финикиянки» и напоследок драматические сказки: «Ион», «Елена», «Ифигения в Тавриде». В целом далеко лучшие суть «Иполит» и «Альцеста»; в прочих заслуживают похвалу, конечно, места, но места превосходные. В множестве нельзя указать на все; в числе известнейших от частых переводов и подражаний явление Поликсены в «Гекубе»; оно прекрасно, но есть еще лучшие, например: явление матери Пенфея с головою сына в руках в «Вакханках», плач Андромахи над Астианаксом, осужденным на смерть, в «Троянках» и начало «Ореста», где он лежит больной под присмотром сестры. Такие сцены стоят несравненно дороже целых трагедий посредственных, даже хороших, принимая это слово в обыкновенном его употреблении.

Эврипид имел знаменитого поклонника и подражателя в Расине. Многие спрашивали: почему, переделав четыре трагедии сего творца, он не заимствовал ни одной у остальных двух трагиков афинских? Я полагаю, потому, что, одаренный необыкновенным чувством приличий, он убедился, что содержания, подобные «Ифигении» и «Федре», гораздо удобнее переносятся на сцену французскую, нежели чуждая новейшим понятиям судьба Эдипа, злодейство Клитемнестры, немилосердное мщение ее детей, безумие Аякса, телесное страдание Филок-

тета и сверхъестественное величие Промефея.

«Киклоп» Эврипидов — единственный образчик, оставшийся нам от целого рода греческих драм, называемых *сатирами*, не потому чтобы в них было, что мы по другому словопроизводству сим именем зовем, но по составу хора в сих пьесах из сатиров, леших Эллады. В состав сих драм входили все события героических времен не совсем трагические, с примесью комического и сельского быта. Нет сомнения, что многие из сих сатир, над коими трудились те же бессмертные стихотворцы, должны были вмещать в себе тьму красот идеальных, грекам особенно сродных. Шлегель думает, что первая часть трилогии «Промефея», где сей титан грубым еще и диким людям приносит небесный огонь, была сатира: если так, чего нельзя от ней ожидать! Крайне жаль, что такие сокровища пропали, но нечем пособить. Содержание «Киклопа» взято из «Одиссеи», трагическая половина имеет достоинство, и роль Улисса вообще хороша, но шутки греческих козлоногих¹⁹ на всякий вкус не придутся.

Комедия у греков была, как известно, не одна, а две, и столько различные между собою в существе своем, что их не следовало бы называть одним именем, отчего произошло много недоразумений и бесполезных споров. *Комедия древняя*, коей образцы дошли до нас в творениях Аристофана²⁰, была в драматической поэзии точно то, что английские карикатуры в живописи; в ней было пропасть ума, остроты, соли, политической и литературной сатиры; недоставало только природы. Я уверен, что, родясь афинским гражданином, я бы дорого ценил ее как союзницу народной свободы, смелую обвинительницу всего вредного, веселую гонительницу всего нелепого; сожалел бы о запрещении ее по указу подозрительных власто-

любцев, подручников Лакедемона²¹; постигаю и теперь, как важны остатки ее для историка, законоведника, археолога, но не могу постигнуть, чем восхищаются в ней нынешние эстетики. Внутреннее ее достоинство, ее душа, состояло именно в том, что в ней было местного, одновременного, на случай сделанного и сказанного; большая часть этого не про нас писана, и остальное только что понятно, но даже ничуть не забавно, а наружный вид ее, или тело, как во всякой карикатуре, грубо и безобразно, холодно частою примесью аллегорий, не пристойно отвратно умышленным искажением природы и человека. Эллинисты восхищаются чистотою языка в Аристофане и лирическими красотами некоторых его хоров: верю, но сии достоинства не касаются предмета, о котором здесь речь идет.

Новая комедия греков дошла до нас не в подлинниках, а в латинских подражаниях Плавта²² и Теренция²³, почему и оставляю себе говорить о ней при взгляде на римский театр.

Мудрено судить о лириках тому, кто не читал их на их языке. Анакреон²⁴ и немногие сохранившиеся стихи Сафы²⁵ слишком известны по множеству переводов и подражаний; имена их даже слились в употреблении общем с двумя отраслями эротических стихотворений, и назвать их превосходными, каждого в своем роде, было бы не новое никому. Пиндара²⁶ знают гораздо менее, ценят гораздо несогласнее; иные, как Лонгин, ставят его на высшую степень пиитической славы²⁷, другие (правда, не знающие по-гречески) видят в его одах галиматью; я недовольно короток с ним, чтоб разделять по чувству мнение первых, и боже упаси меня от дерзости вторых! Замечу только, что едва ли не по предубеждению все, даже Боало²⁸, толкуют об искусственном беспорядке, о прорывах, скачках и прыжках Пиндара;

если б, судя о поэте, позволено было употреблять метафоры, я бы скорее применил движение од его течению многоводной реки, пространными изгибами медленно стремящейся к цели, веселящей взоры пловца обилием и разнообразием берегов.

За правило поставив себе говорить о том только, что знаю как должно, я едва упомяну о древнем Гесиоде²⁹ и о новейших эпиках греческих: Аполлонии³⁰, Квинте³¹ и Нонне³². Эллинисты прославляют в них множество красот; убежденный в превосходстве греков, верю и жалею, что, два раза покушавшись выучиться эллинскому языку, отстал, узнав, что не во всяком возрасте даются языки человеку.

Мне остается сказать еще об одном гениальном греческом поэте: о Феокрите³³. Его идиллии, или мелочи, составляют весьма небольшую книгу, но драгоценную. Царь латинских стихотворцев/Виргилий, подражал ему столько же усердно, как и самому Гомеру; и тут, может быть, Феокрит оказался еще более неподражаемым, нежели сам отец стихов. Идиллии Феокритовы чрезвычайно разнообразны: «Аргонавты» кажутся отрывком из «Илиады», «Иракл» живо напоминает «Одиссею»; «Киклоп» и «Волшебница» едва ли не превышают в изображении страстной любви все, что нам древность передала, «Сиракузянки» — прелестная маленькая комедия, «Брачная песнь Елены» — чудо в своем роде; но большая часть идиллий просто сельские, и в них особенно удивления достоин дар их творца: сколько простоты, жизни и поэзии! Смело можно сказать, что они навсегда останутся единственным, досадным образцом для вуколических писателей и что счастлив, кому удастся хоть близко подойти к их совершенству. Исключая Виргилия, Феокриту не было счастья на переводчиков; ни на каком языке

его творения не переданы достойно; у нас же об этом и подумать нельзя, особливо нынче, когда мода романтизма отвлекает всех от самого чтения классиков, не только что от бесплодного труда их перелагать, за который никто и спасибо не молвит.

Бион³⁴ и Мосх³⁵, последователи Феокрита, оставили по себе тоже прекрасные идиллии, несравненно лучшие всех после написанных; но от них до него то же расстояние, какое от самых лучших эпиков других до Гомера.

Прейду молчанием греческую «Антологию»³⁶, ибо что можно сказать вкратце о множестве безделок, разными людьми и о различных весьма предметах написанных? Вообще там хорошего много, но отменно хорошего мало.

БИБЛИОГРАФИЯ³⁷

NOUVEAU DICTIONNAIRE DE POCHÉ FRANÇAIS-RUSSE ET RUSSE-FRANÇAIS, précédé d'une Grammaire abrégée de chacune de ces deux langues, et suivi d'une table des noms de baptême les plus usités, d'un index géographique et d'un tableau comparatif des poids, mesures et monnaies des deux nations. Par Auguste Oldecop.

(Новый карманный словарь французско-российский и российско-французский,

с приложением в начале сокращенной грамматики каждого из обоих языков, а в конце таблицы употребительнейших христианских имен, указателя географического и сравнительной таблицы весов, мер и монет русских и французских. Составленный Евстафием Ольдекопом³⁸. — Том 1-й, содержащий в себе С л о в а р ь ф р а н ц у з с к о - р о с с и й с к и й.) — С.П.б., в типогр. заготовления государственных бумаг, 1830 (XXXIX— 664 стр. в 16-ю д. л.)*.

Сей первый том начинается сокращенною российскою грамматикой, с текстом на французском языке. Это, в малом объеме, грамматика г. Греча³⁹, переведенная г. Рейфом⁴⁰: те же слишком отвлеченные определения, та же сбивчивость правил и та же неправильность в переводе некоторых технических названий, в какую впадал г. Рейф. Словарь, следующий за сею грамматикой, очень полон (если допустить исключение некоторых слов, сделанное г. Ольдекопом) и был бы удовлетворителен, когда бы многие слова не были переведены на русский язык неправильно, неточно, иногда же почти и никак не переведены, ибо то же иностранное, малоизвестное слово с русским окончанием нельзя считать за перевод. Еще одно замечание: русский язык иногда терпит под пером Г. Ольдекопа, и в издании заметны некоторые недосмотры, которых всячески должно избегать в книге, получающей всю цену свою, кроме вышеизъясненных условий (правильности, точности, осмотрительности перевода), и от верности типографической. Ошибки в подобных книгах необходимо вовлекают в ошибки и

* Продается у издателей, г.г. Белизара и комп., на Невском проспекте, в д. Глазунова, над Милутиными лавками, в книжн. магазине № 15 и 16. Подписная цена за оба тома 12 р., по изданию же 2-й части словарь сей будет продаваться по 15 р.

тех, которые употребляют сии учебные пособия. Укажем на некоторые погрешности, кои составитель или издатели сего словаря должны исправить, если желают, чтобы книга их приносила ожидаемую пользу. (Стр. 102) *Clabadeur*, крикун, *воркотун*, брызга.— В русском языке нет глагола *воркотать*; производн. же от глаг. *ворчать*: *ворчун* или *воркун*. (103) *Clicher*, *стереотипить*. Что значит этот нерусский глагол с русским окончанием*? — (109) *Commun*, *общество*. Слово сие означает *чернь* или *толпу*: *Le commun des hommes*. И на той же странице находим *communauté*, снова *общество*. Это более значит: *сословие*. (111) *Compotier*, *банка для варенья*, тогда как в столовой посуде это особенной формы чаша, в которой подается компот (русские бюфетчики называют ее *компотником*). (136) *Cric-crac*, *междометие*, коим выражается треск при переломе, как *трр*. — *Трр*. в русском языке говорится, когда хотят выразить обрушение чего-нибудь, напр. здания или стук колес, а *cric-crac*, в смысле звука при переломе, говорим мы: *хруп* (*хруп* — и *переломил*); в смысле резанья ножницами: *чик*, (185) *Eclectique*, *эклeктический*; *philosophie éclectique*, *эклeктик*. — *Eclectique* значит: не придерживающийся в особенности никакой системы, а выбирающий из них лучшее по своему разумению. *Εχλέγω* *выбираю*. *Ecole eclectique*, в живописи, означает *сборную школу*, в которой художники принимают за образец самое изящное во всех школах итальянских, фламандской, французской и пр. (Там же) *Eclectisme*, *эклeктическая философия*. — Слово сие обыкновенно употребляется за *многосторонность* в

мнениях, без пристрастия к какому-либо в частности. (193) *Emblématique*, *эмблематический*, *преобразовательный (!)* — (Там же) *Embuche*, *козни*, *сети*. — Это слово, в собственном смысле, значит: *западня*, *пасть*, *волчья яма*. (328) *Majorité*, *совершенный возраст*. — У нас есть для сего принятое слово: *совершеннолетие*. (329). *Mal-famé*, *злoименитый*, *бесславный*. Это просто значит: *ославленный*. (345) *Métropole*, *епархиальный город*, *кафедральная церковь*; *метрополия*, *главная земля*, *от коей произошла колония*. — А употребительнейшее значение сего слова пропущено. Французы чаще всего говорят *La Métropole* в смысле *столицы*. В последнем же из приводимых сочинителем словаря значений они обыкновенно употребляют выражение: *La tête-pâtée*. (369) *Nippes*, *наряды*, *уборы*. — Это вообще значит: *рухлядь*, *скарб*, и под словом сим разумеется *платье*, *белье* и т. п. (385) *Ossu*, *костливый*. — Нет; слово сие означает: *костистый* (*qui a de gros os*). *Костливый* по-французски: *osseux*. (585) *Trace*, *колесовина*. Говорится: *колевина*. (586) При слове: *Train* сперва поставлено *m. (masculin)*, а потом, при переводе разных значений того же слова, несколько раз *f.* Что это? *неужели féminin?* (Там же) *Trainée*, *следка*. Такого слова нет в русском языке. (Там же) *Trainard*, *человек не деятельный*. — Это просто значит: *ленивец*, *откладывающий дело в долгий ящик*. Выражения в словарях, при переводе слов с одного языка на другой, должно выбирать самые точные. (Там же) *Traineur*, *птицелов*, который ловит *тенетою*. Ловить *тенетою*, так же невозможно, как *ездить в сане* или *сесть на дрожку*, вместо *в санях* и *на дрожки*. *Тенета* — слово, говорящееся во множественном числе. Единственное же число его, если оно и существует, должно быть среднего рода.

* По лексикону Буаста⁴¹ глагол *clicher* значит: *оттиснуть набранною формою букв на расплавленном металле какую-либо страницу для приготовления стереотипной доски*.

СМЕСЬ

⁴² Кажется, русским любителям чтения скоро не будет более причины жаловаться на недостаток оригинальных русских романов. Теперь у них в руках «Юрий Милославский», исторический роман г. Загоскина, и «Димитрий Самозванец», исторический же роман г. Булгарина. Нам известно, что П. П. Свиньин⁴³ также пишет исторический роман «Шемякин суд», в коем описываются нравы россиян XV века и некоторые достопамятные происшествия, как то: прекращение раздоров между удельными князьями и ослабление влияния греческого двора избранием первого русского митрополита Исидора. В эту же самую эпоху впервые появились в России цыганы, пришедшие в Европу в XI столетии.

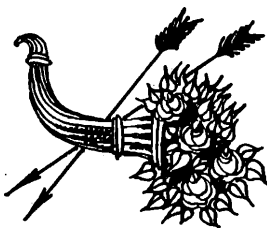
А. Погорельский, автор «Двойника», сочинил роман «Монастырка», который уже печатается⁴⁴. Живость картин, верность описаний, счастливо схваченные черты нравов малороссийских и прекрасный слог — вот замеченные нами достоинства в отрывках сего романа, которые нам посчаст-

ливилось прочесть прежде появления оного в целом.

⁴⁵ На нынешней неделе поступил в продажу «Невский альманах» на 1830 год, издаваемый г. Аладыным⁴⁶. В одном из следующих № «Литературной газеты» мы сообщим нашим читателям подробный отчет о статьях, составляющих оный.

⁴⁷ К существующим в Варшаве польским типографиям прибавилась еще стереотипная, из которой в прошедшем году вышло два тома Давидовой «Псалтыри», преложенной Ф. Карпинским⁴⁸. Формат сей книги весьма удобен, вид букв, их расстановка и четкость, вероятно, не подадут повода жаловаться на польские стереотипы. Относительно к исправности сего издания скажем, что издатель (граф Валериян Красинский⁴⁹) не был бы в большом накладе, если бы он, подобно Дидоту⁵⁰ и Таухницу⁵¹, объявил, что платит за каждую опечатку.

(Из: Tygodnik Petersburski.)

ВТОРНИКЪ.

ТОМ. I. №. 12.

ФЕВРАЛЯ 25го.

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА.

Выходитъ
черезъ
каждое наше число

1830 ГОДЪ.

Цена годовому изданію,
состоящему изъ 72-хъ
№., въ С. П. В. 35 руб.
съ пересылкою и разно-
скою 40 рублей.

Во *Мартъ* Газета сія выходитъ въ слѣдующіе дни: 2-го числа (въ Воскресенье), — 7-го (въ Пятницу), —
12-го (въ Среду), — 17-го (въ Понедѣльникъ), — 22-го (въ Субботу) и 27-го (въ Четвертокъ).

УБРАНСТВО знатной еврейки

(Окончание)

Прислужницы долгое время старательно и затейливо собирали мелкие складочки на переди этого легкого платья. Потом они поставили перед Рахилью несколько пар сандалий, кои все были сходны между собою покроем и все отличались друг от друга прикрасами и цветом. Ремешки и тесьмы, которыми они завязывались, были то красные, то желтые, то синие, иногда даже разноцветные, теневые. Одни из сандалий прикреплялись к ноге металлическими цепочками, другие золотыми и серебряными пряжечками, сделанными наподобие орлиного носа или ястребиных когтей. Рахиль выбрала пару сандалий, в коих искусная рука ухитрилась сделать перевив, представлявший решетку пурпурового цвета, и которые, охватывая ступень и подъем ноги, не закрывали оных, а только оттеняли белизну тела; осыпанная дорогими камнями пряжка препятствовала им спадать с ноги. Рахиль, немного пройдя по своей уборной комнате, весьма хвалила искусство тирских художников, которые делали столь прекрасные вещицы¹.

Вторая туника², гораздо длиннее первой, но не столь высоко захватывающая около шеи, так, что из-под нее выказывалось шитье сорочки, принесена была после. Ярко-алые цветы рассеяны были на ней по белому полю: рукава очень широки, и одежда сия составляла множество складок вокруг тела прелестной израильтянки. Края рукавов обнизаны были дорогими камнями, золотым шитьем и маленькими сереб-

ряными звездочками, вокруг же обложены были весьма широкою пурпуровою бахромою и нашитыми по местам перлами и самоцветными камнями. На хвосте сей влачащейся одежды нашито было несколько рядов или кругов из кованого и полированного металла, препятствовавших ему развеваться по ветру; под сим украшением, придуманным с пользою целью, шитье золотом и жемчугом, представляющее лик луны и солнце, служило накладкой и бахромой сему великолепному одеянию, коего просторность придавала Рахили тот вид величия и пышной осанливости, каковыми Иеремия столь часто укорял горделивых дочерей Иудиных.

Нужен был еще пояс, чтобы сдерживать складки на платье и обрисовывать стройный стан Рахили. Никакая вещь из убранства знатных жен еврейских не была столь богато изукрашена, как сия. Прекрасная израильтянка велела подать себе ларчик, заключающий в себе все разнообразие сих украшений: в нем находились пояса всякого размера и всех цветов, от двух до пяти дюймов шириною и от 30 до 40 футов длиною. Хитростию искусства, которую переняли или, может быть, вновь изобрели новейшие, сии украшения были приноровлены таким образом, что, опоясываясь несколько раз около тела, на многочисленных кругах своих являли они взору рисунки мест, людей и эмблематические изображения, которые тогда только получали правильный вид, когда пояс был на своем месте и когда хитрою рукою подобраны все составляющие оной части. По сему-то образцу придуманы опахала наших дам; и мы видывали также небольшие картинки, нарисованные на обрезе некоторых книг, переменяющие вид и производящие различное действие на зрение наше, по мере того, когда закрывают или открывают книгу, сжи-

мают ее или распускают веером. Пояс, выбранный Рахилью по кратковременной нерешимости, был алый, одного оттенка с цветами, рассеянными по ее платью; ткань его, из тонко выпряденной бумаги, замечательная своею шириною, украшена была плетеницами восточных цветов, искусно вышитых серебром. Когда сей пояс*, надетый весьма низко, обхватил гибкий и прелестный стан юной иудейки и когда застегнули под грудью концы его, обложенные бахромою, которая, рассыпаясь по сторонам, мешалась с последними складками одежды, — тогда можно было подумать, что то была богиня сирийская, которой красота привлекла ей служение евреев отступников и заняла место подле самой Киприды в очаровательных баснях Греции.

Между тем часы утекали, и звук псалтирей³ и кимвалов⁴ отозвался в слухе Рахили, которая боится опоздать во храм святой, куда уже стекался народ и где должны отличаться блеском ее соперницы. Она хочет, чтобы прислужницы ее спешили еще более. Ей приносят великолепный головной убор, который она впервые наденет. Видом похож он на шлем; сзади длинный снурок из синего шелку с золотом упадет на плеча; спереди, на том месте чела, где начинаются волосы, многие нитки шелку, завязывающиеся на затылке, поддерживают горизонтально три полукруглые витка из льняной ткани, столь же тонкой и белой, как кисея. Пурпуровая лента перевивается по пространству между сими витками, красиво расположенными, и пролегает по разным округлостям головного убора; наконец, другая пурпуровая ткань, не столь яркого цвета, положенная с противной стороны, пересекает под прямым углом перевивы ленты и дополняет сей пыш-

ный убор*, поверх коего блестит медный шлем, и перо, от которого распущенные складки ткани развеваются дуновением ветра по воздуху.

К сему наряду, который с прелестью, с роскошью азийскою соединяет в себе некое чудное, мечтательное величие и какую-то воинственную сановитость, присовокупляется другой убор, как бы напоминающий духовный и горделивый характер, коим запечатлено было все племя иудейское. То был золотой венец, тонкий и блестящий обод, в котором вставленные перлы изображали письмена священные и который, окружая, но не закрывая чело Рахили над самыми бровями, скрывался под шлемом; на висках к этой повязке** прикреплены две цепочки из кораллов, кои спускаются по очертанию ланит и соединяются у подбородка. Это украшение народное и отличительная черта жен иудейских. Лица их, обыкновенно продолговатые и сильно выразительные, *вставлялись* (если смею употребить это слово) в сия рамы перл, кораллов и золота с особенною прелестью. И если мы не присоветуем сего украшения женщинам круглолицким, коих лицо ничего бы от этого не выиграло, то думаем, что сия двойная коралловая цепочка, упавая по обе стороны лица, весьма бы пристала лицу, у коих лица продолговатые, ибо лицо от сего казалось бы круглее и скрадывалось бы излишне остроконечное очертание оною низу.

Думаешь ли ты, читатель, и в особенности вы, кои по своему полу еще более подстрекаемы любопытством проникнуть в священные и глубокие таинства нарядов, существовавших за двадцать три века пред сим, думаете ли вы, что убранство Рахили совсем уже кончено?

* Исайи, 3, 21.

* Талмуд, 6, 39.

** Талмуд, 6, 39.

Вы весьма ошибаетесь. Мы видели только первое действие сей драмы, толико важной в жизни женщин всех веков и всех народов. Рахиль принадлежит к одной из тех благородных фамилий, которые пользуются всеми благами земными и, в силу наследственного права, видят прочих людей, ползающих по земле на необъятном расстоянии от них. Роскошь, великолепие сродны Рахили с юных ее лет; сия дщерь знаменитого рода не постигает, как можно ходить не в украшенных золотом сандалиях или пить из глиняного сосуда? Посему не должно удивляться медлительным и расточительным ее заседаниям в уборной. Прошло то время, когда девы иудейские засыпали в кочевом шатре, закутаные в широкую епанчу, без всяких других украшений, кроме природной красоты своей и, может быть, легкого пояса, обвязанного вокруг их тела. Колено Иудово не кочует более: пустыня престала уже расстилаться под утомленными стопами сынов его: вся пышность монархий Ассирийской и Вавилонской передана Иерусалиму. «Бог скоро казнит его, — восклицает Иезекииль, — за высокомерие дщерей его и за сладострастную роскошь их одежды».

Но возвратимся к нашей израильтянке. Последние заботы ее о нарядах составляли украшения самые приманчивые и пышные. Она разложила перед собою и сравнивала одни с другими разные дорогие вещицы, которые удивляли взор своим числом и разнообразием. Между ними были кольца, вдеваемые в уши, равно как и другие украшения, к тому назначенные, большого размера и разделенные на две части, из коих одна серебряная, продолговато-круглая и плоская, другая золотая, подерживаемая первою и сделанная наподобие малой чары или урны*; такова была пара серег, выбран-

ная прекрасною иудейкой. Прислужницы ее, продев сии серьги в скважины, для них назначенные и где дотоле место их занято было небольшими круглячками из черного дерева, дабы тело не срасталось, вдели в уши Рахилины и еще несколько серебряных колец поменьше, и не только в нижней оконечности ушей, но и вокруг верхней оных части, в которой, по странному обычаю, сохранившемуся в Азии, проколото было по несколько маленьких скважин.

Если это необыкновенное украшение вас удивляет, то скоро удивление ваше еще увеличится. Не в одном хряще уха, но и в хряще носа, более нежном и гибком, привешиваются золотые кольца руками женщин Рахилиных. Одно из сих колец столь велико, что обхватывает нижнюю и верхнюю губы, оставляя, однако ж, устам свободу движений. Когда Рахиль идет, то все сии вещицы сотрясаются и звенят; такой звук и донныне нравится женщинам Востока, и им вторятся, как известно, мерные пляски баядерок*⁵.

Засим надевала Рахиль многие запястья, сделанные из тонкого золота и серебра, с пряжками из дорогих камней. Запястья сии покрывали всю руку от кисти до самого локтя. Рахиль надела их таким образом, что самые узкие из них постепенно отдалялись от кисти. Нитка мелкого жемчугу, перенизанного с крохотными серебряными колечками, прицеплена была к пряжке самого крайнего запястья, и Талмуд**⁶, коего достойному уважения свидетельству не станем мы противоречить, возвещает, что звон сих колокольчиков, потрясаемых руками красавиц израильтянских, часто бывал

* См. путешествия по Индии сира Дж. Малкольма⁶ и т. п.

** Талмуд, 8,5.

* Талмуд, 6, 43.

знаком любви и призывом к наслаждению.

К сим характеристическим украшениям должно причислить и несколько обручей из полированного серебра, надевавшихся на ноги повыше застежек, коими заснурованы были сандалии. С привешенными к ним медными цепочками, бьющимися об металл, у кого они находятся, сии ножные запястья манят к себе взор, когда складки одежды приподымаются во время шествия, и с каждым шагом носящей их красавицы поражают слух чудным дребезжаньем.

Широкое ожерелье, состоящее из многих ниток жемчугу, перенизанного с золотыми, внутри пустыми шариками, изображающими разные зерна, надето на шею Рахили и ниспадает на грудь ее между хитоном⁷ и полураспахнутой одеждой, из-под которой видно богатое его шитье. Ожерелье сие описывало неравные круги: Первая нитка обвивалась около шеи Рахилиной, а последняя спускалась до самого пояса. Маленькая серебряная луна и золотая вещица, представляющая солнце*, оканчивали последнюю нитку сего ожерелья, коему служили они замочком**. Наконец видны были на многих местах других ниток золотые змеи, повешенные на шелковинах сего ожерелья, а маленькая фиола из оникса ослепительной белизны, прикрепленная цепочкой к замку, о коем сказано было выше, дополняла сие многоценное украшение, с коим реки алмазов, носимые женщинами наших стран и нашего времени, едва ли сравнятся великолепием.

В сем-то блестящем, праздничном убранстве Рахиль под длинным, до половины приподнятым покрывалом

явилась во храме. При выходе ее из дома прислужницы накинули ей на плеча *симлах*, или четверугольную епанчу фиолетового цвета, соответствовавшую нынешним шалям, которые, как известно всякому, вывезены в Европу из Азии. *Симлах* был без всяких украшений и назначался для того, чтобы составлять противоположность с пышностью прочих нарядов, вокруг коих обвивался он в приятных для глаз складках. Пряжка, застегивающаяся на правом плече, сдерживала сей род мантии.

Если б я был охотник до ученых изысканий, то мог бы за каждую частицей убранства Рахили присовокуплять весьма остроумный комментарий, который заключал бы в себе полную историю всего упомянутого здесь. С некоторыми повторениями и с легким пособием отступлений и вставок я мог бы, по образцу ученого г. Гартманна Лейденского⁸, втиснуть все сие учение об иудейской уборной комнате в три тома *in octavo*⁹, содержащие в себе тысячу восемьсот девяносто три страницы, с оглавлениями, с таблицами, ссылками и дополнениями, но меня не стали бы читать. Я рассказал на нескольких страницах именно все то, что заключают в себе его три тома. Дамы наши, которых напугала бы его ужасная ученость, узнают от меня, как наряжена была Эсфирь и какое оружие присовокупила Юдифь к смертоносному своему кинжалу¹⁰. Не отчаиваюсь в первом публичном маскараде встретить какую-либо из моих соотечественниц в костюме Далилы, с кимвалами в руках и так, как я описал свою героиню: тогда я увижу, что я способствовал общественному удовольствию, и возгоржусь моим влиянием на век мой.

(Из «Blackwood's Magazine».)

* Тертуллиан.

** Талмуд, 5, 42.

СТАНЦЫ¹¹

В часы забав иль праздной скуки
Бывало, лире я мосей
Вверх ял изнеженные звуки
Безумства, лени и страстей.

Но и тогда струны лукавой
Невольно звон я прерывал,
Когда твой голос величавый
Меня внезапно поражал.

Я лил потоки слез нежданных,
И ранам совести моей
Твоих речей благоуханных
Отраден чистый был елей.

И ныне с высоты духовной
Мне руку простираешь ты
И силой кроткой и любовной
Смиряешь буйные мечты.

Твоим огнем душа палама
Отвергла мрак земных сует,
И внемлет арфе Серафима
В священном ужасе поэт.

А. Пушкин.

19 января 1830. С.П.б.

О ФИЗИЧЕСКОМ ДЕЙСТВИИ МУЗЫКИ

(Соч. г. Фети*¹²)

Влияние музыки на ощущения души столь известно, что нет нужды доказывать существование оною. Но кроме сей нравственной силы, которую неоспоримо обладает музыка, по необходимости должно признать еще и другую силу, посредством коей она действует на физические органы не только человека, но и бессловесных животных. Мерный стук барабана и вообще всякая музыка с сильно выраженным размером побуждает всех органических тварей к правильным и размеренным движениям, если даже устраним от сего формы мелодии и гармоническое сочетание звуков. Я намерен рассмотреть здесь некоторые из замечательнейших явлений физического действия музыки, которой все средства еще не довольно известны.

Кроме некоторых случаев, о коих я буду говорить впоследствии, действие чувств на душу и души на чувства столь взаимно и столь тесно связано, что трудно различить во впечатлениях, производимых музыкаю, плоды воспитания и понятий приобретенных от непосредственного следствия ощущений. В животных бессловесных впечатления сии явно физические, ибо, не быв связаны ни с каким из понятий самохранения, кои суть начало всех понятий, каковые сии животные могут приобрести, искусство сие действует

* г. Фети (Fetis), профессор контрапункции в Королевско-французском училище музыки, издает весьма хороший журнал по сей части (Revue Musicale). Статья сия почерпнута из одной книжки его журнала.

на них внезапно, не пробуждая никаких воспоминаний. В них музыка есть не что иное и не может быть чем-либо иным, кроме физического ощущения; но ощущения сего рода производят действия столь разнообразны и столь странные, что весьма любопытно рассмотреть их в случаях, записанных наблюдателями. Как домашние животные доставляют нам в сем отношении события более известные, то с них я и начну.

Собаки естественно изведывают живейшее ощущение при слушании музыки. В больших городах, где чаще случается им слышать оную, ощущение сие малопомалу ослабевает и даже почти вовсе уничтожается; но те собаки, которых держат взаперти, или те, кои живут в уединенных местах, сохраняют свою чрезмерную чувствительность музыкальную. Определить, какое свойство того, что они ощущают, не весьма легко; однако же некоторые физиологи утверждают, что лай и вой собаки в то время, когда музыка поражает слух ее, суть выражение боли: отселе должно б было заключить, что звук болезненно сотрясает слуховые нервы сих животных. Предположение сие может подтвердиться тем, что собаки, если свободны в своих движениях, тотчас убегают, как скоро услышат звук какого-либо инструмента. Видали собак, приученных лежать неподвижно, как мертвые, и которых бы пушечный выстрел не согнал с места: столь велика была их послушность, но которые, услышав игру на музыкальном инструменте, произносили глухой вой, от коего тщетно старались удержаться. Одно из сих животных сохраняло столь сильное воспоминание впечатлений, произведенных в нем музыкой, что начинало выть, как скоро видело, что кто-либо брался за скрипку, и гораздо прежде, нежели звук доходил до его слуха. Наконец, доктор Меад рас-

сказывает об одной собаке, которая умерла с тоски или от удовольствия, когда ее заставили долго слушать музыку, исторгавшую у нее пронзительные вопли. Приводят примеры и других животных, умерших от той же причины: в числе их были совы. Кошки тоже иногда мяучат, вслушиваясь в звуки инструментов; но сей пример случается реже, нежели вой собак.

С другой стороны, известно, с каким удовольствием птицы, особливо чижи, слушают наигрываемые песенки: с первыми звуками чижи приближается к инструменту и, безгласный, недвижимый, ждет, пока песенка кончится, потом бьет крыльшками, как будто б изъявляя тем свое удовольствие. Лошадь также весьма чувствительна к музыке и показывает своими телодвижениями, что совершенно понимает размер оной. Труба и вообще медные инструменты, по видимому, нравятся ей более других. В каруселях и на турнирах лошади плясали в каданс¹³ под звук инструментов. Животные рода *антилоп* имеют в сем отношении такую ж организацию, как и лошади. В некоторых местах Германии и в Тироле охотники умеют приманивать оленей пеньем, а ланей игрою на флейте. Ту же склонность замечают в животных грызущих, особливо в бобрах и крысах. Бурдело уверяет, что видел восемь крыс, плясавших на веревке, под звук инструментов на Сен-Жерменской ярмарке.

Сила звука и его изменений сказывается также на пресмыкающихся и насекомых. Например, ящерица может почестся за величайшего *дилетанте* из всех животных. Она очень любит теплоту и охотно греется на лучах солнца. Если в то время, когда она наслаждается сим удовольствием, услышит она пение или игру на каком-либо инструменте, тотчас начнет изъявлять своими движениями, сколь сие ощущение приятно ей. Она ворочается и ложится

то на спину, то на брюхо, то на бок, как бы для того, чтобы подставлять все части своего тела действию звучной влаги, ее услаждающей. Но она из числа знатоков и не всякую музыку принимает за хорошую. Грубые или хриповатые голоса, резкие звуки или шумная музыка ей не нравятся. Чтоб угодить ей, надобно употреблять *mezza-voce*¹⁴ и выбирать напевы протяжные. Видали, как одно из сих животных, казавшееся уже очень старым, выходило из щели, которую занимало оно в ветхой стене, как скоро начинали играть адажио *in-fa*¹⁵ Моцартова квартета *in-ut*¹⁶, и приползало вкушать сладостную гармонию сего сочинения. Когда это адажио оканчивалось и едва музыка умолкала, — ящерица медленно уползала в свое жилище; но если начинали снова играть то же место из квартета, она останавливалась, слушала с минуту, чтоб увериться, не ошиблась ли она, и ползла потом на прежнее свое место. Никакая другая музыкальная пьеса не производила на нее сего действия. О. Лаба (Labat) в своем описании Мартиники¹⁷ рассказывает почти такой же анекдот.

Некоторые путешественники уверяют, что даже ярость огромной гвианской гремучей змеи укрощается звуком дудочки или довольно сильным на свистываньем. То же говорят и об ужасной *копьеобразной схидне* (*vipera fer de lance*) мартиникской. Г. Шатобриан уверяет положительно в путешествии своем по Верхней Канаде, что он видел гремучую змею чрезвычайно злую, которая пробралась даже в место его лагеря и которая усмирилась звуками флейты и ушла вслед за музыкантом, услаждавшим слух ее.

Из всех насекомых паук, по-видимому, наиболее чувствителен к музыке. Он спускается по нитям своей паутины и быстро подбегает к тому месту, откуда слышатся звуки. Там он останавливается и проводит иногда несколько часов

неподвижно. Узники делали сим средством этих малых животных ручными.

(Здесь автор довольно пространно рассказывает о действии музыки на двух молодых слонов различного пола, находившихся лет тридцать тому назад в парижском зверинце.

«Приняты были меры для успешного произведения в действо сего опыта, — говорит он. — Между клетками обоих слонов оставлено свободное сообщение. Вокруг опускной двери, находившейся в потолке над ними, расположен был невидимо оркестр, и когда все было готово, то подняли тихонько опускную дверь, пока вожатый отвлекал от того внимание слонов, давая им пищу. Наконец все замолкло, и музыка началась. При первом аккорде слоны бросили пищу, побежали к тому месту, откуда исходили звуки, и разными движениями показывали, как изумляла их эта новость. Все сделалось для них предметом беспокойства и недоумения: то вертелись они вокруг отверстия и поднимались на задние ноги, как бы желая дотронуться до невидимой гармонии, то с беспокойством посматривали на зрителей, то ласкались к своему вожатому, как бы спрашивая его, что это значило. Видя, однако же, что ничто не грозило их безопасности, они предавались совершенно живым впечатлениям, производимым на них музыкою.

Тогда можно было измерить, до какой степени простирается власть сего искусства над этими животными. Всякая новая пьеса, сыгранная оркестром и достаточно для их понятия отличавшаяся от предшедшей, производила на них и новое действие, давала их крикам, их движениям такое выражение, которое более или менее приближалось к ритму пьесы. Таким образом балетная пьеса *in-si mineur* в Глуковой Ифигении¹⁸ привела их в величайшее беспокойство: они своими движениями, то скорыми, то

медленными, то порывистыми, то нежными, следовали за переменою характера фраз музыкальных. Часто они хватались за решетку клетки и громкими криками изъявляли свою радость. Но тотчас успокоились, когда услышали арию «O ma tendre musette», игранную на фаготе in-ut mineur. Меланхолические звуки сего инструмента, казалось, приводили их в очарование. Они то ходили, то останавливались, слушали, становились под оркестром и тихо поводили хоботами, как бы впивая в себя мелодические звуки. Пока играли эту песню, слоны не испустили ни одного крика и, казалось, единственно предавались тихим, нежным чувствам. Их движения были медленны, размеренны и сообразовались с характером пьесы. Скоро, однако же, слоны пришли в некоторый род бешенства, услышав веселые и живые звуки одной песни, разыгранной in-ge всем оркестром, и снова погрузились в сладкие ощущения, услышав пение двух голосов человеческих».

Достойно замечания, что при конце сего музыкального опыта слоны слушали с одинакою, по-видимому, бесчувственностью все, что ни было играно; конечно, оттого, что слуховые их органы утомились наконец от долговременного напряжения. Но оставим самого автора продолжать.)

Все, что сказано было о сем опыте, заслуживает наше внимание. Сначала я замечу, что ощущение разворачивается в упоминаемых здесь животных с большею силой, нежели в людях. Какова бы ни была чувствительность людей, они никогда не ощутят тех восторгов, кои были оказываемы двумя слонами; и я не знаю, чтоб музыка произвела когда-либо в человеке столь страстные исступления. Напрасно сказали бы, что удивление и незнание причин усиливают ощущение: ни удивление, ни незнание

не могли бы произвести таких последствий.

Замечательно также, что не одна музыкальная мера действовала на помянутых слонов, ибо то же сочинение, сыгранное в другом тоне, их не трогало*. Таким же образом и не характер, более или менее резкий, какого-либо тона исключительно пробуждал в них свои ощущения, ибо многие другие сочинения, игранные в том же тоне, не производили подобного действия. По сему надобно полагать, что здесь вмешивалась если не разборчивость, то по крайней мере какая-то понятливость и явное, хотя произвольное ощущение.

(Окончание в след. №).

БИБЛИОГРАФИЯ

Невский альманах на 1830 год, изданный Е. Аладьиным. — С.П.б., в типогр. вдовы Плюшар, 1830 (486 стр. в 16-ю долю и 22 стр. нот.)¹⁹.

«Невский альманах» издается уже 6-й год и видимо улучшается. Нынче явился он безо всяких излишних притязаний на наружную щеголеватость; издатель в сем случае поступил благоразумно, и альманах нимало от того не по-

* Так, напр., заметили, что известная революционная песня Ça ira, игранная в ге, производила на них сильное впечатление, но ту же самую песню в фа они слушали с величайшим равнодушием.

История русского
народа, сочинение
Николая Полевого,
и пр.²⁴

СТАТЬЯ II.

терпел. Три письма князя Меншикова, в нем помещенные, любопытны как памятники исторические²⁰. «Сказки о кладах» суть лучшее из произведений Байского, донныне известных²¹. Стихотворную часть украшает Языков²².

С самого появления своего сей поэт удивляет нас огнем и силою языка. Никто самовластнее его не владеет стихом и периодом. Кажется, нет предмета, коего поэтическую сторону не мог бы он постигнуть и выразить с живостию, ему свойственною. Пожалеем, что донныне почти не выходил он из пределов одного слишком тесного рода, и удивимся, что издатель журнала, отличающегося слогом неправильным до бессмыслицы, мог вообразить, что ему возможно в каких-то пародиях подделаться под слог Языкова, твердый, точный и полный смысла²³.

Действие В. Скотта ощутительно во всех отраслях ему современной словесности. Новая школа французских историков образовалась под влиянием шотландского романиста. Он указал им источники совершенно новые, неподозреваемые прежде, несмотря на существование исторической драмы, созданной Шекспиром и Гете.

Г-н Полевой сильно почувствовал достоинства Барапта²⁵ и Тьерри²⁶ и принял их образ мнений с неограниченным энтузиазмом молодого неопита²⁷. Пленяясь романтической живостию истины, выведенной перед нас в простодушной наготе летописи, он фанатически отвергнул существование всякой другой истории. Судим не по словам г-на Полевого, ибо из них невозможно вывести никакого положительного заключения; но основываемся на самом духе, в котором вообще писана «История русского народа», на старании г-на Полевого сохранить драгоценные краски старины и частей его заимствований у летописей. Но желание отличиться от Карамзина слишком явно в г-не Полевом, и как заглавие его книги есть не что иное, как пустая пародия заглавия «Истории государства Российского», так и рассказ г-на Полевого слишком часто не что иное, как пародия рассказа историографа.

«История русского народа» начинается живым географическим изображением Скандинавии и нравов диких ее обитателей (подражание Тьерри); но,

переходя к описанию стран, Россиею ныне именуемых, и народов, некогда там обитавших, г-н Полевой становится столь же темен в изложении своих этнографических понятий, как в философических рассуждениях своего предисловия. Он или повторяет сбивчиво то, что было ясно изложено Карамзиным, или касается предметов, вовсе чуждых истории русского народа, и, утомляя внимание читателя, говорит поминутно: «Итак, мы видим... Из сего следует... Мы в нескольких словах означили главные черты великой картины...», между тем как мы ничего не видим, как из этого ничего не следует и как г-н Полевой в весьма многих словах означил не главные черты великой картины.

Желание противоречить Карамзину поминутно увлекает г-на Полевого в мелочные придирки, в пустые замечания, большею частию несправедливые. Он то соглашается с Татищевым²⁸, то ссылается на Розенкампа²⁹, то убедительно и без доказательства повторяет некоторые скептические намеки г-на Каченовского³⁰. Признав уже достоверность похода к Царю-граду, он сомневается, имел ли Олег с собою сухопутное войско³¹. «Где могли пройти его дружины,— говорит г-н П.,— не чрез Булгарию по крайней мере». Почему же нет? какая тут физическая невозможность? Оспоривая у Карамзина смысл выражения: *на ключ*, он пускается в догадки, ни на чем не основанные. Быть может, и Карамзин ошибся в применении своей догадки: ключ (символ хозяйства), как котел у казаков, означал, вероятно, общее хозяйство, артель*. В древнем договоре Карамзин читает: *милым ближникам*, ссылаясь

на сгоревший Троицкий список³². Г-н П., признавая, что в других списках поставлено (*ad libita librarii*) *милым* и *малым*, подчеркивает, однако ж, слово *сгоревший*, читает *малым* (малолетним, младшим) и переводит: *дальним* (дальним ближним!). Не говорим уже о довольно смешном противоречии; но что за мысль отдавать наследство дальним родственникам мимо ближайших?

Первый том «Истории русского народа» писан с удивительной опрометчивостью. Г-н Полевой утверждает, что дикая поэзия согревала душу скандинава, что песнопения скальда³³ воспаляли его, что религия усиливала в нем врожденную склонность к независимости и презрению смерти (склонность к презрению смерти!), что он гордился названием *Берсеркера*³⁴, и пр.; а чрез три страницы г-н Полевой уверяет, что не слава вела его в битвы; что он ее не знал, что недостаток пищи, одежды, жадность добычи были причинами его походов. Г-н Полевой не видит еще государства Российского в начальных княжениях скандинавских витязей, а в Ольге признает уже мудрую образовательницу системы скрепления частей в единое целое³⁵, а у Владимира стремление к единовластию³⁶. В уделах г-н П. видит то образ восточного самодержавия, то феодальную систему, общую тогда в Европе. Премахи, указанные в «Московском вестнике», почти невероятны.

Г-н П. в своем предисловии весьма искусно дает заметить, что слог в истории есть дело весьма второстепенное, если уже не совсем излишнее; он говорит о нем почти с презрением.

Maitre renard, peut-être on vous croirait...³⁷

По крайней мере слог есть самая слабая сторона «Истории русского народа». Невозможно отвергать у г-на Полевого

* Стряпчий с ключом ведал хозяйственную часть Двора. В Малороссии *ключевать* значит *управлять хозяйством*.

ни остроумия, ни воображения, ни способности живо чувствовать; но искусство писать до такой степени чуждо ему, что в его сочинении картины, мысли, слова — все обезображено, перепутано и затемнено.

Р. С. Сказав откровенно наш образ мыслей насчет «Истории русского народа», не можем умолчать о критиках, которым она подала повод. В журнале, издаваемом ученым, известным профессором, напечатана статья*, в коей брань доведена до иступления; более чем в 30 страницах грубых насмешек и ругательства нет ни одного дельного обвинения, ни одного поучительного показания, кроме ссылки на мнение самого издателя, мнение весьма любопытное, коему доказательства с нетерпением должны ожидать любители отечественной истории³⁸. «Московский вестник» ...(& tu autem, Brute!³⁹) сказал свое мнение насчет г-на П. еще с большим, непростительнейшим забвением своей обязанности, непростительнейшим, ибо издатель «Моск. Вестника»⁴⁰ доказал, что чувство приличия ему сродно и что, следственно, он добровольно пренебрегает оным. Ужели так трудно нашей братье критикам сохранить хладнокровие? Как не вспомнить, по крайней мере, совета старинной сказки:

То же бы ты слово
Да не так бы молвил.⁴¹

СМЕСЬ

⁴² Англия есть отечество карикатуры и пародии. Всякое замечательное происшествие подает повод к сатирической картинке; всякое сочинение, озаменованное успехом, подпадает под пародию. Искусство подделываться под слог известных писателей доведено в Англии до совершенства. Вальтер Скотту показывали однажды стихи, будто бы им сочиненные. «Стихи, кажется, мои,— отвечал он смеясь.— Я так много и так давно пишу, что не смею отречься и от этой бессмыслицы!» Не думаю, чтобы кто-нибудь из известных наших писателей мог узнать себя в пародиях, напечатанных недавно в одном из московских журналов. Сей род шуток требует редкой гибкости слога; хороший пародист обладает всеми слогами, а наш едва ли и одним. Впрочем, и у нас есть очень удачный опыт: г-н Полевой очень забавно пародировал Гизота и Тьерри⁴³.

⁴⁴ В одном из московских журналов выписывают объявление об «Илиаде», напечатанное во 2-м № «Литературной газеты», и говорят, что сие *воззвание насчет* (?) труда г-на Гнедича обнаруживает дух партии, которая в литературе не должна быть терпима. В доказательство чего дают заметить, что в «Литературной газете» сказано: «Русская «Илиада» должна иметь важное влияние на отечественную словесность»; а что в предисловии к своему переводу Н. И. Гнедич похвалил гекзаметры барона Дельвига.

Вот лучшее доказательство правила, слишком пренебрегаемого нашими критиками: ограничиваться замечаниями чисто литературными, не примешивая

* Выписки, коими наполнена сия статья, в самом деле пойдут в пример галimatъи; но и самый текст почти от них не отличается.

к оным догадок насчет посторонних обстоятельств, догадок, большею частью столь же несправедливых, как и неблагопристойных. Объявление о переводе «Илиады» писано мною и напечатано во время отсутствия барона Дельвига. Принужденным нахожусь сказать, что нынешние отношения барона Дельвига к Н. И. Гнедичу не суть дружеские; но как бы то ни было, это не может повредить их взаимному уважению. Н. И. Гнедич, по благородству чувств, ему свойственному, откровенно сказал свое мнение насчет таланта барона Дельвига, похвалив произведения музыки его. Пример утешительный в нынешнюю эпоху русской литературы*.

Александр Пушкин.

* Ужели перевод «Илиады» столь незначителен, что Н. И. Гнедичу нужно покупать себе похвалы? Если же нет, то неужели критик, по предполагаемой приязни с переводчиком, должен непременно бранить труд его, чтобы показать свое беспристрастие?

⁴⁵ Один из самых древних памятников французской словесности «Brut d'Angleterre» вскоре выйдет впервые из печати, в 2-х томах, с истолкованием всех слов, не происходящих от латинского языка. Сочинение сие, заключающее в себе около 20 000 стихов, написано в XII столетии; но события и предания, в нем изображенные, относятся к VII веку.

(Из «Tygodnik Petersburski».)

⁴⁶ В одной из Шекспировых комедий крестьянка Одрей⁴⁷ спрашивает: «Что такое поэзия? вещь ли это *настоящая?*» Не этот ли вопрос, предложенный в ином виде и гораздо веле-речивее, находим мы в рассуждении о поэзии романтической, помещенном в одном из московских журналов 1830 года?⁴⁸

ВОСКРЕСЕНЬЕ.

ТОМ. I. №. 13.

МАРТА 2го.

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА.

Выходитъ
черезъ
каждаго пять дней

1830 ГОДЪ.

Цѣна годовому изданію,
состоящему изъ 79-хъ
№, въ С. П. В. 35 руб.
съ пересылкой и разно-
ской 40 рублей

Въ Марта Газета сія выходитъ въ слѣдующіе дни: 2-го числа (въ Воскресенье), — 7-го (въ Пятницу), —
12-го (въ Среда), — 17-го (въ Понедѣльник), — 22-го (въ Субботу) и 27-го (въ Четверток).

АССАМБЛЕЯ при Петре I-м*¹

В большой комнате, освещенной сальными свечами, которые тускло горели в облаках табачного дыму, вельможи, с голубыми лентами через плечо, посланники, иностранные купцы, офицеры гвардии в зеленых мундирах, корабельные мастера в куртках и полосатых панталонах толпою двигались взад и вперед при непрерывном звуке духовой музыки. Дамы сидели около стен; молодые блистали всею роскошью моды. Золото и серебро блистало на их робах⁴; из пышных фижм⁵ возвышалась, как стебель, их узкая талия; алмазы блистали в ушах, в длинных локонах и около шеи. Они весело повертывались направо и налево, ожидая кавалеров и начала танцев. Барыни пожилые старались хитро сочетать новый образ одежды с гонимую старинно: чепцы сбивались на соболью шапочку царицы Натальи Кирилловны⁶, а робронды⁷ и мантильи⁸ как-то напоминали сарафан и душегрейку. Казалось, они более с удивлением, чем с удовольствием присутствовали на сих нововведенных игрищах и с досадою косились на жен и дочерей голландских шхиперов, которые, в канифасных⁹ юбках и в красных кофточках, вязали свой чулок, между собою смеясь и разговаривая, как будто дома¹⁰. Заметя новых гостей, слуга подошел к ним с пивом и стаканами на подносе. «Que diable est-ce que tout cela?»¹¹ — спрашивал К.....¹² вполголоса у И.....¹³. И... не мог не улыбнуться. Императрица и великие княжны, блистая красотой и нарядами, прохаживались между рядами гостей, приветливо с ними разговари-

вая. Государь был в другой комнате. К....., желая ему показаться, насилу мог туда пробраться сквозь беспрестанно движущуюся толпу. Там сидели большею частию иностранцы, важно покуривая свои глиняные трубки и опоражнивая глиняные кружки. На столах расставленные были бутылки пива и вина, кожаные мешки с табаком, стаканы с пуншем и шахматные доски. За одним из сих столов Петр играл в шашки с одним широкоплечим английским шхипером. Они усердно салютовали друг друга залпами табачного дыма, и государь так был озадачен нечаянным ходом своего противника, что не заметил К....., как он около их ни вертелся. В это время толстый господин, с толстым букетом на груди, суетливо вошел, объявил громко, что танцы начались — и тотчас ушел; за ним последовало множество гостей, в том числе и К.....

Неожиданное зрелище его поразило. Во всю длину танцевальной залы, при звуке дамой плачевной музыки, дамы и кавалеры стояли в два ряда друг против друга; кавалеры низко кланялись, дамы еще ниже приседали, сперва прямо против себя, потом повертятся

* См. Голикова² и «Русскую старину»³.

направо, потом налево, там опять прямо, опять направо и так далее. К....., смотря на сие затейливое препровождение времени, таращил глаза и кусал себе губы. Приседания и поклоны продолжались около получаса; наконец они прекратились, и толстый господин с букетом провозгласил, что церемониальные танцы кончились, и приказал музыкантам играть менуэт¹⁴. К..... обрадовался и приготовился блеснуть. Между молодыми гостями одна в особенности ему понравилась. Ей было около шестнадцати лет, она была одета богато, но со вкусом и сидела подле мужчины пожилых лет, вида важного и сурового. К..... к ней разлетелся и просил сделать честь пойти с ним танцевать. Молодая красавица смотрела на него с замешательством и, казалось, не знала, что ему сказать. Мужчина, сидевший подле нее, нахмурился еще больше. К..... ждал ее решения, но господин с букетом подошел к нему, отвел на средину залы и важно сказал: «Государь мой, ты провинился: во-первых, подошел к сей молодой персоне, не отдав ей три должные реверанса, а во-вторых, взяв на себя самому ее выбрать, тогда как в менуэтах право сие подобает даме, а не кавалеру; сего ради имеешь ты быть весьма наказан, именно должен выпить *кубок большого орла*»¹⁵. К..... час от часу более дивился. В одну минуту гости его окружили, шумно требуя немедленного исполнения закона. Петр, услыша хохот и крики, вышел из другой комнаты, будучи большой охотник лично присутствовать при таковых наказаниях. Перед ним толпа раздвинулась, и он вступил в круг, где стоял осужденный и перед ним маршал ассамблеи с огромным кубком, наполненным мальвазией. Он тщетно уговаривал преступника добровольно повиниться закону. «Ага,— сказал Петр, увидя К.....,— попался, брат! Изволь же, мосье, пить и не морщиться». Делать

было нечего. Бедный щеголь, не переводя духу, осушил весь кубок и отдал его маршалу. «Послушай, К.....,— сказал ему Петр,— штаны-то на тебе бархатные, каких и я не ношу, а я тебя гораздо богаче. Это мотовство; смотри, чтоб я с тобой не побранился». Выслушав сей выговор, К..... хотел выйти из круга, но зашатался и чуть не упал, к неопisanному удовольствию государя и всей веселой компании. Сей эпизод не только не повредил единству и занимательности главного действия, но еще оживил его. Кавалеры стали шаркать и кланяться, а дамы приседать и постукивать каблучками с большим усердием и уж вовсе не наблюдая каданса. К..... не мог участвовать в общем веселии. Дама, им выбранная, по повелению отца своего Г.... А....¹⁶, подошла к И.... и, потупя голубые глаза, робко подала ему руку. И.... протанцевал с нею менуэт и отвел ее на прежнее место, потом, отыскав К....., вывел его из залы, посадил в карету и отвез домой. Дорогою К..... сначала невнятно лепетал: «Проклятая ассамблея!.. проклятый кубок большого орла!..», но вскоре заснул крепким сном, не чувствовал, как он приехал домой, как его раздели и уложили, и проснулся на другой день с головою болью, смутно помня шарканья, приседания, табачный дым, господина с букетом и кубок большого орла.

ГЛУХИЕ

(Индийская сказка из книги
«Pantcha-Tantra») ¹⁷

Недалеко от деревни глухой пастух пас свое стадо; был уже полдень, но

жена еще не приносила ему завтрака; пастух боялся оставить стадо и идти за завтраком. Кто знает, что бы могло случиться со стадом; между тем голод мучил бедного пастуха, и надобно было на что-нибудь решиться.

У ближнего ручья талеярий* косил траву для своей коровы. Нехотя пастух подходит к нему, ибо хотя должность этих людей и состоит именно в охранении собственности от воров, но часто сами талеярии-то и суть настоящие воры.— Пастух просит сего последнего посмотреть за стадом, на время краткого его отсутствия, уверяя, что по возвращении он щедро наградит его.

Талеярий был также глух и ни слова не понял из речи пастуховой. «Какое право имеешь ты над этой травой? — воскликнул талеярий с гневом, — разве моя корова должна умереть с голоду для того только, чтоб были сыты твои бараны? Нет! не отдам тебе этой травы; оставь меня в покое и прощай». Сии последние слова были сопровождаемы выразительным движением руки, которое пастуху показалось обещанием сохранить его стадо. Успокоившись на сей счет, пастух поспешил к жене своей, намереваясь дать ей добрую гонку за ее нерадение.

Приблизившись к дому, он увидел жену свою на пороге дверей; в страшных судорогах каталась она по полу, от съеденного ею вчера большого количества сырого гороху. Необходимость помочь ей и потом приготовить самому обед задержала пастуха гораздо более, нежели как предполагал он. Со всем тем, не надеясь слишком на своего сторожа, пастух поспешил как возможно скорее возвратиться к стаду. Увидев своих баранов, пасшихся недалеко от того места, где он оставил их, пастух перечел их и, нашедши их всех в целости,

воскликнул: «Вот добрый человек этот талеярий! это драгоценная жемчужина из всех его сотоварищей. Я обещал ему награду; он достоин получить ее».

В стаде была овца хромая, но, впрочем, здоровая и жирная; пастух взвалил ее на плеча и, поднеся ее к талеярию, сказал: «Ты сберег мое стадо во время моего отсутствия; вот тебе овца за труды твой».

Талеярий, видя перед собою хромую овцу, возразил с гневом: «Что ты меня обвиняешь? разве я изломал ногу твоей овце? клянусь тебе, что со времени твоего ухода я с этого места не двигался и не думал подходить к твоему стаду».

«Она молода и жирна, — отвечал пастух, — хотя и хромает; съешь ее во здравие с твоей семьей и друзьями».

«Я уже тебе сказал, — возразил талеярий еще с большим гневом, — что я не подходил к твоему стаду, а ты все-таки хочешь уверить, что я изломал ногу твоей овце. Поди же прочь, говорю я тебе, или...» С сими словами талеярий замахнулся. Пастух, видя это, принял также оборонительное положение. Они уже готовы были драться, когда увидели ехавшего мимо всадника.

Есть обычай у индейцев, поссорившись, призывать всегда первого встретившегося в посредники. Пастух опрометью бросился к всаднику и, схвативши за узду его лошадей, вскричал: «Остановись, пожалуйста, на одну минуту, выслушай нас и реши, сделай милость, кто из нас прав и кто виноват: я этому человеку дарю овцу, а он за это хочет бить меня». Талеярий с своей стороны доказывал: «Этот глупый пастух осмеливается обвинять меня в том, что у его овцы нога изломана, тогда как я и не думал подходить к его стаду».

К несчастью, посредник был глуше и истца и ответчика и не понял ни одного слова из всего, ими сказанного. Протя-

* Имя деревенского слуги.

нув руку, дабы наложить молчание, он произнес: «Признаюсь, что эта лошадь не принадлежит мне; я нашел ее брошенную на дороге; я спешу, и, чтобы скорее быть, куда мне надобно, я сел на нее. Если она принадлежит вам, возьмите ее; если нет, отпустите меня поскорее, ибо мне некогда останавливаться».

Пастух и талеярий, вообразив каждый с своей стороны, что всадник говорит в пользу другого, принялись кричать и спорить больше прежнего, оба проклиная посредника и обвиняя его в несправедливости.

В это время проходил старый брамин; всего приличнее показалось спорившимся поручить это дело его решению; они остановили его и, говоря все трое вместе, рассказали ему причины своих жалоб; но брамин был их всех глуше. «Так! так! я вас понимаю,— воскликнул он,— она (т. е. жена его), она послала вас остановить меня и упросить воротиться домой; но вам не удастся. Вы знаете ли ее? В числе дьяволов нет ни одного, подобного ей в злости; с тех пор, как я, по несчастной судьбе моей, купил ее*, она заставила меня сделать такую тьму грехов, которой мне не очистить во сто поколений. Я иду на богомольство в Касси (Бенарес), дабы омыться в священных водах Ганга и посредством сего святого омовения получить отпущение в бесчисленных грехах, совершенных мною со времени несчастной моей женитьбы; после сего я буду скитаться по чужим землям и жить милостынею. Следственно — нечего вам толковать мне о ней; я решился, и все, что вы мне ни скажете, не убедит меня остаться в сообществе с этим бесом».

Между тем как они говорили все вместе и кричали изо всей силы, не понимая друг друга, укравший лошадь увидел

издали приближавшихся людей: приняв их за хозяев лошади, он бросился с нее долой и убежал.

Пастух, приметив, что уже становится поздно и что стадо его далеко, поспешил к нему, проклиная посредников, им избранных, восклицая, что нет более правосудия на земле, и приписывая все свои несчастья змее, которая в то время, как он выходил из овчарни, пересекла ему дорогу*.

Талеярий возвратился к накошенной траве и, нашедши возле нее хромую овцу, взвалил ее на плеча и потащил к себе, в наказание пастуху, его обидевшему.

Брамин снова пустился в путь до ближайшей гостиницы, где он остановился переночевать. Голод и сон утишили гнев его во время ночи; наутро пришли к нему брамины из его деревни, родственники, друзья и совершенно успокоили его, обещая употребить все средства, дабы уговорить ветреную жену его.

К**18

Когда твои молодые лета
Позорит шумная молва,
И ты, по приговору света,
На честь утратила права,

Один, среди толпы холодной,
Твой страданья я делю
И за тебя мольбой бесплодной
Кумир бесчувственный молю.—

Но свет... Жестоких осуждений
Не изменяет он своих:
Он не карает заблуждений,
Но тайны требует для них.

* *Купить жену и жениться* суть два выражения, однозначительные у индейцев.

* Встретиться с змеею, которая пересекает вам дорогу, почитается очень дурною приметой у индейцев.

Достойны равного презренья
Его тщеславная любовь
И лицемерные гоненья —
К забвенью сердце приготовить;

Не пей мутительной отравы,
Оставь блестящий, душный круг;
Оставь безумные забавы:
Тебе один остался друг.

Александр Пушкин

4

Видали ль вы, как бледный лик луны
Свой тихий луч на хладный снег наводит?
— Так жизнь полна холодной тишины,
Когда зима сердечная приходит!

Она скует
Души порывы;
Но сон счастливый,
Но бред любви не вместе ль с ней пройдет!
В. Теляков.

ЧЕТЫРЕ ВРЕМЕНИ ЖИЗНИ¹⁹

1

Видали ль вы, как с мотыльком дитя
В родном саду над розами играет?
Видали ль вы, как зеркало ручья
Лазурь небес весною отражает?
— Так жизнь ясна,
Пока длеет,
Питает, греет
Ее мечты сердечная весна!

2

Слышали ль вы сей чудный, милый стон:
Песнь соловья в дубраве одинокой? —
Хотите ль знать, какое горе он
Таит в своей мелодии жестокой?
— И рай, и ад
Нам горе это:
То жизни лето,
То степи зной, то розы аромат!

3

Блуждали ль вы над морем в этот час,
Когда оно беседует с громами,
Грозит земле — и, к небесам стремясь,
Вступает в бой с их яркими стрелами?
— Так жизнь кипит:
Стихий боренье —
Страстей волнение,
Когда в душе их осень зашумит!

О ФИЗИЧЕСКОМ ДЕЙСТВИИ МУЗЫКИ

(Окончание)

Гомер и Платон²⁰, а из новейших Лаврентий Валла²¹, Шекспир, Порта и некоторые другие почитали людей, бесчувственных к музыке, существами несовершенными. Такой недостаток организации гораздо обыкновеннее, нежели вообще полагают. Хотя мы и получаем от природы более или менее счастливые способности к сему искусству, но воспитание бесспорно весьма много участвует в рождаемых им ощущениях; и сим-то, мне кажется, отличаемся мы от животных бессловесных, в коих сии ощущения суть только следствием органического их сложения. Нередко видим людей с большим умом и ученостию, не только не чувствующих удовольствия от музыки, но и не получающих от нее иного впечатления, кроме того, которое производится несносным шумом. Со всем тем история научает нас, что все люди, приобретшие себе великое имя, в каком бы то роде ни было, любили сие искусство.

Действие музыки, как средства вра-

чебного, в некоторых болезнях, протекающих от сильной боли или от повреждения умственных способностей, с успехом испытываемо было в много-различных обстоятельствах; но в таких случаях действие сие, как мне кажется, не есть просто физическое, здесь не чувства одни потрясаются, как у бессловесных тварей: душа разделяет с ними впечатления, и искусство действует с такою же силой на умственные способности, как и на чувственные. Из всех случаев, которые можно бы привести в доказательство сего влияния музыки на здоровье, избираю я следующие анекдоты.

Княгиня Бельмонте лишилась своего мужа. Прошел месяц, и она не произнесла ни одной жалобы, не пролила ни одной слезы. Страшная тягота ее угнетала: она казалась умирающею. Перед наступлением вечера больную выносили в великолепный ее сад, но зрелище природы не имело для нее прелестей и не приносило ей ни малейшего облегчения. Рафф²², славнейший певец в Германии, впервые тогда случился в Неаполе. Он пожелал видеть сад княгини, известный по красоте своей. Одна из княгининых прислужниц, узнав, что сей отличный артист находился в саду, хотела испытать, не подействует ли музыка на здоровье госпожи ее, и упросила Раффа пропеть что-либо близ рощицы, где находилась княгиня. Рафф согласился и выбрал арию Роли, начинающуюся сими словами: *Solitario bosco ombroso*. Чистый и трогательный его голос, простая, но выразительная мелодия сей ариетки, стихи, совершенно приличные месту и обстоятельствам,— все сие произвело такое действие на органы княгини, что слезы обильно потекли из глаз ее. Они не переставали литься несколько дней сряду, и это спасло больную.

Другой анекдот относится к поме-

шательству в уме Филиппа V, короля испанского. Известно, что король сей впадал в глубокую задумчивость, которая препятствовала ему не только заниматься государственными делами, но и заботиться о телесной своей опрятности. Королева вздумала изведать силу музыки над своим супругом и для сего воспользовалась прибытием в Мадрид известного Фаринелли²³. Что предвидела королева, то и случилось: голос дивного сего певца произвел такое действие над Филиппом, что он как бы вдруг пробудился от продолжительного сна, позволил выбрить себе бороду и одеть себя, на что долгое время не поддавался. Можно бы привести и еще весьма многие примеры подобного врачевания, совершенного посредством музыки.

Уверенность древних во врачевной силе музыки простиралась весьма далеко. Гомер, Плутарх²⁴, Феофраст²⁵ и Галиен²⁶ были убеждены, что она исцеляет от чумы, от ревматизмов и от уязвления пресмыкающихся. Некоторые из новейших также были той веры; так, напр., Димербрёк (*Diemberbroeck*)²⁷, Боннет²⁸, Бальиви²⁹, Кирхер³⁰, Гаффенреффер и Десо (*Desault*)³¹, приписывали музыке свойство вылечивать от чахотки, подагры, чумы, водобоязни и укушения ядовитых животных. Приписывая музыке такие чудеса, слишком распространяют ее могущество. Искусство сие производит главное свое действие на нервы; и легко постигнуть, что болезни, от оных зависящие, могут быть утолнены пением или звуком инструментов; но не слишком было бы рассудительно приписывать ей силу врачевную в смысле обширнейшем. Таким образом, нельзя верить исцелению от чумы сим средством, но позволительно верить тому, что Додар³² рассказывает в «Истории Парижской Академии наук» об одном молодом музыканте, излеченном от сильной

горячки концертом, данным в его комнате.

Другой случай, рассказанный одним парижским врачом (г-м Бурдуа де-ла Мотт), показался бы не столь вероятным, если б не был засвидетельствован сим отличным медиком. Он лечил одну молодую даму от горячки, в которой оказывались весьма важные припадки. Самые обдуманые пособия врачебной науки не могли утолить припадков, и на осьмнадцатый день больная приближалась к смертному часу. Г. Бурдуа, выходя от больной, увидел в гостиной арфу и вздумал употребить музыку как последнее средство. Призвана была арфистка и сыграла у постели больной несколько выразительных пьес. Уже сей опыт продолжался около получаса, но музыка все еще не производила ожидаемого действия; по счастью, предпринявшие сие лечение не отставали. Спустя сорок минут, искусный наблюдатель заметил, что дыхание становилось явственнее и чаще: скоро движение груди сделалось как бы одновременно с темпом музыкальной меры. Музыкантша удвоила свои старания: животворная теплота разлилась по всем членам больной, пульс усилился и сделался правильнее; тяжкие вздохи вырывались из груди, которая, казалось, была стеснена. Вдруг кровь полилась из носу, и по истечении около осьми унций оной больная начала говорить: чрез несколько дней она уже вставала с постели. Собрание клинических наблюдений, изданное в 1811 году доктором Дезессаром, заключает в себе подобный ему анекдот.

Шарлатанизм, бросающийся на все и все портящий, хотел сделать из музыки всеобщее лекарство. Доказательством тому служит «Всеисцеляющая музыка» (*la musique rapacée*) Ж. Б. Порты, где он уверяет, что инструменты, сделанные из лекарственных растений, издают

музыкальные звуки, имеющие целебное свойство, сродное помянутым растениям, которым излечиваются от болезней, при коих растения сии предписываются как надежнейшее средство. Музыка в древности составляла часть врачевания магического, астрологического и феозофического. Сему же шарлатанизму должно приписать басню о целебном свойстве музыки от укушения тарантула. Самые достойные уважения врачи долго обманывались сим странным заблуждением. Даже Бальиви, благонадежно приводимый в подтверждение некоторых случаев, был жертвою своей легковерности и неосмотрительности. Гаффейрэффер посвятил длинную главу своего сочинения «*Nosodochium in quo cutis affectus traduntur curandi*»³³ весьма важному изложению разных и приличнейших музыкальных средств от укушения тарантула; почти все медицинские книги его времени заключают в себе подробности о сем предмете, и более двадцати диссертаций посвящены оному исключительно. Одна из самых странных сочинена Германом Грубе, под заглавием: «*De situ tarentulae, et vi musices in ejus suratione, conjecturae physica-medicae*» (Франкфурт, 1670 г. in-8). Если верить всем авторам, писавшим о сем предмете, тарантул, род паука, находящегося наиболее в Неаполитанском королевстве, уязвив человека, составляет в ране яд, действующий по прошествии большего или меньшего времени. Когда сей яд начинает действовать, больные впадают в исступление, заставляющее их беспрестанно бегать и плясать; музыка, еще более возбуждая к прыжкам и пляске, приводит их в сильный пот, оканчивающийся исцелением больных*. Дело в том, что шарлатаны

* Сочинитель сей статьи забыл еще об одном весьма важном обстоятельстве, по своей (т. е. музыкальной) части. Инструмент, который употреб-

часто употребляли во зло легковерие народное на сей счет, для собственных корыстных видов, но изыскания врачей-философов ясно доказали лживость сего лечения и даже самой болезни.

Самое существенное физическое действие музыки есть то, которое происходит от музыкального ритма на массы людей, где бы то ни было, в театре ли, в трудах ли воинских. В этом действии умственная природа мало участвует. Это такое ощущение, которое сообщает телу определенное движение, каково бы ни было расположение духа. Во всяком другом случае музыкальное искусство действует на чувства наши только как на посредников, передающих душе принимаемые ими впечатления; душа уловляет их, и ее волнение скоро поглощает все внимание наше. Сим-то преобразованием ощущения музыка столько содействует к нашему счастью, ибо если б ее действие было просто физическое, тогда оно было бы кратковременно. Чувственные способности, отдельно взятые, ограничены; способности душевные неистощимы.

Много было писано об употреблении музыки как средства врачебного. Замечательнейшие сочинения по сему предмету суть следующие:

Lippius. Dissertatio de musica. Vitteb. 1609.

ляется для излечения от яда тарантулова, называется тарантелла, равно как и род плясовой песни, играемой на сем инструменте. В книгах новейших поборников белой магии³⁴, из коих некоторые (как то: «Открытые тайны древних магов» и «Словарь натурального волшебства») переведены на русский язык, есть подробные описания как самого инструмента тарантеллы, так и способа лечения оным, с точным означением числа плясовых приемов, предписываемых больному. В одной из сих книг есть даже и ноты песни тарантеллы.— Прим. переводчика.

Regnier. Ergo musica in morbis efficax.— Париж, 1624.

Medeira (Edouard). Inaudita philosophia de viribus musicae (In nova phil.& medicina), in-8. Ulissip. 1650.

Francus. Dissertatio de musica. Гейдельберг, 1672.

Loescher. Dissertatio de Saulo per musicam curato. Vitteb, 1688.

Ettmüller. Dissertatio de effectibus musicae in hominis, in-4. Лейпциг, 1714.

Albrecht (J. Wilh.). Tractatus physicus de effectibus musicae in corpus animatum. Лейпциг, 1734, in-8.

Nicolai. Verbindung der Musik mit der Artzneygelahptheit. Artzney — gelahrtheit. Галле, 1745.

Widder. Dissertatio de effectibus ope musices excitandis, augendis et moderandis. Гренинген, 1751.

Van-Swieten. De musicae in medicina influxu atque utilitate. Leido, 1773.

Malouin. Dissertatio an ad sanitatem musica? in quaest. n. 16. Париж, 1733.

— Ergo ad sanitatem musika. Ibid. 1777. Sprengel. Dissertatio de musicae artis cum medicina connubio. Галле, 1800.

Roger (J. L.) Tentamen de vi soni et musicae in corporis humanum. In-8. 1758. (Сие сочинение переведено на француз. язык г-м Сент-Мари и напечатано в Леоне, 1803 г.).

De la Grange (P. A.). Essai sur la musique, considérée dans ses rapports avec la médecine. In-4. Paris, 1804.

La Marche (J. B.) Essai sur la musique, considérée dans ses rapports avec la médecine. In-4. Paris, 1815.

С франц.— Сомов

БИБЛИОГРАФИЯ

Иностранная литература

Русские книги.
Метафизика Хр. Баумейстера, переведенная с латинского языка Яковом Толмачевым. Издание второе, вновь исправленное.— С.П.б., в типогр. Медицин. департ. Министерства внутренних дел, 1830 (232 стр. в 8-ю д. л.)*³⁵.

Схоластические тонкости, которые пора бы нам называть откровеннее: *школьными мелочами*, после направления, данного мысли человеческой творениями новейших философов, кажутся столь же странными, даже смешными, как и наряд, в каком ходили во времена Вольфа³⁶ и Лейбница³⁷, показался бы странным и смешным в наше время. Один умный человек называл метафизику *оселком*³⁸, на котором не куется, а только изощряется ум человеческий; зачем же нам употреблять ныне оселок, истершийся от времени и не изощряющий уже, а разве притупляющий умственные способности?

MÉMOIRES DE LORD
BYRON, PUBLIÉS
PAR TH. MOORE, traduits de l'anglais par
M-me Louise Sw. Belloc. Première livraison.
(Записки лорда Байрона, изданные Томасом Муром. 1-е отделение).— Париж; 1830, 2 т. в 8-ю д. л.³⁹

Прежде нежели начнем мы разбирать сии записки, открывающие нам все подробности богатой приключениями жизни славнейшего из поэтов нашего времени и служащие к изречению беспристрастного суда о его характере, столь худо понятом современниками предубежденными или завистливыми, мы извлечем несколько выписок, которые, надеемся, читатели наши прочтут с удовольствием. Таковые выписки, взятые не наудачу (ибо публика вправе требовать, чтоб мы не полагались на удачу там, где дело идет о возбуждении любопытства), но выбранные из множества мест, равно любопытных, суть как бы предтечами удовольствия, которое обещается чтением записок Байрона; они освободят нас от всяких похвал труду переводчицы. Г-же Св. Беллок, давно уже известной прекрасным своим сочинением о жизни и творениях лорда Байрона, не чужды ни один из обычаев английского общества, ни одно из лиц, являвшихся в оном.

«Байрон имел, по выходе своем из университета и даже прежде, одну или две любовные связи; но в них голова его больше участвовала, нежели сердце. Один из странных оттенков его характера был тот, что любив, подобно всем

* Продается в книжной лавке Алексея Свешникова, в Гостином дворе, по суконной линии, под № 11. Цена экз. 5 руб.

молодым людям, хвалиться успехами своими в делах любовных, пока они были еще в перспективе, он становился таинственным и скрытным с тех пор, как дело начинало слаживаться. Малейший намек о любви его, даже самой пустой, заставлял его краснеть, как девушку, и приводил его в смущение. Товарищи его имели привычку говорить между собою: «Видно у Байрона есть какая-нибудь любовная связь, потому что он стал скрытен и угрюм, как любовник обманутый». Эту стыдливость имел он и с самим собою: в замечаниях своих, как и в самых дружеских письмах, он говорит только о тех предметах своей страсти, которые для него остались чистыми. Кажется, первая подруга его сердца (и может быть, мать ребенка, к которому он написал следующее стихотворение, донныне еще не бывшее в печати) умерла очень молода и что он приписывал себе раннюю ее кончину. Сие несчастье поразило его, как предчувствие будущей его судьбы и одиночества, которое его ожидало. «Я остался один при вступлении моем в свет,— говорил он позже,— один в моей любви, один в домашней моей жизни и умру

один; я животное совершенно одинокое, не по выбору, но по необходимости».

К моему сыну.

«Эти золотистые волосы, эти голубые глаза, блестящие как глаза твоей матери, эти розовые уста, коих ямочки и улыбки сладко восхищают сердце: все мне напоминает минувшую жизнь радостей, все потрясает мою душу, дитя мое!

Некогда ты будешь лепетать имя твоего отца. Ах, Вилльям! зачем это и не твое имя! Тогда не было бы ни терзаний, ни тревог совести... Но полно! мои попечения оградят твой покой; тень твоей матери улыбнется от радости; из любви к тебе она простит бывшее, о сын мой!

Мурава покрыла смиренную ее могилу, и чуждая грудь приняла тебя. Свет насмехается твоему рождению и с трудом дает тебе имя на земле; но его усилия не помрачат ни одной из твоих надежд, ибо сердце твоего отца с тобою.

И зачем бы отвергнул я права природы? О, нет! Пускай свет ропщет и смеется надо мной! пускай строгие нравоучители вопиют: я назову тебя любимым сыном любви моей, прелестный херувим, залог юности и радостей! Отец бодрствует у твоей колыбели.

О, как сладостно мне будет, прежде чем старость изроет морщинами лицо мое, прежде чем утечет половина моей жизни, следовать в тебе и за сыном, и за братом, употребить мои преклонные лета на возвращение тебе прав твоих.

Хотя отец твой молод и безрассуден, но никогда вихрь молодости не заглушит в нем любви отцовской! И дотоле, пока черты Елены будут жить в тебе, сердце, познавшее сии прошедшие радости, не покинет никогда, о сын мой, сей послед-

ний залог блаженства, уже не существующего».

Мы передаем, без малейшей перемены, сие небольшое стихотворение, образец приятности и поэзии, голос сердца, исполненного самых чистых чувствований и со всем тем столь недостойно оклеветанного впоследствии. Байрон скоро лишился сего сына, которого в будущем называл он своим братом, своим товарищем. Поэту не исполнилось еще 19-ти лет, когда он написал сии стихи. Посмотрим на него теперь, при отъезде его из Англии. Мы помним прекрасную *песнь отплытия* в «Чильд-Гарольде»:

Adieu, adieu! my native shore, etc.⁴⁰;
не в таком вовсе тоне описывает он свое отплытие другу своему Гогдзону (Hogdson), перемешивая шуточную прозу с шуточными стихами.

«Покидаю Англию без сожаления, возвращусь в нее без удовольствия. Я, как Адам, первый грешник, осужденный на изгнание, но у меня нет Евы: если я вкусил плода, то, право, он был из самых кислых и диких. Так кончится моя первая глава. Прощай».

С Фалмутского рейда, 30 июня 1809.

«Ура, Гогдзон! отплываем. Эмбарго снято. Ветер дует, парус надувается, флаг развевается на верху мачты. Слушай! вот прощальный выстрел! Крик женщин, брань матросов, все возвещает минуту отплытия. Вот плут таможенный принимается за дело, глазами и руками. Чемоданы опоражниваются, сундуки трещат; ни мышья норка не укроется от поисков, назло всей сумятице.

Гребцы наши отвязывают веревки, которыми барка причалена к берегу; руки их впились в весла; с набережной спускают пожитки: поспешим; часы уходят; отваливай от берега.— «Остерегитесь: в этом ящике находятся напит-

ки».— «Задержи⁴¹ ладью».— «Мне дурно, бог мой!» — «Дурно, сударыня? о, на корабле будет еще хуже».— Так кричат мужчины, женщины, господа, госпожи, слуги, служанки. Все толкаются, сталкиваются, словно рой пчел.

(Окончание в след. №)

СМЕСЬ

*Литературные новости*⁴².— Г. Подолинский печатает новую свою поэму «Нищий».— В исчислении новых романов, сочиняемых или печатаемых, забыли мы упомянуть еще об одном. Это «Князь Курбский», исторический роман г. Федорова⁴³. Роман сей печатается и скоро выйдет в свет.

Профессор истории в императорском Царскосельском лицее, И. К. Кайданов⁴⁴, удостоился получить от государя императора бриллиантовый перстень с изъявлением особенного высочайшего благоволения за поднесенную его императорскому величеству книгу «Начертание истории государства Российского».

Учебная книга сия скоро начнет печататься вторым изданием, ибо первого, напечатанного в числе 3000 экземпляров, осталось весьма мало. Продается у издателя, И. В. Слëнина, в книжном его магазине. Цена экземпляра 7 руб.

⁴⁵ Раич счел за нужное отвечать критикам, не признававшим в нем таланта. Он напечатал в 8-м № «Галатеи» нынешнего года следующее примечание:

«Чтобы вывести некоторых из заблуждения, представляю здесь *перечень* моих сочинений:

1. Грусть на пиру.
2. Прощальная песнь в кругу друзей.
3. Перекати-поле.
4. Другьям.
5. Амела.
6. Петроний к другьям.
7. Вечер в Одессе.

Прочие мелкие стихотворения мои — переводы. В чем же *obtrectatores*⁴⁶ нашли вялость воображения, щепетильную жеманность чувства и (просим покорно найти толк в следующих словах!) недостаток воображения».

Мы принуждены признать неоспоримость сего возражения.

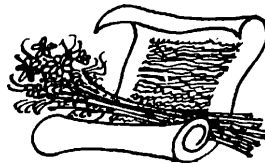
⁴⁷ В любопытной книге «*Choix de Testaments anciens et modernes*» находим мы духовное завещание славного английского актера Гаррика⁴⁸. Из оногo видно, какое богатство нажил сей артист, отказав жене своей и родственникам до 47500 фунт. стерл. (около 12-ти мил-

лионов рублей). Кроме того, предоставил он жене своей в пожизненное владение прекрасный дом с островами и мызами, поместье в Гендоне, дома свои в Лондоне, библиотеку, множество разной мебели, дорогой посуды, вещей, картин, статуй, вин, лошадей, экипажей и пр. и пр., не говоря уже о здании Друри-Ленского театра, которое завещал он заведению для вспомоществования актерам, находящимся в бедности.

Если сравним с сим завещанием духовную Шекспира, который отказал жене своей только *лучшую свою постель с прибором*, то выводим следующее, не весьма утешительное заключение: что счастье гораздо более благоприятствует тому, кто умеет хорошо передавать гениальные произведения, нежели самому гению, создавшему оные.

⁴⁹ Трагедия знаменитого датского поэта Эленшлегера (*Oehlenschläger*)⁵⁰ «Аксель и Вальборг» принята в Стокгольме с восторгом и представлена была несколько вечеров сряду.

ПРИЛОЖЕНИЯ

ПОСЛЕСЛОВИЕ

«Когда дело идет о таком человеке, как Пушкин, тогда мелочей нет, а все, в чем видно даже простое его мнение о чем бы то ни было, важно и любопытно: даже самые ошибочные понятия Пушкина интереснее и поучительнее самых несомненных истин многих тысяч людей. Вот почему мы желали бы, чтоб не пропала ни одна строка Пушкина...»¹ — напишет В. Г. Белинский в 1841 году. Это заключение великого критика XIX века разделяем и мы, далекие потомки русского гения, отдавая должное его огромным заслугам перед отечественной культурой, сберегая, изучая и продолжая заложенные предыдущими поколениями гуманистические, просветительские, гражданственные традиции.

В многогранном пушкинском наследии, глубоко и, казалось бы, исчерпывающе полно исследованном, есть, однако, страница, которую широкий читатель ныне открывает впервые, которая представляет новую грань его творческого гения. Речь идет об издательской и редакторской деятельности Пушкина, воплощенной в «Литературной газете». Страстное увлечение издательской и публицистической деятельностью, понимание ее большого общественного значения имели следствием его идейное самораскрытие в этом предприятии.

Знакомство сегодня с «Литературной газетой» позволяет увидеть культурную жизнь рубежа двух десятилетий, замечательных тем, что это было время еще активного развития традиций прогрессивной русской дворянской культуры, традиций патриотических и гражданственных, уходявших корнями в декабризм, время, освященное гением Пушкина. «Литературная газета» открывает идейные, литературные искания той поры, общественные настроения, этические установки, эстетические вкусы. Мы имеем возможность выявить глубокие корни национальной культуры, наблюдать рождение русской классической литературы и литературной критики в творческом единении пушкинского круга писателей. В этом периодическом издании раскрывается литературный контекст произведений Пушкина, позволяющий более аналитически или даже по-новому прочитать его шедевры. Газета оживляет многих ныне забытых литераторов пушкинской поры, на ее страницах Пушкин размышлял, спорил с ними, оценивал их труды. Так создается идейная атмосфера творчества поэта, осознание которой содействует всеобъемлющему охвату его наследия.

Начало 30-х годов — время издания «Литературной газеты» — относится к завершающему этапу дворянского освободительного движения, когда передовые представители дворянства продолжали выступать в оппозиции официальной политике царского двора. Зарождающаяся буржуазия, а она даже в конце XIX века была в России слаба экономически и труслива политически, не консолидировала прогрессивную общественность и шла наговор с царизмом. Третесословная идеология в литературе еще не обособилась в должной степени.

¹ Белинский В. Г. Полн. собр. соч.— Т. V.— С. 266—267.

После расправы с декабристами лишь пушкинский круг писателей наследовал прогрессивные общественные традиции. Хотя поэты «пушкинской плеяды» не были в декабристских обществах, они принимали многие идеи дворянского освободительного движения. И во времена правительственной реакции они продолжали осуждать правительственный деспотизм, притеснения личных свобод, отсталость социальной жизни, крепостное право, им были дороги идеи просвещения, народности литературы; они хранили память о героике Отечественной войны 1812 года.

«Дружеская артель» Пушкина, или «гнездо поэтов», как в то время называли круг близких ему литераторов, организационно не была оформлена. В разные периоды к этому кругу тяготели разные лица, и он был широким благодаря пушкинскому дружелюбию и общительности. «Литературная газета» позволяет уточнить состав «дружеской артели» на рубеже двух десятилетий. В нее входили лицейские друзья и прежде всего А. А. Дельвиг, о котором Пушкин сказал: «...никто на свете не был мне ближе Дельвига»¹. Талантливый, благородный, свободно мыслящий любимый друг Пушкина обладал даром притягивать к себе единомышленников. Имея славу «поэта-ленивца», Дельвиг на самом деле был общественно активной личностью. Он дружил с декабристами К. Ф. Рылеевым и А. А. Бестужевым, сотрудничал в их «Полярной звезде», навел на ссылку Пушкина в селе Михайловском; его переписка с Пушкиным говорит о том, что Дельвиг был в гуще литературной жизни и достаточно осведомлен о декабристских связях друга. Издавая альманах «Северные цветы», Дельвиг объединял друзей-литераторов. Дельвиг всемерно помогал распространению в обществе, публикации произведений своего лицейского «брата», незаурядный поэтический дар которого он оценил первым.

Особенно активным в литературной жизни 20-х годов был П. А. Вяземский. Общие взгляды, тенденции творчества — смелая социальная сатира в стихах, гражданственные настроения, полемика с литературными ренегатами — все это сближало его с Пушкиным. Поклоняясь таланту Пушкина, Вяземский одним из первых дал русской публике литературно-критическое объяснение его сочинений. Общение, переписка, разговоры о насущных литературных делах были у них постоянными. Впоследствии Вяземский так вспоминал о значении для него пушкинских суждений, заостряя свою мысль в духе присущей ему гротескной манеры: «Скромный работник, получил я от мастера-хозяина одобрение, то есть лучшую награду за свой труд»². Вяземский был опытным журналистом, и его участие в «Литературной газете» содействовало ее успеху.

Дружба с П. А. Катениным («мой Катенин», по выражению Пушкина) была «основана не на одинаковом образе мыслей, но на любви к одинаковым занятиям» (XIII, 224). Пушкин ценил литературно-критическую деятельность этого своего друга и побуждал его к творчеству: «Голос истинной критики необходим у нас; кому же, как не тебе, забрать в руки общее мнение и дать нашей словесности новое, истинное направление? Покамест, кроме тебя, нет у нас критика. Многие (в том числе и я) много тебе обязаны; ты отучил меня от односторонности в литературных мнениях, а односторонность есть пагуба мысли. Если бы согласился ты сложить разговоры твои на бумагу, то великую пользу принес бы ты русской словесности...» (XIII, 262). В молодые годы Катенин был связан с декабристами из «Союза спасения» и Военного общества, входил в кружки, близкие «Союзу благоденствия». Как и Пушкин, в те же годы он был признан неблагонадежным и отправлен в ссылку (с 1822 до середины 1825). Эрудит Катенин обладал стойким характером, хранил верность друзьям юности, ратовал за национальную самобытность и народность литературы. В то же время архаические его литературные пристрастия,

¹ Пушкин А. С. Полн. собр. соч.— Т. 14.— Л., 1941.— С. 147. В дальнейшем ссылки делаются на это же издание, в тексте римской цифрой обозначен том, арабской — страница.

² Вяземский П. А. Полн. собр. соч.— Т. 1.— СПб., 1878.— С. 125.

недооценка романтизма разъединяли его с Пушкиным в теоретических вопросах, что, однако, отнюдь не мешало их литературному сотрудничеству. Обширные публикации Катенина выделялись в «Литературной газете».

Ф. Н. Глинка в свое время также был в рядах раннего декабристского движения, оказал большие услуги «Северному обществу», дружил с Рылевым. Глинка сам относил себя к пушкинскому «гнезду поэтов», и в «Литературной газете» упоминался всегда рядом с поэтами этого круга. Пушкин ценил оригинальный поэтический дар своего опального приятеля.

В те годы Пушкин не утратил связей и с узником В. К. Кюхельбекером, любимым Кюхлей, способствовал продвижению его сочинений в печать. На страницы «Литературной газеты» попали и стихи ссыльного А. И. Одоевского.

В. А. Жуковский, Е. А. Баратынский, Н. М. Языков, Д. В. Давыдов, П. А. Плетнев были в этой литературной среде.

С пушкинским кругом связаны в эти годы также А. Погорельский, В. Г. Тепляков, О. М. Сомов¹.

К 30-му году намечается поправление некоторых лиц из окружения Пушкина, в частности Вяземского, стремящегося к «реабилитации» в глазах царя. Из поэзии Языкова начали исчезать бунтарские настроения. Общественные и литературные позиции поэтов пушкинского круга никогда не были тождественными, но все же союз поэтов не распадался, напротив, рубеж десятилетий — время наибольшей его известности, активности, заинтересованного обсуждения результатов его литературной деятельности. Литераторов пушкинского круга продолжало объединять многое: подлинная гражданственность, приверженность просветительским традициям, литературоведческая эрудиция, филологический кругозор, наследование лучших достижений дворянской культуры и образованности, пристрастие к поэзии, отличный эстетический вкус. Все это позволяло им хорошо ориентироваться в море словесности, русской и западноевропейской, а предпринятое ими периодическое издание — «Литературную газету» — сделало наиболее прогрессивным и профессиональным изданием и выделило его среди многочисленной периодики того времени.

История «Литературной газеты» такова.

Потребность активного участия в издательской и литературно-критической жизни своего времени, живущая в пушкинском окружении в 20-х годах, первоначально реализовалась Вяземским в участии в «Московском телеграфе» Н. А. Полевого, Дельвигом — в издании альманаха «Северные цветы», Пушкиным — в увлеченном сотрудничестве в «Московском вестнике» М. П. Погодина. Но и Пушкин, и Вяземский довольно скоро охладели к журналам, на которые возлагали надежды, разойдясь с издателями в принципиальных общественно-литературных вопросах. «Московский телеграф», возглавляемый значительно «поправевшим» к тому времени Н. А. Полевым, стал выступать в союзе с Ф. В. Булгариным («Северная пчела») и Н. И. Гречем («Сын отечества») под лозунгом поддержки русской монархии, ее официальной политики.

Нужно было «свое» издание. «Не затеять ли нам журнала?..» — советовался Пушкин с Катениным в феврале 1826 года. «Дело в том, что нам надо завладеть одним журналом и царствовать самовластно и единовластно», — мечтал он (см. письмо к Вяземскому 9 ноября 1826 г.; ХІІІ, 304). Д. В. Давыдов в 1828 году уговаривал того же Вяземского: «Примись издавать журнал, я тебе буду помощником по какой-нибудь части. Жуковский, Пушкин, Баратынский, Дельвиг и множество лучших наших литераторов поддержат нас, и с таким ополчением, я уверен, что

¹ См. о них в коммент., с. 208, 209, 212.

мы все журналы затопчем в грязь»¹. Звучал в унисон и голос Вяземского: «Сатурналы нашей литературы дошли до того, что нельзя, по крайней мере отрицательно, если не действительно, не протестовать против этих исступлений бесчинства» (XIV, 55). Необходимость острой идейной борьбы осознавалась, и только «своя» «Литературная газета» могла удовлетворить взыскательных литераторов, стоящих на достаточно хорошо осознанных общественных позициях.

Идея создания «своего» периодического издания была осуществлена, и с 1 января 1830 по 30 июня 1831 года в Петербурге выходила в свет раз в пять дней «Литературная газета». Право на ее издание было получено Дельвигом, который в отличие от Пушкина, не так давно вернувшегося из ссылки, не был «человеком на подозрении». Его официальным помощником был О. М. Сомов, а секретарем — В. Н. Щастный. С самого начала активным сотрудником газеты стал Пушкин.

Поначалу судьба газеты сложилась таким образом. Дельвиг, подготовивший два номера, вынужден был уехать из Петербурга и перепоручил все хлопоты, связанные с газетой, Пушкину, который и сделался главным редактором и издателем первых тринадцати номеров. Работа по отбору и редактированию материала поглощала много времени, и он жаловался в письме к Вяземскому в конце января 1830 года: «Высылай ко мне скорее Дельвига, если ты сам не едешь. Скучно издавать Газету одному с помощью Ореста, несносного друга и товарища» (XIV, 61)².

Жизнь Пушкина в конце 1829 — начале 1830 года была осложнена многими обстоятельствами и его общественного положения, и личной жизни. Он душевно разделял страдания друзей, попавших в ссылку и опалу, хранил верность их высоким этическим заповедям, и это получило отражение в его стихах, написанных во второй половине 20-х годов («Пророк», послание Пушкину «Мой первый друг, мой друг бесценный...», «Во глубине сибирских руд...», «Арион»). Потрясение, которое пережила Россия в 1825 году, оставило в социально отзывчивом поэте глубокий след: его ум был поглощен проблемами истории, политики и философии. Занятия русской историей — Петровской эпохой и личностью царя-просветителя, историей Пугачева, рода Пушкиных и вообще боярства, т. е. историей XVIII века, ближайшего предшественника пушкинского столетия, — становятся его главным увлечением. Он создает «Исторические записки», фиксирует «исторические анекдоты» в специально заведенной для этого папке «Table-talk».

В стихах этого периода он отзывался и о войне с Турцией, и о событиях на Кавказе («Олегов щит», «Делибаш», «Восстань, о Греция, восстань...»); определение времени как «железного века» утверждается в его поэзии. В 1829—1830-х годах он создавал политические и философские стихотворения, в них — раздумья о социальном бытии, о жизни и смерти, о наследии творческой личности, о несуетных ценностях — родном доме, возвышенной любви; он размышлял в стихах о «сердечной глубин», «таинственных чувствах», о непостижимости до конца сложности и неразгаданности человеческой души. В его поэзии — отклики на литературную жизнь, эпиграммы на литературных противников — Н. И. Надеждина, «старовера» М. Т. Каченовского, Ф. В. Булгарина. Литературная критика в стихах и прозе сливалась. Мобилизация творческих сил, масштабность интеллектуальных интересов, активная деятельность в период издания «Литературной газеты» и, наконец, необычайный взлет творчества Болдинской осенью (завершен «Евгений Онегин», написаны «маленькие трагедии», «Русалка», «Повести

¹ Друзья Пушкина. Переписка. Воспоминания. Дневники. — Т. II. — М., 1984. — С. 21.

² Пушкин в приведенном высказывании имеет в виду Ореста Сомова, о сложной личности которого и противоречивых отношениях с Пушкиным рассказал исследователь творчества Пушкина Л. Г. Фризман (см.: Северные цветы. — М., 1980. — С. 309—331).

Белкина», «История села Горюхина», «Домик в Коломне», лирические шедевры — «Бесы», «Элегия» и др.) — таков Пушкин в знаменитый 1830 год.

Но глубокий и смелый ум Пушкина был скован цензурой самого царя и мелочным контролем Бенкендорфа. Начало издания «Литературной газеты» сопровождала переписка с шефом жандармов. С ее страниц сквозь маску светского этикета постоянно просвечивало лицо назойливого надзирателя, который «покорнейше просил» уведомлять его обо всех поступках и спрашивать разрешение и на поездки из Петербурга в Москву, тем более на юг (за самовольную поездку в Арзрум поэт получил начальственный выговор), на печатание своих сочинений («Вам надлежит по-прежнему спрашивать всякий раз высочайшее его величества соизволение на печатание Ваших сочинений», — требовал Бенкендорф в октябрьском письме 1831 года). Были под контролем даже работа в архиве, в библиотеке Вольтера, а за ношение фрака вместо мундира на одном из балов Пушкин получил замечание «высочайшей персоны» (именно в январе 1830 года).

Для Пушкина была мучительна зависимость. Это чувство усилилось: двусмысленное положение «подозрительного» человека мешало личным планам поэта, мечтающего о женитьбе на Н. Н. Гончаровой. Он и мечтал, и тревожился одновременно, и прежние привязанности жили в его сердце. «Счастье так мало создано для меня...» (XIV, 63), — грустно замечал он.

Время издания «Литературной газеты» — период напряженнейшей душевной и творческой жизни, принятия новых решений. Сам Пушкин ясно сказал об этом в программной для него публикации в первом номере «Литературной газеты» — отрывке из VIII главы «Евгения Онегина»: «Но, Муза! прошлое забудь <...> Иные нужны мне картины». Как полагал исследователь наследия Пушкина Г. П. Макогоненко, вторая половина 20-х годов — переходное время в его творчестве, а с осени 30-го года (Болдинская осень) начался период «кристаллизации» пушкинского реализма¹. Этот процесс, сопровождающийся увлечением историей, отнюдь не означал охлаждения Пушкина к «злобе дня», литературной и политической.

Пушкин не мыслил газету без политических новостей. В этом отношении он был близок А. А. Бестужеву, который в своих обозрениях литературы доказывал необходимость для просвещенного человека «занятий политикой» и видел преимущество русских журналов перед западноевропейскими в том, что они больше откликаются на политические вопросы, что соответствовало, по его мнению, «естественной умонаклонности» нации. Пушкин разделял гражданственную позицию критика. В мае 1830 года он побуждал Вяземского просить разрешения публиковать в газете политические известия: «Дело в том, что чисто литературной газеты у нас быть не может, должно принять в союзницы или Моду, или Политику. Соперничествовать с Рачичем и Шаликовым как-то совестно. Но неужто Булгарину отдали монополию политических новостей? Неужто, кроме «Северной пчелы», ни один журнал не смеет у нас объявить, что в Мексике было землетрясение и что Камера депутатов закрыта до сентября? Неужто нельзя выхлопотать этого дозволения?» (XIV, 87). Но разрешения получить не удалось.

Газета была названа «литературной». Уже название, строгое и простое, без метафорического подтекста, выделило ее среди периодики той поры, типа «Московский телеграф», «Галатей», «Сын отечества», «Северная пчела», и по направлению это было оригинальное издание. Пушкин и его друзья гордились своим литературным трудом. Пушкин ценил профессию, «сан» литератора, предъявляя к нему высокие требования: гражданственности, нравственной принципиальности, самостоятельности мнений, независимости от меценатов, профессиональной взыскательности по отношению к самому себе. «Ты сам свой высший суд», — гордо провозглашал он в стихах. Он требовал критической страстности и активности от собратьев по перу. «Брат Пле-

¹ Макогоненко Г. П. Творчество А. С. Пушкина в 1830-е годы. — Л., 1974. — С. 6.

тнев! не пиши добрых критик! Будь зубаст и бойся приторности!» (XIII, 154), — наставлял он друга-сотрудника. Пушкин побуждал своих товарищей к осознанию профессиональной ответственности, признавал существование «класса писателей», выполняющего свои социальные функции, главная из которых — распространение просвещения.

Название газеты открыто провозглашало ее назначение, в то время как все современные ей издания не ставили столь открыто профессионально значимых задач. Пройдет немного времени, и В. Г. Белинский, обобщая в знаменитом письме к Н. В. Гоголю достижения русской литературы, скажет о почетности «звания писателя», о том, что русская публика «видит в писателя своих единственных вождей, защитников и спасителей от мрака самодержавия, православия и народности» — столпов официальной политики царизма.

Итак, главная цель газеты Дельвига и Пушкина — просветительская — «знакомить образованную публику с новейшими произведениями литературы европейской и в особенности российской». Слово «литература» употреблялось издателями в широком смысле, имелась в виду и художественная литература (прежде всего), но и научные труды — литературоведческие, филологические в целом, исторические, географические, даже из области биологии; три раздела газеты (Библиография, Ученые известия, Смесь) сообщали сведения о новых открытиях, идеях, книгах, о новостях культурной жизни. Дельвиг писал в аннотации к первому номеру, что «разнообразие и занимательность» — главнейшее требование, предъявляемое к публикациям, имея в виду их содержательность и художественную выразительность, которые должны были привлекать читателя.

Характер русского читателя всегда волновал Пушкина и близких ему литераторов. Образ читателя возникал и в его стихах, и в литературно-критической, и в эпистолярной прозе. Он видел в кругу своих читателей и все понимающих друзей, и «читателя благородного» (на словах, а на деле обывателя), и «простую публику», и «холодную толпу» (светское общество), которая присваивает себе право «судить» поэта. Вяземский считал, что публика делится на «читающих» и «читателей» и что последние в меньшинстве. Пушкин и его друзья мечтали о настоящем Читателе, просвещенном, прогрессивном и самостоятельно мыслящем.

Пушкин выпускал с третьего по двенадцатый номера газеты, но и в тринадцатый поэт внес большой личный вклад, публикуя свою художественную прозу, стихи, критику. А если проанализировать все номера (с 1-го по 13-й), то становится очевидным, что публикации Пушкина в них значительно преобладали — их насчитывается около тридцати. Это были произведения разных жанров и видов творчества — отрывки из романов и очерков, поэзия, литературно-критические статьи, рецензии, заметки, полемические отклики. М. П. Еремин, исследовавший «Литературную газету» и участие в ней Пушкина, пришел к справедливому выводу, поддержанному другими специалистами, что «...роль Пушкина в газете была настолько велика, что она никак не может быть определена словом сотрудник»¹; ученый утверждает, что Пушкин задал тон всей газете и наметил ее направление. Уже В. Г. Белинский, обращаясь к «Литературной газете», отчетливо осознавал руководящую в ней роль Пушкина и, рассматривая ее взаимоотношения с критикой той поры, ставил их в зависимость от позиций Пушкина.

После отъезда в марте 1830 года из Петербурга в Москву, когда главные обязанности редактора газеты снова перешли к Дельвигу, Пушкин продолжал следить за их общим детищем, давал в письмах советы, что следует печатать, одобрял Вяземского в его занятиях творчеством Фонвизина, спрашивал о боях в литературном мире («кто кого?»), готовил для газеты полемические

¹ Еремин М. П. В борьбе за высокую гражданственность / Б л и о в а Е. М. «Литературная газета» А. А. Дельвига и А. С. Пушкина 1830—1831. Указатель содержания. — М., 1966. — С. 5, 6. Подобное мнение о роли Пушкина в газете высказано М. И. Гилельсоном; см. в его кн.: П. А. Вяземский. Жизнь и творчество. — Л., 1969. — С. 186—187.

статьи («Я был в духе ругаться и отделал бы их (литературных противников.— В! К.) на их же манер» (XIV, 122). В мае он хвалил газету в письме Вяземскому: «Дельвиг в самом деле ленив, однако ж его «Газета» хороша, ты много оживил ее. Поддерживай ее, покамест нет у нас другой. Стыдно будет уступить поле Булгарину» (XIV, 87). А в октябре в письме из Болдина сам обещал Дельвигу подмогу и шутил по этому поводу с П. А. Плетневым: «Скажи Дельвигу, чтоб он крепился, что я к нему явлюся непременно на подмогу, зимой, коли здесь не околею. Покамест он уж может заказать виньетку на дереве, изображающую меня голенького, в виде Атланта, на плечах поддерживающего «Литературную газету» (XIV, 118).

Пушкин — издатель и редактор — отличался высокой требовательностью. Основной принцип его редакторской работы — выявление идейной тенденции в произведении. «Иное сочинение,— считал он,— само по себе ничтожно, но замечательно по своему успеху или влиянию; и в сем отношении нравственные наблюдения важнее наблюдений литературных» (№ 3). Он требовал точности, порицал невежество, исторические, мифологические ошибки, указывал на них авторам, не принимал психологическую неубедительность в стихах, обращал внимание на художественную выразительность образов. Его оценки лаконичны и эмоциональны: отрицательные — «вяло», «темно», «лишний стих», «проза», «плоско», «холодно», «пошло», а положительные — «прекрасно», «какая гармония!», «живо, прекрасно», «смело и счастливо». Он рассматривал особенности языка, отвергая увлечение библеизмами, галлицизмами, анализировал движение стихов, уместность в них цезур и переносов, улавливал неблагозвучия в сочетании звуков и т. п. Это было весьма взыскательное чтение. Об этом говорят замечания Пушкина к текстам стихотворений К. Н. Батюшкова, В. К. Кюхельбекера. Вяземский цитировал отзыв Пушкина о его стихотворном послании: «Читал сегодня послание кн. Вяземского (видно, он сердит, что величает меня княжеством) к Жуковскому (напечатанное в «Сыне отечества» 1821 года). Смелость, сила, ум и резкость, но что за звуки! *Кому был Фев из русских ласков*, — неожиданная рифма: *Херасков* не примиряет меня с такой *какофонией*»¹. Вяземский отмечал, что «оскорбление русскому языку принимал он за оскорбление, лично ему нанесенное»². В целом высоко оценивая стихотворение Вяземского «К ним» (1828) — последние две строфы получили оценку «Прекрасно», — Пушкин просил своего друга: «Ради Христа, очисти эти стихи — они стоят «Уныния»»³.

Пушкин и его друзья стремились превратить газету в боевой печатный орган, способный пропагандировать и защищать их общественно-литературную платформу. Они отказывались от навязываемой им грубой перебранки и вступили в идейную полемику с представителями реакционной литературы и беспринципного торгашеского духа в журналистике — с Булгариным и идейно солидаризирующимися с ним Гречем и Полевым, сразу же обвинившими издателей «Литературной газеты» в «аристократизме» и групповых «приятельских пристрастиях». Обвинения основывались на открытом заявлении самих издателей газеты, четко обозначивших круг своих авторов. Пушкин, Дельвиг и их друзья хотели открыть возможность для свободно мыслящих и просвещенных литераторов, в том числе и находящихся в ссылке декабристов, высказаться публично, что способствовало бы, с их точки зрения, общественному прогрессу России. Этим и объясняется сделанное ими в № 3 ЛГ следующее заявление: «Литературная газета» была у нас необходима не столько для публики, сколько для некоторого числа писателей, не могших по разным отношениям являться под своим именем ни в одном из петербургских или московских журналов».

¹ Вяземский П. А. Полн. собр. соч.— Т. I.— С. XIII.

² Там же.

³ Стихотворение Вяземского, получившее восторженную оценку Пушкина.

Позднейшие исследователи газеты¹ доказали, что Пушкин и его друзья, защищаясь от нападок Булгарина и его единомышленников, не только последовательно отстаивали на страницах «Литературной газеты» нравственную независимость и принципиальность писателя, но и, несмотря на строгий цензурный режим, умели делать выходы в своих публикациях к вопросам политическим, решая их отнюдь не в официально-панегирическом духе. Не было ожидаемого правительством панегирика по поводу войны с Турцией — напротив, Пушкин противопоставил военному ажиотажу идею мира и обнажение жестокостей войны; не было славословия в адрес Николая I и его приближенных, но было осуждено забвение обществом героев Отечественной войны. В целом русское дворянство отнюдь не получало в «Литературной газете» идеологической поддержки. Не случайно столь видное место в ней заняла личность Фонвизина: публиковались его сочинения с сатирой на дворянские нравы, историко-литературный труд Вяземского о Фонвизине. Красноречиво замечание Пушкина в одной из статей газеты: «Прочитав «Разговор у княгини Халдиной», пожалелешь невольно, что не Фонвизину досталось изображать новейшие наши нравы». Фонвизин в «Литературной газете» сразу привлек внимание недоброжелателей и сделался поводом для очередной вспышки литературной полемики. Скучность просвещенности, духовная нищета большей части дворянства не раз еще были осуждены в художественной прозе на страницах газеты.

Хотя газета не имела антимонархического характера, а в некоторых публикациях, в силу известной исторической ограниченности мировоззрения, свойственной даже лучшим представителям того времени, появились негативная оценка Великой французской революции, похвалы просветительской деятельности Екатерины II (в статье Вяземского)², связанные с надеждами на просвещенный абсолютизм, — тем не менее ее свободолобивый, гражданственный, независимый дух, ее сотрудники, в разной степени связанные с декабристами, оказались на подозрении у III Отделения. Этому активно способствовал Булгарин, постоянно намекавший в открытой печати на неблагонадежность газеты и доносивший на нее тайно Бенкендорфу. У Пушкина, а затем и у Дельвига и Сомова неоднократно возникали столкновения с цензурой. «Издателям «Литературной газеты» вместо К. С. Сербиновича дали недавно в цензоры профессора Щеглова, который своими замечаниями поминутно напоминает лучшие времена Бирукова и Красовского...» (XIV, 64), — сетовал Пушкин.

Недовольство цензора вызвало, например, стихотворное послание Д. В. Давыдова поэтам — участникам Отечественной войны 1812 года Зайцевскому и Казарскому; цензору казалось, что «не по чину» выражено им приветствие. Пушкину пришлось сделать купюры в своем очерке о Военно-Грузинской дороге, опустить цитирование стихов Рылеева, рассказ о встрече с популярным в декабристской среде генералом Ермоловым. Цензура решительно вторгалась в тексты, издателей вызывали в III Отделение, требовали объяснений.

Дворянская, «аристократическая», как тогда говорили, оппозиция казалась самодержавию опасной. В июне в газете была опубликована заметка, в которой речь шла о «дворянском достоинстве», попираемом «чёрнью» (заметка метила в Булгарина и его компанию); в заметке цитировались слова из французской революционной песни: «аристократов к фонарю». В начале августа — другая полемическая публикация: «Новые выходы противу так называемой литературной нашей аристократии...» «Литературная газета» не сдавала свою наступательную позицию, продолжала осуждение реакционной журналистики и критики. Дельвига снова вызывали в III Отделение. Над «Литературной газетой» сгустились тучи. Гроза разразилась в конце октяб-

¹ См.: Еремил М. П. В борьбе за высокую гражданственность // Блинова Е. М. «Литературная газета» А. А. Дельвига и А. С. Пушкина 1830—1831. Указатель содержания. — С. 9—46.

² См. об этом в кн.: Гилдельсон М. И. П. А. Вяземский. Жизнь и творчество. — С. 208—215.

ря, когда «Литературная газета» опубликовала четверостишие К. Делавиня для памятника жертвам Французской революции. «Вон, вон, — кричал Бенкендорф Дельвигу, — я упрячу тебя с твоими друзьями в Сибирь». Издание газеты было запрещено.

Дельвиг был потрясен случившимся, впал в апатию, заболел и 14 января 1831 года скончался. Пушкин горестно переживал утрату любимого друга.

Однако стараниями крупного чиновника из министерства Д. Н. Блудова, приятеля Дельвига и Пушкина по Арзамасу, издание газеты было вновь разрешено с условием, что ее редактором станет Сомов. Сомов редактировал номера 65—72-й 1830 года и 1—37-й — 1831 года. Газета утрачивала свой наступательный характер. В январе 1831 года Пушкин писал Плетневу: «Что Газета наша? надобно нам об ней подумать. Под конец она была очень вялая; иначе и быть нельзя: в ней отражается русская литература. В ней говорили под конец об одном Булгарине; так и быть должно: в России пишет один Булгарин. Вот текст для славной филиппики» (XIV, 143). И Вяземский в это время высказывал желание «вырвать литературу нашу из рук Булгарина и Полевого» (XIV, 144). Горькая ирония Пушкина и Вяземского предвосхищает это же чувство в статьях Белинского, который уже скоро, через какие-нибудь четыре-пять лет, будет с гневом смеяться над этим «гением» в русской литературе, выросшим под покровительством III Отделения.

Условия для издания газеты были более чем неблагоприятные, ее тираж упал до 100 экземпляров. В июне 1831 года Сомов прекратил ее издание. Грустный конец замечательного предприятия Дельвига и Пушкина — типичный финал прогрессивных печатных органов в самодержавной России.

Направление, данное «Литературной газете» Пушкиным, наиболее наглядно прослеживается в первых ее тринадцати номерах. И прежде всего это выразилось в преобладании на страницах газеты художественной прозы, что отвечало творческим интересам Пушкина на этом этапе его жизни.

Начало публикациям положил роман, — как наиболее популярный у большинства читателей того времени жанр. В газете были представлены две его жанровые разновидности: социально-психологический роман, синтезирующий принципы романтизма и реализма, и исторический, опирающийся на принципы реализма. Образцом первого может служить роман А. Погорельского «Магнетизер» (№ 1—2). В романах А. Погорельского реалистическое описание поместного дворянства, его уклада жизни, быта, нравов служило фоном, на котором автор развертывал романтический сюжет с романтическим героем.

В тринадцатый номер газеты Пушкин поместил фрагмент из начатого им исторического романа «Арап Петра Великого» — «Ассамблея при Петре I», впервые представив читателю реалистическое изображение общественных нравов начала XVIII столетия; фрагмент живописал ближайшее окружение царя: вельмож, посланников, иностранных купцов, офицеров гвардии, корабельных мастеров, шкиперов и их жен. Это были люди разных национальностей, разных социальных кругов. Антиизыскан и интерьер: «В большой комнате, освещенной сальными свечами, которые тускло горели в облаках табачного дыма...» Таков «высший свет» прославленной Петровской эпохи, демократизму которой явно симпатизирует автор. В пушкинское время подобная зарисовка не могла не шокировать придворную аристократию, и в ее публикации можно усмотреть скрытый ответ Пушкина на упреки в аристократизме. Нравоописательное и социально-проблемное сочеталось в историческом романе Пушкина.

Повести, опубликованные в первых номерах газеты, обогащали жанровую картину художественной прозы рубежа десятилетий. По своим стилистическим признакам они мало отличались от романов, в которых, однако, уже намечалась более широкая панорама жизни.

Отрывок «Киргизцы» из повести «Якуб-Батырь» А. П. Крюкова (№ 7) напоминает о повышенном интересе Пушкина в этот период его творчества к истории и жизни других народов.

В «Киргизцах» экзотика нравов, живописная выразительность патриархальных обычаев, своеобразие общения запечатлены автором, испытывающим уважение к национальным традициям. Романтический интерес к непривычному несколько не препятствует созданию действительной картины жизни киргизского народа. Проблема народности решалась в произведении путем создания реальных социально-бытовых зарисовок и осознания особенностей национального характера: замечены и степенный нрав старших, мужество и бесстрашие молодых наездников-воинов, их поэтический душевный настрой. Идея свободной и гордой народной души, выраженная в этом произведении, была близка Пушкину.

Газета знакомила читателей с переводной европейской литературой — двумя романтическими повестями: «Мелек Эль-Моды» Абеля Гюго (№ 4, 5), с историко-политическим сюжетом, и перепечатанной из лондонского журнала повестью «Сир Эдгар и его сокол» (№ 9, 10), с сюжетом детективно-историческим. В первой из них рисуется период наполеоновских войн в Египте, представлена героиня национально-освободительной борьбы арабов. Экзотический пустынный пейзаж, колоритные портреты людей египетского Востока, их нравы — военные игры, гарем, отношение воинов с военачальником, своеобразие хода сражений и поведения воюющих — все делало повесть занимательной, романтически-живописной.

Анонимная переводная детективно-историческая повесть «Сир Эдгар и его сокол», изображающая Англию XVI века, относится к ранним образцам детектива в литературе. Переводная и оригинальная «уголовная литература», как тогда ее называли, вызывала интерес читателей. «Литературная газета» в одной из статей (№ 8) писала об этом увлечении публики: «Преступница», повесть г-на Погодина, принадлежит к роду уголовной литературы, которая в чести у нас и уже обогащена несколькими произведениями того же автора». Английская повесть, опубликованная в газете, еще раз свидетельствует о пристрастии издателя к исторической тематике, нашедшей воплощение и в этом жанре. Исторический нравоописательный элемент и здесь преобладает, хотя и подчинен детективному сюжету, характерному для английской литературы: тайна преступления сохраняется до конца повести, лишь в ее финале обнаружен преступник, и справедливость торжествует.

В газетной аннотации к № 1, в которой определялся характер будущих публикаций газеты, «статьи исторические» были названы в разделе прозы, в одном ряду с повестями и романами. Однако собственно исторические (с современной точки зрения) статьи, например рецензия на труд Н. А. Полевого «История русского народа», была помещена не в разделе прозы, а в Библиографии. С другой стороны, «История государства Российского» Карамзина оценивалась в ряду художественных произведений. В жанре «исторической статьи», по-видимому, выделяли такие признаки, как свободное (не оформленное в виде романа или повести) художественное повествование очевидца о достоверных событиях, об исторических личностях, описание путешествия, памятников старины, обычаев и нравов местных жителей, их внешнего облика. «Статья историческая» — это тип художественного очерка. Подобных публикаций в газете немало: «Военная Грузинская дорога» А. С. Пушкина (№ 8), «Письмо русского путешественника из Варны» В. Г. Теплякова (№ 6), собственно и отрывок из повести А. П. Крюкова «Киргизцы» (№ 7) близок к этому жанру. Такого же характера и анонимная публикация «Убранство знатной еврейки» (№ 11, 12), по-видимому, адресованная именно читательницам, — о них как об особой категории читателей в то время нередко говорили литературные критики, в том числе Пушкин и Вяземский.

В этих публикациях обращает на себя внимание широта «интернациональных» интересов

Пушкина. «Литературная газета» рассказывала о киргизах и черкесах, о болгарах и греках, об арабах, евреях, индусах, китайцах, англичанах, французах.

Художественная проза «Литературной газеты» запечатлела момент движения главных жанров прозы от романтизма к реализму, что проявлялось прежде всего в нравоописательных картинах, социальных зарисовках, в формировании принципов реалистического историзма. Реалистическое творчество Фонвизина, на которое обращено столь большое внимание в первых номерах газеты, создавало определенный настрой, выявляло эстетические ориентации издателей. Но реализм Пушкина второй половины 20-х годов, обогащенный принципами историзма, — это качественно новый этап развития художественного метода. То, что вполне определилось в творчестве Пушкина, намечалось еще как тенденция у других писателей, публиковавших свои произведения в «Литературной газете».

На ее страницах все же наиболее значительной в художественном отношении продолжала оставаться поэзия. Именно она в тот период глубоко проникала в общественное сознание, выявляла преобладающие тенденции в общественных настроениях. Опубликованные здесь стихотворения и стихотворные отрывки А. С. Пушкина, П. А. Вяземского, Д. В. Давыдова, Е. П. Заичевского и других поэтов содержат некоторые общие моменты в их взглядах на современное состояние общества, назначение человека. В их стихах отражено и осознание нового периода общественной жизни.

В первый номер газеты Пушкин поместил отрывок из VIII главы «Евгения Онегина», в котором романтическому прошлому, выглядевшему как утро жизни, пробуждение пламенных чувств, как очарование мечтой, противопоставлена реальность современного момента. В этой реальности поэт выделил привязанность к народной жизни с ее буднями и влечением к мирному семейному очагу, к родному дому. Эстетически все это было осознано им как «проза», как «фламандской школы пестрый сор».

Идея перелома прозвучала и в стихотворении Вяземского «К ним» («Гроза меня прожгла незримою стрелою...», № 5). Стихотворение утверждает необходимость анализа прошедшего. Вяземский провозглашает на новом этапе жизни свой отказ от «пламени страстей», от волнений и «перунов». «Мир чистой совести и холодный мир чела» — таков его идеал в настоящее время.

В стихотворениях Д. Давыдова тоже обозначены два этапа жизни: героическое прошлое — имеется в виду Отечественная война — и время его забвения. Современность же определена близким Пушкину образом из народной деревенской жизни — пахаря на ниве.

Новый период общественного самосознания в последекабристское время ознаменовался усилением критического отношения к действительности. В произведениях названных авторов критика обращена прежде всего против высшего света и литературной «черни». Эпиграммы Вяземского на «глупца под позолотой» (№ 2) и Баратынского «Что пользы нам от шумных ваших прений...» (№ 6) были острыми. Стихотворение Вяземского «К ним» было задумано как обличительное. Пушкин писал по поводу этого стихотворения: «Я напечатал твое «К ним» противу воли Жуковского. Конечно, я бы не допустил к печати ничего слишком горького, слишком озлобленного. Но элегическую <...> позволено сказать, когда невтерпёж приходится благородному человеку» (XIV, 62).

В опубликованных в газете стихотворных посланиях «Я вас узнал, о мой оракул!» (№ 3) и «Когда твои молодые лета» (№ 13) Пушкин выразил свое отношение к Петербургу: «Здесь город чопорный, унылый, // Здесь речи — лед, сердца — гранит...», осудил мораль светской толпы, оправдывавшей фальшь и жестокость. Образы толпы и черни, столь значимые в его стихотворениях о поэте и поэзии, здесь выявляют свой социальный смысл, понятия «толпы» и «света» отождествлены.

Наступивший период подвергается в поэзии философско-психологическому анализу,

в результате чего появляется образ человека на распутье, бредущего какими-то темными, неясными дорогами жизни. Он пришел в стансы Пушкина («Брожу ли я вдоль улиц шумных...», № 2), и снова настойчиво прозвучали мотивы расставания, утрат, неудовлетворения окружающим, предчувствия смерти, и снова поэт заявил о влечении к родному дому («к родному пепелищу», как сказал он в другом стихотворении), к «милому пределу». В 20—30-х годах в творчестве Пушкина постоянен дорожный мотив, наиболее громко и драматически прозвучавший в «Дорожных жалобах» («Долго ль мне гулять на свете//То в коляске, то верхом...») и «Бесах» («Мчатся тучи, вьются тучи...»). Стихотворение Вяземского «Дорожная дума» (№ 3) психологически дополняло пушкинские «Дорожные жалобы» и предвосхищало «Бесов» образом сумрачной зимней дороги и выраженным в нем осознанием власти стихии над человеческой душой: «...в какой-то мир безбрежный//Ум и сердце занесли». Стихотворения воссоздавали мироощущение современного Пушкину человека: настроение недовольства, тоски, как бы потери себя (состояние «между бдения и сна»).

Такого рода стихотворения варьировали онегинские настроения — его тоску, скуку, хандру, предвосхищали печоринские переживания, подготавливали художественный мир поэзии 30-х годов — Лермонтова и Баратынского, их скепсис, рефлексию, грустную философскую медитацию.

Однако Пушкин никогда не считал демонический скептицизм окончательной философской истиной, он признавал его целесообразность лишь в качестве этапа в развитии личности, содействующего освобождению от прекраснотушных иллюзий романтизма. Безверие, бездуховность, отсутствие идеалов — все это всегда отвергалось Пушкиным: «жестокий век» обяывает человека крепить душевные силы. Через все творчество поэта прошел призыв к мужеству, к сопротивлению, к нравственному противостоянию враждебным обстоятельствам. Этот призыв восходит к его декабристским настроениям:

Мужайся ж, презирай обман,
Стезею правды бодро следуй.
(«Подражание Корану», 1824)

И в последующие годы мотив этот снова прозвучал в его поэзии:

Во глубине сибирских руд
Храните гордое терпенье...
(1827)

Призыв к мужеству, к гордому достоинству человека закономерно вошел в «Литературную газету». «Мужайся!» — восклицал Д. В. Давыдов в стихотворном послании поэту-моряку Е. П. Зайцевскому (№ 9). Последний в ответном послании провозгласил: «Твоею дружбою, хвалю // Горжуся!» (№ 11). А. А. Шаховской в «Отрывке из драматической хроники «Смоляне в 1611 году» (№ 4) устами героических предков, Минина и Авраамия Палицына, призывал: «Мужайтесь, братья...»

Эпоха, которую воспроизводил Шаховской, — эпоха Смуты, волновавшая еще декабристов, интересовала тогда и Пушкина (решался вопрос о напечатании «Бориса Годунова»); она вызывала широкий круг социальных ассоциаций, а идеи спасения отечества, душевной твердости, бесстрашия, духовной жажды патриотического подвига еще более актуализировали отрывок.

Стихотворения Д. В. Давыдова «Зайцевскому, поэту-моряку» и «Бородинское поле» и ответное послание Е. П. Зайцевского «Денису Васильевичу Давыдову» выделались среди других публикаций темой героя и героини. Стихотворения эти позволяют определить место поэзии Давыдова в литературном процессе той поры, как предшественника Лермонтова в художествен-

ном осмыслении героизма военных лет. В стихотворениях Давыдова выявились те комплексы художественных образов и поэтических мотивов, которые с много большей художественной смелостью воплотит Лермонтов в стихотворениях о Бородино.

Весьма идейно значимым было осуществление в газете объединения поэтического и героического начал. Газета указывала на особый современный, реально существующий тип поэта-героя в лице Д. Давыдова и того же Е. Зайцевского.

Певец-Герой! Ты благородным
Почтил вниманием своим
На службе юного солдата;
О славе мне заговорил...
Е. Зайцевский

Лафос героики Отечественной войны, воспоминаний о ней был органичен в публикациях «Литературной газеты». Пушкин славил подвиг Н. Н. Раевского (№ 1), ему вторил Давыдов в элегии. Газета рекомендовала читателям прозу Ф. Н. Глинки об Отечественной войне (№ 1, 6), воспоминания в стихах А. А. Шаховского «Москва и Париж в 1812 и 1814 годах» (№ 7). Тема наполеоновских войн и героического сопротивления захватчикам в Египте вошла в повесть А. Гюго. «Литературная газета» утверждала необходимость героико-гражданского звучания литературного творчества.

И наконец, предпринятая Пушкиным (в № 10 «Литературной газеты») обширная публикация отрывков из поэмы Ф. Н. Глинки «Карелия, или Заточение Марфы Иоанновны Романовой» раскрывала новую сторону эстетических пристрастий издателей газеты — лирику природы. Описание величественной северной природы, дикой и живописной, видимо, отвечало душевному настрою Пушкина — недавнего автора «Кавказа», «Обвала». Он отобрал для публикации описание лесного пожара, водопадов, неумолимой смены времен года и — одинокого человека, странствующего по лесным дебрям, рекам и озерам. В последнем отрывке впечатляет контраст грозного величия природы и мелочности, суетливости, «бестолкового кружения» людей. Какие-то эмбрионы художественного мира «Медного всадника» просматриваются в цитации Пушкиным поэмы Глинки «Карелия». Идея неподвластных человеку природных, стихийных, мятежных сил, в конечном итоге подчиняющих себе личность и определяющих ее судьбу, все больше поглощала сознание Пушкина и выявлялась в его философской поэзии. Эта идея входила как существенный элемент в кристаллизирующееся реалистическое мировоззрение поэта.

Кроме художественной прозы и поэзии, «Литературная газета» публиковала теоретико- и историко-литературные работы и литературно-критические заметки, рецензии и аннотации, систематически освещала содержание вышедших в свет альманахов, журналов, книг.

Обширный труд П. Катенина «Размышления и разборы», помещенный в пяти номерах (№ 4, 5, 9, 10, 11 — публикация продолжалась и далее), примечателен тем, что в период господства романтизма он обращает внимание читателей на классическую старинную литературу и выявляет ее ценность для своего времени. Исходный принцип теоретических построений Катенина — установление связей литературы с общественной жизнью. Следуя традициям декабристской литературной критики, он проводит мысль об общественном назначении литературы, критик хочет «поднять» читателя, приблизив его к образцам классического творчества. Однако Катенин отнюдь не склонен видеть в старинной поэзии нормы творчества, пригодные для современности. У него исторический подход к литературе, он стремится постигать прошлое в его специфических, существенных проявлениях. Он полагал, что разделение поэзии по векам и народам предпочтительнее разделения по родам и формам, но в своих рассуждениях соединил

оба принципа. Древняя поэзия интересует теоретика и как проявление гражданских, этических и эстетических представлений своего времени, и как источник художественного творчества для поэтов последующих веков, включая XIX. Наиболее смелой по мысли, вызвавшей нарекания цензуры, оказалась его статья «О поэзии еврейской» (№ 5), посвященная так называемым «священным» книгам. Церковь не принимала того «вольного» обращения с Библией, которое осуществил автор статьи.

В примечаниях к «Подражаниям Корану» Пушкин отмечал: «Нечестивые, пишет Магомет (глава *Награды*), думают, что Коран есть собрание новой лжи и старых басен». Мнение сих нечестивых, конечно, справедливо, но, несмотря на сие, многие нравственные истины изложены в Коране сильным и поэтическим образом»¹. Отношение Пушкина к Корану напоминает (хотя пушкинский скептицизм выражен непосредственно и прямо, чего нет у Катенина) отношение автора «Размышлений и разборов» к Библии. Каждую ее составную часть он рассматривает с эстетической точки зрения: он позволяет себе делать критические замечания, обнаруживая «некоторый недостаток разнообразия в Библии», прямолинейное разделение лиц на «любимцев» Саваофа и «врагов» его (только краски «белые и черные: все прочие краски сливаются и исчезают»), то, восхищаясь, сравнивает часть Библии с идиллией, то пишет о трудностях перевода. В статье выражалось светское отношение к церковному памятнику, отношению просвещенного человека Нового времени, который хочет оценить художественные красоты древнего первоисточника и освоение его мировой литературой последующих веков. Декабристы, а вместе с ними и Пушкин обращались к церковным книгам, к образам пророков, применяя их к собственной идеологии, вкладывая в них гражданственный смысл. Катенин находит в них «и наружную важность и внутреннее достоинство», утрачиваемые нередко при переводе.

Но основу «Размышлений и разборов» составляет обозрение античной литературы по родам. Мысли Катенина о коллективном создании «Илиады» и «Одиссеи» целым «поколением» народа (один начал там, где другой кончил, другой связал песни, созданные до него), о величии «высоких» зрелищ, представленных в античных трагедиях, особенно «Прометее» Эсхила, о политической остроте древнегреческих комедий, непосредственно обращенных к гражданам, были близки друзьям юности поэта — декабристам. В то же время, отвергая «романтические новации», предпочтение, оказываемое в искусстве неслышанному, невероятному, любопытному, Катенин требует от современной ему литературы естественности, простоты, верности истории. Этими принципами он сближается с эстетикой Пушкина.

Среди историко-литературных публикаций «Литературной газеты» выделяется труд П. А. Вяземского о Фонвизине (№ 2, 3). Было опубликовано введение в исследование, содержащее в себе общий взгляд на развитие русской литературы в XVIII — начале XIX века. Исходный авторский принцип обозрения тот же — осмысление отношений литературы и общества. Вяземский выразил общую неудовлетворенность незначительностью воздействия художественного творчества на всю массу населения России. Так была поставлена «Литературной газетой» центральная проблема литературной жизни всего XIX века: литература должна стать «наукой жизни».

Но до сих пор, считает Вяземский, литература не выполняла своей главной функции: «В русском обществе и в литературе русской не было и нет поныне сего обратного содействия, сего перелива оттенков с одного на другую, сей жизни, так сказать, общей в двух телах...» Причины Вяземский усматривает в аномалиях социального бытия, которое не обеспечивает должного статуса просвещенным людям, и в частности профессии литератора². Главный смысл опубли-

¹ Пушкин А. С. Полн. собр. соч. — Т. 2. — Л., 1977. — С. 193.

² Цензор, читавший рукопись, в своих пометках на полях стремился смягчить обличения Вяземского, рекомендовал видеть причину недостаточного развития литературы в нехватке читателей. См.: Новонайденный автограф Пушкина. За-

кованных фрагментов из работы Вяземского состоял в призыве, обращенном к современным писателям: занять гражданственную позицию и более глубоко выявлять общественно-историческое самосознание. Выдержанный в лучших традициях русской общественной мысли главный пафос публикации сопровождался, однако, ошибочными суждениями автора, связанными с его дворянскими предубеждениями: он преувеличивал значение меценатов в XVIII веке, просветительской деятельности Екатерины II и ее двора, несколько узко подошел к изучению литературного процесса XVIII века. Увидев в русской лирической поэзии XVIII века наивысшие достижения русской литературы, он недооценил ее сатирическое русло и не осознал истоки и контекст творчества Фонвизина.

Наиболее концептуальной литературно-критической работой в «Литературной газете» стала обширная статья Пушкина «Денница», альманах на 1830 год...» (№ 8), в которой он рассматривает обозрение русской литературы, сделанное в этом альманахе И. В. Киреевским. Статья Пушкина примечательна во многих отношениях: утверждением идеи просвещения и гражданственности, значения общественного самосознания, связей русской литературы с западноевропейской культурой, проявлением одобрительного интереса к немецкой философии и московской школе литераторов, тяготеющих к ней, осознанием самобытности и значимости русской литературы, стоящей на пороге своей зрелости. Развернутая рецензия Пушкина наряду с другими его литературно-критическими заметками в газете, работой Вяземского о Фонвизине, обзором Киреевского — существенный этап становления русской историко-литературной науки.

«Литературной газетой» были намечены основные принципы и проблематика историко-литературного исследования: литература и общественная жизнь, просветительская почва литературного развития, соотношение подражательного и самобытного в литературе, дифференциация западноевропейского влияния, развитие «поэзии действительной жизни», принцип историзма, определение литературных родов и жанров, творческих индивидуальностей.

Пушкин отвергал литературную критику как субъективную перебранку. Его литературно-критические заметки всегда содержали существенные теоретико- или историко-литературные суждения. В них преобладали различные аспекты осмысления принципов историзма, вообще изучения русской истории. Пушкин и в целом «Литературная газета» защитили «Историю государства Российского» Н. М. Карамзина от нападок со стороны Н. А. Полевого. Заслугу Карамзина как «первого нашего историка и последнего летописца» Пушкин видел в тщательном изучении первоисточников, сличении их, «ясном и верном изображении событий». Собственные мнения историка («нравственные его размышления») не были Пушкиным признаны обязательными, так как в истории наиболее ценны «действия и характеры».

Пушкин заметил срастание романа как жанра с исторической темой: «В наше время под словом *роман* разумею историческую эпоху, развитую в вымышленном повествовании» (№ 5). Пушкин требует от романиста исторической подлинности. Анализ «Юрия Милославского» Загоскина уточняет исходную теоретическую позицию критика: ему нравится широкая картина многослойной общественной жизни, правда действий и чувств людей. Неудачи автора он связывает с изображением исторических лиц; Пушкин противник «романических анахронизмов», ряженных современников.

Эта мысль Пушкина получает реализацию и развитие в других литературно-критических заметках «Литературной газеты» (№ 2, 5, 7, 8, 11, 12), посвященных историческим романам Загоскина, А. де Виньи, Манцони и некоторых других авторов. «Верного, живого изображения людей, человека, общества, эпохи, страстей» не заменяют чудесные вымыслы, «сказки», которые любят лишь читатели с детским сознанием, отмечал Вяземский (№ 8). Сравнивая романы «Об-

метки на рукописи книги П. А. Вяземского «Библиографические и литературные записки о Денисе Ивановиче Фонвизине»/Подгот. текста, ст. и коммент. В. Э. Вацура и М. И. Гиллельсона.— М.; Л., 1968.— С. 15.

рученные» Манцони с «Сен-Маром» Виньи, критик отдает предпочтение первому именно потому, что итальянский писатель рисует самую эпоху: народные сцены, страсти народные в борьбе с чужевластием, «мятежную чернь». Примечательно определена коллизия романа: «мирных поселая» автор «бросил в самый вихрь мятежей и событий исторических...». Главная тенденция литературно-критических суждений состояла, таким образом, в утверждении необходимости создания исторически достоверных характеров, проявляющихся в острых социальных коллизиях народной жизни.

В размышлении литературных критиков об истории включена, следовательно, и проблема народности. Проявлен был интерес к творческим способностям народа. Обращено внимание читателей на труд И. М. Снегирева «О народных русских пословицах» (№ 2), на предания и поверья «лесной Карелии» (№ 6, в связи с поэмой Ф. Н. Глинки «Карелия»), на «Сказку о медведе-Костоломе и об Иване, купецком сыне» О. Сомова (№ 6), которую характеризовали как «попытку рассказа в духе народных русских сказок». Была затронута и проблема народного характера как мятежного, как борющегося, поэтому и привлекли авторов такие активные деятели истории, как Минин, Авраамий Палицын, как «разбойник» Гаркуша. Автор заметки остро полемизировал с Булгариным по поводу характера атамана малороссийских гайдамаков: «Где порядочный человек (цитируется определение Булгарина.— В) К.) пожалел бы рубля, там беспорядочный Гаркуша мог бросать тысячи. Характер и дела сего странного человека, сохранившиеся и донныне в живой памяти жителей Малороссии, служат тому доказательством. Гайдамак сей обирал богатых и наделял бедных...» (№ 7). В заметке обрисован не просто тип «благородного разбойника», а образ народного защитника и мстителя, социальная роль которого обусловила его чувства и поступки. Социальный аспект проблемы народности предстал и в статье «Колонии бедных в Нидерландах» (№ 7). Вопросы политической экономии решаются в ней отнюдь не радикально, но статья заставляла думать о судьбах людей, вынужденных нищенствовать и бродяжничать и которых так много в одних только Нидерландах. Острейшая социальная проблема имущественного неравенства, небезопасности народных низов самым насущным — кровом, питанием, работой — была обсуждена в газетной публикации. Выпуская лишь литературную газету и не имея права на политический раздел в ней, издатели сумели поставить на ее страницах проблемы злободневные, высказать идеи социально-прогрессивные и гуманные, направить внимание литераторов на действительность в ее важных исторических проявлениях.

«Литературная газета» — новаторское издание, которое в условиях общественной реакции и строгого надзора боролось за «поэзию действительной жизни», гражданственную принципиальность в литературе. Публикации газеты во многом предвосхитили развитие литературы и литературной критики 30-х годов и готовили литературный процесс следующего десятилетия. Проповедуя реализм и самобытность художественного творчества, активизируя общественное сознание людей, газета привлекала в помощь и достижения классиков прошлых эпох и других народов, завоевания гражданственного романтизма, искания романтиков-философов. Газета содействовала утверждению реализма в русской литературе 30-х годов как художественного метода, дающего возможность постигать социальные нравы и отношения разных сословий и национальностей, тонкости «общезития» и плоды деятельности просвещенного ума, тайные глубины человеческого сердца. Детище Пушкина и его ближайшего окружения, «Литературная газета» дала значительный импульс просветительской деятельности в России, она выдвинула на обсуждение существеннейшие вопросы культурной, прежде всего литературной, жизни и дала публике в соответствии со своим обещанием разнообразное и занимательное чтение.

В) Касаткина

КОММЕНТАРИЙ

Читателям предлагается первое переиздание начальных тринадцати номеров знаменитой «Литературной газеты», издававшейся в 1830—1831 годах и вышедшей в количестве 109 номеров. Выбор первых тринадцати номеров газеты объясняется самым непосредственным участием в их создании А. С. Пушкина. В книге поставлена цель представить современному читателю специфику одного из лучших печатных органов 30-х годов XIX века, поэтому номера газеты переиздаются полностью, без купюр, с сохранением не только всех разделов, но и авторских и редакторских примечаний. Сняты лишь имена цензоров — К. С. Сербиновича и Н. П. Щеглова, повторяющиеся в конце номеров газеты¹, списки опечаток, замеченных издателями, и сами эти типографские печатки, допущенные при первом издании. Орфография книги приближена к современной, однако настолько, чтобы сохранить те орфографические отличия, которые передают особенности произношения в пушкинскую эпоху («станцы», «мужеский», «апофогмы» и т. д.); собственные имена даны в транскрипции «Литературной газеты» («Промефей», «Валтер Скотт»). В значительной степени сохранены пунктуационные нормы времени А. С. Пушкина.

В комментарии пояснены встречающиеся в тексте имена литературных и общественных деятелей, даны сведения об истории создания, публикации и о дальнейшей доработке помещенных в газете произведений, объяснены исторические реалии, географические названия, трудные для восприятия современным читателем, дан перевод иностранных слов.

При работе над текстом газеты и комментарием составитель опирался на имеющийся в литературоведении опыт переиздания журналов и альманахов пушкинской эпохи. Большую помощь в подготовке книги оказали научные труды Д. Д. Благого, С. М. Бонди, В. В. Виноградова, В. Э. Вацуро, М. О. Гершензона, М. И. Гиллельсона, Г. А. Гуковского, М. П. Еремина, Э. О. Кирилук, С. М. Петрова, Н. Л. Степанова, Б. В. Томашевского, Л. Г. Фризмана. Переиздание «Литературной газеты» было бы невозможно без книги Е. М. Блиновой «Литературная газета» А. А. Дельвига и А. С. Пушкина 1830—1831. Указатель содержания» (М., 1966), по которой в основном дается атрибуция текстов газеты. Учтены и отклики на эту книгу, а также новейшие работы о творчестве А. С. Пушкина и литераторов его круга. За помощь в подготовке и комментировании ряда материалов книги издатели благодарят сотрудника Института мировой литературы АН СССР С. А. Небольсина.

Объявление о выходе газеты заявляло цель и задачи нового печатного органа.

¹ А. С. Пушкин, мечтая о своем печатном органе, стремился активно участвовать не только в литературной, но и в политической жизни страны, однако официально цель газеты ограничивалась решением сугубо литературных задач: право печатать политические известия принадлежало реакционной «Северной пчеле» Ф. В. Булгарина и Н. И. Греча. Тем не менее сотрудникам газеты, прежде всего А. С. Пушкину и П. А. Вяземскому, удавалось в своих критических статьях выходить за узкие литературные рамки и затрагивать острые общественные вопросы (см. об этом Послесловие).

² Анекдот — короткий устный рассказ о любопытном происшествии или курьезном событии.

³ «Чертежи, картинки, географические карты и ноты» не были помещены в «Литературной газете» (далее ЛГ).

⁴ Издатель ЛГ — А. А. Дельвиг.

¹ Из публикуемых номеров Сербинович Константин Степанович (1797—1874) цензуровал № 1—5, Щеглов Николай Прокофьевич (1794—1831) — № 6—13.

Дельвиг Антон Антонович (1798—1831) — поэт, один из ближайших друзей А. С. Пушкина, лицеист 1-го выпуска. Автор элегий и идиллий в антологическом роде, русских романсов и песен. Печатался в журналах «Вестник Европы», «Благонамеренный», «Невский зритель», «Труды Общества любителей российской словесности» и др. Помимо ЛГ, издавал альманахи «Северные цветы» (1825—1830) и «Подснежник» (1829—1830).

⁵ А. С. Пушкин и литераторы его круга выступали за серьезную, основательную критику, которая не сводилась бы к личным счетам, не носила мелочного характера. Принципиальная борьба с литературными и общественными недругами была совершенно необходима для утверждения в литературе новых художественных принципов, потому ЛГ вступила в полемику с «Северной пчелой», «Московским телеграфом», «Галатеей».

⁶ Имеются в виду Булгарин и Греч — издатели «Северной пчелы», сотрудничавшие в альманахе «Северные цветы». ЛГ своим заявлением сразу же отделяла себя от реакционных литераторов, объявляла им войну.

⁷ *Слѣнин Иван Васильевич* (1789—1836) — издатель и книгопродавец. Издал многие книги, в том числе «Историю государства Российского» Н. М. Карамзина, басни И. А. Крылова.

⁸ *Смирдин Александр Филиппович* (1795—1857) — издатель и книгопродавец. Издал сочинения А. С. Пушкина, П. А. Вяземского, В. А. Жуковского, Н. В. Гоголя, переиздал произведения М. В. Ломоносова, Г. Р. Державина.

⁹ *Заикин Иван Иванович* (умер в 1834) — петербургский издатель и книгопродавец.

¹⁰ *Ширяев Александр Сергеевич* (умер в 1841) — московский издатель и книгопродавец.

НОМЕР 1

Номер, открывающий новое издание, в значительной степени определял его лицо. Центральное место в первом номере заняли пушкинские публикации: отрывок из «Евгения Онегина», носящий программный для творчества поэта характер, критические миниатюры, представляющие читателям новые произведения литераторов пушкинского круга. В этом же номере содержится обращение к творчеству Д. И. Фонвизина, тема Фонвизина станет одной из ведущих в газете.

¹ Перовский Алексей Алексеевич (псевдоним — *Антоний Погорельский*) (1787—1836) — писатель 20—30-х годов XIX века, был близок к декабристским кругам, находился в приятельских отношениях с А. С. Пушкиным, П. А. Вяземским, В. А. Жуковским. Автор фантастических повестей, бытовых романов.

«*Магнетизер*» — отрывок из неоконченного романа А. Погорельского, опубликован в 1-м и 2-м номерах ЛГ. На страницах газеты были напечатаны также отрывки из романа «*Монастырка*» — самого значительного произведения А. Погорельского (ЛГ, 1830, № 14, 15). Первая часть «*Монастырки*» вышла отдельным изданием в 1830 г. В 1833 г. роман опубликован полностью в двух частях, затем неоднократно переиздавался. В советское время переиздание романа осуществлено в кн.: *Антоний Погорельский. Избранное.* — М.: Сов. Россия, 1985. Здесь же впервые переиздан «*Магнетизер*».

В ЛГ было напечатано и шутивно-философское сочинение А. Погорельского — послание барону Гумбольдту «*Новая тязба о букве Ъ*» (1830, № 22).

² *Шандал* — подсвечник (устар.).

³ *Салоп* — верхняя женская одежда в виде накидки (устар.).

⁴ *Золотая медаль на алой ленте* — знак особых заслуг лиц недворянского происхождения.

⁵ *Магнетизм* — притягательная, покоряющая сила воздействия, гипнотическое внушение (устар.).

⁶ В ЛГ опечатка: «там» вместо «так».

⁷ **Отрывок** из VIII главы «Евгения Онегина» вошел в дальнейшем в «Путешествие Онегина». В этом отрывке Пушкин провозгласил свою программу реалистического искусства. Первая публикация. В последующих изданиях текст остался без изменений, за исключением 40-й строки: в ЛГ — «Мой идеал: жена хозяйка», в последующих изданиях — «Мой идеал теперь — хозяйка».

⁸ *Таврида* — прежнее название Крымского полуострова.

⁹ «*О цветке*» — глава из книги М. А. Максимовича «Размышления о природе».

Максимович Михаил Александрович (1804—1873) — украинский ботаник, филолог, поэт, фольклорист, историк. Член-корреспондент Петербургской Академии наук. Профессор ботаники Московского, а потом Киевского университетов. Был близок с А. С. Пушкиным, А. А. Дельвигом, П. А. Вяземским, Н. В. Гоголем, Т. Г. Шевченко, дружил с М. П. Погодиным. Подготовил и издал сборники украинских народных песен: «Малороссийские песни» (1827), «Украинские народные песни» и «Голоса украинских песен» (1834), которые высоко ценились современниками. Перевел на украинский язык «Слово о полку Игореве», создал труды о русской истории, литературе, языке. С 1830 по 1834 г. издавал альманах «Денница». Как ботаник развивал эволюционные идеи. Широко популяризировал естествознание, написал сочинение для народа «Книга Наума о великом божьем мире» (1833).

«Размышления о природе» — один из важнейших трудов М. А. Максимовича. Над этой книгой ученый работал с 1827 г., в свет она вышла в 1833 г. В книге популярно, образно освещались основные вопросы ботаники. Главы из «Размышлений о природе» в начале 30-х годов печатались также в «Московском вестнике», «Новом магазине», «Северных цветах», «Телескопе», «Библиотеке для чтения».

¹⁰ *Синель* — сирень.

¹¹ *Ясмин* — жасмин.

¹² *Альбука* — растение семейства лилейных.

¹³ *Орнитогал* — растение семейства лилейных.

¹⁴ *Фиал* — чаша, сосуд.

¹⁵ *Ипомея* — растение семейства вьюнковых.

¹⁶ *Линней* Карл (1707—1778) — шведский естествоиспытатель, создатель систематики растительного и животного мира, автор получившей широкую известность книги «Система природы» (1735).

¹⁷ *Красоля* — растение семейства крестоцветных.

¹⁸ Автор заметки предположительно О. М. Сомов.

Сомов Орест Михайлович (1793—1833) — писатель, журналист, литературный критик. Автор трактата «О романтической поэзии» (1823), этнографических повестей с украинской тематикой: «Гайдамак», «Киевские ведьмы», «Богдан Хмельницкий» и др., многих критических статей, переводов. Участвовал почти во всех периодических изданиях 20—30-х годов: «Полярной звезде», «Соревнователе просвещения и благотворения», «Благонамеренном», «Невском зрителе», «Вестнике Европы», «Северных цветах», «Альционе», «Подснежнике», «Сыне отечества», «Северной пчеле». Активный помощник А. С. Пушкина и А. А. Дельвига в издании ЛГ, а после смерти А. А. Дельвига (январь 1831) — ее редактор.

¹⁹ *Фонвизин* (Фон-Визин) Денис Иванович [1744 (1745) — 1792] — сатирик и драматург. Автор комедий «Бригадир», «Недоросль», стихотворных сатир, прозаических произведений, переводов. А. С. Пушкин и литераторы его круга считали Д. И. Фонвизина одним

из самых оригинальных и значительных русских писателей, особенно они ценили Д. И. Фонвизина как создателя новой комедии. Отсюда повышенное внимание А. С. Пушкина к труду П. А. Вяземского «Фонвизин», обращение к этому сочинению в ЛГ (1830, № 2, 3), публикация на страницах газеты неизвестного читателя произведения Д. И. Фонвизина «Разговор у княгини Халдиной» (1830, № 3), неоднократное упоминание об издании сочинений писателя.

²⁰ Указанное собрание сочинений Д. И. Фонвизина вышло в 1830 г. в 4-х частях. Его подготовил Платон Петрович Бекетов (1761—1836) — книгоиздатель, библиограф, историк; осуществил издание Иван Григорьевич Салаев (умер в 1858) — книгоиздатель и книгопродавец. Однако издание не было полным: многие произведения Д. И. Фонвизина не вошли в него. Об этом труде упомянул В. Г. Белинский в статье «Речь о критике... А. Никитенко», отметив, что Фонвизин был «издан г. Салаевым довольно толковито, но без переводов» (Белинский В. Г. Полн. собр. соч.— Т. 6.— С. 301). Впоследствии вышло в свет несколько полных собраний сочинений Д. И. Фонвизина.

²¹ *Вяземский Петр Андреевич* (1792—1878) — поэт, критик, историк литературы; близкий друг А. С. Пушкина, Н. М. Карамзина, В. А. Жуковского, К. Н. Батюшкова, многих декабристов. Помимо ЛГ, деятельно сотрудничал в «Московском телеграфе» Н. А. Полевого (1825—1827), в пушкинском «Современнике» (1836).

²² По предположению Е. М. Блиновой, приведшей логические и текстологические аргументы, статья о переводе на русский язык китайской детской энциклопедии была написана или отредактирована А. С. Пушкиным (Блинова Е. М.— С. 139—143).

²³ *Бичурин Никита Яковлевич* (в монашестве Иакинф) (1777—1853) — русский востоковед, член-корреспондент Российской АН, автор многих научных трудов об истории, культуре, философии, этнографии тюркоязычных народов Средней и Центральной Азии, прежде всего Китая. Был главой духовной миссии в Пекине, организовал первое в России училище китайского языка. Находился в близких отношениях с А. С. Пушкиным, И. А. Крыловым, многими декабристами.

²⁴ Автор сообщения предположительно О. М. Сомов.

²⁵ «Северные цветы» — литературный альманах, выходивший в Петербурге с 1825 по 1831 г. Издавался А. А. Дельвигом, с 1827 г. в издании альманаха принимал участие О. М. Сомов; после смерти А. А. Дельвига последний выпуск альманаха (на 1832 г.) в пользу семьи покойного подготовил А. С. Пушкин. «Северные цветы» пользовались большой популярностью, так как здесь печатались произведения лучших литераторов 20—30-х годов: А. С. Пушкина, В. А. Жуковского, К. Н. Батюшкова, Е. А. Баратынского, П. А. Вяземского, Н. М. Языкова, П. А. Плетнева, Ф. Н. Глинки, О. М. Сомова и др.

²⁶ *Крюков Александр Павлович* (1803—1833) — писатель, автор повестей с ярко выраженным этнографическим характером: «Оренбургский меновой двор» (1827), «Киргизский набег» (1829) и др. Печатался в «Благонамеренном», «Сыне отечества», «Вестнике Европы», «Северных цветах»; в ЛГ был опубликован отрывок из повести «Якуб-Батырь» (1830, № 7).

²⁷ *Глинка Федор Николаевич* (1786—1880), — поэт, публицист; участник Отечественной войны 1812 г. и заграничных походов 1813—1814 гг., член «Союза спасения», затем «Союза благоденствия». После поражения восстания декабристов был арестован и послан в Петро-заводск (до 1830 г.), где изучал фольклор, этнографию Карелии, что нашло отражение в его произведениях. Автор «Писем русского офицера» (1815—1816), поэм «Дева карельских лесов» (1828), «Карелия, или Заточение Марфы Иоанновны Романовой» (1830), «Очерков Бородинского сражения» (1839) и др. Печатался в «Полярной звезде», «Северных цветах»,

«Москвитянин» и др. В ЛГ опубликовал стихотворения «Сон русского на чужбине» (1830, № 49), «Спор и решение» (1830, № 60), «Сад» (1830, № 63), «Склонение» (1831, № 18). Пушкин посвятил «Карелии» статью в ЛГ (1830, № 10).

²⁸ *Волконская Зинаида Александровна* (1792—1862) — писательница, певица, композитор. Хозяйка литературного салона, который посещали А. С. Пушкин, В. А. Жуковский, Е. А. Баратынский, Д. В. Веневитинов, А. Мицкевич и др. Помимо «Северных цветов» печаталась в «Дамском журнале», «Московском наблюдателе».

²⁹ Статья написана А. С. Пушкиным в 1829 г. Это отклик на тяжбу издателя «Вестника Европы» М. Т. Каченовского с цензором С. Н. Глинкой по поводу публикации статьи Н. А. Полевого, направленной против М. Т. Каченовского. Статья А. С. Пушкина с трудом прошла цензуру, которая сделала в ней ряд сокращений.

³⁰ *Сенковский Осип Иванович* (1800—1858) — русский востоковед, писатель, журналист. Специалист по арабской, персидской, турецкой филологии; занимался изучением Древнего Востока и стран современного ему Востока. Активно сотрудничал в «Северной пчеле», редактировал «Библиотеку для чтения».

³¹ За подписью «Арз.» («Арзамасец») была напечатана в «Северных цветах» на 1830 год эпиграмма А. С. Пушкина «Седой Свистов! ты царствовал со славой».

³² *Баратынский Евгений Абрамович* (1800—1844) — поэт, был дружен с декабристами К. Ф. Рылевым, А. А. Бестужевым, входил в пушкинский круг поэтов. Помимо «Северных цветов», печатался в журналах «Благонамеренный», «Сын отечества», «Соревнователь просвещения и благотворения» и др. В ЛГ опубликовал три эпиграммы (1830, № 32, 33, 47) и стихотворения «Генриетте Зонтаг» (1830, № 49), «Имя» (1830, № 51).

³³ *Деларю Михаил Данилович* (1811—1868) — поэт, лицеист 5-го выпуска, друг А. А. Дельвига и поклонник его таланта, что нашло отражение в поэзии М. Д. Деларю. Много занимался переводами классических авторов, прежде всего Вергилия и Овидия. Помимо «Северных цветов», печатался в «Литературных прибавлениях к «Русскому инвалиду», «Библиотеке для чтения». В ЛГ опубликовал многие свои произведения: «Ворожба» (1830, № 7), «Злому духу» (1830, № 25), «Гроза» (1830, № 29), «В альбом М. Ф. Б...ей» (1830, № 34), «Слава нечестивца» (1830, № 61), «Цветок на могилы падших в турецкую войну» (1830, № 64), «Эпиграмма» (1830, № 67), «Полет души» (1831, № 4), «К могиле барона Дельвига» (1831, № 6), «Б. С. М. Д-г» (1831, № 12), «Очарованная роза» (1831, № 19), «Муза» (1831, № 29), «Лизаньке Дельвиг» (1831, № 31).

³⁴ *Измайлов Александр Ефимович* (1779—1831) — баснописец, прозаик, журналист. Издатель журналов «Цветник» (1809—1810), «Благонамеренный» (1818—1826), газеты «Санкт-Петербургский вестник» (1812). Центральное место в творчестве А. Е. Измайлова занимают басни, пользовавшиеся у современников большой популярностью.

³⁵ *Катенин Павел Александрович* (1792—1853) — поэт, драматург, теоретик литературы, критик. Член «Союза спасения». Был близок с А. С. Пушкиным, А. С. Грибоедовым, В. К. Кюхельбекером, И. А. Крыловым, А. А. Шаховским. А. С. Пушкин всегда высоко ценил своеобразие мастерства П. А. Катенина, отмечал его поэтическую независимость, критический дар. Помимо «Северных цветов», П. А. Катенин печатался в журналах «Цветник», «Сын отечества», «Библиотека для чтения», альманахе «Русская Талия», в ЛГ издавался его обширный теоретический труд «Размышления и разборы» (1830, № 4, 5, 6, 7, 8).

³⁶ *Козлов Иван Иванович* (1779—1840) — поэт, переводчик. Последователь В. А. Жуковского. Автор poem «Чернец» (1825), «Княгиня Наталья Борисовна Долгорукая» (1828), стихотворной повести «Безумная» (1830), лирических стихотворений. Переводил произведения Петрарки, Тасса, Шиллера, Шенье, Мицкевича, Бернса, Мура, Байрона и др.

Помимо «Северных цветов», печатался в журналах «Сын отечества», «Новости литературы». В ЛГ опубликовал стихотворения «Из Ариостова: Orlando furioso» (1830, № 18), «Высокопресвященному Филарету» (1830, № 65), «Воспоминание» (1831, № 17).

³⁷ *Котляревский Иван Петрович* (1769—1838) — украинский писатель. Был близок к декабристским кругам, но сам стоял на позициях умеренного просветительства. Автор поэмы «Энеида» (изд. 1842), представляющей собой переложение произведения Вергилия на украинские нравы XVIII в., пьес «Наталка Полтавка» (1838), «Солдат-чародей» (1841), лирических стихотворений. Помимо «Северных цветов», печатался в «Украинском сборнике».

³⁸ *Ободовский Платон Григорьевич* (1805—1864) — поэт, драматург, переводчик. Автор лирических стихотворений, переводных и оригинальных драм: «Велизарий», «Заколдованный дом», «Первая и последняя любовь Карла XII», «Русская боярыня XVII в.», «Боярское село», «Братья купцы» и др. Печатался в журналах «Благонамеренный», «Соревнователь просвещения и благотворения», «Славянин», «Галатея», «Сын отечества», «Новости литературы», в «Северной пчеле», а также в альманахах 20—30-х годов. В ЛГ П. Г. Ободовский поместил стихотворение «Из Шиллеровой «Песни о колоколе» (1830, № 27).

³⁹ *Подолинский Андрей Иванович* (1806—1886) — поэт. Первоначально был близок к кругу А. С. Пушкина и А. А. Дельвига, но потом отошел от него. Автор поэм «Див и Пери» (1827), «Борский» (1829), «Нищий» (1830), лирических произведений. Печатался во многих альманахах 20—30-х годов, в «Северной пчеле». В ЛГ было помещено стихотворение А. И. Подолинского «Отвержение» (1830, № 22).

⁴⁰ *Розен Егор Федорович* (1800—1860) — поэт, драматург. Автор исторических драм, трагедий, лирических стихотворений. Издавал альманах «Альциона» (1831—1833), был соиздателем альманаха «Царское Село» (1829); печатался в «Северных цветах», пушкинском «Современнике», «Сыне отечества». В ЛГ были опубликованы стихотворения Е. Ф. Розена «Упрек» (1830, № 37), «Элегия» (1830, № 41), «Тени друга» (1831, № 25), «Баронессе Елизавете Антоновне Дельвиг» (1831, № 28), «Элегия» (1831, № 33).

⁴¹ *Ротчев Александр Гаврилович* (1806—1873) — поэт, переводчик, публицист. В 20—30-е годы печатался в «Северных цветах», «Урании», «Северной лире», «Галатее» и др., в 50-е годы — в «Пантеоне», «Северной пчеле», «Сыне отечества».

⁴² *Тепляков Виктор Григорьевич* (1804—1842) — поэт, прозаик. За знакомство с декабристами отбывал заключение в Петропавловской крепости, был сослан в Херсон. Получив прощение Николая I, путешествовал по Кавказу и Балканскому полуострову, занимался археологическими исследованиями. В. Г. Тепляков был в дружеских отношениях с А. С. Пушкиным, высоко ценившим его творчество, особенно «Фракийские элегии». Помимо «Северных цветов», печатался в «Одесском вестнике», «Одесском альманахе», «Новостях литературы», «Литературных прибавлениях к «Русскому инвалиду» и др. В ЛГ В. Г. Тепляков опубликовал стихотворения «Четыре времени жизни» (1830, № 13), «Последний вечер в***» (1830, № 21), «Безнадежность» (1830, № 23), «К мечтательнице» (1830, № 39), «К Зельмире» (1830, № 40), а также «Письмо русского путешественника из Варны» (1830, № 6).

⁴³ *Туманский Василий Иванович* (1800—1860) — поэт. Был близок с А. С. Пушкиным, А. А. Дельвигом, К. Ф. Рылевым, А. А. Бестужевым, В. К. Кюхельбекером. Помимо «Северных цветов», печатался в «Полярной звезде», «Сыне отечества», «Благонамеренном», «Соревнователе просвещения и благотворения», «Новостях литературы», «Московском вестнике», «Славянине», «Современнике», «Отечественных записках» и др. В ЛГ было помещено стихотворение В. И. Туманского «Певица» (1830, № 57).

⁴⁴ *Туманский Федор Антонович* (1800—1853) — поэт, двоюродный брат В. И. Туманского. Печатался в «Северных цветах». А. С. Пушкин посвятил Ф. А. Туманскому стихотворение «Ответ Ф. А. Т.».

⁴⁵ *Хомяков Алексей Степанович* (1804—1860) — публицист, философ, поэт, славянофил старшего поколения. Переводил произведения античных поэтов, Шиллера. Автор исторических драм «Ермак» (1832), «Дмитрий Самозванец» (1833), «Записок о всемирной истории» (1871—1873). Лирические произведения А. С. Хомякова А. С. Пушкин назвал «прекрасными». (Пушкин А. С. Полн. собр. соч.— Т. 6.— С. 639). Печатался в «Полярной звезде», «Московском вестнике», «Европейце», «Библиотеке для чтения», «Москвитянине», «Русской беседе» и др. В ЛГ опубликовал «Подражание древним» (1830, № 72), «Два часа» (1831, № 5), «Просьбу» (1831, № 13), «Разговор» (1831, № 28).

⁴⁶ *Шемиот В.* — малоизвестный поэт 20—30-х годов. Печатался в «Северных цветах».

⁴⁷ *Шишков Александр Ардалионович* (1799—1832) — поэт, племянник писателя, учредителя «Беседы любителей русского слова» А. С. Шишкова. Был близок с А. С. Пушкиным, декабристами. Перевел на русский язык многие произведения немецких драматургов: Шиллера, Гете, Тика, Мильтона, Кернера и др. Переводы А. А. Шишкова были объединены в книге «Избранный немецкий театр» (1830).

⁴⁸ *Лангер Валериан Платонович* (1802 — после 1865) — художник, лицеист 2-го выпуска. Идала литографированные виды Царского Села (1823), перевел на русский язык «Об искусстве смотреть на художества по правилам Зульцера и Менгса, соч. Милиции» (1827), написал «Краткое руководство к познанию изящных искусств, основанных на рисунке» (1841). Постоянно давал в ЛГ небольшие заметки о художниках, выставках. В 1835 г. в письме к П. А. Плетневу А. С. Пушкин упоминает о В. П. Лангере как о создателе виньеток, планирует привлечь его к изданию нового печатного органа. (Пушкин А. С.— Т. 16.— С. 56).

⁴⁹ *Ческий Иван Васильевич* [1777 (1782) — 1848] — гравер. Гравировал портреты, пейзажи, виньетки и иллюстрации для «Северных цветов», «Невского альманаха», «Новоселья» и др.

⁵⁰ «Альманах анекдотов» на 1830 год был издан К. Зейдедем, включал в свой состав 242 анекдота. Книга имела некоторый успех, и в 1831 г. К. Зейдель выпустил второй альманах, состоявший из 240 анекдотов.

⁵¹ Имеются в виду сборники «Спутник и собеседник веселых людей, или Собрание приятных и благопристойных шуток, острых и замысловатых речей и забавных повестей» и «Товарищ разумной и замысловатой, или Собрание хороших слов, разумных замыслов, скорых ответов, учтивых насмешек и приятных приключений знатных мужей древнего и нынешнего веков», издававшиеся в 70—80-е годы XVIII в.

⁵² Автор статьи предположительно В. Н. Щастный.

Щастный Василий Николаевич (1802 — не ранее 1853) — поэт, переводчик, член нескольких научных обществ. Секретарь редакции и активный сотрудник ЛГ, автор сообщений и заметок по вопросам науки. В газете были помещены также стихотворения В. Н. Щастного: «Загадка. К***» (1830, № 57), «Видение» (1830, № 70), «Евангелие» (1831, № 37), эпиграммы (1831, № 26).

⁵³ *Персия* — прежнее название Ирана.

⁵⁴ Имеется в виду русско-иранская война 1826—1828 гг., по окончании которой был подписан 10(22) февраля 1828 г. Туркманчайский договор. В выработке условий договора участвовал А. С. Грибоедов. В результате договора упрочились русские позиции в Закавказье, усилилось влияние России на Среднем Востоке.

⁵⁵ *Зороастр* (Заратустра) (660—583 до н. э.) — реформатор древнеиранской религии.

⁵⁶ *Минарет* — башня мечети, с которой мусульмане призывались на молитву.

⁵⁷ Автор заметки — А. С. Пушкин. Заметка является откликом на некролог, написанный декабристом М. Ф. Орловым (1788—1842), сосланным после событий 1825 г. в деревню под надзор полиции, поэтому имя его не могло быть названо в печати.

⁵⁸ *Раевский Николай Николаевич* (1771—1829) — известный генерал, участник войн с Турцией, Польшей, Францией, Швецией. Герой Отечественной войны 1812 г. Особенно прославился в битве под Смоленском, в Бородинском сражении, в боях под Малоярославцем и Красным. Был близок к декабристам, намечался ими в члены Временного правления. С семьей Н. Н. Раевского дружил А. С. Пушкин, особенно в годы южной ссылки.

⁵⁹ А. С. Пушкин говорит о двух сыновьях Н. Н. Раевского — Александре и Николае, которых отец повел в атаку во время сражения при Дашковке 11 июля 1812 г.; детям было 16 и 11 лет. По некоторым источникам, это легенда (Б а т ю ш к о в К. Н. Опыты в стихах и прозе. — М., 1978. — С. 413—414). Братья Раевские, особенно Николай, были близкими друзьями А. С. Пушкина; оба привлекались к следствию по делу декабристов.

⁶⁰ Автор заметки — А. С. Пушкин. Заметка была задержана цензурой.

⁶¹ *Констан де Ребек, Бенжамен Анри* (1767—1830) — французский писатель и публицист. «Адольф», единственный роман Констанана, написан в 1816 г., сыграл большую роль в развитии прогрессивного романтизма в Западной Европе и в России. Перевод «Адольфа» на русский язык, сделанный П. А. Вяземским, с трудом прошел цензуру, вышел в 1831 г., был посвящен А. С. Пушкину.

⁶² *Байрон Джордж Ноэль Гордон* (1788—1824) — знаменитый английский поэт. Оказал огромное влияние на европейскую литературу. Создатель «байронизма» — литературного течения, которое характеризуется культом сильной личности, находящейся в конфликте с обществом.

НОМЕР 2

Во 2-м номере А. С. Пушкин продолжает публикацию своих лирических и критических сочинений. Он представляет читателям основной труд еще одного литератора своего круга, Н. И. Гнедича — перевод «Илиады». В ЛГ появляются произведения П. А. Вяземского и А. А. Дельвига. Особое место в номере занимает начало фундаментального труда П. А. Вяземского «Фонвизин».

¹ *Коломна* — окраина Петербурга, заселенная в основном бедняками.

² *Немецкая слобода* — бывший район северо-восточной части Москвы, на берегу Яузы.

³ *Станцы* написаны А. С. Пушкиным в 1829 г. Первая публикация. Без изменений вошла в собрания сочинений поэта, лишь форма «станцы» с издания 1838 г. была преобразована в «стансы».

⁴ *Эпиграмма* П. А. Вяземского написана в 1830 г. Первая публикация. Вошла в 4-й том Полного собрания сочинений П. А. Вяземского 1878—1896 гг.

Руссо Жан Батист (1670—1741) — французский лирический поэт, автор злых эпиграмм, направленных против влиятельных лиц Франции; за свои сочинения поэт был выслан из страны. А. С. Пушкин и П. А. Вяземский высоко ценили острые сатиры Ж. Б. Руссо.

⁵ Монография П. А. Вяземского о Д. И. Фонвизине — историко-литературное исследование творчества писателя в связи с его жизнью, окружением, эпохой. Уже в ранних работах: «О Державине» (1816), «О жизни и сочинениях В. А. Озерова» (1817), «О Кавказском пленнике» (1822), «Известиях о жизни и стихотворениях И. И. Дмитриева» (1823), «Замеча-

ниях на краткое обозрение русской литературы 1822 года» (1823) — П. А. Вяземский устанавливал связи современной ему литературы с предшествующей, с потребностями общества, писал о влиянии просвещения на развитие литературного процесса, отмечал значение сатиры. Эти положения представлены и в труде «Фонвизин».

Первая публикация отрывков из сочинения П. А. Вяземского осуществлена ЛГ (1830, № 2, 3, 17, 40). Отдельное издание произведения было в 1848 г., впоследствии «Фонвизин» вошел в 5-й том Полного собрания сочинений П. А. Вяземского. В советское время две главы этой работы (I и VII) напечатаны в сб.: Вяземский П. А. Эстетика и литературная критика. — М., 1984.

«Введение к жизнеописанию Фон-Визина» представляет собой первую главу труда, посвященную общим вопросам литературы. Основная проблема «Введения» — связь литературы и общества. Отличительные черты лирики XVIII в. критик ставит в прямую зависимость от исторических событий, от общественного настроения. Торжественный, высокий характер лирической поэзии он рассматривает как отражение внешней политики русского государства, направленной на укрепление независимости и политической мощи страны. Однако освещение Вяземским истории России, положенное им в основу рассуждений о литературе, определение характера русского народа излишне категоричны и объясняются духом эпохи XVIII в. Слабое развитие других литературных родов П. А. Вяземский объясняет застоем русской общественной жизни. Даже в комедиях Д. И. Фонвизина он не находит отпечатков общества, а в обществе — отголоска Фонвизина. Но, сделав такое заявление в начальной главе, П. А. Вяземский в дальнейшем выявляет связь комедий писателя с русской общественной жизнью XVIII в.

Рассуждения о литературе неотделимы у П. А. Вяземского от воссоздания идеализированной атмосферы екатерининского времени, которое критик понимал как продолжение эпохи Петра Великого и с которой он связывал все успехи русского Просвещения. Суждения П. А. Вяземского были полемически направлены против политики Александра I и Николая I. Его выступление — ответ на последекабрьскую реакцию в стране. В союзники себе П. А. Вяземский берет либеральную Францию, которая находилась в оппозиции к монархии Бурбонов, ратует за влияние французской литературы на русскую.

Оценивая эпоху Д. И. Фонвизина, П. А. Вяземский затрагивает вопрос о меценатах — покровителях поэтов и ставит «непокорную аристократию ума и дарований» выше «аристократии породы и чинов». По его глубокому убеждению, писатель должен быть независимым, служить делу просвещения, а не лицам. В этом П. А. Вяземский солидарен с А. С. Пушкиным.

Текст «Фонвизина», представленный в ЛГ, существенно отличается от текста, напечатанного в издании 1848 г. и в Полном собрании сочинений П. А. Вяземского: в основном это стилистическая правка, однако исправления вносят новые смысловые оттенки, углубляют содержание.

⁶ В последующих изданиях: «Можно еще допустить, что в некотором отношении литература бывает двоякая: одна для народа то, что дар слова для человека; то, чем передает он себя ближним и потомству; то, чем он человек, то есть существо мыслящее и чувствующее. Человек без сего способа выражать себя и народ, не имеющий сей литературы, существа неполные, не достигающие цели бытия своего».

⁷ Ромберг Бернхард (1767—1841) — немецкий виолончелист и композитор, виртуозный музыкант.

⁸ Ломоносов Михаил Васильевич (1711—1765) — поэт, ученый-энциклопедист. Реформатор русского стихосложения, основатель русской стилистики. Автор похвальных од, прославляющих не столько монарха, сколько просвещение и достижения науки.

⁹ *Державин* Гаврила Романович (1743—1816) — поэт, разрушивший каноны классицистической оды, соединивший в одном произведении элементы оды и сатиры. Автор драматических произведений.

¹⁰ *Карамзин* Николай Михайлович (1766—1826) — писатель, критик, историк, журналист. Глава и теоретик русского сентиментализма. Автор популярных повестей, «Писем русского путешественника», «Истории государства Российского». Издатель «Московского журнала», «Вестника Европы», альманахов «Аглая», «Аониды». Внес большой вклад в становление национального литературного языка, сблизив его с разговорным.

¹¹ *Дмитриев* Иван Иванович (1760—1837) — поэт, по преимуществу сатирик. Друг Г. Р. Державина, Н. М. Карамзина. Автор песен, сказок, эпиграмм, басен, отличавшихся легкостью языка и стиля.

¹² *Озеров* Владислав Александрович (1769—1816) — драматург. Создатель трагедий «Эдип в Афинах», «Фингал», «Дмитрий Донской», «Поликсена», сыгравших значительную роль в становлении русского сентиментализма.

¹³ *Вольтер* (Франсуа Мари Аруэ) (1694—1778) — великий французский писатель и мыслитель. Выступал против королевской власти, католической религии и церкви, сословных предрассудков. Внес большой вклад в идейную подготовку Великой французской буржуазной революции.

Вольтер оказал сильное влияние на А. С. Пушкина и его современников. А. С. Пушкин с детства зачитывался сочинениями Вольтера, особенно «Орлеанской девственницей». Момент подражания Вольтеру ощутим в таких произведениях, как: «Руслан и Людмила», «Гавриилиада», но в зрелые годы литературные и политические взгляды Вольтера уже не вполне удовлетворяли А. С. Пушкина. П. А. Вяземский также высоко ценил творчество Вольтера, защищал писателя от нападок литераторов консервативного направления (М. Т. Каченовского), стремился знакомить русских читателей с произведениями Вольтера и других французских просветителей.

¹⁴ *Расин* Жан (1639—1699) — французский драматург. Автор классицистических трагедий: «Андромаха», «Баязет», «Митридат», «Ифигения в Авлиде», «Федра». А. С. Пушкин высоко ценил стихосложение и лиризм трагедий Расина.

¹⁵ *Крылов* Иван Андреевич (1769—1844) — баснописец, драматург, журналист. Автор комических опер, комедий, трагедий, «восточной повести» «Кайб». Издатель журналов «Почта духов», «Зритель», «Санкт-Петербургский Меркурий». Новатор в области басенного жанра.

¹⁶ *Жуковский* Василий Андреевич (1783—1852) — крупнейший поэт романтизма. Близкий друг и предшественник А. С. Пушкина. Автор элегий, песен, баллад, поэм, повестей в стихах, по преимуществу переводных.

¹⁷ В последующих изданиях далее идет фраза, отсутствующая в ЛГ: «Так, она не есть жизнь народа нашего, а разве одна из блистательных страстей общежития его: она не народный дар слова, не народный глагол, а одно изящное выражение народа, как музыка или живопись».

¹⁸ В последующих изданиях далее идет фраза, отсутствующая в ЛГ: «Русский народ сильнее, плечистее, громогласнее своей литературы. В сравнении с ним она несколько тщедушна. Место, занимаемое им в литературном мире, не соответствует тому, коим завладел он в мире политическом».

¹⁹ *Княжнин* Яков Борисович (1740—1791) — писатель-просветитель, поэт, драматург, переводчик. Автор лирических произведений, трагедий, комедий, комических опер. Поднимал актуальные вопросы русской жизни второй половины XVIII в.

²⁰ Имеется в виду Н. М. Карамзин, его «История государства Российского».

²¹ В последующих изданиях далее идет фраза, отсутствующая в ЛГ: «Лира Ломоносова была отголоском полтавских пушек». Вяземский несколько односторонне характеризует поэзию Ломоносова.

²² *Петров* Василий Петрович (1736—1799) — поэт, переводчик. Автор хвалебных од, посланий, сатирических произведений. Перевел на русский язык «Энеиду» Вергилия, три песни «Потерянного рая» Мильтона.

²³ «*Чужой толк*» — сатира И. И. Дмитриева, направленная против устаревшей классицистской поэзии.

²⁴ *Линь* Карл (1735—1814) — австрийский полководец, писатель, государственный деятель. В 1762 г. приезжал посланником к Екатерине II и сопровождал ее в путешествии по южной России.

²⁵ *Орлов* Алексей Григорьевич (1737—1807) — государственный и военный деятель, генерал-аншеф. В русско-турецкой войне 1768—1774 гг. командовал эскадрой русского флота, одержал серьезные победы у Наварина и в Чесменском бою 1770 г.

²⁶ *Потемкин* Григорий Александрович (1739—1791) — государственный и военный деятель, дипломат, генерал-фельдмаршал. Отличился в русско-турецкой войне 1768—1774 гг.

²⁷ *Румянцев* Петр Александрович (1725—1796) — полководец, генерал-фельдмаршал. Участвовал в русско-шведской войне 1741—1743 гг., Семилетней войне 1756—1763 гг., русско-турецких войнах 1768—1774, 1787—1791 гг.

²⁸ *Суворов* Александр Васильевич [1729 (1730) — 1800] — полководец и военный теоретик, генералиссимус. Участвовал в Семилетней войне, русско-турецких войнах, возглавил Итальянский и Швейцарский походы 1799 г. Автор «Науки побеждать» (1796), обобщившей его многолетний опыт обучения и воспитания солдат.

²⁹ *Людовик XIV* (1638—1715) — французский король, при котором сильно был развит абсолютизм.

³⁰ *Версаль* — город во Франции, с 1682 по 1789 г. главная резиденция французских королей.

³¹ *Ришелье* Арман Жан дю Плесси (1585—1642) — герцог, кардинал, знаменитый французский политический деятель, способствовал укреплению абсолютизма во Франции.

³² *Мазарини* Джулио (1602—1661) — деятель французского абсолютизма, кардинал, первый министр Франции.

³³ *Ферней* — местечко около Женевы, где Вольтер провел последние двадцать лет своей жизни.

³⁴ Имеется в виду «История Российской империи при Петре Великом» (1759—1763) Вольтера.

³⁵ *Шувалов* Иван Иванович (1727—1797) — фаворит императрицы Елизаветы Петровны, меценат, первый куратор Московского университета.

³⁶ *Делисы* — усадьба Вольтера близ Женевы.

³⁷ *Дашкова* Екатерина Романовна (1744—1810) — общественный и литературный деятель. Директор Петербургской Академии наук. Автор мемуаров (1804—1806).

³⁸ *Бейль* Пьер (1647—1706) — один из ранних представителей французского Просвещения. Философ-скептик, предшественник французских материалистов XVIII в. Главный труд — «Исторический и критический словарь» (1695).

³⁹ *Монтескье* Шарль Луи (1689—1755) — французский мыслитель, критик абсолютистских порядков, церкви, духовенства. Основные труды: «Персидские письма» (1721), «Рассуждения о причинах величия и падения римлян» (1734), «О духе законов» (1748).

⁴⁰ *Гельвеций* Клод Адриан (1715—1771) — представитель французского материализма XVIII в., сыграл большую роль в подготовке утопического социализма. Основные произведения: «Об уме» (1758), «О человеке» (1773).

⁴¹ Автор заметки — А. С. Пушкин.

«Галатея» — «журнал литературы, новостей и мод», издававшийся С. Е. Раичем в 1829—1830 гг.; приписав заметку А. А. Дельвигу, высказала свое несогласие с высокой оценкой «Литературной газетой» перевода Н. И. Гнедича, упрекнула ее в пристрастии к своим авторам. А. С. Пушкин в № 12 газеты за 1830 г. раскрыл свое авторство и отвел обвинения в пристрастии, предъявленные газете.

Гомер (от XII до VII в. до н. э.) — полубогендарный древнегреческий поэт, который считается автором эпических поэм «Илиада» и «Одиссея».

Гнедич Николай Иванович (1784—1833) — поэт, переводчик. В 1829 г. опубликовал полный перевод «Илиады», над которым работал более 20 лет. А. С. Пушкин приветствовал перевод Н. И. Гнедича, по этому поводу поэты обменялись письмами.

⁴² Автор заметки — А. А. Дельвиг.

«*Радуга*» — литературный и музыкальный альманах на 1830 год. Издан драматургом и историком русского театра Пименом Николаевичем *Араповым* (1796—1861) и малоизвестным поэтом *Д. И. Новиковым*. Альманах имел театральный уклон.

⁴³ В ЛГ опечатка: «ны» вместо «мы».

⁴⁴ *Снегирев Иван Михайлович* (1793—1868) — археолог, фольклорист. Издал сборники: «Русские в своих пословицах», «Русские простонародные праздники и суеверные обряды», «Русская старина в памятниках церковного и гражданского зодчества», «Памятники древнего художества в России» и др.

⁴⁵ Помимо названных, в отделе «Проза» альманаха «Радуга» были опубликованы «Проводы шайтана», «Поминки» И. И. Лажечникова, «Звезда», «Судак» Д. И. Новикова, «Парящая», «Весна» Ф. Н. Глинки, «Мысли и замечания» Н. Д. Иванчина-Писарева, сцены из комедии А. А. Шаховского «Федор Григорьевич Волков», а также неподписанные произведения: «Визитные билеты», «Анекдоты», «Бал».

⁴⁶ *Полевой Николай Алексеевич* (1796—1846) — писатель, журналист, литературный критик, историк; активный защитник романтического направления в литературе. Автор «Истории русского народа» (т. I—VI, 1829—1833), романов, повестей, пьес, литературно-критических работ. Печатался в «Русском вестнике», «Мнемозине», «Сыне отечества», «Трудах Общества российской словесности». Издавал журнал «Московский телеграф» (1825—1834), в котором опубликовал более 200 своих статей и заметок. Защищая интересы русской буржуазии, отрицательно относился к литераторам пушкинского круга, которых считал «литературными аристократами». ЛГ вела полемику с «Московским телеграфом».

⁴⁷ В обширном отделе «Стихи» альманаха «Радуга» рядом с поэтическими созданиями Пушкина и его друзей были помещены произведения и малозначительных поэтов. Стихотворная часть «Радуги» отличалась пестротой, что дало «Северной пчеле» (1830, № 2) повод упрекнуть издателей альманаха в неразборчивости литературного вкуса.

⁴⁸ *Шольц Фридрих* (в тексте — В. Г.) (1787—1830) — композитор, капельмейстер московских императорских театров. Основательно занимался изучением русской народной музыки.

⁴⁹ *Всеволожский* (в тексте *Всеволодский В. В.*) *Александр Всеволодович* (1793—1864) — театрал и композитор.

⁵⁰ *Голицын Владимир Сергеевич* (1794—1861) — князь, композитор-дилетант, знакомый А. С. Пушкина.

⁵¹ *Верстовский Алексей Николаевич (1799—1862)* — композитор и театральный деятель. Особой популярностью пользовались его опера «Аскольдова могила» и баллада «Черная шаль».

⁵² *Геништа Осип Осипович (1795—1853)* — композитор, пианист, дирижер, педагог. Популярны были его романсы, особенно «Погасло дневное светило» на слова А. С. Пушкина.

⁵³ В «Радуге» были помещены цыганские песни, аранжированные для фортепиано П. Ф. Фе.

⁵⁴ Автор заметки предположительно О. М. Сомов.

«Московский альманах для юных русских граждан, или Новая ручная энциклопедия с картинками» (1830) был издан писателем и цензором Сергеем Николаевичем Глинкой (1775—1847). Вторая часть альманаха была на французском языке.

⁵⁵ *Франклин Бенджамин (Вениамин) (1706—1790)* — американский просветитель, ученый и государственный деятель. Автор философских, политико-экономических, исторических сочинений. А. С. Пушкин с уважением отзывался о нем. В «Московском альманахе для юных русских граждан» было помещено сочинение Франклина «Наука доброго Рихарда, или Путь к счастью».

⁵⁶ *Дежерандо Жозеф-Мария (1772—1842)* — французский публицист, философ, член палаты пэров, был известен своей благотворительной деятельностью. В «Московском альманахе для юных русских граждан» был помещен отрывок «О воспитании бедных» из сочинения Дежерандо «Посетитель бедных».

⁵⁷ *Бернарден де Сен-Пьер Жак Анри (1737—1814)* — французский писатель, представитель сентиментализма и предромантизма. Автор «Путешествия в Россию».

⁵⁸ Автор заметки предположительно О. М. Сомов.

⁵⁹ *Стерн Лоренс (1713—1768)* — английский писатель, крупнейший представитель сентиментализма. Автор «Сентиментального путешествия во Францию и в Италию». Творчество Стерна высоко ценил А. С. Пушкин.

⁶⁰ *Комус (Комос)* — бог шуток и веселья.

⁶¹ *Hors d'oeuvre* — вставка, вводный эпизод; *à parté* — отдельно (фр.). Здесь оба выражения поясняют мысль о смехе, вызванном не самим текстом произведения, а внешней причиной, как бы посторонней по отношению к тексту.

⁶² *Philoctète, est-ce vous?* — «Филоктет, вы ли это?» (фр.)

⁶³ Замена «*laissé*» на «*lêché*» привела к смешному искажению смысла: вместо «они оставили его истекающим кровью» — «они облизили его»...

⁶⁴ *Делавинь Казимир Жан Франсуа (1794—1843)* — французский поэт, драматург, автор названной в тексте трагедии «Сицилийская вечерня» (1819).

⁶⁵ В ЛГ опечатка: «ародия» вместо «пародия».

⁶⁶ *Гюго Виктор (1802—1885)* — французский писатель, поэт, драматург. А. С. Пушкин критически относился к произведениям В. Гюго, хотя и отмечал его подлинный талант. Роман «Последний день осужденного на смерть» (1829) Пушкин считал «исполненным огня и грязи» (Пушк и н А. С.— Т. XI.— С. 94).

⁶⁷ Автор заметки предположительно В. П. Лангер.

⁶⁸ *Гете Иоганн Вольфганг (1749—1832)* — немецкий поэт, мыслитель, естествоиспытатель. Крупнейший представитель Просвещения в Германии. Автор лирических произведений, исторической драмы «Гец фон Берлихинген», романа «Страдания юного Вертера», трагедий «Фауст», «Ифигения в Тавриде» и др. А. С. Пушкин с большим уважением отзывался о поэзии Гете, ставил его рядом с Данте, Шекспиром.

⁶⁹ Автор заметки предположительно В. П. Лангер.

⁷⁰ *Скотт Вальтер* (1771—1832) — английский писатель, создатель жанра исторического романа. В России стал очень популярен с 20-х гг. XIX в. А. С. Пушкин высоко ценил творчество В. Скотта.

⁷¹ *Кольридж Самуэль-Тейлор* (1772—1834) — английский поэт, представитель «озерной школы».

НОМЕР 3

С этого номера «Литературную газету» редактирует А. С. Пушкин совместно с О. М. Сомовым (№ 3—12). Продолжается публикация лирических и критических произведений А. С. Пушкина, причем появляется новый для данного периодического издания тип пушкинской заметки — острое выступление против реакционной критики. Начинается полемика газеты с «Северной пчелой». Видное место занимают в номере и произведения П. А. Вяземского: его лирическое стихотворение и окончание «Введения к жизнеописанию Фон-Визина». Газета обращается и к творчеству самого Д. И. Фонвизина.

¹ «Разговор у княгини Халдиной» был написан Д. И. Фонвизиным в 1788 г. и предназначался автором для задуманного им периодического издания «Друг честных людей, или Стародум», которое, однако, не осуществилось по цензурным условиям. ЛГ первая познакомила читателей с этим произведением. Затем «Разговор» появился в собрании сочинений Д. И. Фонвизина 1830 г. (в 1-м номере газеты упоминалось о готовящемся издании сочинений Д. И. Фонвизина). Текст «Разговора» в ЛГ несколько отличается от текста, вошедшего в собрание сочинений писателя: в ЛГ сделана купюра, дано примечание о политической науке.

² *Наместник* — здесь: глава местного управления в России конца XVIII — начала XIX в.

³ *Присутствие* — государственное учреждение в дореволюционной России.

⁴ *Унтер-офицер* — в дореволюционной России первый военный чин после звания рядового или ефрейтора.

⁵ *Штоф* — декоративная шелковая или шерстяная одноцветная ткань с крупным тканым узором.

⁶ *Сетелева* — термин азартной карточной игры.

⁷ *Проставил* — проиграл.

⁸ *Полушка* — старинная медная монета достоинством в четверть копейки.

⁹ *Ямской цуг* — упряжка, в которой лошади шли одна за другой, поодиночке или парами.

¹⁰ Количество лошадей в экипаже определялось манифестом об экипажах и ливреях, изданным в 1775 г. В основе манифеста лежала табель о рангах, введенная Петром I в 1722 г. Количество лошадей, запрягаемых в экипаж, зависело от класса чиновника: на шести лошадях с двумя вершниками (всадниками) ездили чиновники первых двух классов; на шести лошадях без вершников — чиновники 3-го, 4-го, 5-го классов; на четырех лошадях без вершников — чиновники 6-го, 7-го, 8-го классов; на двух лошадях — обер-офицеры; на одной лошади — дворяне, не имевшие обер-офицерских классов.

¹¹ *Надворный советник* — в дореволюционной России гражданский чин 7-го класса.

¹² *Коллежский советник* — гражданский чин 6-го класса.

¹³ *Статский советник* — гражданский чин 5-го класса.

¹⁴ *Катилина Луций Сергий* (ок. 108—62 до н. э.) — римский политический деятель.

Настойчиво стремился стать консулом, организовал заговор с целью насильственного захвата власти, окончившийся неудачей.

¹⁵ *A propos!* — Кстати! (фр.)

¹⁶ *Анонсировать* — объявлять.

¹⁷ *Шевалье* — дворянский титул в феодальной Франции.

¹⁸ Далее в собрании сочинений Д. И. Фонвизина идет текст, опущенный в ЛГ по настоянию цензора: «Никакой слабости женщинам не прощает; но последний сын ее как две капли воды походит на шевалье Какаду. Вот ее супружеская верность!

Княгиня. Сорванцов, у тебя язык злоречивый! Я тебе скажу о себе. Никто из детей моих на отца не походит; по крайней мере мне отдадут ту справедливость, что друзья княгини Халдиной были не иные, как друзья мужа ее.

Сорванцов.»

¹⁹ *Экзерциции* — упражнения.

²⁰ *Распускать золото* — раскручивать нитки.

²¹ Первая публикация «Дорожной думы» П. А. Вяземского (1830). Стихотворение без изменений вошло в 4-й том Полного собрания сочинений П. А. Вяземского. М. И. Гиллельсон отметил переключку «Дорожной думы» с лирическими созданиями А. С. Пушкина: «Зимняя дорога» (1826), «Дар напрасный, дар случайный» (1828) и последующее развитие этой темы М. Ю. Лермонтовым в стихотворении «И скучно и грустно» (1840). (Гиллельсон М. И. П. А. Вяземский. Жизнь и творчество.— Л., 1969.— С. 284—285.)

²² «Ответ» написан А. С. Пушкиным в 1830 г. Первая публикация. 16-й стих был раскрыт П. В. Анненковым: «Ни муз, ни Пресни, ни харит!» (Сочинения Пушкина с приложением материалов для его биографии, изд. П. В. Анненковым.— СПб., 1855.— Т. V.— С. 535). Стихотворение адресовано Екатерине Николаевне Ушаковой (1809—1872) — преданному другу А. С. Пушкина, большой почитательнице его таланта; в московском доме Ушаковых на Пресне поэт постоянно бывал в 1827—1829 гг.

²³ *Оракул* — предсказатель будущего.

²⁴ *Хариты* — у древних греков три богини красоты и изящества.

²⁵ *Крс.* — анаграмма от прозвища «Сверчок», данного А. С. Пушкину в обществе «Арзамас». Так поэт подписывал некоторые свои произведения в ЛГ (1830, № 3, 38).

²⁶ В последующих изданиях: «Представители нашей литературы не были участниками в деле, которое, казалось, могло быть ближе к ним, нежели к тем, которые действовали». Далее следует текст, отсутствующий в ЛГ: «Литература и литераторы наши оставались в стороне. Один деятельный Сумароков умел как-то выманить письма Вольтера и заставить его заочно и на слово похвалить его трагедии».

²⁷ *Дидерот* (Дидро) Дени (1713—1784) — выдающийся французский философ-материалист, писатель, выразитель взглядов революционной французской буржуазии XVIII в. Отстаивал реализм в искусстве и в литературе.

²⁸ *Альфieri* (граф Витторио) (1749—1803) — итальянский поэт и драматург.

²⁹ *Русское море* — древнее название Черного моря.

³⁰ *Бюффон Жорж Луи Леклерк де* (1707—1788) — французский естествоиспытатель, развивал идеи единства растительного и животного мира, писал об изменчивости видов под воздействием условий среды.

П. А. Вяземский приводит слова Бюффона при принятии его в Академию в 1753 году.

³¹ В последующих изданиях: «Примеры покровительства, оказываемого царями дарованиям и отличиям природным, нередки: в самой власти, потому что она есть держава и могущество, есть и должно быть обыкновенно тайное начало великодушия, возвышенное сочувствие, которые понимают всякую возвышенность и готовы сблизиться с нею; но двор Екатерины представляет нам еще одну черту, особенно ему свойственную». Здесь Вяземский,

идеализируя время Екатерины II, преподает, в духе просветительства, урок царям, в частности Николаю I.

³² *Фернейский отшельник* — Вольтер.

³³ По мнению М. О. Гершензона и В. В. Виноградова, рецензия на «Краткую всеобщую географию» принадлежит А. С. Пушкину. (Гершензон М. О. Статьи о Пушкине.— М., 1926.— С. 58—59; Виноградов В. В. Проблема авторства и теория стилей.— М., 1961.— С. 426.) Рецензия не вошла в Полное собрание сочинений А. С. Пушкина.

³⁴ *Арсеньев* Константин Иванович (1789—1865) — русский статистик, историк, географ. Один из основателей Русского географического общества, автор популярной всеобщей «Краткой географии» и других географических книг.

³⁵ *Адрианопольский трактат* — мирный договор, подписанный 2(14) сентября 1829 г. в Адрианополе и завершивший русско-турецкую войну 1828—1829 гг.

³⁶ По мнению М. О. Гершензона, отзыв о «Всеобщем атласе» написан А. С. Пушкиным. (Гершензон М. О. Статьи о Пушкине.— С. 58—59.) Отзыв не вошел в Полное собрание сочинений А. С. Пушкина.

³⁷ *Позняков Федор Иванович* (1797—1835) — военный топограф.

³⁸ Автор сообщения не установлен.

³⁹ *Бенкс* (Бэнкс) Джозеф (1743—1820) — английский ученый, путешественник, основатель Африканского общества и его председатель. Собрал богатую библиотеку.

⁴⁰ *Династия Птолемея* — династия, правившая в Египте в 305—30 годах до н. э. Основатель династии — Птолемей I Сотер (Спаситель) — один из военачальников Александра Македонского. Наибольшего политического могущества династия достигла в царствование Птолемея III Еввергета (Благодетеля) в III веке до н. э.

⁴¹ *Геркуланум* (Геркуланеум) — древний итальянский город на берегу Неаполитанского залива, у подножия Везувия. Основан в VII в. до н. э., разрушен и засыпан вулканическими породами и пеплом 24 августа 79 г. н. э. во время извержения Везувия. В XVIII в. здесь были начаты раскопки.

⁴² *Манефон* (кон. IV — нач. III в. до н. э.) — древнеегипетский историк. Автор трехтомной «Истории Египта».

⁴³ *Финикияне* — жители Финикии, древней страны на восточном побережье Средиземного моря.

⁴⁴ *Р. Х.* — рождество Христово — условная дата, от которой ведется летосчисление. В России летосчисление от рождения Христа введено Петром I в 1700 г., оно заменило летосчисление от «сотворения мира», введенное в России с принятием христианства.

⁴⁵ *Плиний Старший* (Гай Плиний Секунд) [23 (24) — 79] — римский писатель, ученый, государственный деятель. Автор «Естественной истории» в 37 томах и исторических сочинений.

⁴⁶ Заметка написана А. С. Пушкиным. С 1881 г. входит в собрания его сочинений. Поводом для написания заметки явилось ироническое «Послание Северной пчелы к Северному муравью», опубликованное в «Северной пчеле» (1830, № 3). В нем говорилось о невозможности существования «Литературной газеты» в связи с отсутствием русской литературы. Заметка положила начало полемики пушкинского круга с Булгариним.

⁴⁷ Речь идет о примечаниях издателя М. Т. Каченовского к статье критика Н. И. Надеждина «Отклик с Патриарших прудов» в журнале «Вестник Европы» (1828, № 24).

⁴⁸ Имеются в виду примечания к сочинению Н. И. Надеждина «Всем сестрам по серьгам» в журнале «Вестник Европы» (1829, № 23).

⁴⁹ Цитата из оды В. А. Жуковского «Певец во стане русских воинов» (1812).

⁵⁰ «Иван Выжигин» — нравственно-сатирический роман Ф. Булгарина (1829).

В конце номера дан список опечаток, замеченных во 2-м номере газеты.

НОМЕР 4

В этом номере А. С. Пушкин дает первую в ЛГ развернутую литературно-критическую статью, в которой не только откликается на значительное и спорное явление современной ему литературной жизни — «Историю русского народа» Н. А. Полевого, но и на практике развивает принципы новой, истинной критики, продолжая, таким образом, тему предыдущего номера. Начата публикация первой статьи фундаментального труда П. А. Катенина «Размышления и разборы». С 4-го номера в ЛГ появляются произведения иностранных авторов.

¹ *Гюго Абель* (1798—1855) — французский писатель, брат Виктора Гюго. Главные произведения: «*Traité du mélodrame*» (1817), «*Histoire de l'empereur Napoléon*» (1833), «*Le Conteur*» (1833), «*France historique et monumentale*» (1836—1843).

«*Мелек Эль-Моды*» — романтическая повесть о легендарном защитнике египтян от армии Наполеона. В основу повести легли события египетской экспедиции французской армии во главе с Наполеоном, состоявшейся в 1798—1801 гг., имевшей своей целью завоевание Египта и затем нанесение удара по английским владениям в Индии. Экспедиция кончилась поражением французской армии. Повесть была переведена на русский язык для ЛГ О. М. Сомовым. Выбор этого произведения определился живым интересом А. С. Пушкина к теме Наполеона и освободительной борьбы народов с «мятежной вольности наследником и убийцей».

² Имеется в виду знаменитая битва у пирамид, состоявшаяся 21 июля 1798 г.; в ходе ее египетские войска были наголову разбиты армией Наполеона, и на другой день французские завоеватели вступили в Каир.

³ *Бедуины* — кочевые арабы-скотоводы.

⁴ *Еланча* — старинная верхняя одежда в виде широкого плаща.

⁵ *Шербет* — восточный фруктовый прохладительный напиток.

⁶ *Сабур* — горькая твердая масса из листьев алоэ, произрастающего в Африке.

⁷ *Копты* — египтяне неарабского происхождения, исповедующие христианство.

⁸ *Акра* (Аккра) — город в Западной Африке на побережье Гвинейского залива.

⁹ *Джезар Ахмед* (умер в 1804) — сирийский паша, в 1799 г. защищал Акру от Бонапарты.

¹⁰ *Алепа* (Алеппо, Халеб) — город в Сирии.

¹¹ *Мекка* — город на западе Саудовской Аравии. До VII в. был религиозным центром языческих племен Аравийского полуострова, с VII в. стал священным городом мусульман, местом их паломничества; родина основателя ислама Мухаммеда (ок. 570—632).

¹² *Косреир* (Коссейр, Коссир) — город в Верхнем Египте на берегу Красного моря.

¹³ *Сиут* — древний город в Среднем Египте на западном берегу Нила.

¹⁴ *Розетта* (*Рашид*) — город в Нижнем Египте.

¹⁵ *Саид* — арабское название Верхнего Египта.

¹⁶ *Мамелюки* (мамлюки) — воины, охранявшие египетского султана.

¹⁷ *Кандия* — древний Крит, остров в Средиземном море.

¹⁸ *Бахирех* (Бахрейн) — княжество на Бахрейских островах в Персидском заливе.

¹⁹ *Джерме* (джерма) — египетское судно.

²⁰ *Порфиновый* — сделанный из порфира, вулканической горной породы зеленоватого или пепельного цвета.

²¹ *Ормузский* (ормусский) жемчуг — жемчуг с острова Гормус, расположенного в Персидском заливе.

²² *Ичогланы* (ич-огланы) — в Турции мальчики знатного происхождения, готовившиеся на государственные должности.

²³ *Медина* — город на северо-западе Саудовской Аравии. С VII в., наряду с Меккой, священный город ислама. В 622 г. сюда из Мекки переселился основатель ислама Мухаммед и здесь была создана мусульманская община.

²⁴ *Иман* (имам) — духовное лицо, руководящее богослужением в мечети.

²⁵ *Яффа* — один из древнейших портовых городов на восточном побережье Средиземного моря. С VIII в. важный торговый и культурный центр палестинских арабов. В 1799 г. Яффа была захвачена армией Наполеона и подверглась опустошению.

²⁶ *Дамангур* (Даманхур) — город в дельте Нила, главный город Бахарейской провинции.

²⁷ *Дарфур* — город в Судане.

²⁸ *Дромадер* — одногорбый верблюд.

²⁹ *Лошак* — гибрид ослицы и жеребца, вьючное животное.

³⁰ *Джерид* — тонкое и короткое метательное копьё, а также упражнение всадника с копьём, распространенное в странах Ближнего Востока и у арабов.

³¹ *Кашемирская ткань* — тонкая шерстяная ткань.

³² *Колпица* — род птиц, живущих в болотистых местах и в устьях рек.

³³ *Халиф* — в странах Ближнего и Среднего Востока феодальный верховный правитель мусульман, имевший духовную и светскую власть.

³⁴ *Фец* — провинция империи Марокко, а также главный город этой провинции, основанный в 808 году.

³⁵ *Шаховской Александр Александрович* (1777—1846) — русский писатель, драматург, сыгравший важную роль в формировании русской национальной комедии. Автор более 100 пьес. В годы подъема декабристского движения сблизился с А. С. Грибоедовым, П. А. Катениным, В. К. Кюхельбекером. А. А. Шаховской одним из первых приветствовал молодого А. С. Пушкина, а в начале 30-х гг. активно участвовал в борьбе Пушкина и поэтов его круга с Полевым, Булгариным, Гречем. 8 января 1830 г. А. А. Шаховской сообщил С. Т. Аксакову о своей связи с «Литературной газетой»: «Я... вступил в союз с Пушкиным и проч., хотя и не думаю, чтобы у них, несмотря на известность имен, достало терпения и настойчивости для совершенного очищения нашей словесности от пакостников». (Цит. по кн.: Шаховской А. А. Комедии, стихотворения.— Л., 1961.— С. 64.)

Отрывок из драматической хроники «Смоляне в 1611 году» — единственное произведение А. А. Шаховского в ЛГ. Хроника не была издана полностью.

³⁶ *Свяtitель Филарет* (в миру — Романов Федор Никитич) [1554 (1555) — 1633] — русский политический деятель, патриарх. Отец первого царя из династии Романовых — Михаила. Участвовал в свержении Дмитрия Самозванца в мае 1606 г.

³⁷ *Палицын Авраамий* (до принятия монашества — Аверкий) (умер в 1626) — русский политический деятель, писатель, келарий Троице-Сергиевой лавры, очевидец осады польско-литовскими войсками Лжедмитрия II Троице-Сергиева монастыря в 1608—1610 гг. В 1612 г. активно содействовал победе русского ополчения под руководством К. Минина и Д. Пожарского.

³⁸ *Клир* — собрание церковнослужителей.

³⁹ *Обрящет* — обретет.

⁴⁰ «**Размышления и разборы**» — главный литературно-теоретический и историко-литературный труд П. А. Катенина. Он явился реализацией предложения А. С. Пушкина, который в начале 1826 г. советовал П. А. Катенину: «Если б согласился ты сложить разговоры твои на бумагу, то великую пользу принес бы ты русской словесности» (Пушкин А. С. Полн. собр. соч. — Т. XIII. — С. 262). В ЛГ за 1830 г. напечатаны семь статей цикла. Другие разделы труда не были опубликованы и пропали. Статьи, появившиеся в ЛГ, переизданы впервые в кн.: Катенин П. А. Размышления и разборы. — М., 1981.

⁴¹ В ЛГ была опечатка, на которую досадовал П. А. Катенин: вместо «Один предмет высокий: это человек» было напечатано: «Один предмет: высокий это человек».

⁴² *Фильд Джон (1782—1837)* — английский пианист и композитор. В 1804—1831 гг. жил в Петербурге, давал концерты, пользовавшиеся большим успехом.

⁴³ *Мюллер Иоганн Фридрих Вильгельм (1780—1816)* — немецкий художник-гравер.

⁴⁴ *Данте Алигьери (1265—1321)* — великий итальянский поэт эпохи Возрождения. Автор «Божественной комедии», лирических стихотворений.

⁴⁵ *Эсхил (525—456 до н. э.)* — древнегреческий трагик. Автор примерно 80 пьес.

⁴⁶ *Шекспир Вильям (1564—1616)* — знаменитый английский драматург и поэт.

⁴⁷ *Софокл (ок. 496—406 до н. э.)* — древнегреческий трагик. Автор свыше 120 пьес.

⁴⁸ Герой комедии Бомарше «Безумный день, или Женитьба Фигаро» знал по-английски одно слово «goddam» («черт возьми»).

⁴⁹ *Son pittore anch'io* — и я художник (ит.).

⁵⁰ *Корнель Пьер (1606—1684)* — французский драматург, один из основоположников французского классицизма. Автор трагедий «Сид», «Гораций», «Цинна», «Полиевкт» и др.

⁵¹ Автор статьи — А. С. Пушкин. С 1857 г. статья входит в собрания его сочинений.

⁵² *Нибур Бартольд-Георг (1776—1831)* — знаменитый немецкий историк, автор капитального труда «Римская история» (1811—1831).

⁵³ *Belle conclusion et digne de l'exorde!* — Окончание прекрасно и достойно начала! (фр.), крылатое выражение из драмы «Сутяги» Расина.

⁵⁴ В ЛГ опечатка: «Путь» вместо «Пусть».

⁵⁵ Имеется в виду рецензия Н. А. Полевого на «Историю государства Российского» Н. М. Карамзина, опубликованная в «Московском телеграфе» (1829, № 12), и отклик на эту рецензию в журнале А. Ф. Воейкова «Славянин» (1829, № 48, 49), написанный С. В. Руссовым [1768 (1770) — 1842] — ревностным поклонником Н. М. Карамзина.

⁵⁶ *Эфоры* — должностные лица в древней Спарте, избиравшиеся на один год в количестве пяти человек для внутреннего управления.

⁵⁷ *Хиос* — греческий остров в Эгейском море и город на этом острове.

⁵⁸ *Апофоегма* (апофегма) — краткое высказывание, изречение, меткое слово.

⁵⁹ *P.* — так подписывал А. С. Пушкин некоторые свои произведения в ЛГ (1830, № 4, 12; 1831, № 32), «Библиотеке для чтения» (1834, № 3), «Современнике» (1836).

⁶⁰ Автор заметки — О. М. Сомов.

⁶¹ *Загоскин Михаил Николаевич (1789—1852)* — писатель. Автор бытовых комедий и исторических романов: «Юрий Милославский, или Русские в 1612 году» (1829), «Рославлев, или Русские в 1812 году» (1831), «Аскольдова могила» (1833), «Кузьма Рошин» (1836) и др. Роман «Юрий Милославский» имел огромный успех и принес М. Н. Загоскину славу «русского Вальтера Скотта». А. С. Пушкин отзывался об этом произведении с большой похвалой.

⁶² «*Денница*» — альманах, издававшийся М. А. Максимовичем в 1830—1834 гг. Здесь печатались произведения А. С. Пушкина, А. А. Дельвига, П. А. Вяземского, Е. А. Баратын-

ского, А. С. Хомякова, Н. М. Языкова, Ф. Н. Глинки и других видных литераторов. Особенно показателен факт участия в альманахе А. А. Дельвига, который сам в это время издавал «Северные цветы», ЛГ и «почти никогда не отдавал свои стихи в чужие альманахи, но Максимовичу не отказал» (Пономарев С. М. А. Максимович//Журнал Министерства народного просвещения.— 1871.— № 10.— С. 175).

⁶³ В сокращении представлено имя княгини Зинаиды Александровны Волконской (см. сн. 28 к № 1).

⁶⁴ *Порфирий Байский* — псевдоним О. М. Сомова.

⁶⁵ *Киреевский Иван Васильевич* (1806—1856) — критик и публицист, член московского общества любителей, знаток немецкой идеалистической философии. Сотрудничал в «Московском вестнике» (1827—1828), «Московском сборнике» (1852), «Русской беседе» (1856), издавал журнал «Европеец» (1832), редактировал журнал «Москвитянин» (1845). Основные критические работы: «Нечто о характере поэзии Пушкина», разборы «Полтавы» и «Бориса Годунова», «Обзоры русской словесности» 1829 и 1831 гг. А. С. Пушкин с большим вниманием относился к сочинениям И. В. Киреевского, ценил их.

⁶⁶ *Камашев И. Н.* — малоизвестный писатель 20—30-х годов XIX в.

⁶⁷ В «Деннице» на 1830 год в отделе «Проза» были помещены сочинения: «Ночлег гайдамаков» О. М. Сомова, «Анаксагор» Д. В. Веневитинова, «Портрет» Э. А. Волконской, «Письмо к А. И. Г-ой» П. А. Вяземского, «Северная летняя ночь», «Очищенное золото» Ф. Н. Глинки, «Обозрение русской словесности за 1829 год» И. В. Киреевского, «Психологическое явление» М. П. Погодина, «Сохатый» Н. А. Полевого и др.

⁶⁸ *Пушкин Василий Львович* (1766—1830) — поэт, дядя А. С. Пушкина, последователь Н. М. Карамзина, И. И. Дмитриева, сыграл значительную роль в утверждении сентиментализма. Печатался в «Санкт-Петербургском Меркурии», «Аонидах», «Вестнике Европы», «Патриоте», «Московском зрителе», «Трудах Общества любителей российской словесности» и др.

⁶⁹ В «Деннице» на 1830 год помещены стихотворения сестер Н. С. Тепловой, С. С. Тепловой.

⁷⁰ «*Царское Село*» — альманах на 1830 год, был издан Е. Ф. Розеном и поэтом Николаем Михайловичем Коншиным (1793—1859).

⁷¹ В альманахе «Царское Село» были помещены следующие прозаические произведения: «Остров на Садовом озере» Н. М. Коншина, «Сказка о медведе-костоломе и об Иване, купецком сыне», «Всё из ничего» О. М. Сомова, «Розалия» Е. Ф. Розена, «Поход к Малому Ярославцу (Отрывки из истории войны 1812 года)» Ф. Н. Глинки, «Село Ивановское» Андрея Ивановича Дельвига (1813—1887), двоюродного брата А. А. Дельвига.

⁷² *Хмельницкий Николай Иванович* (1789—1845) — драматический писатель. Автор комедий «Говорун», «Шалости влюбленных», «Воздушные замки», «Школа женщин» и др., являющихся, как правило, переделками французских пьес. В 1829 г. Егор Васильевич Аладьин (1796—1869) издал произведения Н. И. Хмельницкого под заглавием «Театр Хмельницкого».

В конце номера дан список опечаток, замеченных в 3-м номере газеты.

НОМЕР 5

Как и в предыдущем номере, А. С. Пушкин публикует развернутую литературно-критическую статью — рецензию на исторический роман М. Н. Загоскина «Юрий Милославский».

В газете появляются заметки о произведениях иностранных авторов, в том числе пушкинская «О Записках Самсона». Продолжается публикация труда П. А. Катенина «Размышления и разборы».

¹ *Дамангур* — см. сн. 26 к № 4.

² *Сикомор* — вид фикуса, произрастающий в Восточной Африке, высотой до 40 м, со съедобными плодами.

³ *Гизе* — местность на левом берегу Нила, недалеко от Каира, известная поем пирамид.

⁴ *Александрия* — один из крупнейших городов Нижнего Египта на побережье Средиземного моря.

⁵ *Шейх* — у арабских кочевников глава рода, племени или союза племен.

⁶ *Дельта* — часть Египта между устьями рукавов Нила.

⁷ *Мармон* Огюст Фредерик-Люи, герцог Рагузский (1774—1852) — генерал, затем маршал Франции. Сопровождал Бонапарта в Египет; воевал в Италии, Голландии, Германии. Автор «Mémoires» (1856—1857).

⁸ *Ланюсс* (Ланус) Франсуа (1772—1801) — французский генерал, был прозван арабами за храбрость «отцом грома».

⁹ *Лефевр* Франсуа Жозеф (1755—1820) — французский маршал. Воевал в Египте, стоял во главе французской гвардии в кампании 1812 г. После отречения Наполеона перешел на сторону Бурбонов.

¹⁰ *Раманиех* (Романие) — город в Нижнем Египте на левом берегу Нила. Здесь было первое значительное столкновение французской армии с мамелюками.

¹¹ Имеется в виду обмывание пяти органов чувств, предписываемое магометанской религией.

¹² *Сивахские арабы* — арабы с севера Ливийской пустыни.

¹³ Стихотворение П. А. Вяземского «К ним» написано в 1828 или 1829 г. под влиянием событий, происшедших в это время в жизни поэта. П. А. Вяземский был убежден, что на него посланы доносы, и подозревал прежде всего Булгарина. В 1829 г. поэт представил Николаю I «Исповедь», где объяснил свой образ мыслей и действий.

Первая публикация. Стихотворение без изменений вошло в 4-й том Полного собрания сочинений П. А. Вяземского. Текст стихотворения в ЛГ отличен от первоначального варианта, который читал, оценивал и правил А. С. Пушкин. Сохранился автограф стихотворения с пометками А. С. Пушкина, написавшего П. А. Вяземскому: «Ради Христа, очисти эти стихи — они стоят «Уныния» — и сделавшего следующие поправки. К стиху «Они утешат вас моею наготою...» написал «ОНА (истина)», слова «незримою стрелою» поставил в скобки и отметил: «Лишнее», в стихе «И что же в дар мне принесли судьбы?» переставил слова: «И что же в дар судьбы мне принесли?», о следующем за этим стихе «Новорожденному дар на зубок был нужен...» заметил: «Княгиня права, что морщится». В стихе «Ему подвластные он обрекает дни» А. С. Пушкин зачеркнул слово «дни» и написал: «наши дни». От строки «Сей дар для избранных бывает мздой и казнью» и до конца отчеркнул текст и написал: «Прекрасно». (Вяземский П. А. Избранные стихотворения. — М.; Л., 1935. — С. 502—503). П. А. Вяземский учел не все замечания и поправки А. С. Пушкина.

¹⁴ *Тать* — вор.

¹⁵ *Перуны* — имеются в виду удары царской власти.

¹⁶ Статья П. А. Катенина «О поэзии еврейской» вызвала недовольство духовного ведомства, и 4 марта 1830 г. на заседании Цензурного комитета, рассматривавшего статью П. А. Катенина, было зачитано письмо начальника комитета К. М. Бороздина, упрекавшего автора в том, что он оценивает книги Священного писания «хотя и с похвалою, но как сочинения

обыкновенные, человеческие, что ослабляет в истинно христианской душе уважение к свято-сти слова божия» (Русская старина.— 1916.— Май.— С. 249).

¹⁷ *Поэзия еврейская* — Катенин имеет в виду сочинения, вошедшие в состав Библии, сборника литературных и религиозных произведений VIII в. до н. э.— II в. н. э.

¹⁸ *Книга Бытия* — первая книга Ветхого завета, наиболее древнего раздела Библии, написанного в III—II веках до н. э. Она включает в себя народные мифы, легенды.

¹⁹ *Священное писание* — религиозные книги, составляющие Библию.

²⁰ В ЛГ опечатка: «Изображения» вместо «Изображение».

²¹ *Авель* — по Библии второй сын Адама и Евы, пастух, убитый старшим братом Каином из зависти.

²² *Исаак* — один из героев Библии, которого отец должен был принести в жертву богу, но жертвоприношение было остановлено ангелом.

²³ *Агарь* — героиня Ветхого завета, рабыня, изгнанная Авраамом в пустыню.

²⁴ *Иаков (Израиль)* — по преданиям Ветхого завета, патриарх, отец двенадцати сыновей, родоначальник двенадцати иудейских колен.

²⁵ *Иосиф* — по преданиям Ветхого завета, одиннадцатый сын Иакова, любимец отца. Был предан завистливыми братьями, но сумел преодолеть все испытания судьбы, стал правителем Египта.

²⁶ *Рафаэль (Рафаэлло Санти) (1483—1520)* — великий итальянский живописец и архитектор.

²⁷ *Ложь Рафаэля* — знаменитая галерея на втором этаже Ватиканского дворца в Риме. Состоит из тринадцати лож, отделенных друг от друга арками. Строительство галереи, начатое архитектором Браманте, завершил Рафаэль; он же со своими учениками в 1516—1519 гг. украсил галерею стеною живописью и лепными орнаментами. Сюжеты картин (всего их 52) были взяты Рафаэлем из Библии.

²⁸ *Мильтон Джон (1608—1674)* — английский поэт, публицист, политический деятель времен английской буржуазной революции XVII в. Автор поэм на библейском материале «Потерянный рай» (1667) и «Возвращенный рай» (1671). А. С. Пушкин высоко ценил творчество Д. Мильтона.

²⁹ *Книга Руфь* — книга Ветхого завета, в которой излагается история человеколюбивой и благородной Руфи.

³⁰ *Псалтырь* — собрание псалмов, хвалебных песен.

³¹ *Книги Пророков* — книги, содержащие проповеди и предания пророков — предсказателей будущего. По объему этих книг выделялись большие (4) и малые (12) книги пророков, они были названы по именам пророков.

³² *Исайя, Езекииль, Иеремий* — большие книги пророков Ветхого завета.

³³ *Давид* (кон. XI — ок. 950 до н. э.) — первый царь Израильско-Иудейского государства.

³⁴ *Книги Царств* — четыре книги Священного писания, содержащие историю израильского народа.

³⁵ *Книга Иудифь* — библейская книга, повествующая о Иудифи, спасшей родной город Ветулию от разрушения ассирийцами (см. сн. 10 к № 12).

³⁶ *Книга Есфири* — библейская книга, содержащая псевдоисторию Есфири, спасшей родной город от опасности.

³⁷ Имеются в виду трагедии Расина «Эсфирь» и «Гофолия».

³⁸ *Книга Судей* — библейская книга о жизни иудейских судей.

³⁹ *Книга Иов* — библейская книга о праведнике Иове.

⁴⁰ *Книга Еклезиаст (Екклезиаст)* — книга Ветхого завета, содержащая жизненные поучения.

⁴¹ *Соломон (965—928 до н. э.)* — третий царь Израильско-Иудейского государства, изображенный в ветхозаветных книгах величайшим мудрецом.

⁴² *Иисус, сын Сирахов* — автор «Книги премудрости Иисуса сына Сирахова», содержащей назидательные наставления.

⁴³ П. А. Катенин упоминает о стихотворении М. В. Ломоносова «Ода, выбранная из Иова».

⁴⁴ *Книга Товита* — библейская книга, содержащая предание о мифическом персонаже Товите и его сыне Товии.

⁴⁵ *Книга «Песнь песней»* — библейская книга, содержащая любовную лирику.

⁴⁶ Автор рецензии на роман М. Н. Загоскина «Юрий Милославский» — А. С. Пушкин. 11 января 1830 г. А. С. Пушкин написал М. Н. Загоскину письмо, в котором поздравил писателя с большим успехом, пообещал, что в газете будет статья А. Погорельского о «Юрии Милославском», и выразил свою готовность присоединиться к оценке произведения. Рецензия А. Погорельским не была написана, с разбором романа выступил А. С. Пушкин. О «Юрии Милославском» А. С. Пушкин отзывался и в письме П. А. Вяземскому в январе — феврале 1830 г., причем дал произведению уже более сдержанную оценку.

⁴⁷ *Агриппа Неттесгеймский Корнелий (1486—1535)* — ученый, врач, алхимик, пользовался репутацией чернокнижника. Существовала легенда об ученике Агриппы, который был убит вызванным им демоном.

⁴⁸ *Фреза* — гофрированный высокий воротник.

⁴⁹ *Кампан Жанна-Луиза де (1752—1822)* — директриса парижского пансиона «Экуар» для сирот кавалеров Почетного легиона — ордена, учрежденного Бонапартом 19 мая 1802 г. По предложению Кампан были созданы также три института для дочерей кавалеров ордена. Кампан — автор «Мемуаров» (1823), экземпляр их хранился в библиотеке А. С. Пушкина.

⁵⁰ «*Times*», «*Journal des Débats*» — французские газеты.

⁵¹ *Сталь Анна Луиза Жермена де (1766—1817)* — французская писательница, теоретик литературы. Автор романов, книг «О литературе, рассматриваемой в связи с общественными установлениями» (1800), «О Германии» (1810), мемуаров. А. С. Пушкин высоко ценил творчество Сталь. В данном случае он имеет в виду ее работу «Взгляд на французскую революцию» (ч. I, гл. 2).

⁵² *Шиши* — лазутчики.

⁵³ Имеется в виду рецензия Сергея Тимофеевича Аксакова (1791—1859) на роман М. Н. Загоскина, напечатанная в «Московском вестнике» (1830. — № 1. — С. 75—90).

«*Московский вестник*» — журнал Любомудров, выходил с 1827 по 1830 г. Пропагандировал теорию немецкого романтизма. Редактор — Михаил Петрович Погодин (1800—1875), писатель, историк, археолог, публицист, журналист. Сотрудники: И. В. Киреевский, С. П. Шевырев, Д. В. Веневитинов, В. Ф. Одоевский и др. С журналом был одно время связан А. С. Пушкин, но затем он разошелся с Любомудрами по вопросам эстетики и критики.

⁵⁴ Автор заметки — В. И. Любич-Романович.

Любич-Романович Василий Игнатьевич (1805—1888) — русский писатель и переводчик. Владел немецким, французским, итальянским, английским, польским, греческим, латинским языками. В ЛГ, помимо своих собственных заметок, поместил много переводов из польской газеты «*Tygodnik Petersburski*» («Петербургский еженедельник») и переводы французских критических статей. Печатался также в журналах «Сын отечества», «Русский

инвалид», «Маяк», «Библиотека для чтения», «Современник», в «Журнале Министерства народного просвещения», «Журнале военно-учебных заведений», «Журнале иностранной словесности и изящных художеств», в альманахе «Альциона».

Ходзько-Борейко Александр Леонардович (1804—1891) — польский поэт и писатель-ориенталист, был русским консулом в Персии. В 1829 г. в Петербурге вышло собрание его стихотворений, переизданное в Познани в 1833 г.

⁵⁵ *Il me faut du nouveau, n'en fût-il plus au monde!* — Мне нужно новое, хотя бы его больше и не было на свете (фр.).

⁵⁶ *Мур Томас* (1779—1852) — английский поэт. Автор «Ирландских мелодий» (1807—1834), романа «Эпикурец» (1827), «Писем и дневников лорда Байрона с замечаниями о его жизни» (1830). В статье упоминаются его поэмы «Лалла Рук» (1817) и «Любовь ангелов» (1823). В пушкинскую эпоху многие произведения Т. Мура были переведены на русский язык.

⁵⁷ *Мицкевич Адам* (1798—1855) — польский поэт, оказавший большое революционизирующее воздействие на современников. Автор цикла «Крымские сонеты» (1826), поэм «Конрад Валленрод» (1828), «Пан Тадеуш» (1834), драмы «Дядя» (1832). С 1824 по 1829 г. жил в России, был близок с декабристами, А. С. Пушкиным, поэтами пушкинского круга.

⁵⁸ *Кассида* (касыда) — термин тюркоязычной, арабской и персидской классической поэзии, означает торжественное, хвалебное стихотворение.

⁵⁹ Заметка о «Записках» парижского палача времен Французской революции Анри Сансона (1740—1793) написана А. С. Пушкиным. Она явилась откликом на журнальную информацию о выходе в свет «Записок», составленных Оноре де Бальзаком и Леритье на основе рукописей Сансона. После публикации заметки «Московский телеграф» отметил неправильное написание в газете имени французского палача (1830. — Ч. 31. — № 2. — С. 284). В собраниях А. С. Пушкина заметка печатается с издания 1857 г., вышедшего под редакцией П. В. Анненкова.

⁶⁰ Имеется в виду прежде всего «Исповедь» Ж.-Ж. Руссо.

⁶¹ *Шлафрок* — домашний халат.

⁶² *Вильсон Генриетта* — английская актриса. В 1825 г. вышли в свет ее мемуары, которые были переведены на французский язык.

⁶³ *Казанова Джованни-Джакомо де Сейнгальт* (1725—1798) — итальянский авантюрист. В 1826 г. были опубликованы его мемуары.

⁶⁴ «*Современница*» — *Сент-Эльм Ида* (1778—1845) — французская авантюристка. В 1827 г. появились ее воспоминания под названием «Воспоминания современницы».

⁶⁵ *Видок Эжен-Франсуа* (1775—1857) — французский сыщик, в прошлом беглый солдат и уголовный преступник. Его мемуары частично печатались в русских журналах в 1820—1830-е гг. А. С. Пушкин использовал имя Видока для борьбы с Булгариним. В статье «О записках Видока» (ЛГ.— 1830. — № 20) он дал неприглядную характеристику Булгарину, раскрыл его связи с III Отделением.

⁶⁶ Имеется в виду повесть В. Гюго «Последний день осужденного» (1829).

⁶⁷ *Мейстр* (Местр) *Жозеф де* (1754—1821) — французский писатель и политический деятель реакционного направления. Автор сочинения «Портрет палача».

⁶⁸ *Фигляр* — фокусник, шут.

⁶⁹ *Корде Шарлотта* (1768—1793) — французская монархистка, убившая в 1793 г. Марата, выдающегося деятеля Французской революции. Гильотинирована по приговору революционного трибунала.

⁷⁰ *Дюбарри* Мария-Жанна Гомор де Вобернье (1741—1793) — французская модистка, последняя фаворитка Людовика XV. Гильотинирована за содействие эмигрантам.

⁷¹ *Лувель* Луи-Пьер (1783—1820) — французский рабочий-седельщик, заколовший 13 февраля 1820 г. герцога Беррийского, сына наследника французского престола.

⁷² *Бертон* Жан-Батист (1759—1822) — французский бригадный генерал, участник республиканских и наполеоновских войн. В 1822 г. устроил заговор против правительства и был казнен после провала восстания в Турине.

⁷³ *Кастен* Эдм-Самюэль — французский доктор медицины, казненный за отравление с корыстными целями двух своих друзей.

⁷⁴ *Папавуань* Луи-Огюст (1783—1825) — французский детоубийца, был казнен после нашумевшего судебного процесса.

⁷⁵ Автор заметки — В. П. Лангер.

⁷⁶ *Кипренский* Орест Адамович (1782—1836) — выдающийся художник-портретист.

⁷⁷ *Божия* *Пафоса* (у древних греков — Афродита, у древних римлян — Венера) — богиня любви, красоты, брака. По легенде, появилась из морской пены у города Пафос, на острове Кипр.

⁷⁸ *Лафатер* Иогани-Каспар (1741—1801) — немецкий писатель. Автор «Физиономики» (1772—1778), в которой по внешности определялись черты характера, внутренние достоинства и недостатки человека.

⁷⁹ Автор заметки о переводах Макферсона точно не установлен. Н. О. Лернер считал им А. С. Пушкина (Северные записки. — 1913. — Февр. — С. 28—44). В 1933 г. заметка вошла в собрание сочинений А. С. Пушкина, включена в Полное собрание сочинений А. С. Пушкина 1937—1959 гг. в отдел *Dubia*. Позднее В. В. Виноградов высказал предположение, что заметку написал О. М. Сомов, а А. С. Пушкин ее отредактировал (Виноградов В. В. Проблемы авторства и теория стилей. — С. 386—390).

⁸⁰ *Макферсон* Джеймс (1736—1796) — шотландский поэт, переводил Гомера. В 1760 г. издал книгу «Образцы древней поэзии, собранной в Гейлэнде и переведенной с гаэльского или ирландского», выдал свое творение за перевод древней рукописи неизвестного автора, записавшего песни Оссиана, мифического шотландского барда III в. н. э.

⁸¹ *Вильмен* Абель-Франсуа (1790—1870) — французский критик и историк литературы.

⁸² *Джонсон* Самюэль (1709—1784) — английский критик, публицист, поэт. В 1779 г. изобличал мистификацию Макферсона.

⁸³ *Аддисон* Джозеф (1672—1719) — английский писатель, журналист, редактор журнала «Spectator».

В конце номера дан список печаток, замеченных в 4-м номере газеты.

НОМЕР 6

В номере нет произведений А. С. Пушкина, тем не менее его присутствие ощущается в весьма вероятном редактировании им сочинения В. Г. Теплякова «Письмо русского путешественника из Варны». Преобладает в номере славянская тема, которая прослеживается и в сочинении В. Г. Теплякова, и в заметках Н. Я. Бичурина о книге Ю. И. Венелина «Древние и нынешние болгары в отношении к россиянам», и в обращении к творчеству польского поэта О. В. Корженевского.

¹ «Письмо русского путешественника из Варны» (1829) — очерк В. Г. Теплякова,

вошедший потом в его книгу «Письма из Болгарии» (1833) как письмо первое, адресованное брату — Алексею Григорьевичу Теплякову. Всего в книге семь писем: шесть из них адресованы брату поэта, одно (4-е) — Г. А. Римскому-Корсакову. Текст «Письма» в ЛГ значительно отличается от текста издания 1833 г., что, возможно, отражает редакторскую правку. Не исключено, что редактировал «Письмо» А. С. Пушкин. Текст «Письма» в ЛГ более сжатый, точный, ясный, чем в издании 1833 г. В нем опущены многие подробности отплытия, путешествия и прибытия героя в Варну, романтические описания его переживаний. Убраны многие эпитеты, сравнения, снята некоторая изысканность текста. Опущены отходы от основной линии повествования, в частности обширное рассуждение о месте погребения Овидия, насыщающее текст археологическими описаниями, размышления о происхождении названия равнины Добруджа. Порой предложения перестраиваются, что вносит в них новые смысловые оттенки. Исключены фразы, прославляющие российского двуглавого орла, военные действия XVIII в. и победу войск под предводительством графа Воронцова в 1828 г.

² Румелия — провинция, которая в XIX веке включала в себя почти весь Балканский полуостров, принадлежала Турции.

³ Сизополь — укрепленный город в Восточной Румелии, на берегу Бургасского залива. В 1829 г. русская армия вела здесь бои с турками.

⁴ Анхиал — селение на берегу Черного моря, в 100 км от Варны. В 917 г. здесь произошло сражение, в котором болгары одержали победу над византийцами, следствием чего стало установление болгарским князем Симеоном независимости болгарского патриаршества от Византии.

⁵ Мизия — в древности область на северо-западе Малой Азии.

Фракия — область в восточной части Балканского полуострова между Эгейским, Черным и Мраморным морями. Была объектом борьбы болгар с византийцами.

⁶ Страбон (Страбон) [64 (63) до н. э.— 23 (24) н. э.] — древнегреческий географ и историк. Автор «Исторических записок» и «Географии», которая расценивается как итог географических знаний античности.

⁷ В издании 1833 г.: «меркантильную Одессу».

⁸ «*Bonazza, non c'è vento*» или «*vento contrario*» — «вётранет» или «ветер встречный» (ит.).

⁹ Строка из стихотворения А. С. Пушкина «Погасло дневное светило» (1820).

¹⁰ Вашингтон Ирвинг (1783—1859) — американский писатель, основатель романтизма в литературе США. Ввел в американскую литературу жанр новеллы.

¹¹ Томы — древний город (совр. г. Констанца в Румынии) на западном берегу Черного моря.

¹² Публий Овидий Назон [43 до н. э.— 17 (18) н. э.] — римский поэт эпохи правления императора Августа, не во всем соглашался с его политикой, был сослан в г. Томы, где умер. А. С. Пушкин проявлял интерес к судьбе Овидия, высоко ценил его элегии.

¹³ Эвксинский Понт — древнегреческое название Черного моря.

¹⁴ Калакрия — селение на берегу Черного моря, у мыса Джелеграбурну. Здесь 31 июля 1791 г. русский флот под командованием Ф. Ф. Ушакова одержал победу над турками.

¹⁵ Дука Андроник (умер около 910) — византийский политический деятель. Занимал командный пост в византийской армии, поднял в 906 (908) году восстание против императора Льва VI, кончившееся неудачей, бежал в Арабский халифат и принял ислам.

¹⁶ Балдуин (XIV в.) — император латинской империи.

¹⁷ Лебо Жозеф (1794—1865) — бельгийский государственный деятель, публицист, умеренный либерал. В 20-е годы издавал журнал «Le Politique».

¹⁸ Лев св. Марка — герб Венеции.

¹⁹ *Грейг* Алексей Самуилович (1775—1845) — русский адмирал. В русско-турецкой войне 1828—1829 гг. возглавлял русский флот при взятии Анапы, Варны и других крепостей.

²⁰ В издании 1833 г. фраза построена иначе: «потом — русская пушка выглянула вдруг из своей амбразуры; русский штык сверкнул на покатоности высокого парапета; потом — невольное ура! вырвалось из моего сердца, когда наш черный двуглавый орел принял меня под широкие крылья свои, мощно распростертые над стенами покоренной крепости». Далее идет текст, отсутствующий в «Литературной газете»: «Вам известно, что этот громовержущий орел владеет впервые красавицей Варной. Еще во время войны 1773 года граф Румянцев покушался взять сию крепость и вследствие того отделил из-под Силистрии два корпуса против оной; но тогда это смелое покушение не увенчалось желанным успехом. В следующем году тот же полководец, обошед позицию визиря Махмета-Оглу, стал между его лагерем и Варною — житницею Константинополя и войск оттоманских. Султан Абдул-Гамид, уstraшенный столь пагубным для них событием, предложил русским мир, который и заключен при Кучук-Кайнарджи в 1774 году. По разбитии верховного визиря Юсуфа-паши в 1791-м князь Репнин стал вновь угрожать Варне; но посредничество Англии и Пруссии, встревоженных ураганом французской революции, спасло и на этот раз сию крепость. В 1810-м году, по взятии Базарджика и пленении сераскира Пеливана-паши, столь известного своими военными дарованиями, Варна была почти целый год обложена русскими. Блокада сия снята между прочим, как и все предыдущие, при знаменитом Кутузове, сменившем в 1811-м графа Каменского. Наконец 29 сентября прошлого 1828 года полки наши, предводительствуемые генералом графом Воронцовым, сорвали оттоманскую луна в присутствии своего императора с бастионов расстрелянной Варны.— Важный, огромный шаг к Византии! Не из магнита ли скован был древний щит, повешенный Олегом на воротах града Константинова?..»

²¹ *Халифат* — феодальное арабо-мусульманское государство, во главе которого стоял халиф.

²² *Истрос (Истрия)* — древний город у западного побережья Черного моря (на территории современной Румынии). Основан греками в VII в. до н. э., существовал до VII в. н. э.

²³ *Le secret d'ennuyer est celui de tout dire* — Секрет наскучить — в том, чтобы говорить все подробно (фр.), — крылатое выражение из «Семи рассуждений в стихах о человеке» Вольтера.

²⁴ Автор текста — О. В. Корженевский.

Корженевский Осип Викентьевич (1797—1863), профессор Киевского университета, польский писатель. Переводил Вольтера, Шиллера, Шекспира. Автор драм, повестей; произведения его были изданы в 1871—1873 гг. в 12 томах. В 1830—1870 гг. многие произведения О. В. Корженевского были переведены на русский язык. Одним из переводчиков был В. Н. Щастный, он и перевел отрывок из поэмы «Ангелика».

²⁵ Автор «Критических замечаний» — Н. Я. Бичурин.

²⁶ *Венелин* (настоящая фамилия — Худа) Юрий Иванович (1802—1839) — филолог и историк-славист. Изучал историю, быт, фольклор, литературу западных славян.

«*Древние и нынешние болгаре в отношении к россиянам*» (полное название: «Древние и нынешние болгаре в политическом, народописном, историческом и религиозном их отношении к россиянам». 1829) — одно из основных сочинений Ю. И. Венелина. Автор доказывал единство происхождения русского и болгарского народов, отрицал роль тюркских элементов в происхождении болгар. Книга способствовала пробуждению национального самосознания болгарского народа.

²⁷ *Ван Ман (Цзюй Цзюнь)* (45 до н. э.— 23 н. э.) — древнекитайский государственный

деятель, с 9 года н. э. император империи Хань. Провел ряд реформ для усиления централизованной власти. Убит во время народного восстания.

²⁸ Автор заметки предположительно О. М. Сомов.

²⁹ Автор заметки не установлен.

³⁰ Сенковский Осип Иванович — см. сн. 30 к № 1.

³¹ Автор сообщения О. М. Сомов.

³² Радзивилы — богатый литовский княжеский род (XIV—XX вв.).

³³ Под псевдонимом «А. Влидге» напечатал свою повесть «Село Ивановское» в альманахе «Царское Село». Андрей Иванович Дельвиг.

³⁴ Автор сообщения предположительно О. М. Сомов.

³⁵ Письма А. Мицкевича из Рима были опубликованы в газете «Tygodnik Petersburski» 15 января 1830 г. Перевел извлечения из писем на русский язык В. И. Любич-Романович.

³⁶ Имеется в виду «Аполлон Бельведерский», римская копия со скульптуры работы Леохара (IV век до н. э.).

³⁷ Имеется в виду скульптурная группа «Лаокоон», римская копия с греческого оригинала родосских мастеров Агесандра, Атеподора и Полидора (ок. 50 г. до н. э.).

³⁸ Имеется в виду, вероятно, «Умирающий галльский вождь», римская копия с оригинала пергамской работы (III в. до н. э.).

³⁹ Ливий Тит (59 до н. э.— 17 н. э.) — древнеримский историк, ритор, писатель. Автор «Римской истории от основания города», в которой погодно изложена вся история Рима от легендарного его основания до 9 года до н. э.

⁴⁰ Гораций Публий Коклес — по преданиям, в 507 году до н. э. спас Рим от этрусского царя Порсены, преградив врагу путь к мосту через Тибр.

⁴¹ Имеется в виду прежде всего 4-я песнь «Паломничества Чайльд-Гарольда» (1816—1817) Байрона, описывающая Рим.

⁴² *Ingenti gradu occupavit pontem.* — Мощным шагом занял мост (лат.).

НОМЕР 7

Важное место в номере уделено борьбе с Булгариным: в заметке А. С. Пушкина, направленной против выступлений «Северной пчелы» и художественного творчества ее издателя, в «Письме» О. М. Сомова, разоблачающем критические приемы Булгарина. Чрезвычайно значительна в номере публикация статьи В. К. Кюхельбекера «Мысли о Макбете», она выражает смелое стремление А. С. Пушкина поддержать ссыльных декабристов. Проявлен интерес пушкинского круга и к национальной теме, которая освещена в отрывке из повести А. П. Крюкова.

¹ Повесть «Якуб-Батырь» — одно из основных произведений А. П. Крюкова, осталась незаконченной.

² *Букеевцы* — казахи, в начале XIX в. кочевавшие в степях между реками Урал и Волга и образовавшие вассальную Букеевскую Орду.

³ Как установил Ю. Д. Левин, автором статьи «Мысли о Макбете» является В. К. Кюхельбекер. (Русская литература.— 1961.— № 4.— С. 191—192).

Кюхельбекер Вильгельм Карлович (1797—1846) — поэт, критик. Автор лирических произведений, поэм, трагедий. Ближайший друг А. С. Пушкина, А. А. Дельвига, лицеист 1-го выпуска. Вместе с В. Ф. Одоевским издавал альманах «Мнемозина» (1824—1825). Видный деятель декабристского движения. Сначала был приговорен к смертной казни, за-

менной затем 20 годами каторжных работ; более 10 лет просидел в одиночном заключении, в 1835 г. был сослан в Сибирь.

⁴ *Лессинг* Готхольд Эфраим (1729—1781) — немецкий драматург, теоретик искусства, литературный критик. Основоположник немецкой классической литературы.

⁵ *Шлегель* Август Вильгельм (1767—1845) — немецкий писатель, историк литературы, принадлежал к йенскому кружку немецких романтиков. Видный теоретик художественного перевода, перевел сочинения Данте, Кальдерона, Петрарки, Шекспира.

⁶ Первый переводчик трагедии «Гамлет» на русский язык — Михаил Павлович *Вронченко* (1801—1855). Перевод вышел в 1828 г. М. П. Вронченко перевел также «Манфреда» Байрона (1828), «Праотцов» Мицкевича (1829), «Макбета» Шекспира (1837), «Фауста» Гете (1844).

⁷ В. В. Виноградов установил, что автором рецензии является О. М. Сомов. (Проблемы авторства и теория стилей. — С. 392—397.)

⁸ *Смит Гораций* (1779—1849) — английский писатель, последователь Вальтера Скотта.

⁹ *Купер Джеймс Фенимор* (1789—1851) — американский писатель. Его творчество относится к раннему периоду американского романтизма и во многом связано с просветительской литературой XVIII в.

¹⁰ *Манцони* Алессандро (1784—1873) — знаменитый итальянский поэт и романист.

¹¹ *Виньи* Альфред де (1797—1863) — французский поэт и писатель романтического направления.

¹² Исторический роман «Обрученные», одно из лучших произведений А. Манцони, изображает Италию XVII в. Опубликовано в 1827 г. На русский язык переведен в 1884 г.

¹³ Исторический роман А. де Виньи «Сен-Марс» вышел в Париже в 1826 г. В основе сюжета — заговор Сен-Мара Анри Куафье де Рюзе (1620—1642), маркиза, фаворита Людовика XIII, против кардинала Ришелье, приведший Сен-Мара и его друга де Ту к казни.

¹⁴ Переводчик статьи предположительно О. М. Сомов.

¹⁵ Автор заметки — А. С. Пушкин. Он возражает Булгарину, высказавшему в «Северной пчеле» (1830, № 10) сомнение в принадлежности Д. И. Фонвизину «Разговора у княгини Халдиной», который был опубликован в 3-м номере ЛГ.

¹⁶ А. С. Пушкин делает намек на нравственно-сатирический роман Булгарина «Иван Выжигин», в котором правда жизни и подлинная сатира были подменены морализаторством.

¹⁷ Автор заметки не установлен.

¹⁸ Автор заметки предположительно О. М. Сомов.

¹⁹ Автор «Письма к издателю «Литературной газеты» и его сотрудникам» — О. М. Сомов. Заметка явилась важным этапом борьбы ЛГ с «Северной пчелой», нападавшей на литераторов пушкинского круга.

²⁰ *Порфирий Душегрейкин* — Булгарин. Он не мог простить О. М. Сомову отхода от «Северной пчелы», боялся его активного сотрудничества в лагере А. С. Пушкина, потому и критиковал произведения своего противника, назвавшего себя Порфирием Богдановичем Байским.

²¹ *Гайдуки* — венгерские наемные солдаты, несшие в XVI в. службу в пограничных с Турцией крепостях.

²² *Клефты* — греческие партизаны, боровшиеся против турецкого господства.

²³ *Пандуры* — пешее нерегулярное войско, одетое и вооруженное по турецкому образцу.

²⁴ *Фортис* Джованни-Баттиста (1741—1803) — итальянский ученый и писатель.

Занимался славяноведением, изучал сербохорватскую (морлацкую) народную поэзию.

²⁵ *La Guzla, ou choix de poésies illyriques, recueillies dans la Dalmatie, la Bosnie, la Croatie & l'Herzegovine* — «Гусли, или Избранное из иллирийской поэзии, собранной в Далмации, Боснии, Хорватии и Герцоговине» (фр.).

²⁶ *Гаркуша* — герой историко-этнографической украинской повести О. М. Сомова «Гайдамак».

²⁷ Переводчик сообщения из «*Tygodnik Petersburski*» на русский язык — В. И. Любич-Романович.

²⁸ *Зенович Степан Федорович* (1779—1856) — профессор химии, автор многих научных трудов.

²⁹ *Дежерандо Жозеф-Мария* — см. сн. 56 к № 2. Отдельные произведения Дежерандо были переведены на русский язык и опубликованы в «Сыне отечества» (1825, 1828 гг.).

³⁰ *Ферюссак* (1786—1836) — французский геолог и зоолог, профессор географии и статистики.

³¹ *Торвальдсен Альберт* (1770—1844) — датский скульптор.

³² *Фишер фон Вальдгейм Александр Григорьевич* (1803—1884) — ботаник, профессор.

³³ *Роттек Карл Венцеслав* (1775—1840) — немецкий историк, профессор, главный идеолог немецкого дореволюционного либерализма.

³⁴ *Блюменбах Иоганн Фридрих* (1753—1840) — немецкий зоолог, профессор.

³⁵ *Шатобриан Альфонс Франсуа Рене де* (1768—1848) — французский мыслитель и политический деятель. Его высоко ценил А. С. Пушкин.

В конце номера дан список опечаток, замеченных в 5-м и 6-м номерах.

НОМЕР 8

В номере помещены очень значительные произведения А. С. Пушкина: впервые печатается в газете его художественная проза — отрывок «Военная Грузинская дорога», явившийся откликом на военные события 1828—1829 гг.; здесь же — одна из лучших литературно-критических работ А. С. Пушкина: статья об альманахе «Денница». Серьезные вопросы литературной жизни подняты и П. А. Вяземским в статье «О московских журналах».

¹ «Военная Грузинская дорога» — отрывок из «Путевых записок» А. С. Пушкина, над которыми поэт работал в 1829 г. Отрывок подготовлен специально для ЛГ, подвергся цензуре Николая I. Текст, представленный в газете, несколько отличается от текста в Полном собрании сочинений А. С. Пушкина. В ЛГ изменены отдельные формы слов, опущены некоторые выражения, подчеркивающие бедность и убогость существования закавказского населения. Не вошли в текст газеты довольно большие фразы, заключающие в себе осуждение русско-турецкой войны, которая несла людям страдания: они не могли быть пропущены царской цензурой, тем более что государь ждал от А. С. Пушкина воспевания современных ему военных событий. Опущены также некоторые описания местности и природы.

² *Гудович Иван Васильевич* (1741—1820) — граф, генерал-фельдмаршал.

³ *Татартуб* — древнее городище со старинным минаретом, расположенное на левом берегу Терека, близ Эльбруса. Горцы считали его святым местом.

⁴ *Мансур* (умер в 1794) — шейх, поднявший в 1785 г. религиозную войну горцев против христиан. Мансур в 1791 г. попал в плен и был заключен в Шлиссельбургскую крепость, а не в Соловецкий монастырь, как пишет А. С. Пушкин.

⁵ ...Like a warrior taking his rest With his martial cloak arround him — ...Подобно отдыхающему воину, завернувшемуся в боевой плащ (англ.). Цитата из стихотворения Ч. Вульфа «Погребение сэра Джона Мура».

⁶ *Аманат* — заложник.

⁷ В Полн. собр. соч. далее следует текст, опущенный в ЛГ: «и бегают из крепости. Их держат в жалком положении. Они ходят в лохмотьях, полунагие и в отвратительной нечистоте. На иных видел я деревянные колодки. Вероятно, что аманаты, выпущенные на волю, не жалеют о своем пребывании во Владикавказе».

⁸ В Полн. собр. соч. далее следует текст, опущенный в ЛГ: «Шумные волны его приводят в движение колеса низеньких осетинских мельниц, похожих на собачьи конуры».

⁹ В Полн. собр. соч.: П<ушкин> и Ш<ернваль>.

Мусин-Пушкин Владимир Алексеевич (1798—1854) — член Северного тайного общества, после заключения в крепости был переведен на Кавказ в Петровский полк.

Шернваль фон Ваален Эмилий Карлович (1809—1890) — офицер генерального штаба при И. Ф. Паскевиче, родственник В. А. Мусина-Пушкина.

¹⁰ *Иматра* — водопад на реке Вуоксе в Финляндии. Цитата из оды Г. Р. Державина «Водопад».

¹¹ *Ларс* — местечко под Владикавказом на левом берегу Терека, у Дарьяльского ущелья.

¹² *Коби* — деревня у подъема на Крестовую гору.

¹³ Цитата из третьей песни «Илиады» Гомера в переводе Е. И. Кострова.

¹⁴ В Полн. собр. соч.: Ш<ереметев>. Шереметев Петр Васильевич (1799—1837) — знакомый А. С. Пушкина, служил в русском посольстве в Париже.

¹⁵ *Чатырдаг* (Чатыр-даг) — одна из вершин Крымских гор, расположенная на юго-восточном берегу полуострова. А. С. Пушкин вспоминает о своем пребывании в Крыму во время южной ссылки (1820—1824).

¹⁶ *Фазил-хан Шейда* (умер в 1852) — персидский поэт при дворе наследника шаха, принца Хозрева-Мирзы, учитель его детей. Сопровождал принца во время поездки к Николаю I в связи с убийством в Тегеране А. С. Грибоедова.

¹⁷ В Полн. собр. соч.: Ч<иляев>. *Чиляев* Борис Гаврилович (1798—1850) — офицер, служил на Кавказе в 1828—1829 гг.

¹⁸ В Полн. собр. соч.: Ог<аревым>. *Огарев* Николай Гаврилович, командир роты путей сообщения на Военно-Грузинской дороге во времена, описываемые Пушкиным.

¹⁹ «*Душенька*» написана Д. В. Давыдовым в 1829 г. Первая публикация. Стихотворение было переиздано в сборниках Д. В. Давыдова 1832 и 1840 гг. В издании 1832 г. помещено с эпиграфом: «Она еще менее хороша для глаз, все обнимающих во мгновение и на мгновение, — как для души, которая чем более ищет, тем более находит». Жуковский».

В издании 1840 г. текст несколько изменен по сравнению с первоначальным:

2-я строка — «Где, жертвой грозного веленья,»

7-я строка — «И осенил венком лавровым»

26-я строка — «Скользнула по челу прекрасной,»

В советское время стихотворение вошло в сборник: Давыдов Д. Стихотворения. — Л., 1984 (вступ. ст., состав., подгот. текста и примеч. В. Э. Вадура), где оно печатается по изданию 1840 г.

²⁰ Автор статьи «О московских журналах» — П. А. Вяземский. В ЛГ напечатана лишь первая часть статьи; вторая часть, почти целиком направленная против Н. А. Полевого, была запрещена цензурой 7 марта 1830 г. из-за резкости тона. Фрагменты из второй части вошли в статью П. А. Вяземского, помещенные в очередных номерах ЛГ: «Несколько слов

о полемике» (1830, № 18) и «Объяснения некоторых современных вопросов литературных» (1830, № 31). Текст первой части статьи не был помещен в Полном собрании сочинений П. А. Вяземского, вторая часть вошла во II том.

²¹ «**Дамский журнал**» — литературный журнал с картинками мод, издававшийся в Москве писателем-сентименталистом Петром Ивановичем Шаликовым (1768—1852) с 1823 по 1833 г. Для журнала была характерна запоздавшая ориентация на сентиментализм, потому многие литераторы относились к нему резко критически.

²² «**Галатее**» — журнал литературы, новостей и мод, выходил в Москве в 1829—1830 и в 1839—1840 гг. Издатель — Семен Егорович Раич (1792—1855), писатель, переводчик. Основное содержание журнала составляли художественная проза, отрывки из мемуаров, исторические сочинения. Резкий тон критических статей в «Галатее» восстановил против нее многие печатные органы. Журнал вел полемику с «Московским телеграфом», «Литературной газетой», «Северной пчелой».

²³ С. Е. Раич перевел в 1821 г. «**Георгики**» Вергилия, предпослав переводу теоретический труд «**Рассуждение о дидактической поэзии**». В 1828 г. вышел его перевод «**Освобожденного Иерусалима**» Тассо (в 4 томах).

²⁴ Имеется в виду «Галатее».

²⁵ **Костров** Ермил Иванович (ок. 1750—1796) — поэт и переводчик. Главный труд — незаконченный перевод «Илиады»: песни 1—6 вышли в 1787 г., песни 7—9 — в 1811 г.

²⁶ **Тютчев** Федор Иванович (1803—1873) — поэт, создатель произведений глубокого философского наполнения и утонченной лирики. В 20—30-е гг. печатался в различных альманахах и журналах: «Урания», «Северной лире», «Деннице», «Галатее», «Телескопе» и др. Цикл «Стихотворения, присланные из Германии» А. С. Пушкин ценил очень высоко и поместил в «Современнике» 1836 г.

²⁷ **Ознобишин** Дмитрий Петрович (1804—1877) — поэт, переводчик с европейских и восточных языков.

²⁸ **Пигмалион** — легендарный древнегреческий скульптор, влюбившийся в сделанную им статую Галатее, которая затем была оживлена богиней Афродитой.

²⁹ **Буало** (*Депрео*) Никола (1636—1711) — французский поэт, теоретик классицизма. Главное произведение — дидактическая поэма «Поэтическое искусство» (1674) — кодекс французского классицизма.

³⁰ **Хвостов** Дмитрий Иванович (1757—1835) — граф, влиятельный чиновник, автор стихов в духе ложноклассического направления, которые были предметом насмешек многих русских литераторов, прежде всего А. С. Пушкина.

³¹ **Арцыбашев** Николай Сергеевич (1773—1841) — русский историк. Главный труд — «Повествование о России» (1838—1843). Н. С. Арцыбашев публиковал в «Московском вестнике» критические статьи против Н. М. Карамзина, исторические принципы которого он не принимал. Одну из этих статей — «Замечания на «Историю государства Российского», сочиненную г. Карамзиным» (Московский вестник. — 1828. — Ч. II. — С. 285—318; 1828. — Ч. 12. — С. 254—285) имеет в виду П. А. Вяземский, выступавший против Н. С. Арцыбашева и на страницах «Московского телеграфа» (1828, № 19).

³² **Шевырев** Степан Петрович (1806—1864) — поэт, критик, историк литературы. Помимо «Московского вестника», сотрудничал в альманахах «Урания», «Северные цветы», «Северная лира», в журналах «Галатее», «Телескоп». ЛГ опубликовала стихотворение С. П. Шевырева «Сравнение» (1830, № 56).

³³ **Языков** Николай Михайлович (1803—1846) — поэт. Был близок к А. С. Пушкину, В. А. Жуковскому, А. А. Дельвигу, К. Ф. Рылееву. Помимо «Московского вестника», печатал

ся в журналах «Славянин», «Сын отечества», «Благонамеренный», в «Невском альманахе», «Полярной звезде» и др. ЛГ опубликовала стихотворения Н. М. Языкова: «К Ал. Ник. Тат-ву» (1830, № 15), «Пловец» («Море блеска, гул, удары...») (1830, № 33), «Кар. Кар. Ян...» (1830, № 37).

³⁴ *Погодин Михаил Петрович* (1800—1875) — писатель, историк, археолог, публицист, журналист. Произведения М. П. Погодина 20—30-х годов носят демократический характер. А. С. Пушкин ценил их, особенно повести «Невеста на ярмарке» (1827), «Черная немочь» (1829), трагедию «Марфа Посадница» (1830).

«*Преступница*» (1830) — повесть М. П. Погодина о патологических состояниях человеческой психики.

³⁵ Имеется в виду повесть М. П. Погодина «Психологическое явление», опубликованная в «Деннице» на 1830 год.

³⁶ *Прокопович Феофан* (1681—1736) — видный деятель культуры Петровской эпохи, оратор, поэт, драматург, теоретик литературы.

³⁷ «*Московский телеграф*» — журнал, издававшийся в 1825—1834 гг. в Москве Н. А. Полевым. Журнал выступал против нормативной эстетики классицизма, защищал романтизм. В первые годы издания активную роль в «Московском телеграфе» играл П. А. Вяземский, здесь печатались произведения А. С. Пушкина, В. А. Жуковского, Е. А. Баратынского, В. К. Кюхельбекера, Н. М. Языкова, Ф. Н. Глинка. В конце 20 — начале 30-х гг. произошел разрыв литераторов пушкинского круга с журналом. Одна из важнейших причин разрыва — выступления Н. А. Полевого против Н. М. Карамзина.

³⁸ *Ходаковский, Доленга-Ходаковский* — псевдоним историка и славянофила Чарноцкого Адама (1784—1825), изучавшего археологические и этнографические памятники севера и востока России.

³⁹ «*История русского народа*» — сочинение Н. А. Полевого. С 1829 по 1833 г. вышло 6 томов. Н. А. Полевой выступил против концепции «Истории государства Российского» Н. М. Карамзина.

⁴⁰ Автор рецензии на альманах М. А. Максимовича «Денница» на 1830 год — А. С. Пушкин. Рецензия без изменений вошла во все собрания сочинений А. С. Пушкина.

⁴¹ *Веневитинов Дмитрий Владимирович* (1805—1827) — поэт. Вместе с В. Ф. Одоевским основал в 1823 г. «Общество любомудрия», изучал немецкую классическую философию. Участвовал в издании «Московского вестника», печатался также в «Сыне отечества», «Северных цветах».

⁴² Имеются в виду статьи *И. В. Киреевского* «Нечто о характере поэзии Пушкина» (Московский вестник. — 1828. — Ч. 8. — № 6) и «Нечто о переводе Манфреда» (Московский вестник. — 1828. — Ч. 8. — № 7).

⁴³ Имеется в виду цензурный устав 1828 г., формально менее стеснительный, чем принятый в 1826 г. 2-й цензурный устав, прозванный современниками «чугунным».

⁴⁴ *Новиков Николай Иванович* (1744—1818) — писатель-сатирик, журналист, книгоиздатель, просветитель. Вел полемику с Екатериной II по вопросам сатиры.

⁴⁵ «*История государства Российского*» — труд Н. М. Карамзина, первый опыт научного построения русской истории, основан на огромном количестве архивных материалов, имел стилизованную отделку художественного произведения. Н. М. Карамзин работал над своим сочинением около 25 лет; при жизни автора вышло 11 томов, 12-й том — в 1829 г. Труд Н. М. Карамзина в 20-е годы вызвал горячие обсуждения и споры.

⁴⁶ Поэма Е. А. Баратынского «*Эда*» была написана в 1826 г., поэма «*Бальный вечер*» («Бал») — в 1828 г.

⁴⁷ Автор сообщения предположительно О. М. Сомов.

⁴⁸ *Сент-Илер* — дополнительных сведений о французском лингвисте обнаружить не удалось.

⁴⁹ Автор заметки предположительно А. С. Пушкин. Она вошла в раздел «Dubia» Полного собрания сочинений А. С. Пушкина.

⁵⁰ Автор заметки предположительно А. С. Пушкин. Она вошла в раздел «Dubia» Полного собрания сочинений А. С. Пушкина.

НОМЕР 9

В центре номера — статья П. А. Катенина, посвященная греческой поэзии и драматургии, одна из лучших статей в его критическом цикле «Размышления и разборы». Поднятая в ней тема искусства развивается в других публикациях номера: в заметке В. П. Лангера об архитекторе и художнике А. П. Брюллове, в переводной статье о живописце Изабе.

В ЛГ начинает сотрудничать В. Ф. Одоевский.

¹ Повесть неизвестного автора, перепечатанная из английского журнала «British wreath», перевод Н. П. Шигаева.

² «Well Flown, brave bird!» — «Счастливого полета, храбрая птица!» — Шекспир.

³ *Клобучок* — колпачок, надеваемый на голову ловчей птицы, чтобы она до срока не бросалась на добычу.

⁴ Свободная птица (нем.).

⁵ *Кречет* — редкая хищная птица семейства соколиных, высоко ценилась как ловчая птица для соколиной охоты. *Зябленник*, *дербник*, *кобчик* — хищные птицы семейства соколиных.

⁶ *Трубадуры* — средневековые провансальские (юг Франции) поэты и певцы.

⁷ *Кромвель* Оливер (1599—1658) — крупный английский политический деятель, лорд-протектор Англии.

⁸ *Мальвазия* — сорт сладкого вина.

⁹ *Эль* — английское пиво из ячменного солода.

¹⁰ *Минстрель* (менестрель) — средневековый поэт и певец.

¹¹ Стихотворение Д. В. Давыдова «Зайцевскому, поэту-моряку» написано в 1829 г. Первая публикация. Строки 15—16 привлекли внимание цензора Н. П. Щеглова своим «весьма преувеличенным» смыслом, но Цензурный комитет допустил стихотворение к напечатанию. После его публикации Д. В. Давыдов продолжал работу над текстом, в последующих изданиях появились варианты произведения: в сборнике «Стихотворения Дениса Давыдова» 1832 г., строка 12 имеет вид: «Тебя призывает пучина морская». В издании 1840 г. изменения внесены в строки 2—3:

«Позволь земледельцу-гусару
Пожать тебе руку солдатской рукой,»

в строки 5—6:

«О, сколько ты славы готовишь России,
Дитя удалое свободной стихии!»

в строки 10—13:

«Сорвал на гремящих твердых;
И к третьему, с лаской вдали колыхая,
Тебя призывает равнина морская.

Мужайся! — Козарский, живой Леонид,»

в строки 17—18:

«И гимны победы с ладей окрыленных
Пусть искрами брызнут от струн вдохновенных!»

в строку 23:

«Давно ль... Но забвением судьба меня губит,»

В современных сборниках текст стихотворения печатается по изданию 1840 г. (См.: Д а в ы д о в Д. Стихотворения.— Л., 1984).

¹² *Зайцевский* Ефим Петрович (1801—1860) — поэт, поклонник творчества Д. В. Давыдова, морской офицер, отличился в сражении под Варной в 1828 г.

¹³ *Камена* — римское название богини поэзии.

¹⁴ *Казарский* Александр Иванович (1797—1833) — герой русско-турецкой войны 1828—1829 гг., капитан-лейтенант русского морского флота. Отличился при взятии Анапы и Варны в 1828 г. и в сражении с турецкими кораблями 14 мая 1829 г.

¹⁵ *Леонид* [508(509) — 480 до н. э.] — спартанский царь, возглавил греческое войско в период греко-персидских войн, погиб с отрядом в сражении у Ферможи, прикрывая отступление основной части своего войска.

¹⁶ *Микеланджело* Буонарроти (1475—1564) — итальянский скульптор, живописец, архитектор, поэт эпохи Возрождения.

¹⁷ *Парфенон* — храм богини Афины на Акрополе, созданный в 447—438 гг. до н. э. Иктином и Калликратом.

¹⁸ *Канова* Антонио (1757—1822) — итальянский скульптор, хорошо известный в России. Около 1814 г. создал по заказу графа Н. П. Румянцева статую «Мир» (Государственная библиотека СССР им. В. И. Ленина), о которой восторженно отзывался И. И. Гнедич.

¹⁹ В предисловии к IV песне «Паломничества Чайльд Гарольда» Байрон охарактеризовал Канову как великого, прославленного во всем мире скульптора.

²⁰ Имеется в виду статуя «Диана Версальская» — римская копия с греческого оригинала, школа скульптора Леохара (IV в. до н. э.)

²¹ *Эллинский* — древнегреческий.

²² *Антология* — в первой половине XIX в. сборники античной поэзии.

²³ Имеются в виду события Троянской войны (ок. 1260 до н. э.), которую вели с Троей ахейцы.

²⁴ *Сид Кампеадор* (настоящее имя — Родриго Диас де Бивар) (между 1026 и 1043—1099) — кастильский рыцарь, прославившийся своими подвигами, стал идеализированным героем народного эпоса и литературных произведений.

²⁵ *Гердер* Иоганн Готфрид (1744—1803) — немецкий философ, писатель-просветитель, собиратель фольклора. Автор переложения испанских романсов о Сиде (1803, отдельное издание вышло в 1805 г.). Романсы Гердера переводили на русский язык П. А. Катенин (1822) и В. А. Жуковский (1831).

²⁶ *Паладины* — сподвижники франкского императора Карла Великого (742—814).

²⁷ Имеется в виду, по-видимому, завоевание Северной Африки арабами и их борьба с коренным населением в конце VII — начале VIII в.

²⁸ *Ариосто* Лудовико (1474—1533) — итальянский поэт. Главное произведение — поэма «Неистовый Роланд» (1516), переложена на русский язык с французского в 1791—1793 гг.

²⁹ *Боярдо* Маттео Мария (1441—1494) — итальянский поэт, переводчик. Основное сочинение — неоконченная рыцарская поэма «Влюбленный Роланд» (1495), на русский язык переведена в 1799 г.

³⁰ *Берни Франческо* (ок. 1497—1535) — итальянский поэт-сатирик, основатель жанра героикокомической поэмы. Занимался переделкой поэмы М. Боярдо «Влюбленный Роланд».

³¹ *Пульчи Луиджи* (1432—1482) — итальянский поэт. Основное сочинение — эпическая поэма «Морганте».

³² *Фортингуэрр* (Фортингверра) Никола — итальянский кардинал с 1460 года. Покровитель наук, основатель училищ.

³³ *Перро Шарль* (1628—1703) — французский поэт и критик, участник литературного спора о древних и новых авторах, отвергал классицистическую эстетику.

³⁴ *Ламот* (Ламотт) Антуан Гудар де (1672—1731) — французский поэт, участвовал в споре о древних и новых авторах, был сторонником последних, выступал против строгих стихотворных форм, за упрощение литературного стиля. В 1714 г. предпринял «исправленное» издание «Илиады» Гомера, которое критиковали современники Ламота, в частности Вольтер, сам переведший несколько фрагментов из «Илиады».

³⁵ *Фонтенель* Бернар Ле Бовье де (1657—1757) — французский писатель и ученый. Принимал участие в споре о древних и новых авторах, отстаивал превосходство современной ему литературы над античной. Свои взгляды изложил в труде «Свободное рассуждение о древних и новых авторах» (1688).

³⁶ *Лагарп Жан Франсуа де* (1739—1803) — французский драматург и теоретик литературы, автор трагедий на античные сюжеты («Тимолеон», «Филоклет», «Кориолан»). Последователь Вольтера в области просветительской драматургии.

³⁷ *Вергилий Марон Публий* (70—19 до н. э.) — римский поэт. Главные создания: сборник «Буколики», поэмы «Георгики», «Энеида». Автор римских подражаний «Илиаде» и «Одиссее».

³⁸ *Елей* — оливковое масло, употребляемое в православной церкви при совершении обрядов.

³⁹ *Экзаметр* (гекзаметр) — шестистопный стихотворный размер с постоянной цезурой (паузой), употреблявшийся в произведениях античных авторов.

⁴⁰ *Рошфор* Гильом (1731—1788) — французский писатель, перевел на французский язык «Илиаду» и «Одиссею». Автор трагедий «Улисс», «Электра» и других, являющихся подражаниями греческим творениям.

⁴¹ *Поп Александр* (1688—1744) — английский поэт, занимался переводами античных авторов: Овидия, Стация, Феокрита, Вергилия, Гомера. В 1715—1720 гг. перевел рифмованным пятистопным ямбом «Илиаду», а в 1725—1726 гг. — «Одиссею», при этом с позиций классицизма исправлял «грубости» Гомера.

⁴² *Чезаротти* Мельхиор (1730—1808) — итальянский ученый и поэт. Автор «Жизнеописания Плутарха» (1763). Перевел «Илиаду» (1768—1794), сделав отступления от подлинника: заменил многие устаревшие, с его точки зрения, места, прибавил к переводу свои примечания. Перевел также произведения Оссиана (1826—1827).

⁴³ *Монти* Винченцо (1754—1828) — итальянский поэт, защитник античного искусства. Перевел на итальянский язык «Илиаду».

⁴⁴ *Фосс* Иоганн Фридрих (1751—1826) — немецкий поэт и переводчик. Перевел на немецкий язык «Одиссею» (1781) и «Илиаду» (1793). Переводил также произведения Гезиода, Эсхила, Аристофана, Феокрита, Горация, Вергилия, Овидия, Шекспира и других авторов.

⁴⁵ «*Телемахиды*» — поэма В. К. Третьяковского, написанная созданным им так называемым русским гекзаметром; ее неуклюжие и тяжеловатые стихи вызывали насмешки и критику современников поэта.

⁴⁶ *Александрины* (александрийский стих) — шестистопный ямб с цезурой после третьей стопы. Употреблялся в «высоких» жанрах и в античных стилизациях.

⁴⁷ См. сн. 43 к № 2.

⁴⁸ «Одиссею» перевел В. А. Жуковский в 1842—1849 гг.

⁴⁹ *Вития* — оратор, красноречивый человек (устар.).

⁵⁰ *Феспис* (VI в. до н. э.) — грек, считавшийся основателем трагедии. По преданию, возил с собой на телеге свой театр и давал представления.

⁵¹ Катенин излагает теорию возникновения трагедии из религиозно-культурных обрядов, посвященных богу Дионису (Вакху).

⁵² *Семела* — в древнегреческой мифологии фиванская царица, возлюбленная Зевса. Ее сын — бог Дионис.

⁵³ *Ксеркс* (умер в 465 до н. э.) — древнеперсидский царь. Вел борьбу с египтянами, греками.

⁵⁴ *Аристотель* (384—322 до н. э.) — древнегреческий философ и ученый. Автор логических, физических, работ об искусстве, поэзии и риторике.

⁵⁵ *Еврипид* (ок. 480—406 до н. э.) — древнегреческий драматург. Автор 92 произведений, из которых сохранились сатирическая драма «Киклоп» и 18 трагедий, в том числе «Ипполит», «Троянки», «Елена», «Орест».

⁵⁶ Имеются в виду трагедии Эсхила «Семеро против Фив», «Персы», трилогия «Орестея» («Агамемнон», «Хоэфоры», «Эвмениды»), «Просительницы, или Молящие», «Прикованный Прометей».

⁵⁷ Автор заметки — В. П. Лангер.

⁵⁸ *Помпея* — древний город у подножия Везувия, погиб при извержении вулкана 24 августа 79 года.

⁵⁹ *Форум* — в древнем Риме площадь, на которой происходили народные собрания.

⁶⁰ *Брюллов Александр Павлович* (1798—1877) — профессор архитектуры Академии художеств, старший брат известного художника Карла Павловича Брюллова. Изучал развалины древних итальянских городов, занимался реставрацией помпейских бань.

⁶¹ Имеется в виду королевство обеих Сицилий — государство, объединявшее остров Сицилия и Южную Италию, которая иногда называлась Сицилией. Государство существовало до 1860 г., с 1735 г. здесь (с перерывами) правили Бурбоны.

⁶² *Terpidarium* и *Caldarium* — прохладная баня и горячая баня (лат.).

⁶³ *Байя* — порт к юго-западу от Неаполя. Здесь остались развалины древних купален, в том числе купален Нерона.

⁶⁴ Автор заметки — В. Ф. Одоевский. Это установил П. Н. Сакулин (Сакулин П. Н. История русского идеализма. — М., 1913. — Т. I. — Ч. I. — С. 487).

Одоевский Владимир Федорович [1803 (1804) — 1869] — писатель, философ, критик, публицист. В юности был членом московского кружка Любомудров. Вместе с В. К. Кюхельбекером издавал альманах «Мнемозина». Помимо ЛГ, сотрудничал в «Северных цветах», «Московском наблюдателе», «Современнике», «Отечественных записках» и др. А. С. Пушкин, отрицательно относясь к немецкой метафизике, не во всем был согласен с В. Ф. Одоевским: он ценил бытовое, психологическое начала в повестях писателя, но не принимал фантастику и мистику его произведений.

⁶⁵ «Ne rien exclure, tout accepter, tout comprendre, c'est là le propre du temps». Cousin — «Ничего не исключать, все принимать, все понимать — вот в чем веление времени». Кузен (фр.). Кузен Виктор (1792—1867) — французский философ-эклектик.

⁶⁶ *Жакото Жан Жозеф* (1770—1840) — французский педагог. В 1818 г. выступил со своим методом преподавания, направленным на развитие активности и самостоятельности обучающихся. Основные принципы метода Жакото: кто сильно хочет, тот может; человекский разум способен сам образовывать себя; умственные способности у всех одинаковы. Система Жакото была популярна в Западной Европе и в России в 30-е годы.

⁶⁷ «Journal de l'émancipation intellectuelle» — журнал умственной эмансипации.

⁶⁸ pro и contra — за и против.

⁶⁹ toutes les pièces du procès — все необходимые составные части (фр.).

⁷⁰ Эклектик — человек, беспринципно сочетающий противоречивые взгляды.

⁷¹ «Le Furet» — французский журнал.

⁷² Статья перепечатана из английского журнала «The Court Journal». Автор перевода — В. П. Бурнашев. *Бурнашев Владимир Петрович* (1809—1888) — литератор, автор очерков о сельском хозяйстве, составил первый русский сельскохозяйственный словарь «Опыт терминологического словаря сельского хозяйства» (1844).

⁷³ *Изабе Жан-Батист* (1767—1855) — французский художник. Автор миниатюрных портретов и литографий. Был придворным живописцем Наполеона I, затем Бурбонов.

⁷⁴ *Метерних* (Меттерних) Клеменс Венцель Непомук Лотар (1773—1859) — австрийский посланник. В 1804 г. участвовал в заключении союза между Австрией, Пруссией и Россией, подписывал договоры Франции с Австрией, был председателем на Венском конгрессе 1814—1815 гг., завершившем войны европейских держав с наполеоновской Францией.

⁷⁵ *Веллингтон Артур-Коллей Веллеслей* (1769—1852) — английский герцог, первый министр Англии, политик и военный деятель.

⁷⁶ *Мальмезон* — замок близ Версаля, любимый загородный дворец Наполеона I.

⁷⁷ *Тюльери* (Тюльери) — дворец в Париже, одна из резиденций французских королей.

⁷⁸ Переводчик заметки — В. И. Любич-Романович.

⁷⁹ См. сн. 56 к № 5. Т. Мур был другом и биографом Байрона.

НОМЕР 10

В номере многогранно представлен критический талант А. С. Пушкина: здесь и развернутая рецензия на поэму Ф. Н. Глинки, и острое полемическое выступление, направленное против литературных недругов, и до предела сжатая, афористическая оценка современных А. С. Пушкину исторических сочинений.

Продолжена публикация статьи П. А. Катенина из цикла «Размышления и разборы», посвященной греческой поэзии.

¹ *Герольд* — здесь: распорядитель на торжествах и рыцарских турнирах.

² *Фландрия* — область Западной Европы, принадлежавшая сначала Нидерландам, затем вошедшая в состав Бельгии, Голландии, Франции.

³ Автор элегии — Д. В. Давыдов. Стихотворение написано в 1829 г. Первая публикация. В 3-й строке, по-видимому, опечатка: «пыль» вместо «пыл», что подтверждают черновые редакции произведения. Д. В. Давыдов продолжал работу над стихотворением после его публикации в ЛГ, потому текст элегии в изданиях 1832 и 1840 гг. несколько отличается от текста газеты.

В издании 1832 г.:

6-я строка — «Невольным пахарем влекут меня на нивы...»

8-я строка — «Ты, взором, голосом рождающий в полках...»

13-я строка — «Ты, обреченный быть побед любимым сыном,»

16-я строка — «Умчался брани дым, утихнул стук мечей,»

В издании 1840 г.:

2-я строка — «Отдайте мне ваш день, день вековой славы,»

3-я строка — «И шум оружия, и сечи, и борьбу!»

5—8-е строки — «Попрали сильные. Счастливы горделивы
Невольным пахарем влекут меня на нивы...
О, ринь меня на бой, ты, опытный в боях,
Ты, голосом своим рождающий в полках»

13-я строка — «О, обреченный быть побед любимым сыном,»

14-я строка — «Покрой меня, покрой твоих перунов дымом!»

16-я строка — «Умчался брани дым, не слышен стук мечей,»

17-я строка — «И я, питомец ваш, склоняюсь главой у плуга,»

⁴ *Багратион* Петр Иванович (1765—1812) — русский генерал, прославленный герой Отечественной войны 1812 г.

⁵ *Ермолов* Алексей Петрович (1777—1861) — военный и государственный деятель, генерал, особенно отличившийся в Бородинском сражении. Был в оппозиции аракчеевскому режиму.

⁶ *Микены* — древний город на юге Греции, с XVII в. до н. э. столица государства ахейцев, в 470 г. до н. э. разрушен в ходе военных действий.

⁷ *Эмениды* — в древнегреческой мифологии богини мщения.

⁸ *Аттика* — в античные времена область на юго-востоке Средней Греции с главным городом Афинами.

⁹ *Паллада* — у древних греков второе имя богини мудрости Афины, покровительницы наук, искусств, ремесел, врачевания.

¹⁰ К наиболее известным произведениям на данный сюжет относятся, помимо трагедий Эсхила, драматические создания Софокла и Еврипида.

¹¹ Имеется в виду не дошедшая до нас трагедия Дмитрия Ростовского «Кающийся грешник».

¹² *Ристани* — конные состязания верхом и на колесницах, проводившиеся в Греции и Риме.

¹³ *Саламин* — остров в Эгейском море у побережья Аттики, около которого 28 или 27 сентября 480 г. до н. э. произошло морское сражение греческих и персидских войск.

¹⁴ *Дарий* — древнеперсидский царь из династии Ахеменидов, правил в 522—486 г. до н. э., осуществил значительные преобразования в государстве.

¹⁵ Древнеперсидский царь Ксеркс потерпел в 480 г. до н. э. поражение в войне с Грецией.

¹⁶ *Мельпомена* — здесь: трагедия.

¹⁷ Имеется в виду борьба Прометея с Зевсом.

¹⁸ *Вящий* — большой.

¹⁹ *Пирр* — вариант имени Неоптолем. В отличие от мифологического образа жестокого воина герой Софокла изображен как благородный человек.

²⁰ *Улисс* — римская форма имени Одиссей.

²¹ «*Филоктет*» французский — трагедия Ж. Лагарпа «Филоктет» (1783).

²² Автор рецензии — А. С. Пушкин. Он отмечал самобытность поэтического слога Ф. Н. Глинки, но в целом несколько критически относился к его поэзии.

«Карелия, или Заточение Марфы Иоанновны Романовой» (1828—1830) наряду с «Девой карельских лесов» относится к «карельским» поэмам Ф. Н. Глинки. Отрывки из поэмы появились в 1829 г. в альманахах «Подснежник» и «Карманная книжка для любителей русской

старинны и словесности». Отдельным изданием «Карелия» вышла в 1830 г. ЛГ в № 6 за 1830 год сообщала о скором выходе произведения в свет. Она же первая оценила поэму Ф. Н. Глинки. Вслед за ЛГ на «Карелию» откликнулись «Русский инвалид» (1830, № 46), «Отечественные записки» (1830, № 5), «Северный Меркурий» (1830, № 22); «Северные цветы» на 1831 год. Эти печатные органы были солидарны с ЛГ в оценке поэмы.

«Карелия» вошла в 3-й том «Сочинений» Ф. Н. Глинки (1869—1872). В советское время она публиковалась в собраниях избранных произведений поэта 1949, 1957, 1986 гг.

Романова (Юрьева) Ксения Ивановна (в монастыре *Марфа*) (умерла в 1631) — жена Федора Никитича Романова, двоюродного брата царя Федора Иоанновича, мать царя Михаила Федоровича. В 1600 г. вместе со своими родственниками была сослана Борисом Годуновым якобы за попытку отравить его. В Москву Романовы были возвращены Аждмитрием после смерти Бориса Годунова в 1605 г. В примечаниях к поэме Ф. Н. Глинка писал: «Марфа Иоанновна Романова, прамагерь благополучно царствующего дома государей наших, заточена была по воле Бориса Годунова в Обонежской Пятине, в Выгозерском стане, в Егорьевском погосте, близ Толвуи и Чолмузи».

²³ *Кариоландия* — Карелия.

²⁴ *Патмос* — небольшой скалистый остров в Эгейском море, был местом ссылки у римлян. По преданию, римский император Домициан (I в. н. э.) сослал на Патмос евангелиста Иоанна, и тот написал здесь «Апокалипсис» — раннехристианское произведение, предсказывающее кончину мира.

²⁵ *Омир* — Гомер.

²⁶ *Шелойник* — юго-западный ветер. В примечаниях к поэме Ф. Н. Глинка писал: «Шелойником называется у онежан ветер, дующий с юго-запада. Есть пословица: «Ветер-шелойник — на Онеге разбойник!» Ибо ветер сей причиняет много вреда судам».

²⁷ *Сойма* — судно, используемое на Ладожском и Онежском озерах. В примечаниях к поэме Ф. Н. Глинка писал: «Сойма — особого рода крытая лодка, употребляемая на Онеге, часто бурной!»

²⁸ Римские поэты называли *Авзонией* Италию.

²⁹ *Кивач* — водопад на реке Суна в Карелии.

³⁰ Автор заметки — А. С. Пушкин.

³¹ Имеются в виду нападки «Московского телеграфа» (1830, № 1) и «Северной пчелы» (1830, № 12) на П. А. Вяземского за его статью «Отрывок из письма А. И. Готовцевой», опубликованную в альманахе «Денница» на 1830 год. В статье П. А. Вяземский обвинил современные ему журналы в «подемическом иступлении», за что литературные противники обрушились на него и на все пушкинское окружение.

³² *Софизм* — ложное умозаключение, формально кажущееся правильным.

³³ *Алеут* — коренной житель Алеутских островов.

³⁴ Автор заметки — А. С. Пушкин.

³⁵ Говоря о книгах по русской истории, А. С. Пушкин имеет в виду последовательно «Историю государства Российского» Н. М. Карамзина, «Историю Российскую» С. Н. Глинки и «Историю русского народа» Н. А. Полевого.

³⁶ Автор заметки предположительно П. А. Вяземский.

³⁷ *Лелевель* Иоахим (1786—1861) — польский историк и общественный деятель, идеолог освободительного движения в Польше.

³⁸ *Болеслав I* (967—1025) — князь и король польский, основатель Польского государства.

³⁹ Автор заметки — В. П. Лангер.

Номер характеризуется широким обращением к культуре, истории, творчеству разных народов: русских, евреев, индийцев, греков, поляков. Заканчивается публикация статьи П. А. Катенина о греческой поэзии, печатаются описание «Убранство знатной еврейки» и индийское предание — аллегорическое повествование В. Ф. Одоевского, имеющее философско-социальное звучание. Обращает на себя внимание сообщение о новых исторических русских романах: оно свидетельствует о начале развития этого жанра в России.

¹ Автор описания неизвестен, перепечатано из английского журнала «Blackwood's Magazine».

«Убранство знатной еврейки» — нравоописательный историко-этнографический очерк, представляет археологический интерес. Опыт подобного рода описаний старинной женской одежды, косметики использовал В. Скотт («Айвенго»), а впоследствии Г. Флобер («Салаambo»). В России в то время подробности женского туалета описывались в приложениях к картинкам мод в журнале Н. А. Полевого «Московский телеграф».

² *Талмуд* — собрание религиозных, этических, правовых норм иудаизма.

³ *Мирра, амбра, бизам* — ароматические вещества природного происхождения, широко использовались в парфюмерии.

⁴ *Оникс* — полудрагоценный камень, разновидность агата.

⁵ Имеется в виду часть Библии, называемая Пятикнижием, или Торой, состоящая из Бытия, Исхода, Левита, Числ, Второзакония.

⁶ *Иссон* — пахучее растение, содержащее эфирные масла.

⁷ *Нард* — растения, из которых в древности приготавливали ароматическое масло.

⁸ Упомянут библейский миф о Далиле, приказавшей отрезать у спящего Самсона волосы, в которых была скрыта его сила.

⁹ *Кашмир* (Кашмир) — область в Индии.

¹⁰ *Персеполь* (*Персеполис*) — город в древнем Иране. Основан в конце VI в. до н. э., захвачен и разрушен Александром Македонским в 330 г. до н. э.

¹¹ *Виссон* — дорогая материя, использовалась в древности для шитья богатых одежд.

¹² Автор аллегорического повествования — В. Ф. Одоевский.

¹³ *Райя* — податное население в странах Ближнего и Среднего Востока эпохи феодализма.

¹⁴ *Брамин* — индийский жрец. *Брама* — высшее божество у индийцев.

¹⁵ Стихотворение Е. П. Зайцевского — ответ на послание Д. В. Давыдова, опубликованное в ЛГ (1830, № 9). Вошло в сборник: В е р х о в с к и й Ю. Н. Поэты Пушкинской поры. — М., 1949. — С. 114—115. Помимо этого произведения, Е. П. Зайцевский опубликовал в ЛГ стихотворение «Книга природы» (1830, № 17). Печатался также в «Полярной звезде» на 1825 год, «Невском альманахе» (1826—1828), «Северных цветах» (1828—1829).

¹⁶ *Котурн* — здесь: высокое, торжественное начало в трагедии, прежде всего ее язык.

¹⁷ «*Эдип-царь*» — трагедия А. Н. Грузинцова (1812), «*Эдип в Афинах*» — трагедия В. А. Озерова (1804).

¹⁸ Речь идет о трагедиях Расина «*Эсфирь*» (поставлена и издана в 1689 г.) и «*Гофолия*» (поставлена в 1690, издана в 1691 г.).

¹⁹ *Козлоногие* — сатиры.

²⁰ *Аристофан* (ок. 446—385 до н. э.) — древнегреческий комедиограф. Автор пьес: «*Ахарняне*», «*Всадники*», «*Облака*», «*Осы*», «*Мир*», «*Птицы*», «*Лягушки*» и др.

²¹ *Лакедемон* — Спарта.

- ²² *Плавт* Тит Макций (сер. III в.—ок. 184 до н. э.) — римский комедиограф. Автор пьес «Ослы», «Вакхиды», «Привидение», «Псевдол» и др.
- ²³ *Теренций* Публий (ок. 195—159 до н. э.) — римский комедиограф. Автор пьес «Самоистязатель», «Евнух», «Братья», «Формион», «Сверков» и др.
- ²⁴ *Анакреон* (ок. 570—478 до н. э.) — древнегреческий лирик. Автор стихотворений о любви, жизненных наслаждениях. Оказал влияние на западноевропейскую и русскую поэзию.
- ²⁵ *Сафо* (Сапфо) (конец VII — VI вв. до н. э.) — древнегреческая поэтесса, представительница музыкально-песенной (мелической) лирики.
- ²⁶ *Пиндар* [ок. 518—442 (438) до н. э.] — древнегреческий поэт. Автор одических произведений.
- ²⁷ *Лонгин* (Дионисий Кассий) (умер в 273) — античный ритор и философ. П. А. Катенин имеет в виду эстетический трактат «О возвышенном», автором которого долго считался Лонгин.
- ²⁸ *Буало Никола* — см. сн. 29 к № 8.
- ²⁹ *Гезиод* (VIII — VII вв. до н. э.) — древнегреческий поэт, создатель назидательного эпоса. Автор дидактической поэмы «Дела и дни».
- ³⁰ *Родосский Аполлоний* (III в. до н. э.) — древнегреческий поэт и грамматик.
- ³¹ *Квинт Курций* (I в. н. э.) — римский поэт. Автор исторического сочинения об Александре Македонском.
- ³² *Нонн* (нач. V в.) — греческий поэт послеклассического периода.
- ³³ *Феокрит* (III в. до н. э.) — древнегреческий поэт. Создатель жанра идиллии.
- ³⁴ *Бион Смирнский* (II в. до н. э.) — древнегреческий поэт, писал в жанре буколической поэзии.
- ³⁵ *Мосх* (II в. до н. э.) — древнегреческий поэт. Автор идиллий.
- ³⁶ Видимо, имеется в виду «Антология» 1817 г.
- ³⁷ Автор рецензии предположительно О. М. Сомов.
- ³⁸ *Ольдекол Евстафий Иванович* (1787—1845) — писатель. Много переводил с русского языка на немецкий. Помимо указанного в рецензии словаря, составил «Карманный словарь российско-немецкий и немецко-русский» (1824—1826).
- ³⁹ *Греч Николай Иванович* (1787—1867) — писатель, филолог, редактор журнала «Сын отечества» (1812—1839), соиздатель «Северной пчелы» (1825—1860). Автор романов «Поездка в Германию» (1830) и «Черная женщина» (1834), «Пространной русской грамматики» (1827—1830), историко-литературных работ. Был близок с Булгариным, стоял на реакционных позициях, поэтому вызывал резкую критику литераторов пушкинского круга.
- ⁴⁰ *Рейф Карл-Филипп* (1792—1872) — лексикограф, преподаватель иностранных языков, переводчик.
- ⁴¹ *Буасш* (Буаш) Пьер Клод Виктор (1765—1824) — французский лексикограф.
- ⁴² Автор заметки предположительно О. М. Сомов.
- ⁴³ *Свицын Павел Петрович* (1787—1839) — литератор. В 1820 г. основал журнал «Отечественные записки», издавал его до 1830 г., а затем в 1838—1839 гг. Изучал русскую историю, особое внимание уделял эпохе Петра I.
- ⁴⁴ См. сн. 1 к № 1.
- ⁴⁵ Автор заметки предположительно О. М. Сомов.
- ⁴⁶ *Аладьин Егор Васильевич* (умер в 1860) — писатель, книгоиздатель. Издавал «Невский альманах» (1825—1833 и 1847—1848), а также альманахи «Букет, или Карманная книжка для любителей и любительниц театра» на 1829 год и «Подснежник» на 1830 год.

⁴⁷ Переводчик заметки предположительно В. И. Любич-Романович.

⁴⁸ *Карпинский Франц* (1741—1825) — польский поэт, представитель сентиментализма.

⁴⁹ *Красинский Валериан* (1780—1855) — министр народного просвещения в Польше.

Автор сочинений по истории и политике.

⁵⁰ *Дидот* (Дидо) Пьер (1760—1853) — французский типограф и книгопродавец.

Издатель произведения классических авторов.

⁵¹ *Таухниц* Карл Христоф Траугот (1761—1836) — немецкий типограф и книгопродавец. Издал произведения классических авторов.

НОМЕР 12

Этот номер наиболее полно показывает участие А. С. Пушкина в литературной борьбе того времени: помимо лирического стихотворения, здесь помещено пять его литературно-критических статей и заметок, в которых поэт дает оценку современным его литературным явлениям, ведет борьбу с Н. А. Полевым и Н. И. Надеждиным, защищает от нападок близких ему по духу литераторов.

¹ Имеются в виду, вероятно, художники древнегреческого города Тира (Тираса), славившегося ремеслами, художественными промыслами, торговлей.

² *Туника* — одежда у древних римлян, род рубашки.

³ *Псалтирь* — музыкальный инструмент, под который исполнялись духовные песни.

⁴ *Кимвал* — древний ударный музыкальный инструмент.

⁵ *Баядерки* — индийские танцовщицы и певицы.

⁶ *Малкольм* (Малькольм) Джон (1769—1833) — шотландский политический деятель, исполняя в Индии важные дипломатические поручения, в 1827—1831 гг. был губернатором Бомбея.

⁷ *Хитон* — древнегреческая одежда, род рубашки.

⁸ Речь идет, видимо, о Джоне Лейдене (1775—1811) — английском поэте и ориенталисте, переводчике с восточных языков, писавшем растянутые и неотделанные поэмы.

⁹ *in-octavo* — небольшого формата (в 1/8 часть листа).

¹⁰ По библейскому преданию, Юдифь пленила ассирийского полководца Олоферна своей красотой, а потом отрубила ему голову его же мечом (см. сн. 35 к № 5).

¹¹ Первая публикация стихотворения А. С. Пушкина. Без изменений вошло в собрания сочинений поэта. Пушкин обращается к московскому митрополиту Филарету (1782—1867).

¹² *Фети* (Фетис) Франсуа Жозеф (1784—1871) — бельгийский музыковед и композитор. Автор трудов по истории и теории музыки, в частности биографического музыкального словаря (1837—1844), «Всеобщей истории музыки» (1869—1876). В 1827—1835 гг. издавал в Париже журнал «Revue Musicale», из которого и была перепечатана данная статья.

¹³ *Каданс* — ритм в танце.

¹⁴ *mezza-voce* — средний голос.

¹⁵ *in-fa* — в фа-мажор.

¹⁶ *in-ul* — в до-минор.

¹⁷ *Мартиника* — остров в Вест-Индии.

¹⁸ *Глюк* Кристоф Виллибальд (1714—1787) — австрийский композитор. Одна из его опер — «Ифигения в Авлиде» (либретто Ф. дю Рулле по трагедии Ж. Расина, 1774).

¹⁹ Автор заметки — А. С. Пушкин.

²⁰ Имеются в виду «Письма князя Александра Даниловича Меншикова».

²¹ Помимо «Сказок о кладах», в «Невском альманахе» на 1830 год были опубликованы произведения О. М. Сомова «Усопшей» и «Сказание о храбром витязе Укрюме Табушнике».

²² Н. М. Языков поместил в «Невском альманахе» на 1830 год «Элегию» («Ты восхитительна, ты всем обворожаешь!..»), «А. Д. М-у», «Прощальную песню».

²³ Имеется в виду Н. А. Полевой, пародировавший в «Московском телеграфе» поэтов пушкинского круга.

²⁴ Автор статьи — А. С. Пушкин. Статья 1 была помещена в № 4 ЛГ.

²⁵ Барант Амабль-Гильом-Проспер-Брюжьер (1782—1866) — французский государственный деятель, историк, публицист. Защитник монархии. Главный исторический труд — «История герцогов бурбонских из дома Валуа» (1824—1826).

²⁶ Тьерри Огюстен (1795—1856) — французский историк, изучал социально-экономические факторы исторического процесса. Защитник монархии. Автор трудов «О преобразовании европейского общества» (1814), «Письма об истории Франции» (1827), «История завоевания Англии норманнами» (1825), «Десять лет исторической науки» (1835).

²⁷ Неофит — человек, недавно обращенный в веру.

²⁸ Татищев Василий Никитич (1686—1750) — государственный деятель, историк. Положил начало этнографии, источниковедения в России, составил первый энциклопедический словарь. Автор «Истории Российской с самых древнейших времен» (кн. 1—5, 1768—1848).

²⁹ Розенкампф Густав Андреевич (1762—1832) — русский юрист, историк-дилетант. Автор «Обозрения Кормчей книги» (1829).

³⁰ Каченовский Михаил Трофимович (1775—1842) — журналист, историк. Редактор журнала «Вестник Европы» (1805—1830), в котором развивал консервативно-классическое направление. М. Т. Каченовский выступил с критикой Н. М. Карамзина и его труда «История государства Российского». Литераторы пушкинского круга возражали Каченовскому. А. С. Пушкин написал на него ряд эпиграмм.

³¹ Речь идет о походе киевского князя Олега (умер в 912) на Константинополь — столицу Византии — в 907 г.

³² Имеется в виду летописный свод начала XV в., который долгое время хранился в библиотеке Троице-Сергиева монастыря. Троицкая летопись сгорела во время московского пожара 1812 г.

³³ Скальды — древние певцы и поэты Ирландии и Скандинавии.

³⁴ Берсеркер — по скандинавской саге, могучий богатырь. Его именем называли отважных бойцов.

³⁵ Ольга (ок. 890—969) — великая киевская княгиня, укрепила и расширила киевские владения, организовала административные центры.

³⁶ Пушкин говорит о Владимире Всеволодовиче Мономахе (1053—1125) — великом киевском князе, который добился значительного усиления Киевской Руси, объединил многие русские земли, прекратил княжеские междоусобицы.

³⁷ *Maitre renard, peut-être on vous croirait...* — господин лис, быть может, вам поверят... (фр.) А. С. Пушкин приводит несколько измененную концовку эпиграммы Ж.-Б. Руссо.

³⁸ Имеется в виду резко критическая статья Н. И. Надеждина об «Истории русского народа» Н. А. Полевого в журнале М. Т. Каченовского «Вестник Европы».

³⁹ *& tu autem, Vrate!* — и ты, Брут! (лат.). А. С. Пушкин приводит слова Юлия Цезаря, с которыми тот обратился перед смертью к своему другу Марку Юнию Бруту, оказавшемуся в числе его убийц.

⁴⁰ Издатель «Московского вестника» — М. П. Погодин.

⁴¹ Цитата из сказки «Дурень», вошедшей в сборник «Древние российские стихотворения, собранные Киршею Даниловым».

⁴² Автор заметки — А. С. Пушкин. Заметка является ответом на выпады Н. А. Полевого против «Литературной газеты» и ее сотрудников.

⁴³ Имеется в виду «История русского народа» Н. А. Полевого.

⁴⁴ Заметка А. С. Пушкина явилась откликом на статью С. Е. Раича в журнале «Галатея» (1830, № 4). См. сн. 43 к № 2.

⁴⁵ Автор перевода — В. И. Любич-Романович. *Brut d'Angleterre* — имеется в виду повествование о легендарном основателе Лондона («новой Трои»), потомке троянца Энея Бруте, прибывшем в Англию из Италии.

⁴⁶ Автор заметки — А. С. Пушкин.

⁴⁷ Имеется в виду героиня комедии В. Шекспира «Как вам это понравится?».

⁴⁸ А. С. Пушкин пишет о статье Н. И. Надеждина «О настоящем злоупотреблении и искажении романтической поэзии», опубликованной в «Вестнике Европы» (1830, № 1, 2). Н. И. Надеждин считал, что время романтизма давно прошло, и был сторонником синтетического искусства, которое должно соединить в себе достоинства классицистической и романтической литературы. Он критически относился к современной ему поэзии, в том числе и к творчеству А. С. Пушкина. Поэт отвечал ему эпиграммами и насмешливыми выпадами.

НОМЕР 13

В номере представлены разнохарактерные произведения А. С. Пушкина. Центральное место занимает отрывок из романа «Арап Петра Великого», развивающий очень важную для А. С. Пушкина тему Петра I. Здесь же его лирическое и критическое произведения. Отвечает интересам Пушкина и обращение к личности и жизни Байрона: ЛГ начинает публикацию обширных сообщений об английском романтике.

¹ Отрывок из неоконченного исторического романа А. С. Пушкина «Арап Петра Великого». Над романом А. С. Пушкин работал в 1827—1828 гг. Это первое его большое прозаическое произведение. При жизни автора были опубликованы лишь два отрывка из романа: первый — в «Северных цветах» на 1829 год, второй — в ЛГ, где был помещен фрагмент III главы произведения. В 1834 г. этот отрывок вошел в сборник «Повести, изданные Пушкиным». В 1837 г. в журнале «Современник» опубликованы все написанные Пушкиным главы под названием «Арап Петра Великого».

В окончательной редакции текст отрывка тот же, что и в ЛГ. Есть лишь два небольших расхождения, и даны полные имена героев.

Ассамблея — танцевальный вечер у Петра I, устраиваемый по западноевропейскому образцу.

² Голиков Иван Иванович (1735—1801) — историк, изучавший эпоху Петра I. Автор сочинения «Деяния Петра Великого», вышедшего в 1788—1789 гг., и «Дополнений» к нему (1790—1797).

³ Имеется в виду альманах «Русская старина. Карманная книжка для любителей отечественного на 1825 год», изданный декабристом, членом Южного общества Александром Осиповичем Корниловичем в 1824 г. Первое отделение альманаха было посвящено русским нравам при Петре I. Книга была очень популярна, и в 1825 г. состоялось второе ее издание. А. С. Пушкин напоминает о произведении автора, находящегося в это время в Петропавловской крепости.

⁴ *Роба* — женская верхняя одежда времен Петра I.

⁵ *Фижмы* — женская юбка на широком каркасе.

⁶ Романова (Нарышкина) Наталья Кирилловна (1651—1694) — мать Петра I.

⁷ *Робронд* — широкое парадное платье XVIII в.

⁸ *Мангилья* — короткая женская накидка.

⁹ *Канифасный* — сшитый из хлопчатобумажной белой ткани с продольными полосками.

¹⁰ В Полн. собр. соч. далее следует предложение, отсутствующее в ЛГ: «Корсаков не мог опомниться».

¹¹ «*Que diable est-ce que tout cela?*» — «Что за чертовщина все это?» (фр.)

¹² Корсаков.

¹³ Ибрагим.

¹⁴ *Менуэт* — старинный плавный французский танец.

¹⁵ Человек, нарушивший правила этикета на ассамблеях Петра I, должен был выпить большой кубок вина.

¹⁶ Гаврила Афанасьевич.

¹⁷ Пересказал индийскую сказку В. Ф. Одоевский. Первая публикация. В 1889 г. сказка вошла под названием «О четырех глухих» в сборник В. Ф. Одоевского «Сказки и рассказы дедушки Иринея».

¹⁸ Стихотворение написано А. С. Пушкиным в 1829 г. Некоторые исследователи предполагали, что А. С. Пушкин имел в виду Аграфену Федоровну Закревскую, другие (Б. В. Томашевский) не согласились с этим суждением. Первая публикация. В 1832 г. вошло в сборник «Стихотворения Пушкина», причем в 17-й строке вместо слова «мутительной» было напечатано «мучительной». С этим изменением стихотворение печатается во всех собраниях сочинений А. С. Пушкина. Н. О. Лернер высказал предположение, что это не новая редакция текста, а опечатка. (Лернер Н. О. Опечатка или поправка?//Пушкин и его современники.— Вып. XXIX — XXX.— С. 4—6.)

В последующих номерах ЛГ опубликованы лирические стихотворения А. С. Пушкина: «Отрывок из послания к Языкову» (1830, № 16), «В альбом» («Что в имени тебе моем») (1830, № 20), «Послание к к. Н.Б.Ю.***» (1830, № 30), «Калмычке» (1830, № 38), «Арион» (1830, № 43), «Кавказ» (1831, № 1), «Мадона» (1831, № 15).

¹⁹ Первая публикация стихотворения В. Г. Теплякова «Четыре времени жизни». Впоследствии оно вошло в сборник «Стихотворения Виктора Теплякова» 1832 г.

²⁰ Платон [428(427) — 348(347) до н. э.] — древнегреческий философ-идеалист, ученик Сократа.

²¹ Валла Лоренцо (1407—1457) — итальянский гуманист, противник аскетизма. Автор философских трактатов, исторических произведений, комментатор и переводчик древних авторов.

²² Рафф Антон (1714—1797) — немецкий певец.

²³ Фаринелли Карло-Броски (1705—1782) — итальянский певец-сопранист.

²⁴ Плутарх (ок. 46 — ок. 120) — древнегреческий писатель, философ, историк. Главный труд — «Сравнительные жизнеописания».

²⁵ Феофраст (372—287 до н. э.) — древнегреческий философ, ученый, оратор, писатель. Ученик и последователь Аристотеля.

²⁶ Галиен (Гален) (129—199) — древнеримский врач и философ. Последователь Гиппократ, Платона, Аристотеля. Один из основных трудов — «История философии».

²⁷ Димербрёк (1609—1674) — голландский медик.

²⁸ Бонне Шарль (1720—1793) — швейцарский естествоиспытатель и философ.

²⁹ Бальиви Юрий (1668—1707) — ученый и врач. Профессор анатомии и хирургии.

³⁰ Кирхер Афанасий (1602—1680) — немецкий ученый, занимался физикой, математикой, естественными науками, лингвистикой, историей, теологией.

³¹ Десо (1744—1795) — французский хирург.

³² Долар Дени (1634—1707) — французский ученый и врач.

³³ Здесь и ниже называются следующие сочинения о целебной силе музыки:

«Лечебница, в которую предаются страдающие болезнями кожи» (лат.).

«О тарантуле и способности музыки излечивать от его укусов» (лат.).

«Рассуждение о музыке» (лат.).

«Лечебные свойства музыки» (лат.).

«Неслыханные дотоле философские размышления о силе музыки» (лат.).

«Рассуждение о музыке» (лат.).

«Рассуждение о Сауле, исцеленном музыкой» (лат.).

«Рассуждение о действии музыки на человека» (лат.).

«Физический трактат о действии музыки на живое тело» (лат.).

«Связь музыки с искусством врачевания» (нем.).

«Рассуждение об эффектах, вызываемых, поощряемых или умеряемых силой музыки» (лат.).

«Об употреблении и полезности музыки в медицине» (лат.).

«Рассуждение в вопросах, способствует ли музыка врачеванию болезней» (лат.).

«Целебность музыки» (лат.).

«Рассуждение о брачном союзе музыкального искусства с медициной» (лат.).

«Опыт о воздействии звука и музыки на человеческое тело» (лат.).

«Опыт о музыке в ее отношении к медицине» (фр.).

³⁴ В зависимости от того, какую цель преследовала магия — счастье или несчастье, — она подразделялась на белую и черную.

³⁵ Автор заметки предположительно А. А. Дельвиг.

Baumeyster (1708—1785) — немецкий философ-метафизик.

³⁶ *Вольф Христиан* (1679—1754) — немецкий философ, популяризатор и систематизатор идей Лейбница.

³⁷ *Лейбниц* Готфрид Вильгельм (1646—1716) — немецкий философ-идеалист, математик, физик, историк, языковед, юрист.

³⁸ *Оселок* — кремнистый камень, на котором точат металлические изделия.

³⁹ Автор рецензии предположительно В. И. Любич-Романович.

Имя Байрона привлекало к себе внимание А. С. Пушкина и его друзей, потому и в ЛГ неоднократно печатались материалы об английском поэте-романтике. Вслед за откликом на «Записки лорда Байрона», изданные Т. Муром, в № 14, 15 ЛГ был помещен перевод статьи Лея Гунта «Лорд Байрон и некоторые из его современников».

⁴⁰ *Adieu, adieu! my native shore, etc.* — Прощай, прощай, мой родной берег, и т. д. (англ.).

⁴¹ В ЛГ опечатка: «Задержки» вместо «Задержи».

⁴² Автор сообщения — О. М. Сомов.

⁴³ *Федоров* Борис Михайлович (1794—1875) — поэт, драматург, журналист, детский писатель.

⁴⁴ *Кайданов Иван Кузьмич* (умер в 1843) — педагог, писатель, профессор Царскосельского лицея. Автор учебников по истории.

⁴⁵ Автор заметки — А. С. Пушкин.

⁴⁶ *obtrectatores* — завистники (лат.).

⁴⁷ Автор заметки — О. М. Сомов. Речь идет о «Сборнике древних и современных заведений».

⁴⁸ *Гаррик* Давид (1716—1779) — английский актер, поставил на сцене несколько пьес Шекспира.

⁴⁹ Автор сообщения предположительно О. М. Сомов.

⁵⁰ *Эленшлегер* Адам (1779—1850) — датский поэт-романтик.

В КНИГЕ ДАНЫ ПОРТРЕТЫ:

- С. 9. А. Погорельский
С. 20. Н. Н. Раевский
С. 27. П. А. Вяземский
С. 31. Н. И. Гнедич
С. 37. Д. И. Фонвизин
С. 46. Гомер
С. 57. П. А. Катенин
С. 60. А. Смирдин
С. 61. Н. М. Карамзин
С. 70. П. А. Вяземский
С. 72. М. Н. Загоскин
С. 79. В. Г. Тепляков
С. 89. Е. А. Баратынский
С. 90. Адам Мицкевич
С. 97. В. К. Кюхельбекер
С. 98. Вильям Шекспир
С. 111. Д. В. Давыдов
С. 115. И. В. Киреевский
С. 139. Д. В. Давыдов
С. 143. Ф. Н. Глинка
С. 154. В. Ф. Одоевский
С. 173. Н. М. Языков
С. 179. А. С. Пушкин
С. 188. Джордж Байрон

СОДЕРЖАНИЕ

«Литературная газета». Т. I. № 1	7
«Литературная газета». Т. I. № 2	21
«Литературная газета». Т. I. № 3	35
«Литературная газета». Т. I. № 4	49
«Литературная газета». Т. I. № 5	63
«Литературная газета». Т. I. № 6	77
«Литературная газета». Т. I. № 7	91
«Литературная газета». Т. I. № 8	105
«Литературная газета». Т. I. № 9	121
«Литературная газета». Т. I. № 10	135
«Литературная газета». Т. I. № 11	149
«Литературная газета». Т. I. № 12	163
«Литературная газета». Т. I. № 13	177

Приложения

Послесловие <i>В. Н. Касаткиной</i> . . .	191
Комментарий <i>Т. К. Батуровой</i> . . .	207

**ЛИТЕРАТУРНАЯ
Г А З Е Т А
А.С.ПУШКИНА И А.А.ДЕЛЬВИГА**

1830 ГОД №13

Редактор Э. С. СМИРНОВА
Художественный редактор Г. В. ШОТИНА
Технический редактор Л. А. ФИРSOVA
Корректоры Л. М. ЛОГУНОВА, Н. Д. БУЧАРОВА, Т. Б. ЛЫСЕНКО

ИБ № 4746

Сдано в набор 20.04.87. Подп. в печать 19.05.88. Формат 70×90/16. Бумага
офсетная № 2. Гарнитура академическая. Печать офсетная. Усл. п. л. 18,72.
Усл. кр.-отг. 19,31. Уч.-изд. л. 20,15. Тираж 30 000 экз. Заказ 165. Цена 2 р. 50 к.
Изд. инд. ЛХ-158.

Ордена «Знак Почета» издательство «Советская Россия» Государственного комитета
РСФСР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. 103012, Москва,
проезд Сапунова, 13/15.

Книжная фабрика № 1 Росглавополиграфпрома Государственного комитета РСФСР
по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. 144003, Электросталь
Московской области, ул. им. Тевосяна, 25.